

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

Ариф Алиев

**ТАЙНЫ СЕМЬИ
ПРОРОКА МУХАММАДА**

Монография

**МОСКВА
2020**

УДК 94(5); 929
ББК 86.2; 86.38
А 50

Рецензенты:

A.B. Гордон – доктор исторических наук
B.C. Мирзеханов – доктор исторических наук

Алиев А.А.

А 50 **Тайны семьи пророка Мухаммада:** Монография / РАН.
ИНИОН. – М., 2020. – 271 с.
ISBN 978-5-248-00488-1

Какие тайны можно обнаружить в биографиях ближайших родственников пророка ислама Мухаммада? Как их деяния и поступки сказалась на появлении коранических предписаний и развитии ранней истории ислама? Об этом можно узнать из полных загадок судеб обитателей дома Пророка: его жен и наложниц, детей и внуков.

Для широкого круга читателей, интересующихся проблемами становления и развития мусульманского государства.

УДК 94(5); 929
ББК 86.2; 86.38

ISBN 978-5-248-00488-1

© ИНИОН РАН, 2020
© Алиев А.А., 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	5
ПРОЛОГ. В ПОИСКАХ «РОЖДЕСТВА» ПРОРОКА	8
ЖЕНЩИНЫ МУХАММАДА	20
Жены Мухаммада	22
Хадиджа	23
Сауда	38
‘А’иша	45
Хафса	66
Зайнаб бинт Хузайма	73
Умм Салама	77
Джувайрия	84
Зайнаб бинт Джашш	88
Сафийа	100
Рамла	104
Маймуна	108
Неконсуммированные браки	121
Наложницы	122
Райхана	122
Мария Коптянка	124
Отдавшие себя Пророку	128
УКЛАД ЖИЗНИ И БЫТ СЕМЬИ ПРОРОКА	130
ДЕТИ МУХАММАДА	142
Сыновья Мухаммада	142
Зайд ибн Хариса (ибн Мухаммад)	143
Ал-Касим	161

‘Абдаллах	163
Ибрахим	165
Дочери Мухаммада	169
Зайнаб	170
Рукайя	175
Умм Кулсум	180
Фатима	185
ЗЯТЬ МУХАММАДА	197
‘Али ибн Аби Талиб	197
ТРЕТЬЕ ПОКОЛЕНИЕ	221
Внуки Мухаммада	221
Умама бинт Аби-л-‘Ас	222
Рукайя бинт ‘Али ибн Аби Талиб	223
Зайнаб бинт ‘Али ибн Аби Талиб	224
Умм Кулсум бинт ‘Али ибн Аби Талиб	226
Внуки Мухаммада	228
‘Абдаллах ибн ‘Усман ибн ‘Аффан	228
‘Али ибн Аби-л-‘Ас	229
Мухсин ибн ‘Али ибн Аби Талиб	230
Ал-Хасан ибн ‘Али ибн Аби Талиб	232
Ал-Хусайн ибн ‘Али ибн Аби Талиб	242
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	256
ГЛОССАРИЙ	259
ЛИТЕРАТУРА	265

ОТ АВТОРА

«У Магомета... детей... не было».

На такую констатацию можно наткнуться, читая изданный посмертно сборник исторических работ «Тайны истории» российского востоковеда И.В. Можейко, который более известен как писатель-фантаст, публиковавший труды под псевдонимом Кир Булычёв¹. Для людей, исповедующих ислам, это утверждение звучит столь же нелепо, как для россиян заявление о том, что Ленин был многодетным отцом. Оно удивительно не только тем, что не имеет ничего общего с исторической правдой, но и тем, что это положение было автором у кого-то заимствовано: такое нельзя в одночасье выдумать, сидя за письменным столом. А ведь речь идет о пророке ислама Мухаммаде, чья биография вот уже в течение 1300 лет достаточно подробно описывается в несчетных трудах историков и исламоведов, и споры среди них ведутся лишь относительно того, сколько родных детей у него было: три? пять? девять?

Непризнание наличия потомства у Пророка противоречит религиозно-политической картине последующего развития арабо-мусульманской цивилизации, из истории которой необъяснимым образом должны исчезнуть потомственные Алиды и восходящие к ним правившие династии, ведущие свое родство от самого Мухаммада через его дочь Фатиму, начиная с Идрисидов Марокко и кончая *шарифами* Мекки, от которых ведут свое происхождение короли Ирака и Иордании.

При этом парадокс заключается в том, что чем обширнее становится биографический материал, посвященный пророку Мухаммаду и его семейству, тем больше появляется разнотечений в жизнеописаниях основоположника ислама и его близких.

¹ Можейко. С. 425.

Данное обстоятельство выглядит странным. Так же, как и в христианстве, где житие Иисуса Христа дается исходя из положений, содержащихся в четырех канонических Евангелиях (от Матфея, от Луки, от Марка и от Иоанна) и ряде апокрифов, в исламе описания жизни и деяний Мухаммада базируются на данных, изложенных в ранних жизнеописаниях Пророка (*сийараах*), а также в рассказах о жизни и деятельности Мухаммада (*хадисах*). Самыми известными и наиболее цитируемыми биографиями Пророка были Ибн Исхак и Ибн Хишам.

Абу ‘Абдаллах Мухаммад ибн Исхак ибн Йасар ал-Мутталиби (704–767) был автором несохранившегося труда *Хаза китаб сират расул Аллах* («Это книга жизнеописания Посланника Аллаха»), написанного по поручению второго багдадского халифа ал-Мансура (754–775).

Текст «Жизнеописания» (*Сира*) Ибн Исхака дошел до нас в виде обширных выдержек в работе Абу Мухаммада ‘Абд ал-Малика ибн Хишама ибн Айуба ал-Химайари (? – не позднее 834 г.), написавшего собственную *Сиру – Мухтасар сират ан-наби...* («Полное жизнеописание Пророка...»). Ибн Хишам отредактировал *Сиру* ибн Исхака, добавил в нее новый фактографический материал и снабдил текст грамматическими комментариями.

Несмотря на признанный авторитет этого коллективного труда, многие из более поздних авторов сочли возможным дать собственные трактовки биографий Мухаммада и членов его семьи. В результате последующих наслойений многие факты биографии Пророка обрели легендарный и / или агиографический характер. Но допустимое в трудах религиозной направленности напыщенное неправдоподобное жизнеописание не должно существовать в текстах историографов.

Известно, что многие эпизоды жизни Пророка и его семьи нашли отражение в тексте Корана и оказали влияние на развитие мусульманской догматики. Но без точного знания деталей и перипетий жизни Мухаммада и его ближайшего окружения сложно, а порой невозможно адекватно трактовать положения Священного писания мусульман.

Не менее важным для нас является то обстоятельство, что хронология периода зарождения ислама базируется на датах жизни не только самого Мухаммада, но и членов его семьи. Вот, к примеру, какую выверенную с точностью до дня синхронизацию событий и возраста Мухаммада предоставляет нам Абу Дж‘а‘фар Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми (787–850). Этот выдающийся средневековый математик, астроном и географ в книге *Китаб ат-та‘рих* («Книга истории») подсчитал, что Мухаммад получил дар пророчества, когда ему было 39 лет 11 месяцев и 28 дней. Свадьба его дочери Фатимы и ‘Али состоялась, когда Пророку было 53 года 9 месяцев и 1 день. Рождение внука – ал-Хусайна ибн ‘Али – произошло, когда Мухаммаду исполнилось 56 лет 4 месяца и 27 дней и т.п.¹

¹ См.: Бируни. С. 138, 140.

Такая точность должна поражать, если не принимать в расчет одно немаловажное обстоятельство: неоспоримая дата рождения Мухаммада неизвестна, и дискуссии по этому поводу ведутся до сих пор.

Остановимся на этом вопросе подробнее и посмотрим, как пытаются выявить эту важную для истории и по сей день неуловимую точку отсчета.

На обложку помещена турецкая миниатюра с изображением пророка Мухаммада и его жен. В тексте книги в качестве иллюстраций использованы преимущественно восточные миниатюры XVI–XIX вв.

Значения арабских терминов и выражений, выделенных курсивом, помещены в глоссарии.

ПРОЛОГ В ПОИСКАХ «РОЖДЕСТВА» ПРОРОКА

Со времен доисламского «невежества» (*джахилийа*) и вплоть до введения мусульманского летоисчисления жители Аравийского полуострова вели отсчет времени от памятных дней, отражавших различные знаменательные события. Не были исключением и представители племени Курайш, населявшего Мекку и ее окрестности, к которому принадлежал пророк Мухаммад. При его жизни к числу таких событий относились, в частности:

- год смерти родоначальника Кусайя ибн Килаба (первой исторически достоверной личности в генеалогии курайшитов),
- «год слона»,
- период войны ал-Фиджар,
- год перестройки мекканского храма Ка‘ба.

Более поздняя датировка, при которой за начало отсчета лет принимается дата переселения (*хиджра*) первых мусульман из Мекки в Йасриб (Медину) в 622 г., вероятно, осуществлялась по лунным месяцам (12 лунных месяцев составляли 354 дня) без запрещенных в Коране корректирующих вставок (*нисий*). При этом точно не известно, как счет годам велся во времена *джахилийи*. Данное обстоятельство позволяет современным историкам-востоковедам утверждать, что до *хиджры* практически ни одно из событий в аравийской истории не может быть точно датировано.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что реальной даты рождения Мухаммада не знали даже его родственники и сподвижники. Наиболее ярко это неведение проявило себя на третьем году правления второго пра-ведного халифа ‘Умара ибн ал-Хаттаба (634–644), когда он принял решение о введении мусульманского летоисчисления.

Толчком к этому послужило полученное им в 637 г. обращение полководца, наместника (*вали*) города Басры Абу Мусы ал-Аш‘ари, где говорилось: «К нам приходят от тебя письма, у которых нет даты»¹. Халиф понял, что отсутствие единой хронологии вносит путаницу не только в управление войсками, находившимися в самом разгаре войны с Византией и Сасанидским Ираном, но и выступает препятствием на пути развития молодого мусульманского государства. Он собрал сподвижников Пророка, прочих сведущих людей и спросил у них совета на этот счет. Среди них находился и плененный в Иране шахский наместник (*сатрап*) провинции Хузистан из рода Сасанидов по имени Хурмузан, проконсультировавший ‘Умара о порядке летоисчисления, принятом у византийцев и персов.

Некоторые из присутствующих согласились с предложением Хурмузана ничего не придумывать и вести счет годам по летоисчислению, принятому или в Византии, или в Сасанидском Иране. В этих странах за точку хронологического отсчета принимали соответственно: дату начала правления Селевка I Никатора (эра Селевкидов, или эра Александра) и день восшествия на престол очередного шахиншаха (таковым был Йездигерд III, коронованный на рубеже 632 и 633 гг.). Однако ‘Умар отклонил эти соображения, так как склонялся к введению «собственного», мусульманского календаря, отличного от того, которому следовали иноверцы, христиане-византийцы и зороастрейцы-персы.

Халиф справедливо полагал, что за начальную дату мусульманской эры целесообразней было бы принять некое эпохальное событие, связанное либо с жизнью Пророка, либо с зарождением ислама. При этом не приемлемым ‘Умар посчитал ведение отсчета времени со дня смерти Мухаммада, хотя он был хорошо известен (после смерти Пророка прошло всего лишь пять лет): не годится делать праздником день скорби по усопшему Пророку ислама. Свою роль сыграло и то, что в это время в Иране господствовал счет лет от начала правления Йездигерда III, которое случайно совпало с годом смерти Пророка ислама (632).

Не вызывало возражений решение начать исчисление мусульманского календаря со дня ниспослания Мухаммаду первого коранического откровения. Было известно, что это событие произошло ночью неподалеку от Мекки в пещере на горе Хира – *Джабал ан-нур* (Гора света). В эту ночь, получившую название *Лайлэт ал-Кадр* (Ночь Предопределения / Могущества), перед Мухаммадом впервые явился Джабраил (Джибрил, архангел Гавриил) и произнес: «Читай! Во имя Господа твоего, который сотворил – сотворил человека из сгустка. Читай! И Господь твой щедрейший, который научил каламом, научил человека тому, чего он не знал»².

¹ Цит. по: Бируни. С. 41.

² Коран, 96:1–5, перевод Крачковского.

Мухаммад получает первое откровение*

Беда была в том, что точная дата этого события осталась неизвестной. Позже, при составлении первых жизнеописаний пророка Мухаммада, большинство мусульманских историографов сошлись во мнении, что его первая встреча с Джабраилом состоялась 17 числа месяца рамадана 920 г. эры Селевкидов, т.е. в 610 г. от Рождества Христова, на сороковом году жизни Пророка. Но халиф ‘Умар не мог этого знать, так как его уже не было в живых.

Идеальным выглядел вариант начать мусульманскую эру со дня или хотя бы года рождения Пророка ислама. Но тут возникла означенная проблема, которую подытожил в книге *Ал-Асар ал-бакийа* («Памятники минувших поколений») знаменитый энциклопедист из Хорезма Абу Райхан Мухаммад ибн Ахмад ал-Бируни (973–1048): «...О времени рождения [Мухаммада] и его выступления как Пророка, – писал он, – существует такое разногласие, которое не позволяет положить [эти события] в основу того, в чем не должно быть разноречий»¹. Точно известно было лишь то, что будущий Пророк ислама родился во времена долгого правления шахиншаха Сасанидского Ирана Хосрова I Ануширвана (531–579), имя которого арабы произносили как Хусрай или Кисра.

* Здесь и далее изображения предоставлены автором монографии.

¹ Бируни. С. 41–42.

И как в этой ситуации следовало поступить ‘Умару, хотя даже столетия спустя, когда уже были написаны многочисленные авторитетные жизнеописания Пророка, полной ясности относительно даты его рождения так и не было? В окружение халифа входил, возможно, единственный человек, который мог бы засвидетельствовать дату рождения Пророка. Таковым был Хаким ибн Хизам, племянник Хадиджи, первой жены Мухаммада, умерший в 670 или 674 г. и проживший, с его собственных слов, 120 лет. Однако к концу 630-х годов он был уже глубоким стариком и точно не помнил, когда произошло знаменательное в истории ислама событие. Как отмечал известный отечественный востоковед О.Г. Большаков, «...трудно поверить, чтобы запомнилась дата рождения одного из многочисленных, ничем не приметных младенцев»¹. Сюда можно добавить, что в те годы у арабов не существовало традиции запоминать дни рождения. И человек, рассказывающий о своем возрасте, мог ответить: «Я родился после похода слона» или «во время перестройки Ка‘бы» и т.п.

В итоге халиф ‘Умар решил начать мусульманское летоисчисление с хиджры – дня переселения мусульман из Мекки в Медину. «Наиболее ясной и далекой от сомнений датой, – писал ал-Бируни, – была хиджра и прибытие [Пророка] в Медину. Это случилось в понедельник, когда прошло восемь ночей месяца Раби первого, а начало года попало на четверг. ‘Умар остановился на этой эре и стал считать от нее то, что ему было нужно...»². Здесь следует уточнить, что Мухаммад, по таким подсчетам, прибыл в селение Куба под Мединой 20 сентября 622 г., восьмого числа третьего по счету месяца раби‘ I (*раби‘ ал-аввал*). Наряду с этим назывались и другие даты: второго и двенадцатого раби‘ I³. Однако это было уже не столь важно, так как первым днем первого мусульманского нового года ‘Умар определил первое число месяца *мухаррам*, с которого арабы начинали отсчет месяцам (16 июля 622 г.). Новое летоисчисление стали применять с 658 г.

Некоторые мусульманские ученые, такие как историк и ‘улем Абу Дж‘афар Мухаммад ат-Табари (838/9–923) и историограф и переводчик Ахмад ибн Йахая ибн Джабир ал-Балазури (ок. 820–893), часто датировали события аравийской истории по счету лет, принятому в Сасанидском Иране. При такой синхронизации, отмечал О.Г. Большаков, получалось, что рождение Мухаммада произошло, скорее всего, «на 40-м или 42-м году правления Хосрова Ануширвана... т.е. в 570–573 гг.»⁴. Это сообщение подтверждается сведениями, которые приводил ал-Бируни, цитируя передатчика *хадисов* Амира ибн Шарахила аш-Ша‘би (640–721): «О рождении

¹ Большаков, 1989. С. 64.

² Бируни. С. 41.

³ См., например: Бируни. С. 374; Ислам: Энцикл. С. 278; Ньюби. С. 302; EI, vol. III. P. 366; ИН. Р. 281.

⁴ Большаков, 1989. С. 236.

Пророка сообщают, что оно произошло в ночь на понедельник второго, но говорят – и на восьмое, и на тринадцатое число месяца Раби первого. Затем передают, что это было в сороковом году царствования Хосроя Ануширвана, но говорят также: “в сорок втором”, а говорят и в сорок третьем. В соответствии с таким разногласием есть расхождение и насчет продолжительности жизни [Пророка]¹.

По мнению ал-Хорезми, высказанному в «Книге истории», на которое ссылается и с которым солидарен ал-Бируни, Мухаммад родился «в ночь на понедельник 17 Дей-Маха в сорок втором году царствования Ануширвана или 20 Нисана 882 года эры Александра...»². Знаменитый средневековый историк Исма‘ил ибн ‘Умар ал-Бусри, наиболее известный как Ибн Касир (1301–1373), считал, что Мухаммад, «вероятнее всего», родился в понедельник девятого числа месяца рabi I (апрель 571 г.)³.

Амина, мать Мухаммада, показывает новорожденного мекканцам

Его не менее известный предшественник Абу-л-Хасан ‘Али ибн Мухаммад, чаще именуемый как Ибн ал-Асир (1160–1233), писал в труде *Ал-Камил фи-т-та’рих* («Полный свод истории»), что Мухаммад родился

¹ Цит. по: Бируни. С. 42.

² Бируни. С. 138.

³ Ибн Касир. С. 393.

за 7 лет и 8 месяцев до смерти Хосрова Ануширвана, т.е. в 571/72 г.¹ Однако все эти данные скорее всего результат несложных обратных отсчетов от даты смерти Пророка, а не исторический факт. К примеру, ал-Хорезми полагал, что Пророк умер, прожив 62 года 9 месяцев и 9 дней².

Эти данные о возрасте Мухаммада не были единственными. В частности, известный собиратель и толкователь хадисов (*мухаддис*) Абу 'Иса Мухаммад ибн 'Иса ат-Тирмизи (824–883, 888 или 892 гг.) в сочинении *Аи-Шама'ил ал-Мухаммадийа* («Книга о благородных чертах Пророка Мухаммада, Посланника Аллаха») приводил другие мнения, высказанные сподвижниками Пророка. Так, секретарь (*катиб*) Мухаммада, Mu'авия ибн Аби Суфьян (между 594 и 605–680), ставший позднее первым халифом династии Омейядов, полагал, что на момент смерти Пророку было 63 года. Двоюродный брат Мухаммада, 'Абдаллах ибн ал-'Аббас (619–686/87), говорил, что Посланник Аллаха умер в возрасте 63 или 65 лет. Слуга Мухаммада, Анас ибн Малик (ок. 612 – 709/710 или 711/712), утверждал, что тот ушел из жизни 60-летним, когда «на его голове и в бороде было не более двадцати седых волос»³.

Присущий мусульманской историографии разнобой относительно дат ранней истории ислама дал возможность западным ориенталистам прийти к выводу, что вся история мусульманства, включая биографию Мухаммада, была сочинена (в деталях) спустя два-три столетия после смерти Пророка. И при этом многие из мусульманских авторов произвольно трактовали события поздней *джихадийи* и первых веков ислама и их хронологию.

В чем сходятся все специалисты, так это в том, что в истории Аравии было одно событие, оказавшееся тесно связанным со временем рождения Мухаммада. Речь идет о неудавшейся попытке захватить Мекку, предпринятой оснащенным боевыми слонами войском под предводительством правителя Химайры (Южная Аравия) Абрахи (Авраама) ал-Ашрама ал-Хабаши.

Чем вызван интерес историографов, прежде всего мусульманских, к данному событию? Во-первых, перипетии похода на Мекку «людей со слоном» оказали столь большое впечатление на мекканцев, что со времени этого события – *ам ал-фил*, – «года слона», они стали вести летоисчисление. Во-вторых, в исламской литературе уже давно, начиная с VIII в., канонизировано положение, согласно которому рождение пророка Мухаммада пришлось на время похода Абрахи на Мекку (что противоречит методу обратного отсчета от смерти Пророка при определении даты его рождения). И это знаменательное событие во многих мусульманских источниках соотносится

¹ См.: Коран, перевод Казимиридского. С. VI.

² См.: Бируни. С. 141.

³ Тирмизи. С. 6, 240–242.

с 570 г. по григорианскому календарю. В-третьих, сюжет о попавшем впросак химyarском правителе и его войске впоследствии нашел свое отражение в Коране, в главе, которая так и называется – «Слон» (105:1–4).

Иллюстрация к суре Ал-Фил («Слон»)

Сведения о походе Абрахи опираются на действительные события и имеют свою предысторию. В конце V в. н.э. Южная Аравия оказалась втянутой в борьбу за господство на торговых путях из Индии и Китая, развернувшуюся между двумя великими державами – Византией и Сасанидским Ираном. Опорой Константинополя в регионе стала христианская Абиссиния (Эфиопия), на территории которой находилось мощное Аксумское государство, а союзником Сасанидской империи выступало существовавшее с 115 г. до н.э. Химyarское царство (Химтара), располагавшееся на землях современного Йемена. Один из правителей Химтары – Йусуф Ашар Зу Нувас (517–525) – принял иудаизм под именем Иосиф и развернул преследование христиан, вызвав тем самым вторжение в Йемен абиссинских войск. В результате вся Южная Аравия на протяжении почти 50 лет (525–572) оказалась под властью выходцев из Эфиопии.

Около 533 г. расквартированные в Йемене солдаты-эфиопы восстали, свергли наместника аксумского царя (*негуса*) и возвели на престол одного из своих командиров – Абраху ал-Ашрама. Вскоре новый правитель отказался выплачивать дань *негусу* и, разгромив посланное против

него из Эфиопии большое карательное войско, стал полновластным владыкой Южной Аравии. В отличие от жителей Аксума, исповедовавших христианствоmonoфизитского толка, Абраха, как говорят, придерживался православия¹, возникшего в 395 г. в результате разделения Римской империи на Западную и Восточную. Это не могло не привести к установлению крепких связей Химайары с Византией. В годы своего правления (535 – не позднее 570) он во главе войск, усиленных специально обученными боевыми слонами, неоднократно совершил военные походы в Центральную Аравию.

Какие цели преследовал Абраха походами на север? Прежде всего, он стремился покорить оседлые и кочевые племена полуострова, а также подчинить себе торговых конкурентов химайаритов – представителей племени Курайш, населявших Мекку и ее окрестности. По мнению византийского писателя и историка Прокопия Кесарийского (ок. 500 – после 565), намерения Абрахи были иными – месть за осквернение христянского храма².

Основываясь на данных южноаравийских источников, профессор Н.В. Пигулевская (1894–1970) один из таких походов датировала «около 545 г.»³. А в химайаритской надписи Ry 506 сказано, что «царь Абраха Зубайман, царь Сабы и Зу Райдана, и Хадрамаута, и Йаманата, и бедуинов своих... высек эти строки, когда он совершил... четвертый набег в месяц Зу Сабатан...», и датированы эти строки 547 г.⁴ Историк и знаток исламского вероучения ‘улем Абу-н-Надр Мухаммад ибн Са’иб ал-Калби (? – 763) полагал, что пророк Мухаммад родился через 23 года после этой даты, «похода слона», т.е. в 570 г. Высказывалось также мнение, что данный поход предшествовал «походу слона», состоявшемуся около 563 г.⁵ На 563 г., в качестве одной из версий года рождения Пророка, указывал еще ат-Табари. В труде *Ta’rīx ar-Rusul wa-l-Mulūk* («История Посланников и царей»), далее *Ta’rīx*, он отмечал, что существует мнение, будто Мухаммад появился на свет на девятый год правления ‘Амра ибн ал-Мунзира III (554–569), главы Лахмидского царства⁶.

В сообщениях более поздних мусульманских источников сохранились относительно подробные сведения о последнем походе Абрахи на Мекку, и причина, вызвавшая его, представлялась достаточно прозаической. Вот как она представлена в работе *Kitāb al-Asnām* («Книга об идолах») крупного знатока генеалогий и преданий арабских племен Абу-л-Мунзира Хишама ибн Мухаммада ал-Калби (737–819/20 или 821/22).

¹ Рыжов. С. 427.

² Прокопий. С. 281.

³ Пигулевская, 2000. С. 343.

⁴ Цит. по: Пиотровский. С. 32.

⁵ Лундин. С. 82–84; подр. см.: Большаков, 1989. С. 234.

⁶ См.: Пиотровский. С. 33.

Абраха ал-Ашрам построил в г. Сане церковь из мрамора и позолоченного дерева и написал *негусу* Аксума: «Я построил для тебя церковь, подобно которой никто не строил. И я не оставлю арабов [в покое], пока не отвращу их паломничество от святыни (храма Ка‘ба. – A. A.)...» Узнав об этом, один из вождей арабского племени Кинана послал в Сану двух своих сородичей с поручением осквернить церковь, испражнившись в ней. Те так и сделали. Когда об этом узнал Абраха, он разгневался и спросил: «Кто осмелился на это?». Ему ответили: «Кто-то из поклоняющихся Ка‘бе». И он разгневался и вышел в поход со слоном и эфиопами¹.

Последующий ход событий не ясен в подробностях и оброс легендами. Согласно более поздней мусульманской интерпретации, Абраха будто бы ехал впереди войска на слоне по кличке Махмуд. Но когда слон вошел в Мекку, население которой предусмотрительно укрылось в окружающих город горах, он дальше идти не пожелал и, более того, преклонил колени перед Ка‘бой.

Слон Махмуд у стен Ка‘бы

Оставшиеся в городе видные мекканцы во главе с дедом Мухаммада ‘Абд ал-Мутталибом иbn Хашимом вступили было в переговоры с противником, но тут в дело вмешался Всевышний. Он наслал на захватчиков стаю птиц *абабил*, каждая из которых несла в клюве по кирпичу из обожженной глины (Коран, 105:3–4). И на каждом из них было начертано имя того воина, на голову которого он должен был быть сброшен. В результате большая часть войска погибла, а оставшиеся в живых бежали, но по пути почти все были перебиты мекканцами. Сам Абраха, тяжелобольной, с тру-

¹ Калби. С. 32.

дом добрался до Саны, где вскоре и скончался. Так гласит предание, но, согласно более рациональным предположениям, подлинной причиной прекращения последнего похода Абрахи стала эпидемия оспы¹.

Завершая обзор историй, связанных с походами Абрахи, можно констатировать, что вызывающая до сих пор жаркие споры среди историков-востоковедов датировка «похода слона» остается проблемной. Существуют объективные, опирающиеся на независимые письменные источники сведения, позволяющие утверждать, что данная кампания была предпринята либо до 570 г., либо была осуществлена сыном Абрахи, Йаксумом². В результате становится ясным, что привязка последнего из походов Абрахи ко времени рождения Мухаммада не выдерживает критики, поскольку известно, что этот химyarский правитель умер до 570 г. Свою долю в существующие разноречивые мнения вносит и то обстоятельство, что, скорее всего, Абраха использовал боевых слонов во всех своих военных кампаниях.

Тем не менее привязка к дате рождения Мухаммада похода на Мекку войска со слоном, кто бы им ни руководил, Абраха ал-Ашрам или его преемники, не сильно противоречит истине. Возможно, наслышанные о многочисленных набегах на север Абрахи мекканцы связали с его именем и последний поход химyarитов. Историкам остается лишь следовать традиционной датировке появления на свет будущего Пророка ислама 570–572 гг., так как в противном случае будет нарушена не только система летоисчисления, принятая в мусульманских первоисточниках, но и хронология всей мусульманской истории. В конце концов, никому не доставляет особых неудобств знание того, что младенец Иисус никак не мог появиться на свет в год собственного Рождества Христова, так как, согласно Евангелию от Матфея, **«родился в Вифлееме Иудейском в дни царя Ирода»** (Мф. 2:1)³. А мы знаем, что царь Ирод I Великий правил в Иудее с 37 г. до н.э. вплоть до самой смерти в 4 г. до н.э. Подтверждением точности евангелиста служит и то обстоятельство, что всеобщая перепись жителей Римской империи, вынудившая плотника Иосифа и его беременную жену Марию отправиться «записываться» из галилейского Назарета в иудейский Вифлеем, император Рима Август (27 г. до н.э. – 14 г. н.э.) повелел в том же 4 г. до н.э.

До настоящего времени вся мусульманская историография событий, совершившихся при жизни Пророка, строится на четырех наиболее часто упоминаемых точках отсчета: «год слона» (\approx 570 г., рождение Мухаммада), год перестройки Ка‘бы (605), начало проповедования ислама (610) и хиджра (622).

¹ Коран, перевод Крачковского. С. 653.

² См., напр.: Большаков, 1989. С. 56–57; Лундин. С. 61–86; Пиотровский. С. 28–35.

³ Библия. С. 1012.

Другими словами, с учетом неизбежных неточностей, все данные мусульманских авторов выстроены в единой системе координат: 570 г. – 605 г. – 610 г. – 622 г. «...Сведения о раннем периоде жизни и деятельности Мухаммада, – отмечал О.Г. Большаков, – очень ненадежны. Но не потому, что они фальсифицированы. Подавляющая часть их (исключая рассказы о чудесах) достоверна в той степени, в какой достоверны любые воспоминания очевидцев»¹. Поэтому встречающиеся расхождения в датах – это в действительности различный взгляд на датировку того или иного события.

Перестройка Ка‘бы

В мусульманской традиции сложилось положение, согласно которому членов семьи пророка Мухаммада принято делить на два круга: «узкий» и «широкий». Под узким кругом *ахл ал-киса'* («люди покрывала [Пророка]») подразумеваются его дочь Фатима, ее муж ‘Али и их дети ал-Хасан и ал-Хусайн, на которых согласно многочисленным *хадисам* пророк Мухаммад набросил свою накидку (плащ), назвав самыми близкими ему людьми.

Жена Мухаммада ‘А’иша рассказывала, что однажды утром Мухаммад, одетый в дорожный плащ «из черного волоса», находился в доме Умм Саламы. Пришли его внуки – ал-Хасан и ал-Хусайн – и залезли под этот плащ. «Затем пришла Фатима и он впустил (в свои покрова) и ее. Затем пришел ‘Али и его он тоже впустил (в них)»².

С широким кругом *ахл ал-Байт* («люди Дома [Пророка]») чаще всего идентифицируют всех потомков Хашима ибн ‘Абд Манафа – основателя рода Хашимитов, к которому принадлежал Мухаммад. Принадлежность к «узкому кругу» не вызывала особых споров среди ‘улемов. Разногласия

¹ Большаков, 1989. С. 62.

² Муслим. С. 681–682.

между шиитами и суннитами касались прежде всего «широкого круга», из которого шииты исключали потомков дяди Пророка ал-Аббаса – Аббасидов, а сунниты, в свою очередь, не отдавали предпочтения потомкам ‘Али и Фатимы. Со временем эти разнотечения переросли в непримиримые противоборства семейных кланов за приоритет в мусульманской общине. Особенно ярко это проявилось в борьбе за власть после низвержения правителей Омейядского и образования Багдадского (Аббасидского) халифата.

Мухаммад, Фатима, ‘Али, ал-Хасан и ал-Хусайн

Мы не будем вмешиваться в эти споры и обозначим свой круг интересующих нас лиц из ближайшего окружения Пророка, в который входили его жены, наложницы, родные и приемные дети, внуки и внучки, – все те, кто составлял его многочисленную семью и формировал его быт. Именно о них и пойдет речь в этой книге.

ЖЕНЩИНЫ МУХАММАДА

Во времена *джахилии* среди жителей Аравии весьма распространенным явлением была полигамия, и арабы не видели ничего странного в том, что состоятельный мужчины имели по семь-десять жен¹.

Еще большие цифры указаны в ставшей библиографической редкостью работе А. Агаева «Женщина по исламу и в исламе», изданной в 1901 г. в Тифлисе: «Необузданная полигамия была в полном разгаре при появлении Магомета: в Аравии не было ни одного именитого араба, не имевшего 15, 20, а иногда и 100 женщин»².

Сказанное приводит к простому заключению, что, вопреки распространенному мнению, Мухаммад не был человеком, который «разрешил» полигамию и оправдывал ее, а, напротив, именно он стал тем, кто сильно сократил (до четырех) число жен, которыми мог обладать араб-мусульманин. В самом цитируемом в связи с этим *айате* Корана правоверным предписывалось жениться «на тех, что приятны вам, женщинах – и двух, и трех, и четырех. А если боитесь, что не будете (к ним одинаково. – A. A.) справедливы, то – на одной или на тех, которыми овладели ваши десницы (т.е. невольницах. – A. A.)» (4:3)³.

Это повеление было обнародовано в Медине в 625 г. вскоре после проигранной мусульманами битвы с язычниками-мекканцами при Ухуде и, надо полагать, не было с восторгом встречено теми сподвижниками Пророка, число жен у которых превышало установленную «квоту». Еще более недовольными оказались жены мусульман, которые должны были получить развод, так как оказались «лишними». К примеру, ‘Умар ибн ал-

¹ См.: Вагабов. С. 104.

² Цит. по: Вагабов. С. 104.

³ Коран, перевод Крачковского.

Хаттаб вынужден был расстаться сразу с двумя из них – Курайбой бинт Аби Умайя (Сухайл) и Умм Кулсум Мулайкой бинт Джарвал.

Следует признать, что в дальнейшем мужчины изыскали возможность обойти установленный «лимит». Одни из них, следуя букве Корана, поступали так: перед заключением очередного «излишнего» брака давали развод одной из уже имевшихся четырех жен. Другие, чаще из числа власти предержащих, заводили большой гарем, вообще не утруждая себя заботами о заключении браков с его обитательницами.

Причины, побуждавшие самого Мухаммада заключать многочисленные браки, варьируются в весьма широком диапазоне: от утверждения, что он нуждался «в поддержке дружественных отношений в политической сфере»¹, до признания того, что «в большом числе жен Пророка заложена величайшая мудрость, всю глубину которой не в состоянии постигнуть человеческий разум»².

Из ранних жизнеописаний Пророка известно, что он был многократно женат и умер, оставив девять жен. Это единственное, о чем можно говорить достаточно точно. Общее же число его женщин и вопрос о том, каких из обитательниц дома Пророка следует относить к женам, а каких нет, дискутируется до сих пор.

Автор *Китаб ал-аснам* («Книги об идолах») Хишам ибн Мухаммад ал-Калби со слов своего отца передавал, что Пророк женился на пятнадцати женщинах и консуммировал брак (т.е. вступил в интимные отношения) с тринадцатью³. Известный британский ориенталист профессор Уильям Монтгомери Уотт (1909–2006) писал, что «у Мухаммада было 14 жен в строгом смысле этого слова»⁴. Современные авторы Ислах Абдель Салям Аль-Рифаи и Абдель Сабур Шахин в труде «Духовные матери мусульман» уточняют, что у Мухаммада «на протяжении всей его жизни было тринадцать жен, но одновременно у него их никогда не было более девяти»⁵.

В зависимости от характера отношений, сложившихся между Мухаммадом и его избранницами, последних принято делять на четыре категории: 1) жены, с которыми он вел совместную семейную жизнь; 2) жены, браки с которыми по разным причинам были расторгнуты еще до консуммации; 3) наложницы, вошедшие в дом Пророка; 4) *вахабат нафсаха* – женщины, которые «сами отдали себя» Мухаммаду (см.: Коран, 33:50).

¹ Уотт, 2007. С. 313.

² Ислах. С. 6.

³ См.: Tab., vol. IX, I. P. 1766.

⁴ Уотт, 2007. С. 435.

⁵ Ислах. С. 3.

Жены Мухаммада

Длительные брачные отношения связывали Пророка с одиннадцатью женщинами. Семь из них – Хадиджа бинт Хувайлид, Сауда (Савда) бинт Зам’а, ‘А’иша бинт Аби Бакр, Хафса бинт ‘Умар, Умм Салама Хинд бинт Аби Умайя (Сухайл), Умм Хабиба Рамла бинт Аби Суфьян (Сахр) и Зайнаб бинт Джахш (по ее материнской линии) – принадлежали к *бану Курайш*, а четыре – Зайнаб бинт Хузайма, Джувайрийа бинт ал-Харис, Сафийа бинт Хувайй и Маймуна бинт ал-Харис – были родом из других аравийских племен. Единственной неарабкой из жен Мухаммада была Сафийа из иудейского племени ан-Надир.

Характерно, что у Мухаммада не было жен из числа дочерей жителей Медины – *ансаров*. «Очевидно, что он мог добиться успеха в Медине, только поддерживая репутацию беспристрастного человека, которую подобные браки могли бы серьезно подорвать»¹.

Каждая из этих жен Пророка получила почетное имя *Умм ал-му’минин* («Мать правоверных») и имела отдельное помещение, примыкавшее к дому Мухаммада.

На жен Пророка накладывались особые обязательства:

– Они не могли после смерти Мухаммада выходить замуж. Мусульманам в Коране предписывалось **«не жениться на его женах после него»** (33:53)².

– Они несли двойное воздаяние за каждое содеянное добро или зло: **«О жены Пророка! Если кто из вас совершил явную мерзость, то ее мучения будут удвоены... А ту из вас, которая будет покорна Аллаху и Его Посланнику и будет поступать праведно, Мы одарим двойным вознаграждением, и Мы приготовили для нее щедрый удел»** (33:30–31)³.

Заметим, что при выборе жен Пророк не ставил во главу угла внешность женщины. В труде *Кимийа-йи са’адат* («Эликсир счастья») знаменитый мусульманский философ Абу Хамид ал-Газали (1058/59–1111) приводил такие слова Мухаммада: «Рожающая уродина лучше бесплодной красавицы»⁴. Этим изречением Пророк стремился показать, что брак прежде всего предназначен не для удовлетворения плотского влечения, а для продолжения рода. Хотя следует признать, что некоторые из жен самого Мухаммада так и остались нерожавшими красавицами.

¹ Уотт, 2007. С. 314.

² Коран, перевод Крачковского.

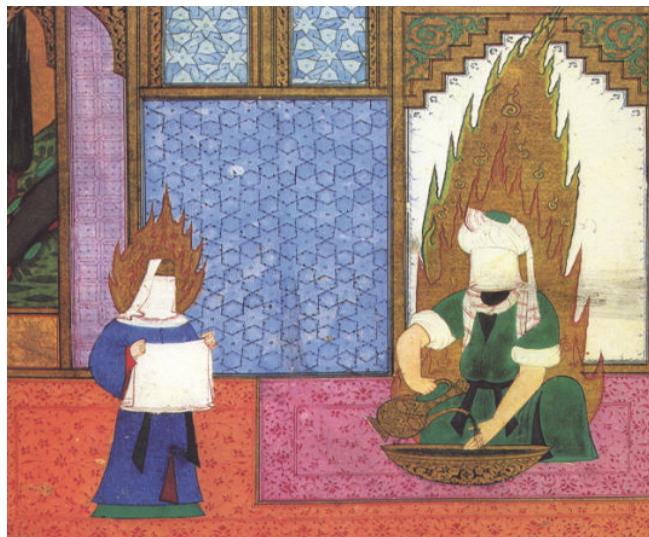
³ Коран, перевод Кулиева.

⁴ Газали. С. 27.

Хадиджа

При упоминании имени Хадиджи неизменно возникает слово «первая». Она была первой женой Мухаммада, с которой он прожил без малого четверть века (595–619). Она первой уверовала в пророческую миссию Мухаммада и стала первой принявшей ислам среди всех мусульман.

Первое омовение Хадиджи и Мухаммада

Она осчастливила Мухаммада рождением ему сына-первенца и была матерью всех его детей, появившихся на свет в браке. Все эти обстоятельства, казалось бы, давали основания мусульманским авторам для подробного освещения жизни этой замечательной женщины. Однако нехватка фактического материала делает информацию о ней, имеющуюся в литературе, чрезвычайно скучной и полной лакун. И для этого были весомые причины: жизнь Хадиджи долгие годы была скрыта от посторонних глаз, она не была, как сказали бы сейчас, «публичным человеком» и посвятила себя супругу, ведению домашнего хозяйства и воспитанию многочисленных детей. Свою роль сыграло и то, что она умерла задолго до возникновения интереса к рассказам о жизни и деятельности Пророка и сама не оставила воспоминаний, которые могли бы стать частью хадисной литературы.

Загадки начинаются с самого рождения Хадиджи. Она появилась на свет в семье Хувайлида ибн Асада, сына основателя курайшитского рода Асад ибн ‘Абд ал-‘Узза, и Фатимы бинт За’ида из древнего курайшитского рода ‘Амир (Хисл) ибн Лу’айй, и была наречена необычным именем, означающим «Недоношенная». У арабов в те времена, как и у всех архаичных народов, личное имя – ‘алам, дававшееся ребенку при его рождении, а иногда и до его появления на свет, было тесно связано со словом, легшим в его семантическое основание, – антропонимом. Поэтому свое имя Хадиджа могла получить, скорее всего, в случае появления на свет раньше срока. Конечно, неблагозвучные имена могли даваться и в качестве оберега от злых чар, но в данном случае, как представляется, дело обстояло иначе.

Во времена *джихалий* в племенах, населявших Аравию, бытовала практика убийства новорожденных девочек путем закапывания их в землю. В первую очередь, этот варварский обычай распространялся на девочек, имевших несчастье родиться в бедных и / или многодетных семьях, в которых они оказывались «лишним ртом». Менее всего язычники испытывали жалость к малышкам, родившимся ослабленными, так как выходить их в условиях повсеместной высокой детской смертности вообще было весьма проблематично.

Не стоит говорить, что такая практика позже была резко осуждена и категорически запрещена в Коране. В одной из проповедей Мухаммад, сам отец четырех дочерей, открытым текстом осудил многобожников за их неадекватную реакцию на рождение девочек: **«Когда сообщают кому-либо из них весть о [рождении] девочки, мрачнеет лицо его от горечения, прячется он от людей из-за вести дурной [и не знает], оставить ли [дочь] в живых, снося унижение, или же предать [ее] земле. О, как скверно то, на что решаются они!»** (16: 58–59)¹. Пророк предостерегал язычников об угрозе неминуемой кары за содеянное, так как в Судный день, **«когда спросят зарытую заживо, за какой же грех убили ее, когда развернут свитки [деяний людских]... тогда познает душа каждая, что уготовила она себе [деяниями своими]»** (81: 8–10, 14)².

Итак, во времена *джихалий* девочек, появлявшихся на свет недоношенными, скорее всего, ждала участь быть лишенными жизни. В противном случае имя «Хадиджа» имело бы хоть какое-то распространение в арабских семьях, но этого не наблюдалось: зачем вообще давать имя дочери, которой скоро не станет? Позже имя «Хадиджа» стало популярным в странах мусульманского мира, но связано это было с тем, что его носила женщина, первой принявшая ислам. А к имени жены Пророка стали прибавлять эпитет «ат-Тахира» («Непорочная»).

¹ Коран, перевод Османова.

² Там же.

То, что девочку не постигла страшная участь быть умерщвленной, свидетельствует о том, что она, скорее всего, родилась в обеспеченной семье и / или была в ней старшей дочерью. И это всё, что можно говорить более или менее определенно о первых годах жизни Хадиджи.

Когда Хадиджа достигла брачного возраста, родители намеревались сосватать девушку за ее двоюродного брата Вараку ибн Науфала. Однако он был *ханифом* (проповедником-монотеистом) и, склоняясь к христианству, намеревался постричься в монахи¹. Брак не состоялся. Но Хадиджа недолго оставалась одна и вскоре вышла замуж.

Некоторые мусульманские авторы, исходя из того, что Хадиджа позже была прозвана «Непорочной», склонны были считать, что она до замужества с Мухаммадом «не состояла в браке, как и Посланник Аллаха»². Одним из первых эту идею, опираясь, видимо, на одну интуицию, высказал Абу-л-Касим ‘Али ибн Ахмад ал-Куфи (? – 963) в труде *Ал-Истигаса фи бида’и-с-саласа* («Просьба о помощи против тройственной ереси»)³. Что скрывается за такими утверждениями? Желание еще более возвеличить Хадиджу, представив ее девственницей? Но результат тогда получается прямо противоположный, так как выходит, что Хадиджу, вышедшую замуж за Мухаммада в зрелом возрасте, долгие годы никто не брал в жены. А для арабки состояние «пересидевшей в девках» девушки было крайне унизительным. Это мнение, что важнее, противоречит сведениям многих мусульманских источников, где утверждается, что до Мухаммада Хадиджа была замужем дважды. Спорными остаются лишь вопросы, кем были эти мужчины и в какой последовательности они становились мужьями Хадиджи?

В самом авторитетном из ранних жизнеописаний Мухаммада – *Сире* Ибн Исхака, дошедших до нас в переработке Ибн Хишама, сказано, что мужьями Хадиджи были ‘Утайик ибн ‘Абид ибн ‘Абдаллах из курайшитского рода Махзум и Абу Хала ибн Малик из *бану ‘Амр* ибн Тамим. Последний из названных был ассимилированным членом курайшитского рода ‘Абд ад-Дар⁴. Следует сразу отметить, что передачи имени ‘Утайика ибн ‘Абига (из-за вариативности прочтения его арабского написания), включая его транслитерацию на русский язык, могут быть различными. В русскоязычном переводе *Сиры* имя первого мужа Хадиджи представлено как ‘Усайик⁵. Оно встречается также в таких вариантах как ‘Атик ибн ‘Абид или ‘Атик ибн ‘А’из. В статье «Хадиджа», помещенной в *The Encyclopaedia of Islam*, У.М. Уотт попытался внести ясность в этот вопрос и дал это имя так: «‘Утайик (или ‘Атик) б. ‘А’из (неточно – ‘Абид) б. ‘Абдаллах»⁶.

¹ Ислах. С. 49.

² Насири. С. 55.

³ См.: Мишарифи. С. 22.

⁴ И.Н. Р. 792.

⁵ И.Х. С. 468.

⁶ EI, vol. IV. P. 898.

Параллельное использование имен ‘Атик и ‘Утайик можно объяснить тем, что оба они представляют два варианта одного имени: ‘Утайик – это ласкательная форма от ‘Атик. (Другими словами, они воспринимаются арабами так же, как нами имена Андрей и Андрюша.) Имена ‘А’из и ‘Абид часто смешиваются, так как на письме при отсутствии диакритики они выглядели схожими.

Если с именами двух первых мужей Хадиджи проступает какая-то ясность, то с их очередностью налицо полная неопределенность. В *Сире* Ибн Исхака / Ибн Хишама первым супругом назван ‘Утайик¹. Этую версию можно найти в трудах многих авторов². Не меньшее число специалистов придерживаются точки зрения, что первым мужем Хадиджи был Абу Хала³. И те и другие при этом ссылаются на названные или неназванные первоисточники, давая нам понять, что разнотечения существовали еще на заре ислама.

С чем может быть связано отсутствие реальной информации о первых мужьях Хадиджи? Во-первых, Мухаммад никогда не касался тем, связанных с «прошлой жизнью» Хадиджи, а почитавшие ее биографы старались реже вспоминать о предыдущих браках первой мусульманки. Во-вторых, персоны ‘Утайика и Абу Халы не были в чести у мусульманских авторов. Первый из них принадлежал к враждебно настроенному против Мухаммада курайшитскому роду Махзум, и многие его ближайшие родственники воевали против мусульман в битвах при Бадре (624) и Ухуде (625) на стороне язычников.

Битва мусульман с мекканцами при Бадре

¹ И.Х. С. 468. И.Н. Р. 792.

² См., например: Абу ‘Ильм. С. 40; Али-заде. С. 340; Мубаракфури. С. 18.

³ Ислах. С. 50; Уотт, 2006. С. 60–61; Хайламаз. С. 23–24; EI, vol. IV. P. 898.

Абу Хала, по некоторым сведениям, вообще дал Хадидже развод¹. В-третьих, поведать что-либо о своих вошедших в историю предках могли бы дети ‘Утайика и Абу Халы, появившиеся на свет в их браках с Хадиджей. Но этого по каким-то причинам не произошло.

Как так получилось? И что вообще нам известно о первых приемных детях Мухаммада?

Когда Мухаммад впервые появился в доме Хадиджи, в нем еще раздавались детские голоса, вот только кому конкретно они принадлежали, остается загадкой. Сведения относительно приемных детей, которые можно встретить в жизнеописаниях Пророка и в современных биографиях его домочадцев, весьма противоречивы. Это выглядит странно, так как они, по логике вещей, должны были бы черпаться многочисленными авторами из *Сирры Ибн Исхака / Ибн Хишама* – настольной книги всякого исследователя жизни Мухаммада. В ней Ибн Хишам писал, что у Хадиджи от ‘Утайика родились сын ‘Абдаллах и дочь Джарийа, а от Абу Халы – сын Хинд и дочь Зайнаб².

Эта версия иногда упоминается³, но не является единственной. У.М. Уотт писал, что детьми Хадиджи были два сына и одна дочь – Хинд ибн Аби Хала, Хала ибн Аби Хала и Хинд бинт ‘Утайик⁴. В коллективном труде «Духовные матери мусульман» можно встретить упоминание о сыне Абу Халы по имени Хала и дочери ‘Утайика – Хинд⁵. Этот же вариант мы находим в книге «Достопочтенная Хадиджа» Р. Хайламаза⁶. В работе Тауфика Абу ‘Ильма «Фатима – Захра» говорится уже о сыне и дочери Хадиджи с одинаковыми именами – Хинд. Здесь отцом мальчика назван Абу Хала, а девочки – ‘Утайик⁷. О Хинд, дочери Хадиджи (без указания на отцовство), говорится в книге «Женщина в исламе»⁸. В «Исламском энциклопедическом словаре», составленном А. Али-заде, содержится упоминание о дочери ‘Утайика и трех детях Абу Халы (сын и две дочери)⁹. В биографии Мухаммада, подготовленной Сафи ар-Рахманом ал-Мубаракфури, ‘Утайику в детях отказано вообще, а Абу Хале приписан один безымянный сын¹⁰. О двух сыновьях и дочери, также не называя имен, говорит Сейид Хусейн Наср в труде «Мухаммад – Посланник Аллаха»¹¹.

¹ EI, vol. IV. P. 898.

² И.Х. С. 468; И.Н. Р. 792.

³ Фатима. С. 13.

⁴ EI, vol. IV. P. 898.

⁵ Ислах. С. 50.

⁶ Хайламаз. С. 23.

⁷ Абу ‘Ильм. С. 41.

⁸ Женщина. С. 271.

⁹ Али-заде. С. 340.

¹⁰ Мубаракфури. С. 18.

¹¹ Наср. С. 8.

Вот такая получается пестрая картина. С чем связано ее появление? Почему имена и отцовство детей, рожденных Хадиджей в браках с ‘Утайиком и Абу Халой, так разнятся в трудах мусульманских авторов? Есть вероятность, что некоторые пасынки и падчерицы Мухаммада умерли в детстве, и потому о них вообще мало что известно. Не исключено, что некоторые из них не были рады появлению третьего отчима. (Если признать истинной главенствующую в исламской традиции версию, что Хадидже на момент заключения брака с Мухаммадом в 595 г. было 40 лет, то ее старшие дети вполне могли быть его сверстниками.) Возможно, кто-то из детей Хадиджи в дальнейшем не принял ислам или, более того, участвовал в гонениях против Пророка и первых мусульман. Последнее можно было ожидать, прежде всего, от детей ‘Утайика, считавших себя представителями рода Махзум, большинство членов которого всегда выступали в первых рядах врагов нового вероучения. Даже одной из перечисленных возможных причин было достаточно для того, чтобы мусульманские авторы не захотели упоминать детей Хадиджи, рожденных ею в первых двух браках.

Следует отметить еще два обстоятельства. Первое связано с именами Хинд и Хала, каждое из которых могло даваться как девочкам, так и мальчикам. Именами Хинд (в значении «Кроткая» или «Индийская», т.е «Смуглая») и Хала («Лунное сияние», «Ореол») нарекались в основном дочери. Но иногда, чтобы уберечь ребенка от сглаза или ввести в заблуждение злые силы, так именовали и новорожденных сыновей. Следовательно, вполне возможно, что Хадиджа в первых двух браках могла иметь и сына и дочь, носивших имена Хинд и Хала. Это и вносит известную путаницу в определение того, кем – мальчиком или девочкой – был носитель этих имен.

Второе обстоятельство связано с именем Абу Халы. Его форма может быть истолкована двояко: как личное имя, имеющее форму *куний* (почетного именования по ребенку-первенцу), либо как собственно *кунайа* (в таком случае «Абу Хала» означает «Отец Хала или Халы»). Авторы, отдающие предпочтение первому варианту, полагают, что у Абу Халы не было детей с именем Хала, а сам он был назван так при рождении, так как появился на свет с родимым пятном (по-арабски *хал* – родинка.) Те же, кто считают верным второй вариант, исходят из того, что у Абу Халы обязательно должен был быть ребенок по имени Хала.

Так или иначе, но имена Хинд и Хала, как детей Хадиджи, можно чаще всего найти в биографической литературе. Утверждается, в частности, что сын Абу Халы, Хинд, долго оставался жить вместе с матерью, даже после того, как она вышла замуж за Мухаммада¹. Хинд ибн Аби Хала «был воспитан Пророком, был сводным братом святой Фатимы (дочери Мухаммада. – A. A.) по матери, принял Ислам»². Кстати говоря, тот факт, что у

¹ Хайламаз. С. 23.

² Абу ‘Ильм. С. 40.

Хадиджи после заключения брака с Мухаммадом на руках оставался сын Хинд ибн Аби Хала, может служить косвенным свидетельством того, что Абу Хала был ее вторым мужем. «Хинд вместе с отцом (приемным отцом, т.е. Мухаммадом. – A. A.) участвовал в военных походах за веру...»¹ Отмечается, что он «принял мученическую смерть в сражении “Джамал” («верблюжьей битве» 656 г. – A. A.), где был в числе войска под предводительством ‘Али ибн Аби Талиба»². Следовательно, если считать, что Хинд ибн Аби Хала был маленьким ребенком в 595 г., то он погиб в 656 г. в возрасте более 60 лет.

Информацию о существовании Хинда ибн Аби Халы подтверждает, в частности ат-Тирмизи. Он приводит такой рассказ внука Пророка, ал-Хасана ибн ‘Али: «Я спросил своего дядю Хинда ибн Аби Халу (ал-Хасан мог считать Хинда своим дядей, так как тот был сводным братом его матери, Фатимы бинт Мухаммад. – A. A.)... о благородных чертах Посланника Аллаха... Он часто описывал подробно его черты. Я сильно хотел от него лично услышать о некоторых благородных чертах Посланника Аллаха... с тем, чтобы запомнить их, а затем по возможности стараться им следовать». Далее приводится подробное описание внешнего облика пророка Мухаммада и черт его характера³.

«Хинд был великим мастером слова, и не было ему равных в восхвалении Ислама, – считает Абу ‘Ильм. – Хадисы о Пророке, переданные из его уст, являются самыми выразительными и красноречивыми среди хадисов такого рода»⁴. Многие биографы Хадиджи, сетует он, «не упоминают о Хинде, его лицо осталось в истории Ислама почти неузнаваемым»⁵.

Некоторые сведения сохранились и о Хинде, дочери ‘Утайика. Сообщается, что когда она достигла брачного возраста, Хадиджа выдала ее замуж за Сафи ибн Умаййу из рода Махзум. «Плодом этого союза станет мальчик по имени Мухаммад, потомки которого в Медине будут зваться “потомками Тахиры”, т.е. Хадиджи»⁶. Хинд бинт ‘Утайик «была в числе тех, кто принял исламскую религию»⁷.

Об остальных упомянутых выше детях Хадиджи от первых двух браков практически ничего не известно.

Вернемся к описанию жизни Хадиджи после смерти ее первых мужей. Большинство информаторов едины в том, что ‘Утайик и Абу Хала занимались торговыми делами и были состоятельными людьми. Когда они умерли, Хадиджа унаследовала доходное предприятие и солидное движи-

¹ Абу ‘Ильм. С. 41.

² Там же; см. также: Хайламаз. С. 23.

³ Тирмизи. С. 12–13, 135–136.

⁴ Абу ‘Ильм. С. 40–41.

⁵ Там же. С. 41.

⁶ Хайламаз. С. 24.

⁷ Абу ‘Ильм. С. 41.

мое и недвижимое имущество. Вдова активно включилась в караванную торговлю мекканцев с Сирией и приумножила свое состояние (за что в трудах советских исламоведов нередко именовалась «купчихой»). Возможно, коммерческие дела она вела вместе с племянником ‘Утайика ас-Са’ибом иbn Аби-с-Са’ибом, который позже станет партнером Мухаммада по бизнесу – торговле кожами¹. Впрочем, высказывалось авторитетное мнение, что «Хадиджа не была так богата, как иногда утверждают...»².

Говорят, что после смерти второго мужа Хадиджи к ней сватался двоюродный племянник ‘Утайика – ‘Амр ибн Хишам ибн Мугира, ставший позднее одним из самых ярых преследователей первых мусульман и получивший от них за это прозвище «Абу Джахл» («Отец невежества»)³. Он был ровесником Мухаммада, родился «в 570 г. или немного позднее»³ и в детстве дружил с ним. Но Хадиджа отказалась ‘Амру. То, что она предпочла ему, представителю знатного рода Махзум, бедного сироту-хашимита, в дальнейшем будет одной из причин его ненависти к Мухаммаду⁴.

Действительно, Мухаммаду нечего было противопоставить ‘Амру кроме репутации *ал-амина* – верного, честного и надежного человека. Оставшись сиротой в шесть лет, он вначале воспитывался в семье своего деда, а через два года, после смерти ‘Абд ал-Мутталиба (578), заботу о мальчике взяли на себя его дядя Абу Талиб и его жена Фатима бинт Асад. С юных лет будущий Пророк ислама пас овец и коз, был погонщиком верблюдов, часто недоедал. В 12 лет он упросил Абу Талиба взять его с собой в длительную торговую поездку в Сирию. Вряд ли по малолетству ему довелось активно участвовать в процессе купли-продажи, но полученный во время этого путешествия опыт еще пригодится ему в дальнейшем. Лет с 15 Мухаммад начал самостоятельную жизнь, подключаясь к торговым делам, но выручаемых средств хватало лишь на то, чтобы обеспечить себя самого. Косвенным подтверждением незавидного материального положения Мухаммада может свидетельствовать отказ Абу Талиба выдать за него замуж свою dochь Фахиту.

Положение круто изменилось, когда по рекомендации Абу Талиба Хадиджа взяла Мухаммада на работу в качестве поверенного в торговых делах. Нельзя сказать, что они не знали друг друга до этого: в небольшом городке, коренное население которого было представлено членами одного племени Курайш, родственниками являлись все. Не были исключением и Хадиджа с Мухаммадом: по отцовским линиям обоих прадед Хадиджи, ‘Абд ал-‘Узза, и прапрадед Мухаммада, ‘Абд Манаф, были полнокровными братьями – сыновьями Кусайя ибн Килаба и Хуббы бинт Хулайл.

¹ Большаков 1989. С. 66; EI, vol. IV. P. 898.

² Уотт, с. 61.

³ EI, vol. I. P. 115.

⁴ Хайламаз. С. 37–38.

Мусульманские авторы редко упоминают об этой генеалогической связи, чтобы не компрометировать Пророка ислама, так как имена указанных предков были языческими и означали «раб (идола) ал-‘Уззы» и «раб (идола) Манафа».

Первой коммерческой операцией Мухаммада стало сопровождение каравана с товарами Хадиджи в Сирию, за что ему в качестве оплаты было отдано четыре молодых верблюда¹. Находясь в услужении у Хадиджи, Мухаммад не раз проявлял деловую смекалку и преданность. Это недолго оставалось незамеченным: вскоре вдове приглянулся расторопный и привлекательный молодой человек, с которым она решила связать свою жизнь. При этом инициативу ей пришлось проявить самой. По сообщению Ибн Исхака, Хадиджа встретилась с Мухаммадом и, «как утверждают», сказала ему: «О сын дяди! Я хотела бы тебя из-за твоего родства, из-за уважения, которым ты пользуешься в своем народе, из-за твоей честности, высокой нравственности, правдивости твоих слов. Потом она предложила ему жениться на ней»². Можно встретить сообщение, что эти слова Хадиджа высказала Мухаммаду не при их личной встрече, а изложила в письме³. Последнее выглядит странным, так как Хадиджа не владела грамотой, а Мухаммад, согласно общепризнанному положению, закрепленному в Коране (7:158), не умел ни читать, ни писать.

В связи со сказанным, упомянутая Ибн Исхаком встреча Хадиджи и Мухаммада вполне могла состояться. Смущение вызывает избыток пафоса в словах Хадиджи, мало похожих на признание в любви со стороны госпожи к наемному работнику. Мухаммад, еще даже не будучи Пророком ислама, несомненно, соответствовал характеристикам, данным ему вдовой, и все же, как представляется, текст этой речи был сочинен и вложен в уста Хадиджи намного позже. Сомнение в его достоверности проскальзывает и у самого Ибн Исхака, сопроводившего монолог вдовы ремаркой: «Как утверждают».

Свахой Хадиджи была ее подруга Нафиса бинт Умайя. Об этом в труде *Китаб ат-табакат ал-кубра* («Книга больших разрядов (жизнеописаний)») или сокращенно – «Табакат» («Разряды») писал основоположник мусульманской традиции биографических сводов Абу ‘Абдаллах Мухаммад, более известный как Ибн Са‘д (? – 845)⁴. Она отправилась к Мухаммаду с предложением о женитьбе. Ее рассказ об этом событии сохранился в разных передачах. Вот одна из них: «Я спросила его: “Что мешает тебе вступить в брак?” Он ответил: “У меня нечем платить кальым (*махр*)”. Тогда я спросила его: “А если бы тебя освободили от уплаты кальмиа и пригласили

¹ Большаков, 1989. С. 66.

² И.Х. С. 52.

³ Хайламаз. С. 41.

⁴ См.: Мирширафи. С. 20.

к богатству, красоте и солидному положению?” Он спросил: “А кто?” Я ответила: “Хадиджа”. Мухаммад выразил согласие¹.

Родственниками, выступившими в качестве посредников на переговорах о женитьбе, указываются разные лица. Еще Ибн Исхак писал, что вместе с Мухаммадом «пошел его дядя Хамза ибн ‘Абд ал-Мутталиб и зашел к Хувайлиду ибн Асаду (отцу Хадиджи. – A. A.). Он сосватал ее за него, и Мухаммад женился на ней»². Того же мнения в труде *Кисас ал-анбийя*’ («Рассказы о пророках») придерживался известный историограф Исма‘ил ибн Касир.

С этим составом переговорщиков согласились не все авторы. Уже Ибн Хишам скорректировал точку зрения Ибн Исхака, написав, что Хадиджу «выдал замуж за Пророка ее отец Хувайлид ибн Асад»; говорят также, что выдал ее замуж ‘Амр ибн Асад (дядя Хадиджи. – A. A.)»³. Обе эти версии приводил и ат-Табари⁴. В современных трудах свидетелями заключения брачного контракта со стороны Мухаммада называются его дяди со стороны отца: то Абу Талиб⁵, то Абу Талиб и Хамза⁶, то Абу Талиб, Хамза и ал-‘Аббас⁷. Со стороны невесты чаще всего фигурируют ее двоюродный брат Варака ибн Науфал⁸ или ее дядя ‘Амр ибн Асад⁹.

Сватовство Мухаммада и Хадиджи

¹ Ислах. С. 50; см. также: Женщина. С. 269; Хайламаз. С. 39–40.

² И.Х. С. 52.

³ И.Х. С. 468; И.Н. Р. 292.

⁴ Tab., vol. VI, I, Р. 48–49.

⁵ Миршарифи. С. 19; Топбаш. С. 151.

⁶ Эриш. С. 10.

⁷ Хайламаз. С. 41.

⁸ Миршарифи. С. 20; Эриш. С. 10.

⁹ Абу ‘Ильм. С. 44–45; Топбаш. С. 151.

Разброс во мнениях вызван следующими обстоятельствами. Во-первых, до сих пор остается под вопросом год смерти Хувайлида ибн Асада, отца Хадиджи. Часть мусульманских авторов считают, что он, несмотря на то что был против очередной свадьбы дочери¹, удостоился чести быть тестем Мухаммада, так как был еще жив (595). Другие полагают, что такое невозможно, ибо Хувайлид умер в годы войны *ал-Фиджар* (585–590), а интересы невесты представлял тогдашний глава семейного клана ‘Амр ибн Асад. Во-вторых, неясно, могли ли входить в число сватов Хамза и ал-‘Аббас. Конечно, оба они были дядями Мухаммада и имели право быть его посредниками при обручении. Но в то же время их трудно причислить к представителям родительской стороны, так как ал-‘Аббас был старше Мухаммада всего на два-три года, а Хамза вообще являлся его ровесником. К тому же во многих преданиях личность ал-‘Аббаса не упоминается в связи с этим событием вовсе. Скорее всего, его имя стало появляться позже, при халифах-Аббасидах, в угоду правящей династии.

Вот чья персона не вызывает никаких сомнений, как ни смотри, так это Абу Талиб. Он был более чем на 30 лет старше Мухаммада. Именно в его доме восьмилетний мальчик нашел приют после смерти деда ‘Абд ал-Мутталиба. Пророк рос и воспитывался в семье Абу Талиба и его жены Фатимы бинт Асад, фактически заменивших Мухаммаду рано умерших родителей, за что он им был благодарен всю жизнь.

Хадиджа, как было сказано выше, не настаивала на выплате *махра*, зная о неблагополучном материальном положении Мухаммада. Однако Абу Талиб справедливо полагал, что это было бы унижением для рода Хашим, поэтому он решил не нарушать обычая и возместить стоимость брачного дара из собственных средств. Этот факт признаётся всеми, дебатируется лишь вопрос о размерах этого выкупа. Ибн Хишам писал, что в качестве брачного дара было передано 20 молодых верблюдиц². Эту же цифру приводил известный арабский историк Ибн ал-Асир (1160–1234) в *Усд-л-Габа фи марифат ас-сахаба* («Львы леса в познании сподвижников»)³. Однако в дальнейшем некоторым авторам такой размер *махра* показался непозволительно малым, недостойным для будущего Пророка ислама, и «ставки» стали расти. К 20 верблюдицам добавлялось еще 500 серебряных дирхемов⁴, появлялась даже сумма 500 золотых динаров⁵.

Свадьба Мухаммада и Хадиджи состоялась в 595 г., когда Мухаммаду, что отмечают почти все авторы, было около 25 лет. Что касается Хадиджи, то главенствующим, освещенным мусульманской традицией, мнением является утверждение, что она родилась в Мекке примерно в

¹ Ислам: Энцикл. С. 261.

² И.Х. С. 468.

³ См.: Топбаш. С. 151.

⁴ Хайламаз. С. 41–42.

⁵ Гудратов. С. 368.

556 г. и на момент замужества с Мухаммадом ей уже исполнилось 40 лет. Данной точки зрения придерживались такие авторитеты, как Ибн Са‘д и ат-Табари¹. Первоисточником этого сведения, возможно, был Хаким ибн Хизам, племянник Хадиджи. Он утверждал, что Хадиджа была старше его на два года и родилась за 15 лет до «пхода слона»². У него как-то спросили: ««Кто из них был старше: Посланник Аллаха или Хадиджа?» Он ответил: «Хадиджа старше Посланника на пятнадцать лет. Моей тете запрещалась молитва еще до того, как родился Посланник Аллаха». Фраза «запрещалась молитва» свидетельствует о том, что у нее начались регулы еще до того, как родился Пророк». Хаким ибн Хизам говорил также, что Мухаммад взял в жены Хадиджу, когда ему было 25 лет, а ей – 40 лет³. Об ощутимой разнице в летах косвенно говорит то, что Хадиджа относилась к поколению, к которому принадлежали родители Мухаммада. Высказывалось даже мнение, что ей было сорок пять лет⁴.

Однако такой взгляд всегда наталкивался на весьма серьезное препятствие в виде необычно высокой репродуктивности, которую Хадиджа проявила в дальнейшем. «Подобный возраст Хадиджи вызывает подозрение уже потому, что после сорока лет та рожала по крайней мере шесть раз, причем последний раз уже после начала проповедничества Мухаммада, то есть около 612–613 гг., когда ей по традиционному расчету было бы 57–58 лет»⁵. О том, что последний ребенок у Хадиджи появился на свет в исламский период, свидетельствовали многие авторы, в том числе Ибн Са‘д⁶. Поэтому после смерти Мухаммада (632), который был осведомлен больше, чем кто-либо, но не оставил никаких сообщений по этому поводу, появилось мнение, что на момент свадьбы Хадидже было 25–28, а Мухаммаду 21–25 лет. О 28 годах говорили третья жена Пророка ‘А’иша бинт Аби Бакр и его двоюродный брат ‘Абдаллах ибн ал-‘Аббас. Эта цифра была зафиксирована ал-Балазури в *Ансаб ал-ашраф* («Родословная знатных») и считается близкой к истине в ряде современных исследований⁷. У.М. Уотт в качестве одинаково возможных приводит все варианты, предоставляя право читателям самим выбирать, какой возраст больше соответствует истине: «В год свадьбы Мухаммаду было 21, 23 или 25 лет, а Хадидже 40 или 28»⁸.

А как же тогда насчет свидетельства Хакима ибн Хизама – одного из немногих, кому эта истина могла быть доступной? Многие полагают, что

¹ См.: Уотт, 2007. С. 435.

² См.: Большаков, 1989. С. 237; Ислах. С. 51.

³ Ислах. С. 51.

⁴ Шариати. С. 112.

⁵ Большаков, 1989. С. 237; Форвард, С. 21.

⁶ См.: Топбаш. С. 168.

⁷ Большаков, 1989. С. 237; Гудратов. С. 264; Форвард. С. 21.

⁸ EI, vol. IV. P. 898.

оно «вызывает подозрение, так как он дожил до 674 г., т.е. прожил 120 лет (как и утверждают средневековые авторы, опираясь на его определение собственного возраста)...»¹ и, скорее всего, подзабыл обстоятельства своей жизни в молодости. Цифра 120, отмечал О.Г. Большаков, «несомненно, означает лишь “очень много”, “очень долго”, а не точный возраст»². Признавая справедливость этих слов, следует отметить, что если верна дата смерти Хакима ибн Хизама (а такое событие – кончина старейшего родственника и сподвижника Пророка – не могло остаться незамеченным), то ему все равно перевалило за 100 лет. Он не мог быть намного моложе Мухаммада, так как его имя впервые всплывает в истории в связи с событиями 595 г., когда он, уже будучи богатым торговцем, подарил Хадидже к свадьбе купленного на ярмарке раба.

Теперь несколько слов о степени осведомленности в этом вопросе ‘А’иши. От кого она могла почерпнуть сведения, что Хадидже на момент ее свадьбы с Мухаммадом было 28 лет? От Пророка? Это остается тайной.

До брака с Мухаммадом Хадиджа жила в доме неподалеку от горы Джийад (или Аджиад, к югу от Ка‘бы), которую сейчас называют «Горой крепости»³. Сам Мухаммад перед женитьбой не имел собственного жилища и обитал в доме Абу Талиба. После свадьбы семья провела здесь несколько дней, а затем переселилась в новый дом, купленный Хадиджей у Хакима ибн Хизама⁴. Он представлял собой богатое двухэтажное здание светло-желтого цвета с большим садом, в котором росли финиковые пальмы. Его развалины сохранились до настоящего времени и известны как место, «где родилась Фатима», дочь Мухаммада⁵. В первые годы после свадьбы в этом доме жили: Хадиджа, ее сын Хинд ибн Аби Хала, Мухаммад, усыновленный им Зайд ибн Хариса, вольноотпущенница Умм Айман (? – 632), бывшая когда-то нянькой Мухаммада, а также слуги.

После хиджры Пророка в Медину (622) «этот дом прибрал к рукам, а затем и продал» его двоюродный брат ‘Акил (‘Укайл) ибн Аби Талиб⁶. Позже, перед покорением Мекки (630), Мухаммад призывал соратников изгнать мекканцев-язычников из домов, принадлежавших ранее мусульманам, переселившимся в Медину (Коран, 2:191). Однако это распоряжение фактически не было выполнено, так как сам Пророк, а вслед за ним и его сподвижники, не стали возвращать себе мекканскую недвижимость и избрали местом жительства Медину.

¹ Большаков, 1989. С. 237.

² Там же.

³ Хайламаз. С. 19.

⁴ Фатима. С. 9; Хайламаз. С. 19, 20, 43.

⁵ Фатима. С. 9.

⁶ Хайламаз. С. 20.

Архангел Джабраил посещает Мухаммада в доме Хадиджи

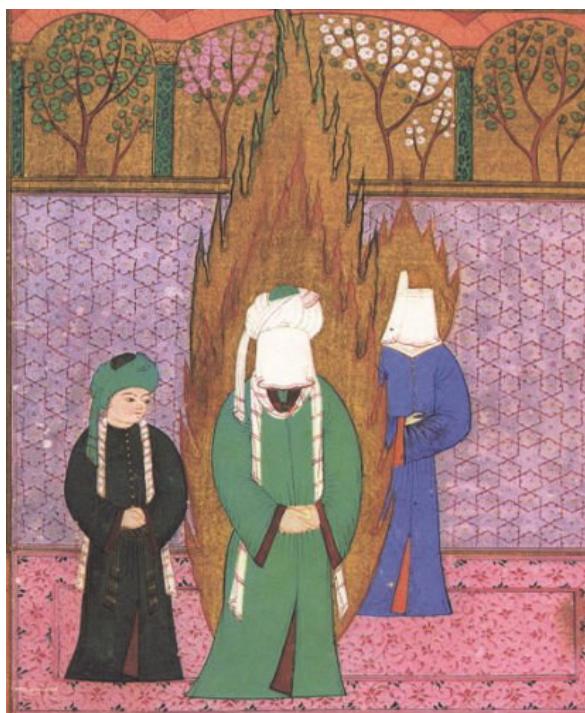
В первых жизнеописаниях Пророка, как уже отмечалось, имя Хадиджи после ее свадьбы с Мухаммадом всплывает считаное число раз: как матери его детей, как свидетельницы событий, связанных с ниспосланием Мухаммаду первого коранического откровения в 610 г. и в связи с ее кончиной в 619 г. В этих рассказах мы не найдем подробных описаний первой жены Пророка. Создается впечатление, что больше всех о ней сказал он сам.

Знаменитые собиратели хадисов Абу Абдаллах Мухаммад Ал-Бухари (810–870) и Муслим ибн ал-Хаджадж (820–875) включили в свои сборники специальные разделы, посвященные достоинствам Хадиджи. ‘А’иша, с их слов, вспоминала: «Обычно Посланник Аллаха… зарезав овечку, говорил: “Передайте ее друзьям Хадиджи!”. Она далее приводила слова Пророка: “Мне была дана любовь ее”»¹. В варианте этого хадиса, помещенном в *Джами‘ ас-Сахих* ал-Бухари, последняя фраза выглядит иначе: «И были у меня от нее дети»². ‘Али ибн Аби Талиб в одной из своих речей сказал: «Я слышал, как Посланник Аллаха… говорил: “Лучшая из женщин – Мариям бинт ‘Имран (Дева Мария. – A. A.). А лучшая из ее женщин – Хадиджа дочь Хувайлида”»³. И таких примеров много.

¹ Муслим. С. 683.

² Бухари. С. 583.

³ См.: Муслим. С. 683.

Мухаммад, Хадиджа, 'Али. Первая молитва

Относительно времени смерти Хадиджи разногласий не наблюдается. Умерла она в 619 г., через три дня после смерти Абу Талиба, о чем писали многие авторы, как средневековые, так и современные¹. Похоронена Хадиджа была на кладбище на горе Хаджун, к северу от Ка'бы. Возраст ее при этом указывается разный, от 52 до 65 лет, в зависимости от того, какое число лет ей приписывается на момент замужества с Мухаммадом. Но выглядела она как достаточно пожилая женщина, чем не преминула воспользоваться острая на язык 'А'иша. Однажды она сказала Пророку о Хадидже: «Почему ты вспоминаешь давно умершую старуху с красными деснами (т.е. беззубую) из числа старух (племени) курайш, когда Аллах дал тебе вместо нее нечто лучшее?!?». От этих слов, по рассказу 'А'иши, Мухаммад «рассердился так, что затряслась растущие над его лбом волосы. Затем он сказал: “Нет, клянусь Аллахом, не заменил мне Аллах лучшей, чем она: она уверовала, когда не уверовали остальные; и верила мне, а люди считали меня лжецом; и, сочувствуя, тратила на меня из своего

¹ Ислах. С. 60; Миршарифи. С. 65; Фатима. С. 24; Хайламаз. С. 78; EI, vol. IV. P. 899.

² Бухари. С. 583; вариант текста хадиса см.: Муслим. С. 684.

имущества, в то время как другие лишали меня; и наделил меня Аллах от нее детьми, и не дал мне детей от других жен!»¹.

Отметим, что ‘А’иша могла судить о том, как на склоне лет выглядела Хадиджа, только с чужих слов. В одном из хадисов она признавалась: «Ни к кому из жен Пророка я не ревновала его столь сильно, как к Хадидже... которую я (никогда в жизни) не видела!»². Характерно при этом, что Пророк, осадив ‘А’ишу за несправедливо резкое высказывание в адрес Хадиджи, не укорил ее во лжи по поводу внешнего вида своей первой жены.

Сауда

Вторая жена Мухаммада, Сауда (Савда), была дочерью Зам‘а ибн Кайса ибн ‘Абд Шамса, представителя одного из самых древних курайшитских родов ‘Амир (Хисл). Ее матерью была аш-Шаммус бинт Кайс из племени Хазрадж. По материнской линии Сауда была родственницей Мухаммада: ее прадед Зайд ибн ‘Амр ибн Зайд был братом Салмы – матери ‘Абд ал-Мутталиба, деда Пророка.

Девочка родилась, возможно, смуглой, из-за чего была наречена Саудой («Темная», «Черная»). Когда она достигла зрелости, родители выдали ее замуж за двоюродного дядю, ас-Сакрана ибн ‘Амра ибн ‘Абд Шамса. Вместе с ним Сауда одной из первых женщин приняла ислам и во время гонений на мусульман переселилась в Эфиопию в составе второй группы беженцев (*ал-хиджра ас-санийа*, 616). Ее муж заболел и умер либо в эмиграции, либо после возвращения на родину, оставив Сауду вдовой без достаточных средств для существования. Кончина ас-Сакрана «совпала по времени со смертью Хадиджи»³.

Имеются разные сообщения о том, родились в этом браке дети или нет. Ибн Хишам в свое время, видимо, не зная точно ответа на этот вопрос, вообще обошел его стороной⁴, дав возможность некоторым биографам ут-

¹ Цит. по: Женщина. С. 341.

² Бухари, с. 582–583; см. также: Муслим, с. 683.

³ Ислах. С. 71.

⁴ И.Х. С. 468; И.Н. Р. 792.

верждать, что «ас-Сакран умер, оставив жену бездетной»¹. Однако еще ‘Абдаллах ибн ал-‘Аббас, двоюродный брат Пророка, говорил, что у нее было пять или шесть маленьких детей², и эту версию можно встретить в трудах ряда современных авторов³. В подтверждение Ибн ал-‘Аббас приводил диалог между Мухаммадом и Саудой, состоявшийся во время предварительных переговоров по поводу женитьбы. Упомянув якобы своих детей, Сауда сказала: «Клянусь Аллахом, [это] не помешает мне уделять тебе должное внимание... эти дети у твоей головы днем и ночью». Пророк ответил: «Да поможет тебе Аллах. Воистину, лучшие женщины сели на старых верблюдов; благочестивы женщины курайшитов: нет ласковее их с ребенком в его младенчестве, и самые заботливые по отношению к мужу»⁴. Вместе с тем каких-либо конкретных сведений о детях Сауды в источниках не приводится, не упоминаются они и в связи с дальнейшими событиями в ее жизни, в частности, в подробных рассказах о переезде в Йасриб (Медину) и хадисах, описывающих повседневный быт в доме Мухаммада.

Священные города: Мекка и Медина

Это выглядит странно, поскольку существование этих приемных детей у Мухаммада не было необходимости замалчивать, так как если они были еще «маленькими», то по рождению должны были считаться мусульманами и, следовательно, сподвижниками Пророка.

Как-то к овдовевшему Мухаммаду с предложением о новой женитьбе решилась подойти Хаула (Хавла, Хувайла) бинт Хаким, жена одного из

¹ Ислах. С. 71.

² См.: Женщина. С. 370.

³ Топбаш. С. 485. Эриш. С. 37.

⁴ Цит. по: Женщина. С. 370.

самых первых мусульман ‘Усмана ибн Маз’уна из курайшитского рода Джумах. Она сказала: «Почему же вам не жениться, о Посланник Аллаха?» Он спросил: «После Хадиджи… На ком?» «Если хочешь – на девушке, а хочешь – на вдове», – отвечала та. «Кто же они?» – «Айша, дочь Абу Бакра, первого из рабов Аллаха, уверовавших в тебя. Другая – уверовавшая в тебя и последовавшая за тобой вдова мухаджира Савда бинт Зам’а». Мухаммад сказал Хауле: «Ступай и поговори с ними обо мне»¹. Хаула поспешила передать эту радостную новость Сауде, и стороны начали подготовку к переговорам о сватовстве. (Кстати говоря, сама Хаула после смерти мужа (624/25) хотела стать одной из *вахабат нафсаха*, – тех, кто «отдал себя Пророку», но была им «отослана» (*арджас’аха*) и просто «прислуживала ему».)

В этой истории смущает одно: совсем юная ‘А’иша, как известно, к тому времени уже была помолвлена родителями с другим человеком – молоденьким Джубайром ибн ал-Мут’имом ибн ‘Ади из рода Науфал. Как в этих обстоятельствах Хаула могла предлагать ее Мухаммаду? Наверное, инициатива исходила от отца ‘А’иши – Абу Бакра. Он был первым мусульманином из числа дальних родственников Пророка, и Мухаммаду не было особой необходимости укреплять узы с ним женитьбой. Впрочем, разговор об ‘А’ише нам еще предстоит вести далее, здесь же отметим, что закончилось все тем, что Мухаммад практически одновременно сосватал обеих, Сауду и ‘А’ишу, поставив перед своими биографами неразрешимую задачу – определить, кто из них стал второй по счету женой Пророка. Хотя при любом из вариантов ясно, что в течение последующих трех лет ‘А’иша останется только невестой Мухаммада, Сауда будет его единственной женой в полном смысле этого слова. Все осведомленные источники сообщают, отмечал ат-Табари в *Ta’riix*, что Пророк консуммировал свой брак с Саудой до того, как «вошел к ‘А’ише»².

Против замужества Сауды резко выступил остававшийся тогда еще язычником ее брат ‘Абд ибн Зам’а (принял ислам в 630 г.). В знак несогласия он, по тогдашним обычаям, стал рвать на себе волосы³. Отец Сауды, Зам’а ибн Кайс, по некоторым сообщениям, в то время был еще жив и не был мусульманином, но, «несмотря на это, предложение Посланника Аллаха… выдать за него дочь было выгодным для него, ибо он был уже стар. Он боялся, что, если умрет, то его дочь окажется в тяжелом положении…» и он дал согласие на этот брак⁴. Если это так, то непонятно, почему его имя нигде не упоминается при обряде сватовства Сауды.

Относительно доверенного лица Сауды Ибн Хишам в *Cire* писал, что «выдал ее за Пророка Салит ибн ‘Амр (в русском переводе ошибочно –

¹ Цит. по: Эриш. С. 38; варианты рассказа см.: ‘А’иша. С. 9–10; Баша-2009. С. 126–127.

² Tab., vol. IX, I. P. 1767.

³ Эриш. С. 41.

⁴ Там же. С. 39.

Салим. – *A. A.*). Говорят также, что выдал ее за него Абу Хатиб ибн ‘Амр ибн ‘Абд Шамс...» Однако при этом он отмечал, что «Иbn Исхак возражает против этого, говоря, что в то время Салит и Абу Хатиб находились в Эфиопии»¹. Упомянутые здесь Салит и Абу Хатиб (Хатиб) были деверями Сауды, и из сказанного остается неясным, кто конкретно представлял интересы невесты на переговорах о ее замужестве. В трудах современных авторов тем не менее в качестве такого родственника Сауды чаще всего указывают на Абу Хатиба (Хатиба) ибн ‘Амра².

Брак Сауды и Мухаммада состоялся, по сообщению Ибн Са‘да, в месяц рамадан на десятый год после ниспослания Пророку первых откровений³, что соответствует 620 г.⁴ На тот же год, со ссылкой на Ибн Са‘да и ат-Табари, указывал У.М. Уотт⁵. Утверждается, что в качестве *махра* Мухаммад передал Сауде 400 дирхемов⁶.

Сердечная привязанность к Хадидже еще переполняла Мухаммада, и любовь не могла быть тем чувством, которым он руководствовался, вступая в брак с Саудой. Главным было проявление участия к судьбе женщины-мусульманки, оказавшейся в трудном положении. «Женитьба Мухаммеда на Савде была демонстрацией проповедуемой им любви и солидарности – того милосердия и сострадания к ближнему, которыми должны руководствоваться истинно верующие в противоположность нечестивым и эгоистичным язычникам»⁷. Немаловажным обстоятельством была и необходимость в появлении в семье женщины, способной наладить быт и вести домашнее хозяйство.

Сауда быстро вошла в курс дела, «присматривала за детьми Хадиджи (Умм Кулсум и Фатимой. – *A. A.*) как родная мать»⁸ и конечно же не была «кормилицей его (т.е. Мухаммада. – *A. A.*) дочери Фатимы», как об этом писал в «Жизни Магомета» В. Ирвинг⁹.

Не проходной темой в трудах историков до настоящего времени остается вопрос о возрасте Сауды на момент ее замужества с Мухаммадом. Можно встретить несколько мнений на сей счет. У.М. Уотт, ссылаясь на Ибн Са‘да и ат-Табари, писал, что Сауда стала женой Пророка «в возрасте около 30 (?) лет», оставив возраст под вопросом¹⁰. В.Ф. Панова и Ю.Б. Вах-

¹ И.Х. С. 468; см. также: И.Н. Р. 792.

² Ислах. С. 72; Топбаш. С. 40.

³ См.: Ислах. С. 72; Эриш. С. 40.

⁴ Гудратов. С. 371; Топбаш. С. 485.

⁵ Уотт, 2007. С. 435.

⁶ Ислах. С. 72; Эриш. С. 40.

⁷ Панова. С. 264.

⁸ Эриш. С. 42.

⁹ Ирвинг. С. 84.

¹⁰ Уотт, 2007. С. 435.

тин в биографии Мухаммада высказались конкретней – ей было 30 лет¹. В год замужества с Пророком, утверждает М. Форвард в работе «Мухаммад: Краткая биография», Сауде «было за сорок»². Сауда после смерти ас-Сакрана осталась вдовой в возрасте 50 лет, сказано в «Исламском энциклопедическом словаре»³. М. Эриш в книге «Жены Пророка» полагает, что «Сауде было за пятьдесят»⁴. О.Г. Большаков в «Истории Халифата» писал, что в 630 г. Сауде «было уже лет 60, если не больше...»⁵, и если исходить из этого, то в 620 г. ей было за 50. Сауда вышла замуж за Мухаммада в возрасте 55 лет, уточняется в сборнике «Женщина в исламе»⁶.

Год рождения Сауды, как видно из приведенных данных о ее возрасте на момент второго замужества в 620 г., точно не известен. Она могла родиться в промежутке между 565 и 590 гг. Разница получается в 20 лет, и никакой определенности! Подойдем к вопросу с другой стороны: что говорится о годе смерти Сауды? Здесь предлагаемых варианта всего два:

– «Говорят, что она скончалась в последние дни правления ‘Умара ибн ал-Хаттаба (т.е. в 644 г. – А. А.)»⁷.

– Сауда умерла в месяце *шаввал* 54 г.х. (сентябрь-октябрь 674 г.) и ее дом вместе с близлежащими постройками за 180 тыс. дирхемов выкупил омейядский халиф Mu‘авийя I⁸.

Разница еще больше – 30 лет!

Если верна вторая дата, помещенная в новой редакции *The Encyclopaedia of Islam*, – 674 г., – то Сауде в год замужества с Пророком (620) вряд ли могло быть 40–55 лет, так как получается, что в год смерти ей было уже 94–109 лет. Возраст, конечно, достижимый, но малореальный. Если же ей было «около тридцати», то в таком случае она умерла примерно 84-летней, что выглядит более правдоподобным. В варианте с кончиной Сауды в год смерти халифа ‘Умара (644) «проходит» любой возраст из диапазона 30–55 лет на момент замужества. Другими словами, она могла умереть, прожив от 54 до 79 лет.

Здесь уместно вернуться к вопросу о наличии у Сауды в год свадьбы с Мухаммадом «маленьких детей». Сообщивший об этом Ибн ал-‘Аббас родился в 619 г., и он мог знать об их существовании не понаслышке. Если его слова донесены правильно, то, согласитесь, Сауда не должна была тогда пребывать в возрасте от 40 до 55 лет. Наличие маленьких детей следует более ожидать у 30-летней женщины. Получается, что правы те, кто

¹ Панова. С. 264.

² Форвард. С. 121.

³ Али-заде. С. 295.

⁴ Эриш. С. 40.

⁵ Большаков, 1989. С. 168.

⁶ Женщина. С. 370.

⁷ Ислах. С. 74; см. также: Эриш. С. 44.

⁸ EI, vol. IX. P. 90.

так и определял ее возраст в 620 г. Но почему тогда, помимо констатации факта их существования, о детях Сауды нет никакой другой информации? Может быть, они не были маленькими, и ближе к истине те, кто говорят, что Сауде было 40–55 лет? В этом случае у нее вполне могли быть взрослые дети, которые родились до появления ислама и так и остались язычниками, а не упоминаются они, чтобы не бросать тень на Пророка и его вторую жену.

Но женитьбу 50-летнего Мухаммада на женщине, которая была чуть моложе, а то и ровесницей, или превосходящей его по возрасту, трудно объяснить с житейской точки зрения. Проявленное Пророком « сострадание к ближнему» объясняет многое, кроме одного простого факта: он всегда желал, чтобы Аллах одарил его сыном, а тут вдруг женится на пожилой женщине, заведомо не способной рожать? Откуда он мог знать, что этот брак не будет последним? ('А'иша не в счет по малолетству).

Шли годы, Мухаммад приводил в дом новых жен, но ничто не омрачало его взаимоотношений с Саудой. Насколько известно, он только один раз повысил на нее голос, и случилось это после битвы при Бадре (624). Этот эпизод нашел отражение в *Сире*, где Ибн Исхак писал, что когда в Медину доставили плененных мекканцев-язычников, Сауда, по ее же рассказу, увидев сидевшего с привязанными к шее веревкой руками Абу Йазида Сухайла ибн 'Амра, брата своего первого мужа, сказала: «О, Абу Йазид, ты сдался слишком легко. Тебе следовало погибнуть благородной смертью». Но тут голос Пророка заставил ее вздрогнуть: «Сауда, ты намереваешься возбудить беспорядки против Аллаха и Его Посланника?» Она ответила: «Клянусь Аллахом, я с трудом могла сдержать себя, когда я увидела Абу Йазида в том состоянии, и поэтому я сказала то, что сказала»¹.

Сауда по возрасту была самой старшей из обитательниц «женской половины» дома Пророка, и ее жизнь в кругу молодых подруг-соперниц не была простой. По натуре она была щедрой, незлопамятной и простодушной, и Мухаммаду не раз приходилось ограждать Сауду от проказ других жен. При этом вряд ли дела в их отношениях обстояли так, как это описано в отечественной биографии Мухаммада советского периода: «Для Мухаммеда брак с Савдой оказался неудачным. Он не любил Савду, они так и остались чужими и ненужными друг другу людьми. Даже близость с ней тяготила Мухаммеда настолько, что Савда не могла этого не замечать»².

Правда в том, что со временем Сауда уже не могла на равных соперничать с женами Пророка, многим из которых она годилась в матери: годы, к сожалению, никому не добавляют ни здоровья, ни привлекательности. Она стала дородной женщиной, которую по фигуре узнавали на улице,

¹ И.Н. Р. 309; см. также: И.Х. С. 225.

² Панова. С. 264.

даже когда она накидывала хиджаб¹. Положение, видимо, усугублялось угасанием либидо, и наступил момент, когда «Мухаммад решил расстаться с состарившейся Саудой... и дал ей развод. Связав свои пожитки в узел, она села на пути, по которому Мухаммад ходил в мечеть, и, когда он появился, с воплями стала спрашивать, в чем ее вина. Поскольку это происходило прилюдно, Мухаммаду пришлось принять ее обратно в круг жен, тем более что она уступила свою очередь супружеских посещений в пользу ‘А’иши»². Произошло это либо в 629 г.³, либо годом позднее⁴.

Этот эпизод нашел свое отражение в Священном Писании: **«И если женщина боится от своего мужа суровости или уклонения (от исполнения своих супружеских обязанностей. – А. А.), то нет греха на них, чтобы они устроили между собой согласие. Ведь согласие – лучше»** (4:128)⁵. Появлению этой коранической нормы, направленной на защиту прав женщины в семье, мусульманки обязаны именно Сауде.

Джабраил передает Мухаммаду слова Корана

¹ См.: Бухари. С. 685.

² Большаков, 1989. С. 168.

³ EI, vol. IX. P. 89.

⁴ Большаков, 1989. С. 168.

⁵ Коран, перевод Крачковского.

Вскоре положение Сауды в семье Пророка вновь стабилизировалось, о чем может свидетельствовать то, что Мухаммад взял ее с собой в хаджж, который стал для него «прощальным паломничеством» (январь–февраль 632 г.). После смерти Пророка потрясенная утратой Сауда поклялась не совершать ни хаджжа, ни ‘умры¹.

Оставшиеся годы Сауда провела на положении почитаемой вдовы Пророка – «матери верующих». В отличие от других вдов Мухаммада, она не обрела славы плодовитой передатчицы рассказов о жизни мужа: с ее слов известно только 5 хадисов.

Сауда была похоронена в Медине на кладбище ал-Баки².

‘А’иша

Третья жена пророка Мухаммада, ‘А’иша, была младшей дочерью Абу Бакра ибн Аби Кухафы (‘Усмана) из курайшитского рода Тайм и Умм Руман Хариджи бинт ‘Амир из племени Кинана. При рождении ее отцу дали языческое имя, которое замалчивалось в мусульманских источниках. Со временем оно стерлось в памяти, и в разных хрониках упоминалось либо как ‘Абд ал-Ка‘ба, либо как ‘Абд ал-‘Узза, либо как ‘Абд ал-Лат. Позже оно было заменено самим Пророком на благочестивое Абдаллах («Раб Аллаха»), но в историю ислама отец ‘А’иши вошел под именем Абу Бакр («Отец целомудрия»)².

Абу Бакр и Умм Руман поженились во времена *джихад*, и для матери ‘А’иши этот брак был вторым. Девочка получила имя, означающее «Живущая», «Благополучная». В некоторых источниках ‘А’иша названа 19-й по счету из принявших ислам, «что не может означать ничего кроме того, что она была причислена к верующим по рождению»³.

Когда ‘А’иша была еще маленькой девочкой, родители сосватали ее с таким же юным Джубайром, сыном знатного курайшита-язычника

¹ Ислах. С. 74.

² Аляутдинов. С. 104.

³ Abbott. P. 1.

Мут‘има ибн ‘Ади, главы рода Науфал. Это выглядит странно, так как напрашивается вопрос: как уже принявший ислам Абу Бакр мог сосватать дочь с язычником?

Одними из первых принявшие ислам Абу Бакр и Умм Руман, видимо, тяготились этой помолвкой и, когда овдовевший после смерти Хадиджи Мухаммад склонился к новому браку, решили расторгнуть ее. «Впрочем, родители Джубайра легко согласились на расторжение договоренностей, так как опасались, что, женившись на ‘А’ише, их сын примет ислам»¹.

Пророк и Абу Бакр при посредничестве Хаулы бинт Хаким приступили к подготовке обряда сватовства. Событие это состоялось в 620 г., чуть раньше или чуть позже женитьбы Мухаммада на Сауде, и это признаётся всеми исследователями. Главными проблемами, которые вот уже на протяжении многих столетий волнуют историографов, остаются связанные друг с другом дата рождения ‘А’иши, ее возраст на момент помолвки и последовавшая примерно через три года свадьба с Пророком.

Начнем с того, как сама ‘А’иша определяла свой возраст в день свадьбы, состоявшейся в 623 г. Ее слова приводил ат-Табари: «А было мне тогда девять лет»². Историк также отмечал, что Пророк консуммировал с ней свой брак через восемь месяцев после его прибытия в Медину, в месяц зу-л-када³ 1 г.х. (май-июнь 623 г.) или, по другим сведениям, на месяц раньше – в шаввале (апрель-май 623 г.)⁴. Из этого следует, что в 620 г., когда состоялась ее помолвка с Мухаммадом, ‘А’иша было шесть лет, а родилась она в 614 г.

С таким или примерно таким определением возраста ‘А’иши были согласны многие мусульманские ученые. Еще Ибн Хишам указывал, что «Пророк женился на ‘А’ише... когда ей было семь лет. А стал жить с ней в Медине, когда ей исполнилось девять или десять лет»⁵. Ибн Са‘д писал в *Табакат*, что в 623 г. ‘А’иша «вошла в дом» Пророка девятилетней⁶, того же взгляда придерживался ал-Балазури в *Ансаб*.

Большинство современных изданий опирается на такие же цифры. ‘А’иша «родилась в Мекке около 614 г.», – сообщает *The Encyclopaedia of Islam*⁷. В «Краткой энциклопедии ислама»⁸ годом рождения ‘А’иши также указан 614 г.⁹ Мухаммад сосватал ‘А’ишу, когда ей было шесть лет, «но она казалась старше»⁹ или, «когда ей было шесть или семь лет»¹. ‘А’иша

¹ Ислах. С. 77.

² Цит. по: Большаков, 1989. С. 111.

³ Tab., vol. VII, I. P. 1261.

⁴ ИХ. С. 468.

⁵ Цит. по: Уотт, 2007. С. 435.

⁶ EI, vol. I. P. 306.

⁷ Ньюби. С. 34.

⁸ См. также: ‘А’иша. С. 7; Форвард. С. 135; Эриш. С. 20.

⁹ Баша, 2009. С. 126; см. также: Мубаракфури. С. 94.

«было приблизительно восемь или девять лет, когда произошло переселение в Медину»². Пророк «познал ее», когда ей было девять лет, а ему – 53 года³. О девяти или десяти годах у ‘А’иши на момент ее замужества говорится в «Исламском энциклопедическом словаре»⁴.

Однако с такими данными, по разным причинам, согласны не все. Авторы книги «Духовные матери мусульман», по их словам, «не склонны соглашаться с этими версиями, сколь бы авторитетными они не были»⁵. При этом они ссылаются на мнение, которое изложил в сочинении о сподвижниках Пророка *ал-Исаба* известный мусульманский улем Абу-л-Фадл Ахмад ибн Али, более известный как Ибн Хаджар ал-‘Аскалиани (1372–1448). Тот полагал, что ‘А’иша родилась «в непосредственной близости от даты выступления Пророка с проповедью ислама» в 610 г.⁶ Авторы считают, что ‘А’иша «приняла ислам вместе с группой лиц, которые вступили в мусульманскую веру сразу же после первой проповеди», будучи «еще малолеткой»⁷. Она стала женой Мухаммада, пишут авторы, «в четырнадцатилетнем или шестнадцатилетнем возрасте», поскольку это «отвечает природе вещей, особенно в таком вопросе как женитьба»⁸.

Они приводят мнение, согласно которому ‘А’иша родилась за 11 или 12 лет до *хиджры*, т.е. в 610/611 г., и Мухаммад взял ее в жены 14-летней. Приведя эту точку зрения, авторы «Духовных матерей», правда, оговариваются, что они не располагают источниками сведений, на которые можно было бы положиться⁹.

Различия во взглядах приводят некоторых авторов к необходимости констатировать, что ‘А’иша достигла брачного возраста, когда ей «было не менее девяти, но не больше 14 лет»¹⁰, а Али-заде в «Исламском энциклопедическом словаре» приводит еще большие цифры: «Имеются... свидетельства о возрасте ‘А’иши к моменту брака с Пророком: 15 и 17 лет»¹¹.

Возраст ‘А’иши на момент замужества до настоящего времени является наиболее обсуждаемой темой в трудах как приверженцев пророка Мухаммада, так и ниспровержателей его вероучения. Юный возраст третьей жены Пророка всегда давал повод противникам ислама для обвинений Мухаммада в чрезмерном сладострастии и невоздержанности, а также в

¹ Форвард. С. 129.

² ‘А’иша. С. 7; см. также: Баша, 2009. С. 125.

³ Форвард. С. 129; см. также: Мубаракфури. С. 94; Ирвинг. С. 119.

⁴ Али-заде. С. 27.

⁵ Ислах. С. 75.

⁶ Цит. по: Ислах. С. 75.

⁷ Ислах. С. 75–76.

⁸ Там же. С. 75.

⁹ Там же. С. 76.

¹⁰ ‘А’иша. С. 22; Баша, 2009. С. 132.

¹¹ Али-заде. С. 27.

установлении в качестве норм «негуманного» отношения к женам и женщинам вообще. Во многовековой истории распространившегося по всему миру ислама, конечно, бывало всякое. Но Мухаммад ни в коей мере не ответственен за образ жизни распущенных среднеазиатских баев или ближневосточных набобов – «любителей клубнички». (Впрочем, так же, как и за действия извративших слова его проповедей средневековых головорезов-ассасинов или современных исламских боевиков.) Ни к чему подобному он никогда не призывал, да и не мог призывать.

История с женитьбой Мухаммада на ‘А’ише во всех ее деталях не выходила за рамки принятых в те годы норм общежития. Период наступления регул как для самой девушки, так и для окружающих ее лиц в людском сообществе всегда означал переход от детской к взрослой жизни и служил одним из физиологических указаний на ее готовность к замужеству и, как следствие, – к деторождению. В странах с умеренным климатом вхождение во взрослую жизнь начинается, как правило, в 12–14 лет (вспомним няню Татьяны Лариной, выданной замуж «в неполные тринадцать лет»). В местах с климатом пожарче период полового созревания часто приходится на более ранние годы. И в XX веке зафиксированы подтвержденные официальной медициной случаи ранних родов. Самой молодой матерью в медицинской истории стала Лина Ванесса Медина Васкес из Перу, которая в 1939 г. в возрасте пяти лет семи месяцев и 17 дней родила здорового мальчика. Подобный феномен не обошел и территорию нашей страны: в 1934 г. в Харькове Лиза Пантуева стала матерью в шесть лет. На этом фоне ставшая женой в девять лет ‘А’иша выглядит достаточно «зрелой» женщиной.

Кстати, это касается не только девушек: в истории известен багдадский халиф Мансур ар-Рашид (1135–1136), не проявивший себя ничем, кроме того, что стал отцом в девять лет. Так что Мухаммад, если так можно выразиться, «забронировал» ‘А’ишу для себя, и не его вина в том, что девушка, на которой он намеревался жениться, достигла брачного возраста, будучи девятилетней.

Это пространное (и местами банальное) отступление вызвано потребностью в критике неистребимого желания некоторых авторов сделать ‘А’ишу более взрослой на момент ее замужества. Одни из них простодушно полагают, что тем самым они способны обелить Мухаммада, женившегося на «малолетке». Другие – стремятся добавить веса ‘А’ише, представив дело так, будто она родилась еще до появления ислама и вместе с отцом была одной из тех, кто первым уверовал в пророческую миссию Мухаммада. И всё это несмотря на воспоминания самой ‘А’иши о том, что она в первые годы супружеской жизни еще играла в куклы¹. Это как-то трудно себе представить в отношении 14–16-летней девушки.

¹ Муслим. С. 684.

Первые шесть-семь месяцев после переселения в Медину Мухаммад не имел собственного пристанища и жил в доме мединца Абу Айуба Халида ибн Зайда. Только в апреле 623 г., когда была закончена постройка мечети и примыкавшего к ней собственного дома, у Пророка появилась возможность перевезти семью. Посланный в Мекку приемный сын Мухаммада, Зайд ибн Хариса, доставил в Медину жену Пророка Сауду, его дочерей Фатиму и Умм Кулсум, а также свою жену Умм Айман и сына Усаму. В одном караване с ними в Медину прибыла и семья Абу Бакра – жена Умм Руман, сын ‘Абдаллах и дочери Асма’ и ‘А’иша¹.

Вскоре после переезда у ‘А’иши начались регулы, о чем Умм Руман не замедлила сообщить Абу Бакру. Тот отправился к Пророку с этим известием, и было решено приступить к обряду бракосочетания. По мнению большинства историков, свадьба состоялась в месяце *шаввал* на первом году *хиджры* (апрель – начало мая 623 г.) и прошла очень скромно. Ат-Табари поместил в *Ta’riх* следующий рассказ самой ‘А’иши: «Мы приехали в Медину, и Абу Бакр поселился в ас-Сунхе... Пришел Посланник Аллаха и вошел в наш дом, и собрались к нему мужчины из ансаров и женщины. Моя мать пришла ко мне, а я качалась на качелях между двумя ветками, она меня сняла, поправила мою прическу, сполоснула мне лицо водой, потом повела меня, а когда я оказалась около двери, остановилась со мной, потому что я немного запыхалась, потом ввела меня, а у нас в доме на сиденье сидит Посланник Аллаха... Она посадила меня в его комнате и сказала: “Вот твоя семья, пусть они будут благословенны Аллахом для тебя и ты благословенна для них”. Тут мужчины и женщины встали и вышли. И вошел Посланник Аллаха ко мне в моем доме, и не закололи жертвенное животное и не зарезали ради меня овцу»².

После свадьбы ‘А’иша в течение восьми месяцев оставалась в доме родителей по той простой причине, что еще не умела вести самостоятельную жизнь: «Ввиду юности... она, вполне возможно, оставалась какое-то время с матерью...»³. Не исключено также, что к дому Мухаммада еще не была пристроена комната, в которой она будет жить как жена Пророка.

Относительно *махра*, выплаченного Мухаммадом ‘А’ише, существуют разные предположения. О.Г. Большаков писал, «что ни один источник не упоминает свадебного подарка» Пророка, поскольку «в тот момент, видимо, у него ничего не было»⁴. Со второй частью этого заявления можно согласиться, но как быть с первой, ведь еще Ибн Хишам писал в *Сире*, что свадебный дар был выдан и составлял 400 дирхемов⁵? Впрочем, в ряде современных трудов эта сумма подвергается сомнению, и брачный дар указан

¹ Большаков, 1989. С. 110–111; Ислах. С. 77–78, 79; Мубаракфури. С. 129.

² Цит. по: Большаков, 1989. С. 111.

³ Уотт, 2007. С. 310.

⁴ Большаков, 1989. С. 111.

⁵ И.Х. С. 468; ИН. Р. 729.

в размере 150¹ либо 500 дирхемов², причем разговоры о выплате сопровождаются пометкой, что эти средства Абу Бакр дал Мухаммаду взаймы.

Кто тут прав, сказать трудно. Авторы работы «Духовные матери мусульман»³ ссылаются на слова ‘А’иши, сказавшей, что ее отец дал Мухаммаду деньги в размере 12,5 укий серебра, а один укий якобы равнялся 12 дирхемам ($12,5 \times 12 = 150$ дирхемов). Однако, по свидетельствам раннего мусульманского историка Абу ‘Абдаллаха Мухаммада ибн ‘Умара ал-Вакиди (747–823) и ал-Балазури, величина одного укийя в те годы составляла 40 дирхемов⁴. И тогда правы те, кто говорят о 500 дирхемах, выплаченных Мухаммадом ‘А’ише ($12,5 \times 40 = 500$). Проблема в том, что одолженные в 623 г. Абу Бакром Мухаммаду те же 500 дирхемов в источниках фигурировали не только в качестве *махра*. Ал-Балазури сообщал, со слов той же ‘А’иши, что такая сумма, полученная от Абу Бакра, была передана Мухаммадом Зайду ибн Харисе, и на нее были куплены верблюды для перевозки обеих семей из Мекки в Медину⁵. Не произошло ли здесь путаницы, когда полученные Пророком деньги рассматривались не в качестве средств, предназначенных на «дорожные расходы», а как выплата в качестве *махра*? Что же касается упомянутых Ибн Хишамом 400 дирхемов, то именно такая сумма неизменно значится у него в качестве *махра*, выплаченного Мухаммадом большинству своих жен (Сауде, ‘А’ише, Зайнаб бинт Хузайма, Хафсе, Джувайрийе, Зайнаб бинт Джакш, Маймуне), вне зависимости от их статуса и материального положения. Не был ли этот размер выплаты умозрительно выведен самим Ибн Хишамом? Ведь величина *махра* не могла быть стандартной, так как зависела от уровня состоятельности мужчины на момент его брака.

Первые два года после свадьбы с ‘А’ишей Пророк не брал себе новых жен. Но в 625 г. его семья пополнилась сразу тремя супругами, ими стали Хафса бинт ‘Умар, Зайнаб бинт Хузайма и Умм Салама бинт Аби Умайя. Однако это никак не повлияло на теплые взаимоотношения между Пророком и юной ‘А’ишей. Она была белокожа и от застенчивости часто краснела, поэтому Мухаммад часто называл ее ласковым домашним именем Хумайра («Румянчик»)⁶. «Мухаммад, несомненно, любил ‘А’ишу и как первую жену-девственницу, которую познал на склоне лет, и как дочку, младого, проказливого ребенка...»⁷

Но вот в самом конце 626 – начале 627 г. случились события, резко пошатнувшие положение ‘А’иши в семье и оказавшие влияние на разра-

¹ Ислах. С. 78.

² ‘А’иша. С. 20; Баша, 2009. С. 131; Эриш. С. 23.

³ Ислах. С. 78.

⁴ Большаков, 1989. С. 108.

⁵ См.: Большаков, 1989. С. 111.

⁶ Газали. С. 29.

⁷ Большаков, 1989. С. 111.

ботку ряда положений мусульманской семейной этики. Инцидент, получивший позднее название «дело ‘А’иши» или дело о «клевете» (*‘ифк*), произошел во время военного похода мусульман и их союзников против людей *бану ал-Мусталик* из племени Хуз‘а, которые собирались дать сражение Мухаммаду и его приверженцам.

Получив известие об этих намерениях, Пророк решил опередить противника и застать его врасплох у колодца ал-Мурайси¹, где вожди ал-Мусталик объявили сбор. Этот план полностью удался: не ожидающие внезапного удара, воины-мусталикиты большей частью разбежались по окрестным горам, а те, кто принял бой, были повержены или сдались в плен. Противник потерял убитыми 10 человек, а мусульмане всего одного, Хишама ибн Субабу, да и того по ошибке: в возникшей неразберихе его, приняв за врага, сразил один из *ансаров*. Мусульманам досталось 2 тыс. верблюдов, 5 тыс. овец и богатый обоз, в котором помимо всего прочего находились около 200 женщин с детьми². Но самым ценным обретением была 20-летняя красавица Барра, дочь главы *бану ал-Мусталик* ал-Хариса ибн Аби Диара. Ее муж, ‘Абдаллах, доводившийся ей двоюродным братом², храбро сражался при ал-Мурайси¹ и был убит.

На обратном пути от водопоя ал-Мурайси¹ в Медину и произошел упомянутый инцидент, подробности которого можно изложить со слов главного действующего лица этой истории. Позже ‘А’иша рассказывала:

«Собираясь в путь, Пророк бросал жребий среди своих жен, и кому он выпадал, ту он брал с собой в путь... В поход против *бану ал-Мусталик*... Пророк взял в путь меня. Женщины тогда ели мало, преимущественно травы (т.е. фрукты и зелень. – A. A.), не ели мяса, обычно они были легкими. Когда начинали готовить моего верблюда в дорогу, я садилась в свой паланкин, потом люди, снаряжавшие меня в путь, приходили и несли меня в паланкине, поднимали, ставили паланкин на спину верблюда и привязывали его веревкой. Потом брали верблюда за голову (т.е. под уздцы. – A. A.) и вели его.

Завершив свой путь в этот раз, Пророк отправился назад. Недалеко от Медины он сделал привал и отдохнул там немного. Потом поднял людей, и они двинулись дальше. А я удалилась по своей нужде. У меня на шее было ожерелье из камней города Зафара. Когда я закончила свое дело, ожерелье упало с моей шеи, но я не почувствовала. Когда я вернулась к месту стоянки, стала ощупывать шею, ища ожерелье, но не обнаружила его. А люди уже начали двигаться в путь. Я вернулась в то место, куда ходила, искала ожерелье, пока не нашла его. Люди, готовившие моего верблюда в путь, закончили свои дела, пришли за мной. Они взяли паланкин, думая, что я уже там сижу, как я это обычно делала, подняли на верб-

¹ Большаков, 1989. С. 125; И.Х. С. 311.

² И.Н. С. 793.

люда и привязали. Они не сомневались в том, что я там сижу. Потом взяли верблюда за голову и двинулись в путь. Я вернулась в лагерь, а там уже никого не было: люди уехали. Тогда я завернулась в плащ и легла на землю. Я знала, что когда обнаружат, что я пропала, пришлют за мной.

И вот, когда я так лежала, мимо меня проезжал Сафван ибн Му‘аттал ас-Сулами. Он отстал от войска по каким-то своим делам и не был на привале вместе со всеми... Увидев меня, он воскликнул: “Боже мой! Это ведь жена Пророка!”. Я была завернута в плащ. Он спросил: “Почему ты отстала, да простит тебя Аллах?” Я не ответила. Потом он подвел верблюда ко мне и, сказав: “Садись верхом”, отошел от меня. Я села, он взял верблюда за голову и быстро пошел, чтобы догнать людей. Ей-богу, мы догнали людей только утром, когда они уже остановились и обнаружили, что я пропала. Когда же они уже расположились, появился этот человек, ведя верблюда, на котором я сидела верхом»¹.

Караван в пути

Это происшествие не осталось незамеченным. Глава мединских «кли-цемеров» (мунафикун) ‘Абдаллах ибн Убай, будто бы с ехидством произнес: «Жена вашего Пророка провела ночь до утра с мужчиной»². Разразился громкий скандал. Кто-то выступал в качестве защитника чести юной (13-летней) жены Пророка, кто-то обвинял ее в супружеской измене, и дело чуть не дошло до драки. Оба главных действующих лица происшествия отреагировали на случившееся по-разному: ‘А’иша от волнений слегла в постель и для выздоровления переселилась в отчий дом, а Сафван с ору-

¹ И.Х. С. 313–314; см. также: Бухари. С. 432–433.

² Большаков, 1989. С. 129.

жием в руках принялся отстаивать честь ‘А’иши и свое добродетельное имя и даже ранил мечом *ансара* Хассана ибн Сабита, высмеивавшего их в своих стихах.

Насколько обоснованными были обвинения ‘А’иши в измене? Был ли правдивым ее рассказ о пропавшем ожерелье? Ответы на эти вопросы дать трудно. Православный богослов, историк и педагог Ф.А. Смирнов (1865 – после 1917) в работе под характерным названием «Зависимость мнимобожественных откровений Корана от обстоятельств жизни Мухаммеда» (1893) писал: «Может быть, все происходило так, как рассказывала Аиша; а может быть, она и согрешила. Действительность осталась неизвестной... Сам Мухаммед подозревал шаловливую жену в измене и перестал посещать ее. ‘А’иша сначала показывала вид, что ничего особенного не замечает. Потом, заметивши полное охлаждение к себе супруга, попросила отпустить ее к отцу»¹.

Конечно, недостаток доказательств невиновности юной жены Пророка состоит в том, что рассказ о потерявшемся ожерелье и пропаже ее самой известен только со слов ‘А’иши. Другой участник событий, Сафван ибн Му‘аттал, воспоминаний, подтверждающих ее правоту, не оставил. Не в ее пользу говорит и то, что большой *хадис* о событиях, связанных с делом о «клевете», был зафиксирован через несколько десятилетий после описываемых событий: передатчик от ‘А’иши одного из его вариантов, ‘Урва ибн аз-Зубайр ибн ал-‘Аввам (племянник ‘А’иши, сын Асмы бинт Аби Бакр), родился в 643 г. Другими словами, воспоминания ‘А’иши появились тогда, когда уже давно было известно, чем все закончилось, и они не могли быть иными, так как подозрение в супружеской неверности уже было снято и осуждено в самом Коране, текст которого был канонизирован в 651 г. и, конечно, был известен ‘А’ише: «Те, которые **возвели навет на мать правоверных Аишу, являются группой из вас самих** (т.е. лжецов. – А. А.)... **Каждому мужу из них достанется заработанный им грех. А тому из них, кто взял на себя большую часть этого, уготованы великие мучения**» (24:11)².

Вместе с тем не следует отрицать правдивость *хадисов*, переданных от ‘А’иши, что свойственно шиитским авторам. Один из них, ‘Али ибн Ибрахим ал-Куми (? – не ранее 922), даже утверждал, что «дело ‘ифк» было связано не с ‘А’ишей, а с Марией Коптянкой³. В начале рассказа о событиях, связанных с походом против *бану ал-Мусталик*, ‘А’иша, правда, запамятовала некоторые детали: в частности, в походе, кроме нее, участвовала еще одна жена Пророка, Умм Салама⁴; потерявшееся ожерелье не принадлежало ‘А’ише, она выпросила его поносить у сестры Асмы⁵.

¹ Смирнов. С. 407.

² Коран, перевод Кулиева.

³ См.: Миршарифи. С. 171.

⁴ Большаков, 1989. С. 125.

⁵ ‘А’иша. С. 56.

Но не это главное. В пользу невиновности ‘А’иши свидетельствует ее привязанность к Мухаммаду, боязнь потерять его, ревность к другим женам Пророка. С этим как-то не вяжется мысль о том, что она могла решиться на банальную супружескую измену с первым встречным.

Смущает в рассказе ‘А’иши иное – мотив, по которому она «опоздала на караван». Чтобы двинуть в путь основательное войско, обремененное большим обозом с захваченным добром и семью тысячами угнанных животных, нужно немало времени. Почему ‘А’иша, никого не предупредив, покинула караван именно тогда, когда «люди уже начали двигаться в путь»? Почему две ее непродолжительных отлучки остались без внимания окружающих, особенно людей, «снаряжавших» ее в путь?

Как представляется, причина того, что ‘А’иша покинула караван, была более веской, чем поиски пропавшего ожерелья. И причина эта – появление в лагере мусульман красавицы Барры бинт ал-Харис, дочери вождя *бану ал-Мусталик*. Мухаммад выкупил пленницу у *ансара* Сабита ибн Кайса (по другой версии, у Сабита и / или его двоюродного брата), которому она досталась при разделе добычи, и предложил ей выйти за него замуж. Но так говорила ‘А’иша, и случилось это, по ее словам, после возвращения войска в Медину¹. Однако, по сообщению ал-Балазури в *Ансаб*, Барра попала в долю (*хумс*) самого Мухаммада². В обоих случаях разговоры о появлении Барры не могли пройти мимо внимания ‘А’иши, а Пророк мог не остаться равнодушным к пленнице еще до прибытия в Медину.

Можно себе представить, какая ревность охватила ‘А’ишу, когда она узнала об этом! Чем не повод, чтобы в гневе броситься куда глаза глядят? А в остальном в рассказе ‘А’иши все может быть правдой: когда она, оставив и придя в себя после долгой отлучки, вернулась на место стоянки, там никого уже не было, и ей пришлось лечь и ждать в надежде, что ее отсутствие обнаружат как можно скорее.

Итак, когда мусульмане с победой вернулись в Медину, Мухаммаду, понапацу не придавшему особого значения дорожному приключению ‘А’иши, пришлось разбираться с «делом *‘ифк*» и вникать в подробности. Для начала он решил расспросить обо всем Усаму, старшего сына своего приемного сына Зайда ибн Харисы, ровесника ‘А’иши. Тот сказал: «О, Посланник Аллаха! О твоей семье известно только хорошее. Все это ложь и неправда». Потом Мухаммад поинтересовался мнением ‘Али ибн Аби Талиба. Двоюродный брат Пророка, его зять, был настроен более критично: «О, Посланник Аллаха! Женщин много, и ты можешь найти замену. Спроси служанку, она тебе скажет правду». Вызвали служанку по имени Бурайра, и ‘Али, шлепнув ее для остротики, сказал: «Говори правду Посланнику Аллаха!» Та ответила: «Клянусь Аллахом, ни о чем дурном я не знаю. Я ни-

¹ И.Х. С. 311.

² См.: Большаков, 1989. С. 251.

чего дурного не могу сказать про 'А'ишу, кроме одного случая: я месила тесто и просила ее присмотреть за тестом, как пришел баран и съел его. Она просто неосмотрительна¹.

Услышав эти отзывы и ознакомившись с подобными им комментариями случившегося, Мухаммад решил пойти в дом Абу Бакра и призвать 'А'ишу покаяться перед всемилостивым Аллахом: «О, Аиша! Ты уже знаешь, о чем говорят люди. Бойся Аллаха! Если ты сделала действительно что-то нехорошее, как говорят люди, то кайся пред Аллахом! Поистине, Аллах принимает раскаяние своих рабов»². 'А'иша позже рассказывала, что она, зная о своей невиновности, все же не могла вымолвить ничего в свою защиту и лишь надеялась, что Аллах ниспошлет ее мужу откровения, в которых снимет с нее ложные обвинения. Всеышний услышал ее мольбу и уведомил Мухаммада о невиновности его жены³.

Все эти перипетии привели к двум важным последствиям: во-первых, к затаенной злобе 'А'иши к 'Али, усомнившемуся в ее верности Пророку, и, во-вторых, они послужили первопричиной появления в исламе некоторых важных семейно-нравственных норм. Позже они вошли в начальные *айаты* 24 *сурь* Корана, которую, как говорит Аллах, «Мы ниспослали и сделали законом» (24:1)⁴:

«Прелюбодейку и прелюбодея – каждого из них высеките сто раз... Тех, которые обвинят целомудренных женщин и не приведут четырех свидетелей, высеките восемьдесят раз и никогда не принимайте их свидетельства, ибо они являются нечестивцами, кроме тех из них, которые после этого раскаялись и стали поступать праведно... Воистину те, которые обвиняют целомудренных верующих женщин, даже не помышляющих о грехе, будут прокляты в этом мире и в Последней жизни! Им уготованы великие мучения» (24:2, 4, 5, 23)⁵.

Приведенные слова Корана очень часто используются для того, чтобы развенчать ислам как негуманное античеловеческое религиозное учение, ущемляющее права женщин. Вместе с тем, как нетрудно заметить, введенные нормы в той же мере касаются и мужчин. Говорилось и о необоснованности появления этих предписаний, их спонтанности: «Приведенное откровение, – писал Ф.А. Смирнов, – носит на себе все следы своего происхождения из озлобленного, негодящего сердца Мухаммада. К чему многократность повторений о муке обвинителей Аиши в божественном откровении?». «По словам Ибн Аббаса, – продолжает он, – …за оклеветание жены определено… самое жестокое наказание из всех наказаний в Коране. Отчего это зависело? Конечно, не от тяжести преступления, потому

¹ И.Х. С. 315.

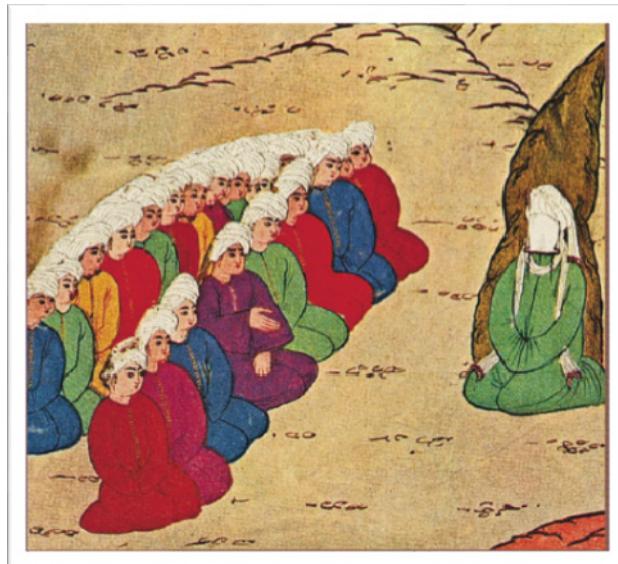
² И.Х. С. 315; Бухари. С. 433.

³ Там же. С. 316; там же. С. 435–436.

⁴ Коран, перевод Кулиева.

⁵ Там же.

что убийство и многие другие преступления тяжелее клеветы. Только этим раздражением можно объяснить и назначение крайне большого числа свидетелей. Везде в юридической практике признается достаточным свидетельство двух человек. Сам Мухаммад в Коране... и в предании... назначал только по два свидетеля при разных случаях. Почему же здесь-то именно, где самый характер преступления не допускает возможности многих свидетелей, он требует четырех свидетелей?

Наставления Мухаммада

Личной же заинтересованностью и раздраженностью Мухаммада в данном откровении объясняется и назначение 80 ударов за обвинение мужем жены при отсутствии четырех свидетелей. Практика показала неприменимость этого стиха (24:4)»¹.

В наши задачи не входит критика трудов ниспровергателей Священного Писания мусульман, хотя можно было бы попутно заметить, что клевета часто рассматривается человеком как самое тяжкое преступление: ради защиты своего честного имени люди гибли, «оклеветанные мольбой». Здесь будет уместным сравнить данные коранические предписания с положением Торы: «Если кто будет прелюбодействовать с женой замужнею, если кто будет прелюбодействовать с женою ближнего своего, – да будут преданы смерти и прелюбодей и прелюбодейка» (Лев 20:10)².

¹ Смирнов. С. 409–410.

² Библия. С. 116.

Становится ясным, что нормы, озвученные Мухаммадом, предполагали значительное послабление в наказании согрешивших. Следует также подчеркнуть, что положение о побиении камнями, широко практиковавшееся среди мединских иудеев, не вошло в Коран.

В чем можно согласиться с Ф.А. Смирновым, так это с фактической «неприменимостью» положения о четырех свидетелях. Это стало понятно с самого начала, и трудности, с которыми приходилось сталкиваться при доказательстве супружеской измены, вызывали недоуменные вопросы со стороны мусульман. В ас-Сахих ал-Бухари поместил переданный от Ибн ал-‘Аббаса хадис о том, что как-то к Пророку пришел его соратник Хилал ибн Умайя и обвинил свою жену в измене с неким Шариком ибн Сахмой. Мухаммад сказал: «“(Либо представь) доказательства (т.е. еще трех свидетелей. – A. A.), либо (готовь) свою спину для наказания”. (На это Хилал) сказал: “О Посланник Аллаха, неужели после того, как кто-нибудь из нас увидит (другого) мужчину на своей жене, он (должен еще) искать доказательства?”¹. Однако Мухаммад остался непреклонным. Но, видимо, этот разговор не прошел впустую, и Пророку были ниспосланы слова, вошедшие в айаты, в которых сделано послабление для тех мужей и жен, кто столкнулся с необходимостью доказывать факт адюльтера: **«А свидетельством каждого из тех, которые обвиняют своих жен в прелюбодеянии, не имея свидетелей, кроме самих себя, должны быть четыре свидетельства Аллахом о том, что он говорит правду, и пятое о том, что проклятие Аллаха ляжет на него, если он лжет. Наказание будет отвращено от нее, если она принесет четыре свидетельства Аллахом о том, что он лжет, и пятое о том, что гнев Аллаха падет на нее, если он говорит правду»** (24:6–9)². Надо сказать, что в глазах Мухаммада клятва Аллахом была не менее весомым аргументом при рассмотрении тяжб, чем простое свидетельство очевидцев.

Завершая этот сюжет, следует сказать, что женщины-мусульманки должны быть благодарны ‘А’ише, своим дорожным приключением невольно давшей повод для ниспослания установлений, защищающих жен от наветов в измене. Сколько их жизней было спасено потом от тяжелой кары вследствие безосновательных оговоров! Что же касается злополучного ожерелья, то во время одного из последующих походов Пророка ‘А’иша умудрилась потерять его еще один раз. Наученный горьким опытом, Мухаммад на этот раз лично отправился во главе группы лиц на розыск драгоценности. Поиски затянулись, наступило время молитвы (*салат*), а у мусульман не было воды для омовения (*вуду*). И тогда были ниспосланы слова: если **«вы не нашли воды, то направьтесь к чистой земле и оботрите ваши лица и руки»** (4:43; см. также 5:9)³. Так ‘А’иша

¹ Бухари. С. 281.

² Коран, перевод Кулиева.

³ Там же.

оказалась причастной к появлению нормы, облегчавшей исполнение обязательного ритуала, предшествующего молитве. Дозволение «сухого омовения» (*тайаммум*) должно было показать, что процедура *вуду'* олицетворяет собой не достижение телесной чистоты, а обретение верующим молитвенного состояния.

После возвращения ‘А’иши в свою комнату у дома-мечети Мухаммада жизнь в семье потекла своим чередом. Вместе с ростом влияния Пророка и его вероучения росло и число его жен и наложниц. Однако до самой смерти основоположника ислама ‘А’иша продолжала оставаться его самой любимой женой.

В начале 632 г. Мухаммад со всей семьей совершил свое единственное «большое паломничество» (*ал-хаджж ал-акбар*), вошедшее в историю ислама под названием *хиджрат ал-вада'*, т.е. «прощальное». После возвращения в Мекку (май 632 г.) Мухаммад почувствовал сильное недомогание: мучила лихорадка, начались головные боли, что вскоре усугубилось обширными отеками ног и периодической кратковременной потерей сознания. Во время болезни Пророк переселился в комнату ‘А’иши и по истечении пяти дней скончался у нее на руках. Согласно мусульманской традиции, это скорбное событие произошло в час дня 12 числа месяца *раби-л-аввал* через 10 лет и два месяца после *хиджры* (в понедельник 8 июня 632 г.), и прожил Мухаммад 62 года девять месяцев и девять дней¹. ‘А’иша осталась вдовой в 18 лет.

В многочисленных повествованиях о последних днях жизни Мухаммада встречаются некоторые разнотечения. Все они вызваны существованием разных вариантов рассказа ‘А’иши о смерти Пророка. В передаче от ‘Аббада ибн ‘Абдаллаха ибн аз-Зубайра, которые приводятся в *Сире* Ибн Исхака / Ибн Хишама, ее слова переданы так:

«Посланник Аллаха умер у меня на руках, а его голова находилась на моей груди ближе к шее... Моя глупостью по причине молодости было то, что Посланник Аллаха умер у меня на коленях. Потом я положила его голову на подушку и стала бить себя в грудь вместе с женщинами и бить себя по лицу»².

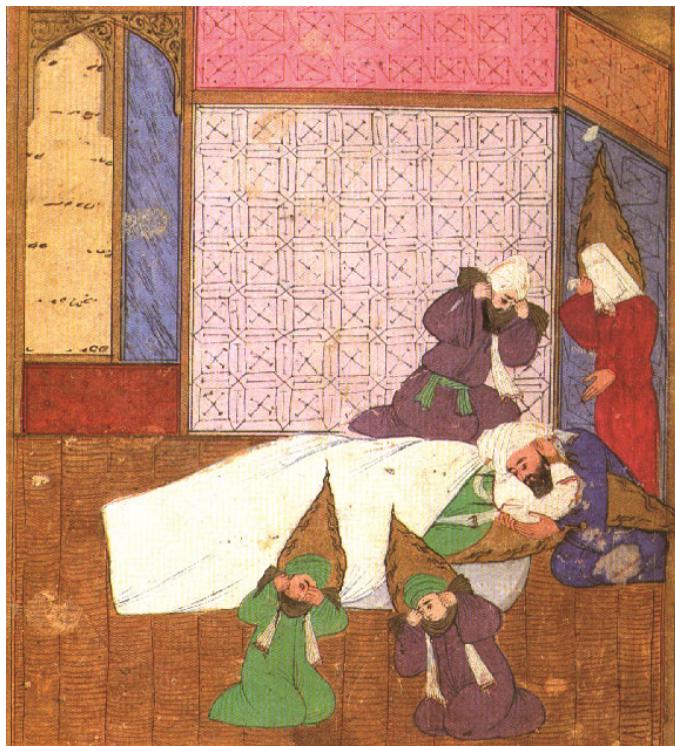
Но вот другой рассказ той же ‘А’иши, который приводит ал-Балазури в *Ансаб*:

После того, как Мухаммад попросил усадить его, «я посадила его так, чтобы он опирался на меня, и положила на него руку. Голова его повернулась, и моя рука упала с нее, изо рта его мне на грудь упала холодная капля, и он повалился на постель. Мы (т.е. собравшиеся вокруг жены. – A. A.) прикрыли его тканью». Посчитав, что Мухаммад в очередной раз впал в забытье, все женщины кроме ‘А’иши разошлись по домам. «Тут пришел ‘Умар и попросил разрешения войти, а с ним ал-Мугира ибн Шу‘ба, я им разрешила

¹ Бируни. С. 141.

² И.Х. С. 467.

и накинула на себя покрывало. ‘Умар сказал: “О Посланник Аллаха!” Я сказала: “Уже час, как у него обморок”. ‘Умар открыл его лицо и сказал: “Да, это самый сильный обморок, какой был у Посланника Аллаха” – и закрыл его. А ал-Мугира ничего не сказал и, только дойдя до порога, промолвил: “Умер Посланник Аллаха… о ‘Умар!”… Пришедший в это время Абу Бакр подтвердил правоту ал-Мугиры»¹.

Смерть пророка Мухаммада

Согласно преданиям, Пророк считал, что Божьи Посланники должны быть захоронены в месте своей смерти. Именно поэтому Мухаммад был похоронен в комнате ‘А’иши. Позднее в изголовье могилы Мухаммада были погребены отец ‘А’иши, первый праведный халиф Абу Бакр и второй праведный халиф ‘Умар.

Перед смертью Мухаммад не сделал каких-либо распоряжений относительно своего преемника, и среди сподвижников возникли разногласия по поводу того, кому стать главой уммы. Споры утихли, когда по

¹ Цит. по: Большаков, 1989. С. 186.

настоянию ‘Умара ибн ал-Хаттаба «заместителем Посланника Аллаха» (*халифату расули-Ллахи*, или просто халифом) был провозглашен отец ‘А’иши, Абу Bakr ибн Аби Кухафа (632–634).

Мечеть у места погребения Мухаммада, Абу Бакра и ‘Умара

После смерти Мухаммада ‘А’иша, как и остальные его жены, жила на положении материально обеспеченной и почитаемой окружающими «матери правоверных». Умиротворенная жизнь ‘А’иши временами прерывалась всплесками ее политической активности, приходившимися чаще всего на время избрания новых халифов. Наиболее заметным стало ее участие в оппозиционном движении, направленном против старого недруга – четвертого праведного халифа ‘Али ибн Аби Талиба (656–661).

Инициаторами выступления против ‘Али были давние сподвижники Мухаммада – аз-Зубайр ибн ал-‘Аввам и Талха ибн ‘Убайдаллах, которым ‘А’иша доводилась свояченицей. Оба они проиграли при процедуре избрания нового халифа после убийства ‘Усмана (656). Присягнув ‘Али, они испросили у него разрешения на малое паломничество в Мекку, где, совершая ‘умру, уже некоторое время находилась ‘А’иша. Собравшимся на родине ислама недовольным избранием ‘Али халифом удалось призвать под свои знамена 700 человек, среди которых было много бедняков, получивших оружие и снаряжение¹. Так было положено начало очередной *фитне* – «смуте», получившей позже название «первой гражданской войны».

Заговорщики не имели четкого плана действий. Кто-то из них предлагал пойти в Сирию и объединиться с Mu‘авийей ибн Аби Суфьяном, назначенным наместником этой провинции еще халифом ‘Умаром в 639 г. ‘А’иша призывала разом решить проблему, захватив Медину, где находился ‘Али. Наконец было решено отправиться за поддержкой в Басру, ополченцы из которой поддерживали кандидатуру Талхи ибн ‘Убайдаллаха на выборах халифа².

¹ Большаков, 1998. С. 26, 27.

² Там же. С. 26.

Сведения об этих замыслах докатились до Медины, и с войском, собранным для похода на Дамаск, халиф ‘Али двинулся на перехват, но не успел. В первых числах октября 656 г. Талха, аз-Зубайр и ‘А’иша во главе отряда, выросшего в пути до 3 тыс. человек, вошли в Басру и укрепились в ней. В начале декабря к окраинам города подошла примерно 15-тысячная армия халифа. Навстречу ей оппозиционеры вывели прибывший из Медины отряд, к которому присоединилось до 20 тыс. басрийских ополченцев. Три дня враждующие стороны вели переговоры, и казалось, что все завершится миром. Однако радикально настроенные сторонники ‘Али спровоцировали сражение, внезапно напав на лагерь противника¹.

В завязавшейся битве счастье отвернулось от оппозиционеров: их воинственный предводитель Талха был ранен стрелой в ногу и умер от потери крови. Басрийские ополченцы дрогнули и стали отступать. Аз-Зубайр не смог остановить бегущих воинов и, отчаявшись, покинул поле боя, но был настигнут и убит. В армии ‘Али уже готовы были торжествовать победу, однако отступавшие достигли места, где на желтом верблюде в обитом железом паланкине (*махмал, михмал*) восседала 43-летняя ‘А’иша. Защищая «мать верующих», басрийцы образовали оборонительное кольцо, и сражение возобновилось с новой силой. Вскоре оно переросло в повальную рукопашную схватку, в ходе которой воинам ‘Али удалось перерезать верблюду сухожилия ног, и он с диким ревом рухнул на землю. Паланкин, утыканный стрелами, как подушка для иголок, опрокинулся, накрыв собой ‘А’ишу. Битва при этом сразу стихла. Сражавшийся на стороне халифа Мухаммад ибн Аби Бакр вытащил из-под обломков свою старшую сестру, а ‘Али, отругав ее за то, что она ввязалась в неженское дело, отоспал вдову Пророка в Медину². День этого сражения под Басрой получил название *йаум ал-джамал* («день верблюда»), а сама битва вошла в историю как «верблюжья».

Мотивы, которыми руководствовалась ‘А’иша, ввязавшись в междоусобицу среди курайшитов, всегда привлекали внимание историографов. «Аиша, вероятно, так и не забыла роль ‘Али в испытанных ею унижениях» во время «дела о клевете», пишет М. Форвард в книге «Мухаммад: Краткая биография». И далее указывает на несколько возможных причин выступления ‘А’иши против ‘Али в 656 г.: во-первых, «долго вынашиваемая месть»; во-вторых, «ее заинтересованность в исходе борьбы за власть среди курайшитских родов после смерти Пророка»; в-третьих, что менее вероятно, «стремление освободиться от ограничений, которые возлагались на вдов Пророка»³.

Оценки самим действиям ‘А’иши при этом давались в зависимости от того, приверженцем какого направления в исламе является автор – сун-

¹ Большаков, 1998. С. 28, 29, 37, 38.

² Там же. С. 38, 39.

³ Форвард. С. 132.

нитского или шиитского. Первые пытались найти доводы для оправдания ‘А’иши, вторые – осуждали ее безоговорочно.

Зашитники ‘А’иши всю ответственность за развязывание вооруженного конфликта перекладывали на Талху и аз-Зубайра. «Средневековые авторы, – писал в связи с этим О.Г. Большаков, – явно преувеличивают роль ‘А’иши в организации похода против ‘Али, превращая ее чуть ли не в главную фигуру оппозиции... Однако при всей горячности осуждения ‘Али, она, видимо, не сразу решилась перейти от гневных обличений к мятежу, Талхе потребовалось уговаривать ее»¹.

«Верблюжья битва»

По мнению авторов книги «Духовные матери мусульман», убийцы халифа ‘Усмана бежали в Ирак и влились в войско ‘Али. Это встревожило Талху и аз-Зубайра, и они попросили ‘А’ишу выступить в качестве посредника на переговорах с новым халифом с тем, чтобы он выдал убийц ‘Усмана для возмездия². «Аиша не хотела войны и не принимала решения развязывать войну. Она не чувствовала в отношении ‘Али никакой вражды или неприязни...»³

Другой современный автор, ал-Баша, пишет: «‘А’иша, как и большинство сподвижников, была не согласна с некоторыми действиями людей

¹ Большаков, 1998. С. 25–26.

² Ислах. С. 84.

³ Там же. С. 86–87.

‘Усмана... Но она была против насилия... Что касается Талхи и Зубайра, то они предложили ‘А’ише собрать сильную армию, которая принесет мир в страну, сурово накажет мятежников и покончит раз и навсегда с опасными злодеяниями...»¹

Существует мнение, что «кинтриги» ‘А’иши против халифа ‘Усмана спорны. «Она была противницей его правления, но не одобряла и его убийства... ‘А’иша не поддержала кандидатуру ‘Али на пост халифа...»²

По представлениям современного шиитского автора Фазл Аллаха Компани, «причиной вражды ‘А’иши с ‘Усманом и затем с ‘Али было то, что она и Хафса во время правления своих отцов (Абу Бакра и ‘Умара) пользовались большими привилегиями, а когда халифом стал ‘Усман, он подарил все богатства своим родственникам и лишил ‘А’ишу и других этих привилегий. В отместку за это ‘А’иша подстрекала людей на убийство ‘Усмана. С имамом ‘Али она враждовала по некоторым причинам. Во время правления Абу Бакра ‘Али был его соперником. Абу Бакр не мог сравниться с ним в величии, а ‘А’иша не могла или не хотела видеть кого-либо выше своего отца. С другой стороны, ‘А’иша была женой Пророка и соперницей Хадиджи, и женская ревность мешала ей видеть любовь, испытываемую Пророком к Хадидже и в особенности к своей дочери Фатиме... А так как Фатима была женой ‘Али, ‘А’иша затаила злобу и против него.

Другой причиной вражды ‘А’иши к ‘Али было то, что ‘Усман лишил ее привилегий, и ‘А’иша надеялась, что в будущем этот финансовый ущерб будет возмещен. Однако, услышав о том, что халифом стал ‘Али, она поняла, что на улучшение финансового состояния ей рассчитывать не приходится... Она также пыталась вырвать халифат из семейства Хашимитов (т.е. рода Хашим, к которому принадлежал ‘Али. – A. A.) и передать его своему семейству (роду Тайм ибн Мурра. – A. A.). Таким образом, становится ясно, что ‘А’иша не могла отказаться от борьбы и использовала в своих целях всех противников ‘Али»³.

Приведенная цитата взята из книги «Имам ‘Али», отпечатанной в Иране на русском языке. Следует отметить, что во втором, «исправленном и дополненном», издании, вышедшем в Москве под названием «Али ибн Абу Талиб»⁴, этот текст отсутствует.

После возвращения в Медину из Басры ‘А’иша отошла от политической борьбы и до самой смерти вела разумную жизнь как досточтимая жена Пророка. Раскаивалась ли ‘А’иша в том, что приняла участие в борьбе за власть в Халифате? Многие авторы уверены, что да: «Несомненно, ‘А’иша сделала неправильный выбор. Всю жизнь она сожалела об этой

¹ ‘А’иша. С. 79, 80–81.

² Ньюби. С. 35.

³ Компани, 1997. С. 137.

⁴ Компани, 2011.

ужасной ошибке... У ‘А’иши хватило духу признать свою ошибку и искренне и глубоко страдать из-за нее¹. «...Это событие угнетало сейеду (госпожу) Аишу на протяжении всей ее жизни»².

Были ли у «триумвирата оппозиционеров» хоть какие-то шансы на успех? Думается, что нет. Отправиться на войну, имея в распоряжении 700 насконо снаряженных воинов в надежде по пути пополнить их ряды ополченцами, – не есть лучший стратегический выбор в борьбе за восстановление справедливости в государстве. Недостаточно мобилизующим представляется и избранный призыв – примерно наказать убийц халифа ‘Усмана. Этого с большим на то основанием могли требовать, прежде всего, члены клана Омейя рода ‘Абд Шамс, а не «чужаки» из родов Асад (аз-Зубайр) и Тайм (‘А’иша и Талха). Впрочем, для того, чтобы добиться выдачи мятежников, лишивших жизни ‘Усмана, вовсе не обязательно было развязывать военную кампанию за сотни километров от Хиджаза. Возможно, взывая к отмщению, оппозиционеры рассчитывали на то, что их в этой борьбе поддержит наместник Сирии Му‘авия ибн Аби Суфьян. Однако они не учли главного: из года в год набиравший политический вес и влияние дамасский правитель уже давно следит за развитием событий на своей родине и вовсе не собирается выступать на чьей-либо стороне. У него были свои планы на будущее политическое устройство Халифата – наследственная власть Омейядов, – и ради этой цели он готов был сражаться с кем угодно. Поэтому, даже в случае победы ‘А’иши, Талхи и аз-Зубайра в «верблюжьей битве» и нейтрализации (скажем так) халифа ‘Али, им вскоре непременно пришлось бы вступить в вооруженное противоборство с Му‘авией.

Эта перспектива встала перед ‘Али сразу же после избрания его халифом в 656 г., и все годы своего правления он провел «в седле», сражаясь против своих врагов, как внешних (сирийцы), так и внутренних (хариджиты). Но быть свидетелем этих событий из трех оппозиционеров суждено было только ‘А’ише.

Мы не знаем, что творилось в душе ‘А’иши в этот период. Раскаивалась ли она в содеянном? Чью сторону, ‘Али или Му‘авии, негласно поддерживала? Выяснить это трудно, так как ‘А’иша, оставившая массу рассказов на разные темы, старалась не афишировать своего отношения к обоим властителям.

О чем ‘А’иша действительно могла сожалеть, так это о том, что две ее сестры, Асма’ и Умм Кулсум, остались вдовами. По иронии судьбы обе они были женами главных заговорщиков: старшая Асма’ (ок. 592 – 692/3) – аз-Зубайра, а младшая Умм Кулсум (634 – ?) – Талхи. Асма’ прожила очень долгую жизнь, в конце которой вдохновляла сыновей на борьбу с династией

¹ ‘А’иша. С. 96.

² Ислах. С. 88.

Омейядов. По свидетельству очевидцев, в 100-летнем возрасте она сохраняла ясность ума, у нее сохранились все зубы, и седина не тронула ее волос¹. Умм Кулсум родилась уже после смерти отца, первого праведного халифа Абу Бакра. Когда она была совсем юной, на ней вознамерился жениться второй праведный халиф, 60-летний ‘Умар, но ‘А’иша употребила все свое влияние, чтобы воспрепятствовать этому мезальянсу, и повелитель правоверных вынужден был отступить.

Оставшиеся без отцов дети обеих сестер ‘А’иши оставили заметный след в истории ислама. ‘Абдаллах ибн аз-Зубайр (622–692) прославил себя как выдающийся знаток исламского вероучения, участвовал в подготовке официальной версии текста Корана (651). В 682 г. он выступил против правителей династии Омейядов и захватил власть в Хиджазе, за что часто именуется «антихалифом». Пал у стен Ка‘бы в бою против войска омейядского халифа Йазида I (680–683), сражаясь вместе с братом Мунзирем. Их брат, ‘Урва ибн аз-Зубайр (643–712), – знаменитый ‘улем, источник и передатчик хадисов, включался в число семи выдающихся ученых-юристов Медины (*фукаха’ ал-Мадина ас-саб‘а*). ‘А’иша бинт ‘Убайдаллах славилась своей красотой и воспевалась поэтами. В 683 г. из-за нее лишился поста наместника в Мекке ал-Харис ибн Халид, решивший отложить час молитвы, чтобы позволить ей совершить обход Ка‘бы (*tawaaf*).

Следует сказать, что своей ученостью племянники ‘А’иши во многом обязаны именно ей. У дома вдовы Мухаммада часто собирались люди, желавшие побольше узнать о высказываниях, времяпрепровождении, поступках и привычках Пророка. Среди них постоянными слушателями были сыновья аз-Зубайра, ‘Абдаллах и ‘Урва, запомнившие или записывавшие многочисленные воспоминания ‘А’иши, которые впоследствии легли в основу хадисов *Сунны*. Позднее хадисоведы подсчитывают, что общее число этих зафиксированных в сборниках рассказов превышает 2200. Сама ‘А’иша, по свидетельству ал-Балазури, умела только читать², поэтому все записи от ее имени вела одна из лучших ее учениц, уроженка Медины ‘Умайра бинт ‘Абд ар-Рахман³.

‘А’иша пережила Пророка на 46 лет. Последние 17 лет ее жизни пришлись на годы правления омейядского халифа Му‘авии ибн Аби Суфьяна (661–680). И все эти годы как самое ценное она берегла принадлежавший Мухаммаду плащ с переливающимися на солнце или при луне нашивками из парчи. Они делались для того, чтобы отличать своих от врагов во время битв и лучше видеть спины идущих при движении каравана. Этот плащ она завещала своей сестре Асме⁴.

¹ Беляев. С. 183.

² См.: Фролов, 1996. С. 111.

³ ‘А’иша. С. 110.

⁴ Муслим. С. 590–591.

Умерла ‘А’иша в июле 678 г., в ночь на вторник 17 числа месяца *рамадан* на 58-м году *хиджры*¹. Было ей около 64 лет. Погребальную молитву (*салат ал-джсаназа*) над ней прочел один из самых известных ее учеников и крупнейший передатчик *хадисов* (свыше 5 тыс.) Абу Хурайра ‘Абд ар-Рахман ибн Сахр (602–679).

По поводу выбора места для захоронения ‘А’иши существует два предания. Согласно первому из них, во время предсмертной болезни ‘А’иша выразила желание быть похороненной рядом с могилами Абу Бакра и Мухаммада, но эта надежда не оправдалась: «...Любимой жене Пророка не нашлось места, чтобы лежать рядом с мужем в ее собственных покоях»². В другом говорится, что ‘А’ише предлагали предать ее земле рядом с могилами отца и мужа, но она попросила не хоронить ее там, так как считала, что совершила ошибку во время гражданской войны и раскаивалась в содеянном³.

Известно, что ‘А’иша просила похоронить ее ночью, и потом это стало обыденным явлением в исламе. Погребение состоялось после вечерней молитвы на мединском кладбище ал-Баки‘. Тело предали земле племянники усопшей, ‘Абдаллах ибн аз-Зубайр и его брат ‘Урва, ‘Абдаллах ибн ‘Абд ар-Рахман, а также ее внучатые племянники ал-Касим ибн Мухаммад ибн ‘Абд ар-Рахман и его брат ‘Абдаллах⁴.

Хафса

Хафса – дочь ‘Умара ибн ал-Хаттаба из курайшитского рода ‘Ади и Зайнаб бинт Маз‘ун ибн Хабиб из курайшитского рода Джумах – родилась в Мекке «приблизительно за пять лет до начала пророчества Мухаммада»⁵ (около 605 г.) и была сверстницей Фатимы, дочери Пророка. Имя Хафса

¹ ‘А’иша. С. 116; Баша, 2009. С. 132; Ислах, С. 91; Эриш. С. 36; EI, vol. I. P. 308.

² Форвард. С. 136.

³ ‘А’иша. С. 117.

⁴ Ислах. С. 92.

⁵ Али-заде. С. 353.

означает «львенок». Считается, что 10-летняя Хафса вместе с отцом приняла ислам (615)¹ и вскоре, будучи еще совсем юной, была выдана замуж за мусульманина Хунайса ибн Хузафу из курайшитского рода Сахм.

Обстоятельства совершения этого брака в литературе освещаются по-разному. Известно, что Хунайс в составе второй группы беженцев вынужден был переселиться в Эфиопию (616), но эмигрировал он один или вместе с женой, остается неясным. Большинство авторов полагают, что Хунайс и Хафса поженились после того, как Хунайс вернулся на родину. Об этом писал еще Ибн Са'д в *Табакат*². Однако можно встретить сообщения, что Хафса родилась «за три года до ниспослания пророческой миссии» и вместе с Хунайсом совершила хиджру в Эфиопию³.

Эта версия не представляется нереальной, но ее сторонники балансируют на грани возможного, так как в этом случае получается, что Хафса родилась в 607 г. и стала женой в возрасте восьми-девяти лет. Оба указанных варианта можно примирить, если сделать предположение, что те авторы, которые говорят о том, что Хунайс женился на Хафсе до своей эмиграции в Эфиопию, имеют в виду лишь сватовство, которое, как отмечают их оппоненты, завершилось консуммацией брака после возвращения жениха на родину через несколько лет.

Другим поводом для разногласий стал год смерти Хунайса, ибо сразу вслед за ней последовала женитьба Мухаммада на Хафсе. Можно встретить сообщения, что Хунайс «заболел и умер во время похода к Бадру...»⁴. Некоторые авторы, вслед за Ибн Са'дом, считали, что Хунайс умер после битвы при Бадре (624) и был единственным представителем рода Сахм, кто участвовал в этом сражении. По этой версии, Хунайс был ранен или тяжело заболел в ходе битвы и умер по возвращению в Медину⁵. Другие, вслед за Ибн Хаджаром, полагали, что Хунайс умер от ранений, полученных уже в битве при Ухуде (625)⁶.

В пользу версии о смерти Хунайса вскоре после битвы при Бадре говорит то, что 'Умар сначала предложил руку своей овдовевшей дочери 'Усману ибн 'Аффану, только что потерявшему жену Рукаййу, дочь Пророка, умершую в «день Бадра». В пользу предположения о смерти Хунайса после битвы при Ухуде – его отсутствие в самых ранних списках мучеников за веру (шахидов), погибших при Бадре. Последний довод, правда, опровергается указанием на то, что первый муж Хафсы не попал в перечни потому, что умер дома, а не на поле брани⁷.

¹ Али-заде. С. 353; Эриш. С. 45.

² См.: Ислах. С. 102; Lings. P. 164.

³ Эриш. С. 45.

⁴ Большаков, 1989. С. 112.

⁵ См.: Ислах. С. 103.

⁶ Али-заде. С. 353.

⁷ Подр. см.: Ислах. С. 102–103.

О том, как ‘Умар предпринимал попытки вновь выдать замуж овдовевшую Хафсу, рассказывал он сам. Этот *хадис* в передаче от его сына, ‘Абдаллаха ибн ‘Умара, ал-Бухари поместил в *ас-Сахих*: «(Когда моя дочь) Хафса бинт ‘Умар… лишилась своего мужа, Хунайса ибн Хулафы ас-Сахми, который был одним из сподвижников Посланника Аллаха, участвовал в битве при Бадре и умер в Медине (от полученных в этой битве ран), я повстречался с ‘Усманом ибн ‘Аффаном и предложил ему (в жены) Хафсу, сказав: “Если хочешь, я выдам за тебя Хафсу бинт ‘Умар”. (В ответ) он сказал: “Я подумаю над этим”. И я (ждал несколько) дней, (а потом) он сказал мне: “Я думаю, что не стану жениться сейчас”. (Через некоторое время) я встретил Абу Бараку и сказал: “Если хочешь, я выдам за тебя Хафсу бинт ‘Умар”, (однако) Абу Барак промолчал и вообще ничего не ответил мне, и я рассердился на него еще больше, чем на ‘Усмана, а еще через несколько дней к ней посватался Посланник Аллаха, и я выдал ее замуж за него. А потом меня встретил Абу Бакр и спросил: “Наверное, ты рассердился на меня после того, как предложил (в жены) Хафсу, а я не ответил тебе?” Я сказал: “Да”. Он сказал: “Принять твое предложение помешало мне лишь мое знание о том, что о ней упоминал Посланник Аллаха, выдать же тайну Посланника Аллаха я не мог, а если бы он отказался, то я обязательно взял бы ее сам”»¹.

По мнению большинства источников, включая труды Ибн Са‘да и ат-Табари, Хафса и Мухаммад поженились в месяце *ша‘бан* 3 г.х. (февраль-март 625 г.), «примерно за месяц до битвы при Ухуде», состоявшейся 23 марта того же года². Возраст невесты определялся, по разным подсчетам, в 18–20 или 21 год. Размер выплаченного при этом *махра* составил 400 дирхемов³. Для Хафсы было построено отдельное помещение, и она присоединилась к двум имевшимся к тому времени женам Пророка, Сауде и ‘А’ише, сблизившись с последней из них.

И надо же было такому случиться, что однажды Хафса оказалась на грани развода с Пророком. Согласно повествованию в *Ансаб ал-Балазури*, которое мы приведем в пересказе О.Г. Большакова, дело обстояло так.

Однажды Хафса ненадолго отлучилась, и когда она вернулась в свою комнату, то «застала Мухаммада со своей служанкой и возмущенно сказала: “Эй, Посланник Аллаха! Что же это – в моем доме и на моей постели?!?” Тот ответил: “Молчи! Клянусь Аллахом, никогда не приближусь к ней, только никому не рассказывай об этом”. Но Хафса все-таки рассказала о случившемся ‘А’ише, и Мухаммад объявил Хафсе, что разводится с ней. ‘Умар стал выяснять, чем провинилась его дочь, и все это вызвало небла-

¹ Бухари. С. 603.

² См.: Уотт, 2007. С. 435; Abbott. P. 10; EI, vol. III. P. 64; Tab., vol. IX, I. P. 1771.

³ И.Х. С. 469.

гоприятный отклик в общине. В конце концов, Мухаммад объявил, что Джабраил запретил ему разводиться с Хафсой из-за ее благочестия¹.

В других источниках в качестве «разлучницы» указана не служанка Хафсы, а наложница Мухаммада Мария Коптянка. Так говорили Ибн ал-‘Аббас и Абу Хурайра², и эта версия упоминается чаще³. Вот как, к примеру, ход событий освещается В. Ирвингом в книге «Жизнь Магомета».

Однажды, когда Мухаммад находился в доме Хафсы, она отлучилась, чтобы навестить отца. «Вернувшись неожиданно, она застала Пророка с его любимой рабыней, матерью сына его, Ибрахима. Ревность Хафсы не имела границ и выразилась громкими криками. Магомет старался успокоить ее, опасаясь, чтобы крики ее не возмутили всего гарема; но усмирить ее ему удалось, только дав клятву, что он никогда больше не будет иметь сношений с Марией. На этих условиях она простила прошлое и дала обещание никому не говорить о случившемся. Обещания своего она, однако, не исполнила и рассказала ‘А’ише о неверности Пророка, что вскоре стало известно всему гарему. Тогда все жены сообща разразились на него бурей упреков, так что Магомет, выйдя, наконец, из терпения, развелся с Хафсой и прервал сношения с остальными женами. Целый месяц он спал один на циновке в отдельном помещении, пока Аллах во внимание к его одиночеству не послал ему, наконец, первую и шестую главы Корана, освобождавшие его от клятвы относительно Марии, которая тотчас же и стала разделять его уединение»⁴.

Укажем сразу на ошибку в тексте: речь должна вестись не о «первой и шестой главах Корана», а о первых пяти *айатах* 66 суры «Запрещение». В них говорится: «**О Пророк! Почему ты запрещаешь себе то, что позволил тебе Аллах – Прощающий, Милосердный.** Аллах установил для вас путь освобождения от ваших клятв... Вот Пророк открыл тайну одной из своих жен (т.е. Хафсе. – A. A.). Когда же она рассказала ее, и Аллах открыл это ему... она сказала: “Кто сообщил тебе об этом?” Он сказал: “Мне сообщил Знающий, Ведающий”. Если вы обе (т.е. ‘А’иша и Хафса. – A. A.) раскаетесь перед Аллахом, то ведь ваши сердца уже уклонились в сторону. Если же вы станете поддерживать друг друга против него, то ведь ему покровительствует Аллах, а Джибрил (*Гавриил*) и праведные верующие являются его друзьями. А, кроме того, ангелы помогают ему. Если он разведется с вами, то его Господь может заменить вас женами, которые будут лучше вас, и будут мусульманками, верующими, покорными, кающимися, поклоняющимися, постящимися, как побывавшими замужем, так и девственницами» (66:1–5)⁵.

¹ Большаков, 1989. С. 112.

² См.: Суйути, 1999. С. 900.

³ См.: Смирнов. С. 410; Форвард. С. 127–128; EI, vol. III. P. 64.

⁴ Ирвинг. С. 238.

⁵ Коран, перевод Кулиева.

Передача Пророку ниспосланий Аллаха

Слух о скандале в семье Мухаммада быстро распространился по Медине и сильно встревожил всех мусульман, прежде всего отцов ‘А’иши и Хафсы – Абу Бакра и ‘Умара. Позже, как передавал ‘Абдаллах ибн ал-‘Аббас, ‘Умар вспоминал, что, узнав о случившемся, он отправился к Хафсе и обнаружил ее плачущей. Он спросил: «Что, Посланник Аллаха развелся с вами?» Она ответила: «Не знаю». После чего ‘Умар несколько раз пытался переговорить с Пророком, но тот уклонялся от встреч. Наконец разговор состоялся, и ‘Умар задал беспокоивший его вопрос: «О, Посланник Аллаха! Ты дал им развод?» Мухаммад, успокоившись, сменил гнев на милость и сказал: «Нет». Удовлетворенный ответом, ‘Умар встал у дверей мечети и громогласно объявил: «Он не развелся со своими женами. Он поклялся, что в течение месяца из-за обиды на них не будет ни к кому из них подходить»¹.

Эта неприятная история в трудах мусульманских авторов часто замалчивается, хотя она с самого начала получила огласку и даже, как считают многие исследователи², нашла свое отражение в Коране. Начальные аяты 66 суры либо соотносятся с другими событиями, либо толкуются отвлеченно и в богословском духе, видимо, для того, чтобы оградить Пророка от оскорбительных наветов. Те же, кто называют вещи своими именами, исходят из того, что такая масштабная личность, как Мухаммад, вовсе не нуждается в чьей-либо защите.

«Скандал с Хафсой» комментируется по-разному. Есть авторы, которые видят в нем любовное приключение Мухаммада и «несоблюдение

¹ См.: Ислах. С. 46–47.

² Подр. см.: Коран, перевод Крачковского. С. 624–625.

им супружеской верности...»¹. Другие склонны винить во всем Хафсу, молодость и неукротимый характер которой постоянно давали о себе знать, что нередко выплескивалось наружу в виде дерзостей по отношению к Мухаммаду².

Конечно, ревнивая, как и все жены Пророка, Хафса была возмущена тем, что Мухаммад «позволил себе осквернить ее ложе»³, и ее импульсивная реакция на произошедшее может быть объяснена. В глазах оскорбленной Хафсы проступок Мухаммада заключался не столько в том, когда и с кем уединился ее муж, сколько в том, где это произошло.

Многое в этой истории, как это часто бывает в подобных случаях, кроется в деталях. Когда все же произошли описываемые события? Кем была эта девушка, безымянной служанкой или Марией Коптянкой? Конкретику, казалось бы, можно отыскать в словах ‘Умара, обращенных к Хафсе, расстроенной вестью о возможном разводе с Мухаммадом. Как пишет ал-Балазури в *Ансаб*, отругав дочь за неумение держать язык за зубами, он сказал: «Не возвратится к тебе [симпатия] Посланника Аллаха, ведь нет у тебя ни красоты Зайнаб, ни прелести Аиши»⁴. Отсюда многие авторы делали вывод, что «скандал» случился при жизни очередной жены Пророка, Зайнаб бинт Хузайма (умерла в 625 или 626 г.). Но беда в том, что, как мы знаем, у Мухаммада было две жены с таким именем. Вторая – Зайнаб бинт Джакш, которая вышла замуж за Пророка в 627 г. и умерла в 640/41 г., пережив мужа на восемь лет. Так какую из них имел в виду ‘Умар? Гадать, кто из них был красивее Хафсы, с точки зрения ‘Умара, занятие бесперспективное. Точно можно сказать одно: если это была Зайнаб бинт Хузайма, то участницей события никак не могла быть Мария Коптянка, так как она «ввшла в дом» Пророка в 628 г. Если же Зайнаб бинт Джакш, то, несомненно, это была коптская невольница. Остальное лежит в области догадок: была ли вообще у Хафсы служанка? Почему Мухаммад не воспользовался для свидания с Мариией ее домом?

Хафса оказалась бездетной и не слыла красавицей, но, что было редкостью среди женщин, умела читать и писать. Это отмечали имам Ахмад ибн Ханбал (780–855) – основатель ханбалитской религиозно-правовой школы (*масхаб*) – в *Муснад* (хадисах, сгруппированных по именам рассказчиков) и ал-Балазури в *Ансаб*⁵. Возможно, именно поэтому после смерти Пророка ей было доверено хранить одну из самых ранних рукописей Корана.

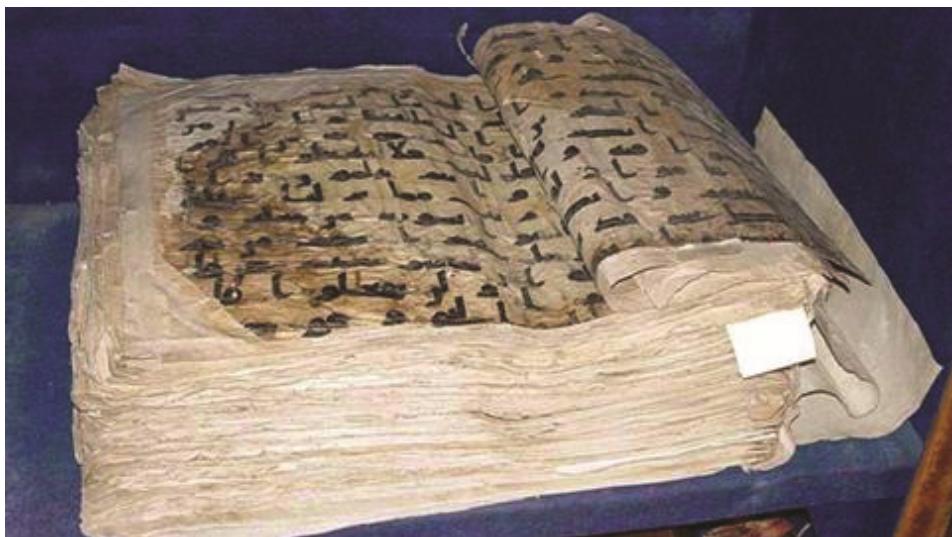
¹ Вагабов. С. 39–40.

² Эриш. С. 48–49.

³ Смирнов. С. 410.

⁴ Цит. по: Большаков, 1989. С. 248.

⁵ См.: Ислах. С. 105; Фролов, 1996. С. 111.

Одна из ранних рукописей Корана

Умерла Хафса, по мнению большинства историков, в возрасте 60 лет в месяце *ша'бан* 45 года хиджры (октябрь-ноябрь 665 г.)¹ Некоторые считают годом ее смерти 41 г.х. (661/62), а Ибн Асир полагал даже, что умерла она в 647/48 г.² Последнее маловероятно, так как известно, что погребальный обряд над ней совершил Марван ибн ал-Хакам, бывший тогда наместником Медины (661–676). Тело жены Пророка предали земле ее братья ‘Абдаллах и ‘Асим, а также племянники: Салим, ‘Абдаллах и Хамза – сыновья Ибн ‘Умара³. После смерти Хафсы дом, где она жила, унаследовал ее брат ‘Абдаллах ибн ‘Умар. Позже это строение было разобрано, а место, где оно располагалось, вошло в состав мечети Пророка⁴.

Со слов Хафсы известно 60 хадисов.

¹ См.: Tab., vol. IX, I. P. 1771.

² EI, vol. III. C. 65.

³ Ислах. С. 110.

⁴ Там же. С. 109, 110.

Зайнаб бинт Хузайма

Зайнаб бинт Хузайма родилась около 596 г. в семье Хузаймы ибн ал-Хариса ибн 'Абдаллаха из *бану* Хавазин и Хинд бинт 'Ауф ибн ал-Харис из *бану* Кайс. Имя Зайнаб означает «Полная», «Дородная». Можно встретить сообщения, что Зайнаб была единогрудной сестрой Маймуны бинт ал-Харис, последней жены Пророка¹. Но это ошибка, возникшая вследствие путаницы: материю последней также была Хинд бинт 'Ауф, но ее отец, 'Ауф ибн Зухайр, принадлежал к *бану* Кинана.

По достижении брачного возраста Зайнаб бинт Хузайма стала женой человека, личность которого идентифицируется по-разному. Ибн Хишам в *Сире* писал, что им был ее двоюродный брат Джахм ибн 'Амр ('Умар) ибн ал-Харис² (в русском переводе *Сиры*³ его имя представлено как Джахш). Однако в ряде работ, опирающихся на другие источники, в качестве первого мужа Зайнаб указывается иное лицо – ат-Туфайл ибн ал-Харис ибн ал-Мутталиб⁴, внук ал-Мутталиба ибн 'Абд Манафа, основателя курайшитского рода ал-Мутталиб. Кто бы ни был из этих двух персон мужем Зайнаб, ее первый брак, по признанию всех авторов, оказался неудачным, и через некоторое время супруги развелись.

Вскоре после этого Зайнаб вышла замуж вторично. По разным версиям, она стала избранницей либо своего деверя (брата ат-Туфайла) 'Убайды ибн ал-Хариса⁵, либо 'Абдаллаха ибн Джахша ибн Рийаба (Ри'аба) ибн Йа'муря из *бану* Хузайма. Второй из представленных версий придерживался Ибн Хаджар⁶.

Из перечисленных лиц нас более всего интересуют персоны 'Убайды ибн ал-Хариса и 'Абдаллаха ибн Джахша, которые в разных трудах называются вторыми мужьями Зайнаб бинт Хузайма. Это внимание обусловлено тем, что она стала женой пророка Мухаммада после смерти второго мужа, и от времени, когда это произошло, во многом зависят причины, по которым этот брак состоялся.

¹ Ислах. С. 110.

² I.H. P. 794.

³ И.Х. С. 470.

⁴ Али-заде. С. 114; Ислах. С. 110; Эриш. С. 53; Tab., vol. IX, I. P. 1775.

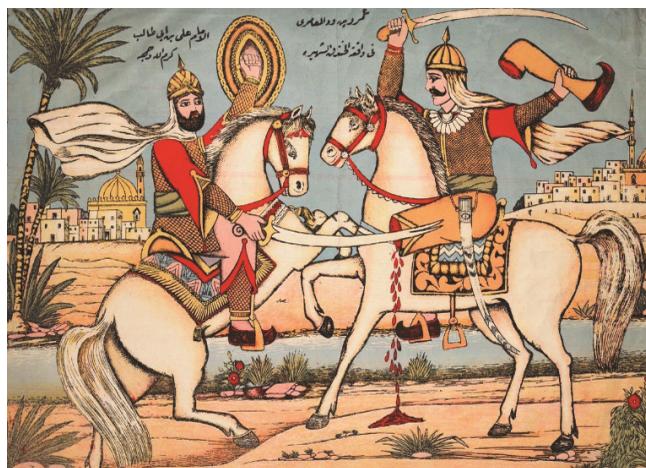
⁵ Али-заде. С. 114; Большаков, 1989. С. 112; Ислах. С. 110–111; И.Х. С. 470; Уотт, 2007. С. 435; Эриш. С. 53; EI, vol. XI. P. 485; I.H. P. 794; Tab., vol. IX, I. P. 1775.

⁶ см.: Ислах. С. 111; Гудратов. С. 379.

‘Убайда ибн ал-Харис (562–624) принадлежал к курайшитской элите и считался искусным воином. Он был более чем на 30 лет старше Зайнаб и ко времени женитьбы на ней имел 10 детей, рожденных от рабынь-наложниц. С началом проповеднической деятельности Мухаммада ‘Убайда вошел в круг самых ранних мусульман и ближайших сподвижников Пророка, был его первым знаменосцем.

Перед битвой при Бадре (624) ‘Убайда сразился в предварявшем ее начало поединке с язычником ‘Утбой ибн Раби’а.

Мекканцев тогда представляли Утба ибн Раби’а, Шайба и ал-Валид. Другую сторону – дядя Пророка Хамса, ‘Убайда ибн ал-Харис и ‘Али. ‘Али и Хамса быстро справились со своими соперниками и поспешили на помощь ‘Убайде, которому 73-летний Шайба отрубил ногу в голени.

Поединок перед битвой при Бадре

‘Абдаллах ибн Джахш (? – 625), хоть и не принадлежал (по отцовской линии) к роду курайшитов, был двоюродным братом пророка Мухаммада по материнской линии (сын Умаймы бинт ‘Абд ал-Мутталиб) и его шурином (брать Зайнаб бинт Джахш). Он входил в число первых мусульман и сподвижников Пророка, совершил эмиграцию в Эфиопию в составе второй группы беженцев (616). После возвращения и хиджры в Медину командовал отрядом мусульман, осуществлявших одно из первых нападений на караван мекканцев в районе оазиса Нахла (623/24), и участвовал в битве при Ухуде, в которой был убит.

В соответствии со сказанным, биографы Мухаммада, полагавшие, что вторым мужем Зайнаб был ‘Убайда ибн ал-Харис, считали, что свадьба Пророка и Зайнаб состоялась после битвы при Бадре. Те же из них, которые называли вторым мужем Зайнаб ‘Абдаллаха ибн Джахша, утверждали, что этот

брак не мог быть заключен до битвы при Ухуде. Проблема состоит в том, что временной разрыв между смертью второго мужа Зайнаб и ее замужеством с Мухаммадом в обоих случаях представлен как достаточно большой, один-два года. Утверждения, что Зайнаб вышла замуж за Мухаммада «по крайней мере за месяц до битвы у горы Ухуд»¹ (февраль 625 г.), «через месяц» после женитьбы Мухаммада на Хафсе бинт ‘Умар² (март-апрель 625 г.), «в 626 г. или на год ранее в возрасте 30 лет...»³ не позволяют согласиться с мнением, что это было «благим желанием (Мухаммада) устроить вдову сподвижника, которая иначе осталась бы без средств к существованию»⁴. К тому же первые мужья вдовы были достаточно обеспеченными людьми, и прозванная еще во времена *джахилийи* «Матерью обездоленных» (Умм ал-масакин) Зайнаб вряд ли все это время делилась с нуждающимися последним, что имела.

Скорее всего, женитьба на Зайнаб была обусловлена какими-то религиозно-политическими причинами, и таковые в тот период у Мухаммада имелись. После поражения в битве при Ухуде позиции мусульман ослабли, вынуждая Пророка искать союзников среди представителей влиятельных аравийских племен.

Битва при Ухуде

¹ Ислах. С. 111; см. также: EI, т. XI. С. 485.

² Большаков, 1989. С. 112.

³ Уотт, 2007. С. 435; EI, т. XI. Р. 485 (со ссылкой на Ибн Са‘да и ат-Табари).

⁴ Большаков, 1989. С. 112; см. также: Уотт, 2007. С. 313–314.

К их числу относились и амириты, члены *бану ‘Амир ибн Са‘са‘а*, к которому принадлежала Зайнаб. В июле-августе 625 г. Мухаммад предложил одному из предводителей этого племени Абу-л-Баре’ ‘Амиру ибн Малику принять ислам, и тот согласился с условием, что Мухаммад пошлет наставников в вере к водопою Би’р Ма‘уна (Колодец Ма‘уна), вокруг которого располагались паства его племени и родственного ему *бану Сулейм*. Пророк направил в оговоренное место, по разным данным, от 14 до 70 *курра'* (чтецов Корана)¹. Когда группа мусульман прибыла к Колодцу Ма‘уна и стала лагерем, другой предводитель амиритов, ‘Амир ибн Туфайл, чей двоюродный брат погиб в битве при Бадре, желая отомстить за это, подговорил часть сулаймитов напасть на мусульман. В результате они были окружены и после непродолжительной стычки перебиты.

В живых осталось только двое. Одного из них, тяжело раненного Ка‘ба ибн Зайда, сочли погившим и оставили на месте боя, но он, как говорится в *Сире*, «восстал из мертвых и жил, пока не был убит в битве при ал-Хандаке»² (т.е. в «битве у рва» в 627 г.). Другого, ‘Амра ибн Умаййу, взяли в плен, но вскоре отпустили, так как он принадлежал к *бану Мудар*, родственному племени ‘Амир ибн Са‘са‘а. На обратном пути в Медину ‘Амр встретил двух амиритов, возвращавшихся домой после встречи с Пророком. Не зная о том, что они получили покровительство (*джисвар*) от Мухаммада, ‘Амр убил их спящими в отместку за смерть своих товарищей у Би’р Ма‘уна³.

Разразился скандал. Убийство посланцев Мухаммада было воспринято многими как попрание неписанных племенных законов и неслыханное вероломство, так как этим людям ‘Амиром ибн Маликом были гарантированы безопасность и покровительство. Со своей стороны, ‘Амир ибн Туфайл потребовал от Мухаммада выплаты компенсации за пролитую кровь (*вира*) двух амиритов, убитых ‘Амром ибн Умайей. При этом удивительной оказалась реакция Пророка: он уплатил *виру*, но почему-то не потребовал того же от ‘Амира ибн Туфайла, повинного в крови более многочисленных мусульман, убитых у Би’р Ма‘уна. Возможные причины тому указывались разные⁴, но среди них не было одной – принадлежность Зайнаб бинт Хузайма к племени ‘Амир ибн Са‘са‘а.

Зайнаб довольно долго оставалась вдовой, поскольку Мухаммад поначалу не имел намерений связывать себя браком с женщиной, не принадлежавшей к племени Курайш. Однако положение изменилось, когда Пророк попытался установить союзные отношения с *бану ‘Амир ибн Са‘са‘а*. Брак с Зайнаб давал ему возможность не только наладить с амиритами ре-

¹ Большаков, 1989. С. 118; И.Х. С. 277; Уотт, 2007. С. 39.

² И.Х. С. 277.

³ Большаков, 1989. С. 118; И.Х. С. 278; Уотт, 2007. С. 39.

⁴ См., например: Большаков, 1989. С. 118; Уотт, 2007. С. 39–40.

лигиозно-политические связи, но и подкрепить их родственными узами. Если это предположение верно, то свадьба Пророка и Зайнаб состоялась летом 625 г. Наряду с этим получает свое объяснение и проявленная Мухаммадом лояльность к амиритам, нарушившим гарантии безопасности его посланцев. В дальнейшем в схожих случаях с другими противниками он будет поступать значительно жестче.

Итак, Мухаммад решил посвататься к Зайнаб и вступил в переговоры о женитьбе с Кабисой ибн ‘Амром ал-Хилали¹ – дядей вдовы по ее отцовской линии. Было достигнуто соглашение о выплате *махра* в размере 400 дирхемов, и после свадьбы Зайнаб поселилась в помещении рядом с комнатой Хафсы бинт ‘Умар².

Этот брак продолжался недолго: через несколько месяцев (от трех до восьми, по разным источникам) в возрасте около 30 лет Зайнаб умерла бездетной, став второй после Хадиджи и последней женой Мухаммада, скончавшейся при его жизни. Заупокойную молитву над ней прочитал сам Пророк, после чего Зайнаб похоронили на мединском кладбище ал-Баки³. Она умерла, не оставив ни одного рассказа о жизни Мухаммада.

Умм Салама

Шестая жена Пророка происходила из семьи знатного и богатого курайшиита Абу Умайи Сухайла ибн ал-Мугиры из рода Махзум и его жены ‘Атики бинт ‘Амр (‘Амир) ибн Раби‘а из племени Кинана. При рождении (595/596) девочка получила имя Хинд, имеющее два основных значения – «Кроткая» и «Индийская». Ее отец был известен тем, что обеспечивал пропитанием торговцев, за что был прозван *Зат ар-ракиб* («Провизиант»).

Еще во времена *джахилийи* она вышла замуж за своего троюродного брата по отцовской линии ‘Абдаллаха ибн ‘Абд ал-Асада ибн Хилала, который, со своей стороны, был и молочным, и двоюродным братом пророка Мухаммада по материнской линии (сыном Барры бинт ‘Абд ал-

¹ И.Н. Р. 794.

² И.Н. Р. 794; Гудратов. С. 379; Эриш. С. 54.

Мутталиб)¹. Молодые супруги рано приняли ислам и стали ближайшими сподвижниками Пророка. В 615 г. они вошли в состав первой группы мусульман, совершивших хиджру в Эфиопию. В эмиграции у них родился сын Салама, по имени которого Хинд стала прозвываться Умм Саламой, а ее муж – Абу Саламой.

После возвращения из Эфиопии Абу Салама решил вместе с женой и сыном перебраться из Мекки в Йасриб (Медину), однако этому воспротивились родичи-язычники Умм Саламы из рода Махзум. В итоге Абу Салама вынужден был уехать один, оставив жену и сына в Мекке (620). И лишь примерно через год, когда Умм Саламе разрешили покинуть город, семья воссоединилась в Йасрибе². Считается, что Абу Салама был первым из всех сподвижников Пророка, кто совершил хиджру в Медину.

В дальнейшем Абу Салама принял участие в битвах при Бадре (624) и при Ухуде (625). В ходе последнего из этих сражений он получил ранение, однако вскоре, в июне 625 г., возглавил отряд, направленный Пророком в местность Катан, где было замечено сосредоточение воинов племени Асад ибн Хузайма, намеревавшихся совершить нападение на Медину³. Сведения об этом походе разнятся: либо мусульмане не обнаружили противника в означенном месте, либо произошла небольшая стычка. В итоге отряд численностью до 150 человек вернулся в Медину «со скромной добычей и без потерь, если не считать того, что у Абу Саламы открылась рана, он слег и через три месяца умер»⁴ (октябрь 625 г.).

Умм Салама осталась вдовой, имея на руках четверых детей. Не называя их имен, «Энциклопедия ислама» утверждает, что это были три сына и одна дочь⁵, хотя в *Cirpe* Ибн Исхака / Ибн Хишама говорится о двух сыновьях и двух дочерях: «Она (Умм Салама. – A. A.) родила первому мужу Саламу, ‘Умару, Зайнаб и Рукаййу»⁶. Ат-Табари в *Ta’righ* приводил аналогичный список, только вместо Рукайи писал о Барре. И это не ошибка: девочек при рождении, скорее всего, называли Баррой и Даррой, но Пророк после женитьбы на Умм Саламе попросил переименовать их соответственно в Зайнаб и Рукаййу⁷.

Относительно дат рождения детей Умм Саламы полной ясности нет. Можно встретить сообщение, что помимо Саламы в Эфиопии родился ‘Умар ибн Аби Салама⁸. Среди детей переселенцев, рожденных в эмигра-

¹ Tab., vol. IX, I. P. 1771.

² Подр. см.: И.Н. Р. 213–214.

³ Уотт, 2007. С. 38.

⁴ Большаков, 1989. С. 117.

⁵ EI, vol. 10. P. 856.

⁶ И.Х. С. 469.

⁷ Ислах. С. 121.

⁸ ‘Аскари. С. 127.

ции, Ибн Исхак в *Сире* упоминает и Зайнаб бинт Аби Саламу¹. Однако при этом в другом месте этого труда, повествующем о хиджре Умм Саламы в Йасриб², об ‘Умаре и Зайнаб не сказано ни слова, и речь как о мухаджире ведется только о ее сыне Саламе. Это позволяет с большой долей вероятности утверждать, что трое младших детей Умм Саламы родились уже после возвращения семьи из Эфиопии, т.е. в промежутке между 620 и 625 гг.

После смерти Абу Саламы и истечения четырех месяцев срока ‘идда, в течение которого Умм Салама не имела права снова выйти замуж, чтобы удостовериться в отсутствии беременности от покойного мужа, появились претенденты на руку вдовы. Как рассказывал позже ‘Умар ибн Аби Салама, сначала ее решил сосватать Абу Бакр, но Умм Салама отказалась ему. Вслед за ним подобную попытку предпринял ‘Умар, но результат был тем же³. Тогда к вдове послал своего свата Мухаммад. Он выбрал для этого отличившегося в битве при Бадре Хатиба ибн Аби Балта‘а. В ответ на предложение выйти замуж за Пророка «прекрасная и гордая махзумитка»⁴, по ее собственным словам, ответила, что она не против, но ей мешают два обстоятельства: «У меня есть дочь (Зайнаб, которую она еще кормила грудью. – A. A.), и я ревнивая». На это, вспоминала Умм Салама, Пророк отреагировал так: «За ее дочку мы помолимся Аллаху, чтобы Он избавил ее от нее (*т.е. чтобы ее дочь кто-либо взял в женены, и она тогда покинет дом своей матери*), и я молю Аллаха, чтобы Он отвел (от нее) ревнивость»⁵.

По другой, более развернутой версии этого хадиса, Умм Салама ответила Хатибу: «Я – женщина, обремененная заботой о детях. Кроме того, я ревнивая, и среди моих близких нет никого, кто мог бы быть моим поручителем»⁶. Пророк попросил передать Умм Саламе, что Аллах поможет ему содержать ее детей⁷, избавит ее от чувства ревности, а ее родственники останутся им довольны⁷.

Трудно сказать, кого имел в виду Мухаммад, говоря о родичах Умм Саламы, которых удовлетворит ее новый брак: подавляющее большинство ее родственников были язычниками и гонителями Пророка и первых мусульман. Исключение составлял, пожалуй, лишь брат – достаточно рано принявший ислам ал-Мухаджир ибн Аби Умайя, но в то время его, возможно, не было в городе. В итоге встал вопрос о том, кто будет представлять интересы Умм Саламы при сватовстве.

В качестве исполнителя этой почетной миссии мусульманские авторы указывают разные лица: Салама и ‘Умар, сыновья Умм Саламы, а также

¹ I.H. P. 147.

² Ibid. P. 213–214.

³ Ислах. С. 122; Эриш. С. 67.

⁴ Abbott. P. 12.

⁵ Муслим. С. 269.

⁶ Цит. по: Ислах. С. 122; Эриш. С. 67–68.

⁷ Там же. С. 122; там же. С. 67–68.

‘Умар ибн ал-Хаттаб¹. В последнем случае информаторы, скорее всего, спутали двух ‘Умаров, так как будущий второй праведный халиф не был родственником Умм Саламы. Сведения о том, что мать выдал замуж ‘Умар ибн Аби Салама², базируются исключительно на рассказе его внука Абу Бакра ибн Мухаммада ибн ‘Умара³, который можно считать предвзятым. В пользу подобной оценки говорит то, что ‘Умар был чересчур мал для такого ответственного дела (четырех-пяти лет), и к тому же он не был старшим сыном. Поэтому большинство авторов полагают, что интересы матери при ее сватовстве представлял Салама. Он еще не был совершеннолетним, но необходимая при заключении брака формальность была соблюдена.

В качестве *махра* Пророк, по свидетельству Ибн Хишама, сделал символический свадебный дар в виде матраца, набитого пальмовым волокном, кубка, блюда и ручной мельницы⁴ общей стоимостью около 10 дирхемов⁵. Столь же скромной была и сама свадьба: «...На ужин Мухаммаду и всей семье новая жена наварила каши из ячменя, который тут же намолотила на ручном жернове»⁶. Церемония состоялась в 626 г., когда Умм Саламе было 29 лет. Так писали ал-Балазури и Ибн Са‘д⁷ в марте 626 г., уточняли профессор Набия Эбботт и О.Г. Большаков⁸.

Оставалась одна проблема: Умм Салама в то время была матерью, кормящей грудью Зайнаб, – дочь от первого брака. По существовавшей в Мекке традиции, это обстоятельство могло навредить ребенку и служило препятствием для начала супружеских отношений (*ал-гила*). Население Медины подобных опасений не разделяло, и все же Пророк решил не консуммировать свой брак с Умм Саламой пока она не закончит кормление⁹, что стало нормой в исламе¹⁰.

После свадьбы Умм Салама поселилась в комнате, которую ранее занимала покойная Зайнаб бинт Хузайма¹¹ и влилась в семейную жизнь Пророка. Она сопровождала Мухаммада в походе против *бану ал-Мусталик* в конце 626 г., а также во время его последнего паломничества в январе-феврале 632 г. Во время девяностодневного перехода из Медины в Мекку Умм Салама почувствовала себя плохо и была не в силах исполнить начальный обряд *хаджжса*, – семикратный обход Ка‘бы.

¹ См.: Ислах. С. 123.

² Эриш. С. 69.

³ Ислах. С. 123.

⁴ И.Х. С. 469.

⁵ Большаков, 1989. С. 124.

⁶ Там же (со ссылкой на *Ансаб ал-Балазури*); Эриш. С. 69.

⁷ См.: Уотт, 2007. С. 435; Tab., vol. IX, I. P. 1771.

⁸ Большаков, 1989. С. 124; Abbott. P. 14; 15.

⁹ Уотт, 2007. С. 415.

¹⁰ EI, vol. X. P. 856.

¹¹ Ислах. С. 124; Эриш. С. 69.

Обход Ка‘бы

Она вспоминала: «Я пожаловалась Посланнику Аллаха на болезнь, и он сказал: “Соверши обход позади (всех остальных) людей, сидя верхом”. Я так и сделала...»¹. Разрешив Умм Саламе совершить *tawaaf* верхом на верблюде, Пророк создал прецедент, и с тех пор это облегчение для больных и немощных стало возможным.

После смерти Мухаммада (632) Умм Салама вела размеренную жизнь благочестивой вдовы Пророка, не вмешиваясь в политические дела халифата. Во время первой гражданской войны (656–661) она отказалась присоединиться к ‘А’ише и ее сторонникам в борьбе против ‘Али². А в ходе оппозиционного движения третьего шиитского имама ал-Хусайна ибн ‘Али она поддерживала его притязания на халифат. Когда до Медины докатилась весть о мученической смерти ал-Хусайна при Кербеле (680), Умм Салама стала проклинать жителей Куфы: «Его убили! Да убьет их Господь! Они его обманули и предали. Да проклянет их Господь!» Этот *хадис* приводили, в частности, ат-Табари в *Джами‘ ал-байан ‘ан та’wil al-Kur‘an* («Собрание разъяснений к толкованию Корана»), более известном как *Tafsir at-Tabari*, и Ахмад ибн Ханбал в *Musnade*³.

¹ Бухари. С. 129–130.

² Большаков, 1998. С. 26–27.

³ См.: Аскари. С. 138.

Умм Салама была грамотной женщиной¹, и это было нeliшним в ее общении с людьми, стремившимися больше узнать от вдовы Мухаммада о словах и поступках Пророка. В итоге таких рассказов в сборниках хадисов было зафиксировано 378², и по этому показателю Умм Салама из всех вдов Мухаммада уступает лишь ‘А’ише, передавшей большее число преданий.

Умм Салама прожила долгую жизнь. Она умерла в возрасте около 84 лет последней из всех вдов Мухаммада. Это скорбное событие произошло, по разным данным, между 679 и 681 гг.³ Погребальную молитву по ней прочел Абу Хурайра⁴.

Необходимо сказать несколько слов о потомках Умм Саламы, многие из которых сыграли весьма заметную роль в истории раннего и современного ислама.

– Салама ибн Аби Салама, согласно одним источникам, был женат на двоюродной сестре Пророка, ‘Аммаре бинт Хамза ибн ‘Абд ал-Мутталиб⁵, по другим сведениям, – был обручен с ней в детстве, но невеста умерла до свадьбы. Сам Салама умер в годы правления омейядского халифа ‘Абд ал-Малика (685–705).

– ‘Умар (‘Амр) ибн Аби Салама во время первой гражданской войны выступил на стороне ‘Али ибн Аби Талиба и участвовал в битве при Сиффине (657). Был наместником халифа в Бахрейне. Умер в 702 г.

– Рукайя (Дарра, Умм Кулсум) бинт Аби Салама, помимо факта ее появления на свет, больше не упоминалась в трудах мусульманских биографов. Это может говорить о том, что она, скорее всего, умерла в детстве.

– Зайнаб (Барра) бинт Аби Салама была замужем за двоюродным внучатым племянником Хадиджи бинт Хувайлид ‘Абдаллахом ибн Зам‘а ибн Асвадом, которому родила двух сыновей – Абу ‘Убайду и Йазида. Во время первой гражданской войны Зайнаб выступила на стороне четвертого праведного халифа ‘Али ибн Аби Талиба.

– Один из сыновей Зайнаб, Йазид ибн ‘Абдаллах ибн Зам‘а, в начале второй гражданской войны (683–692) поддержал «антихалифа» ‘Абдаллаха ибн аз-Зубайра и принял участие в восстании в Медине против омейядского халифа Йазида I (680–683). При подавлении этого выступления был захвачен в плен и обезглавлен (683).

– Внучка Зайнаб, Хинд бинт Аби ‘Убайды, стала женой ‘Абдаллаха ибн ал-Хасана ибн ал-Хасана, правнука четвертого праведного халифа ‘Али ибн Аби Талиба, которому родила сына Мухаммада, прозванного

¹ Фролов, 1996. С. 111.

² Эриш. С. 118.

³ Али-заде. С. 327; Ислах. С. 130; Эриш. С. 73; EI, vol. X1. P. 856; Tab., vol. IX, I. P. 1771.

⁴ Ислах. С. 130.

⁵ Tab., vol. IX, I2. P. 1771.

ан-Нафс аз-Закийа («Чистая душа»). Он стал организатором и главой антиаббасидского восстания шиитов-зайдитов в Медине (762–763) и был убит во время подавления этого выступления (763). Мухаммад ибн ‘Абдаллах явился предком марокканских шарифов Филалидов (султанов с 1664 г.). В связи с этим Умм Салама, как прарабабушка Мухаммада ибн ‘Абдаллаха, может считаться прародительницей королевской династии, правящей в настоящее время в Марокко.

Сложилось так, что правнучка Зайнаб, Курайба бинт Рукайх ибн Аби ‘Убайда, как и ее тетя Хинд бинт Аби ‘Убайда, также была женой ‘Абдаллаха ибн ал-Хасана ибн ал-Хасана, которому родила сына Йахйу.

Этот Йахья ибн ‘Абдаллах (ок. 745/46 – ок. 803) стал зайдитским имамом и сподвижником своего единокровного брата Мухаммада ан-Нафс аз-Закийа. Он являлся одним из организаторов антиправительственного выступления в Мекке (786), направленного против правления аббасидского халифа ал-Хади (785–786), старшего брата Харуна ар-Рашида. После поражения восставших в битве в *вади* Фахх под Меккой (11 июня 786 г.) Йахья бежал в Эфиопию, потом в Йемен, затем в Месопотамию и, наконец, в Дайлам (791/92). Здесь в 792 г. он поднял восстание уже против самого халифа Харуна ар-Рашида (786–809). В 803 г. местный правитель арестовал Йахью, и в итоге он оказался в тюрьме Багдада, где был убит. Согласно распространенному преданию, перед этим мятежный Алид был брошен в яму с голодными львами, но они не тронули его¹.

Характерно, что жившие в эпоху Аббасидов мусульманские историки, повествуя об антиправительственных выступлениях Мухаммада ан-Нафс аз-Закийа и его брата Йахии ибн ‘Абдаллаха, указывали прежде всего на их принадлежность к Алидам и при этом обходили молчанием тот факт, что по своим материнским линиям оба они являлись потомками Зайнаб бинт Аби Салама, приемной дочери Пророка. Возможно, тем самым они не хотели повышать статуса противников правящей династии: достаточно было их принадлежности к числу давних, ставших привычными оппозиционеров правящего дома в лице Алидов².

¹ Mac‘уди. С. 137.

² См. например: Mac‘уди. С. 92, 136.

Джуварийя

Джуварийя родилась около 606 г. Она была дочерью ал-Хариса ибн Аби Диара ибн Хабиба, вождя *бану ал-Мусталик*. Достоверные сведения о ее матери отсутствуют. При рождении она получила имя Барра («Благонравная», «Благостная»²).

По достижении совершеннолетия стала женой своего двоюродного брата. Ибн Хишам в *Сире* именовал его ‘Абдаллахом³, но можно встретить сообщения, что его звали Малик ибн Сафван⁴ или Мусафи‘ ибн Сафван⁵.

Барра попала в плен к мусульманам во время похода Мухаммада против *бану ал-Мусталик* и битвы у колодца ал-Мурайси‘ (январь 627 г.), обстоятельства которых уже были изложены выше в разделе, посвященном ‘А’ише бинт Аби Бакр. Сообщения мусульманских источников, описывающих эти события, базируются, в основном, на рассказе Ибн Хишама. По его словам, подробности он почерпнул из хадиса, который «передал... Зийад ибн ‘Абдаллах ал-Бакка‘ и со слов Мухаммада ибн Исхака, со слов ‘Урвы (ибн аз-Зубайда. – A. A.), со слов ‘А’иши»⁶.

Муж Барры погиб при ал-Мурайси‘, а сама она была пленена и при разделе добычи, захваченной у поверженного противника, досталась Сабиту ибн Кайсу ибн аш-Шаммасу⁷ или его двоюродному брату⁸. Пленнице сказали, что она может обрести свободу за выкуп в размере «7 (или 9) укий золота (280 или 340 динаров) под письменное обязательство»⁹. Разумеется, у Барры не было при себе золота, составлявшего по весу около 450 гр., и она, как дочь вождя, обратилась к Мухаммаду с просьбой ссудить ей требуемую сумму. Пророк спросил: «А не хочешь ли ты лучшей доли, чем это?» «А что имеется в виду?» – задала вопрос Барра. Мухамад ответил: «Я исполню условия договора, который тебя связывает, и возьму тебя в

¹ Карнаки, 2006. С. 318.

² Нурниев. С. 12.

³ И.Н. С. 793.

⁴ Tab., vol. IX, I. P. 1772.

⁵ Ислах. С 138; Эриш. С. 82.

⁶ И.Н. С. 793.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 493.

⁹ Большаков, 1989. С. 125–126.

женены». Барра ответила согласием¹. (Как уже отмечалось выше, ал-Балазури в *Ансаб* писал, что Барра попала в долю Мухаммада² и, по этой версии, Пророку не было надобности выкупать ее у кого бы то ни было.)

Мухаммад ведет последователей на битву

Дальнейший ход событий излагается следующим образом. Получив согласие Барры на брак, Мухаммад вернулся в Медину, где дал ей свободу и женился на ней. Освобождение и бракосочетание Барры состоялись не без участия ее отца ал-Хариса ибн Аби Диара. Он «не мог себе позволить, чтобы его дочь оставалась в плену. Чтобы выкупить ее, он взял небольшое стадо верблюдов и с несколькими людьми направился в Медину»³. Прибыв в Медину, ал-Харис потребовал у Пророка освободить дочь за выкуп. В ответ Мухаммад предоставил право выбора за Баррой. Та сказала: «Я выбираю Посланника Аллаха»⁴.

По рассказу Ибн Хишама в *Сире*, по дороге в Медину в долине ал-'Акик ал-Харис припрятал двух самых лучших верблюдов. И когда он предложил приведенных в город верблюдов в качестве выкупа, Мухаммад спросил его: «А где те два верблюда, которых ты спрятал в долине ал-'Акик?

¹ Большаков, 1989. С. 126; Ислах. С. 140; Эриш. С. 84; I.H. С. 493; Lings1. С. 242.

² См.: Большаков, 1989. С. 251.

³ Эриш. С. 84.

⁴ Там же. С. 85.

Почему ты не привел их сюда?» Пораженные ал-Харис и его сопровождающие приняли ислам. «Я выдаю ее за тебя», – сказал ал-Харис, дав согласие на брак. Сумма *махра*, выплаченного Пророком, составила 400 дирхемов¹.

Реакция ‘А’иши на это событие была резкой: «Как только я увидела ее у дверей моей комнаты, я возненавидела ее, потому что я знала, что он (Пророк) увидит в ней то, что я увидела»². А увидела ‘А’иша вот что: «Она была очень красивой женщиной»³.

У.М. Уотт писал, со ссылкой на Ибн Са‘да и ат-Табари, что Барра «вышла замуж за Мухаммада после принятия ислама и получила свободу. На момент свадьбы ей было около 20 лет; вероятно, сначала она была лишь наложница, перед его смертью она стала полноправной женой»⁴.

В качестве жеста доброй воли Мухаммад распорядился дать свободу, по разным данным, 40, 100 или «всем»⁵ мусталикитам, попавшим в хумс. Мусульмане, как сообщается, узнав об этом, освободили доставшихся им пленников «без выкупа, чтобы свояки Мухаммада не были рабами»⁶. «Я не знаю женщины, которая бы больше осчастливила свой народ, чем она», – говорила о Барре ‘А’иша⁷.

После свадьбы Мухаммад дал ей новое имя – Джувайрия. Этот эпизод привлек к себе внимание биографов Пророка. Каков был резон менять имя Барра, т.е. «Благостная», на имя Джувайрия, значение которого интерпретируется по-разному: «Покровительствуемая», «Маленькая девочка» или «Розочка»?

Имя Барра было достаточно распространенным: его носили многие курайшитки, среди которых были родственницы Мухаммада, к примеру бабушка по его материнской линии (Барра бинт ‘Абд ал-‘Узза) и тетя по отцовской (Барра бинт ‘Абд ал-Мутталиб). Однако Мухаммад по возможности неуклонно переименовывал всех близких к нему женщин, носивших это имя. Данной процедуры ранее удостоилась, как отмечалось выше, приемная дочь Пророка, Барра бинт Аби Салама, переименованная им в Зайнаб («Полная», «Дородная»), а в дальнейшем – еще две жены Пророка: Барра бинт Джахш, также получившая имя Зайнаб, и Барра бинт ал-Харис ибн Хазн, ставшая Маймуной («Счастливая», «Удачливая»).

Высказывалось предположение, что Пророк «побоялся дурного предзнаменования, если люди будут говорить: “Мухаммад ушел от Барры”... или “Барра ушла от Мухаммада”»⁸, что означало бы, что Пророк «лишился

¹ И.Н. С. 768, 793.

² Там же. С. 493.

³ Там же. С. 493; Lings. С. 241.

⁴ Уотт, 2007. С. 435.

⁵ И.Н. С. 493.

⁶ Большаков, 1989. С. 251.

⁷ И.Н. С. 493.

⁸ Большаков, 1989. С. 251; см. также: Эриш. С. 86.

благости». Такая трактовка была бы приемлема, если бы она не предполагала, что Мухаммад, только что женившийся на женщине с именем Барра, не исключал возможности развода с ней или, с другой стороны, не был уверен в преданности новобрачной. Эта версия выглядит странной. Во-первых, Пророк никогда не женился, имея целью последующий развод, а его жены никогда не помышляли о разрыве брачных отношений. Во-вторых, Мухаммада в данном случае мало беспокоила людская молва, ибо для него было важнее то, что он в своих поступках руководствовался ниспосланиями Всевышнего.

Может быть, с именем Барра у Мухаммада были связаны негативные ассоциации личного плана? Но среди активных противниц ислама и преследовательниц Пророка и первых мусульман не значатся язычницы с этим именем. Не обнаруживаются таковые и среди женщин, отказавших Пророку в замужестве (были и такие!). Может, тогда у Мухаммада не сложились отношения с бабушкой Баррой бинт ‘Абд ал-‘Узза, в результате чего осиротевший шестилетний мальчик остался не в доме родителей Амины, а был взят на содержание в семью ‘Абд ал-Мутталиба, дедушки будущего Пророка ислама по его отцовской линии? Но на этот счет мы не имеем достоверных сведений.

Остается высказать предположение, что дело тут не в том, что Мухаммад чурался языческого имени Барра, а в том, что он, напротив, относился к нему с пietетом. Полагать так у нас есть веские основания.

Еще будучи в Мекке, Пророк озвучил в своей проповеди ниспосление, в котором прозвучало одно из «прекрасных имен» (*ал-асма’ ал-хусна*) Аллаха – ал-Барр. **«Ведь мы раньше вызывали к Нему; поистине Он – благостный (ал-Барр. – A. A.), милостливый!»** (52:28)¹. Естественно, что Мухаммад с этих пор считал недозволенным нарекать простых смертных именем-эпитетом, описывающим одно из основных качеств Аллаха, даже если это имя употребляется в женском роде (Барра). Его в качестве идеала-ориентира на пути человека к совершенству надлежало использовать только при упоминании Всевышнего.

Сподвижникам Пророка, надо полагать, были известны причины, по которым он переименовывал своих близких. В связи с этим имя Барра практически полностью исчезло из обихода, хотя и упоминается еще в некоторых перечнях мусульманских имен².

Дата смерти Джувайрии известна приблизительно. После смерти пророка Мухаммада (632) она прожила еще около 45 лет. Умерла она «на пятьдесят шестом году хиджры (т.е. в 675/76 г. – A. A.), а некоторые говорят – на пятидесятом, в эпоху правления повелителя правоверных Му‘авийи ибн

¹ Коран, перевод Крачковского.

² См.: Карнаки, 2006. С. 318.

Аби Суфайана (661–680 гг. – *A. A.*)¹, не дожив до 70 лет. Погребальную молитву над ней прочел наместник Медины Марван ибн ал-Хакам².

Джуварийя была неграмотна, но признавалась современниками одной из самых умных женщин. От нее передано семь хадисов.

Зайнаб бинт Джахш

Восьмая жена Пророка Зайнаб была дочерью Джахша ибн Рийаба (Ри'аба) ибн Йа'мура из бану Хузайма и 'Умаймы бинт 'Абд ал-Мутталиб из курайшитского рода Хашим. По материнской линии она приходилась Мухаммаду двоюродной сестрой и при рождении получила имя Барра. (Мухаммад, как уже отмечалось, после женитьбы переименовал ее в Зайнаб. Под этим именем она вошла в историю и далее будет именоваться так, чтобы не создавать путаницы.)

Джахш ибн Рийаб и его близкие были клиентами (*мавали*) Харба ибн Умайи (? – 588), главы курайшитского рода 'Абд Шамс, который был отцом Абу Суфайана, одного из самых известных врагов пророка Мухаммада.

Год рождения Зайнаб точно не известен, так как он позднее определялся путем обратного отсчета либо от начала ниспосланий первых откровений Мухаммаду, либо от ее приблизительного возраста на момент брака с Пророком (627). В целом можно говорить о периоде между 589 и 593 гг.

Джахш имел дом в Мекке³, где проживала его семья. Мухаммад тепло относился к его детям, но особенно, как говорят, он выделял Зайнаб, которая в молодые годы была невероятно красива⁴. Личности трех братьев и двух сестер Зайнаб хорошо известны в истории ислама. Ее старший брат, 'Абдаллах, был примерно на 12 лет моложе Мухаммада, и его имя значится

¹ Ислах. С. 142.

² Там же; Эриш. С. 89.

³ Lings. P. 40.

⁴ Ibid.

в списках лиц, совершивших вторую хиджру в Эфиопию (616)¹. Он участвовал в битвах при Бадре (624)² и при Ухуде (625), в которой погиб. Другой брат, ‘Абд (Абу Ахмад), также находился среди второй группы беженцев в Эфиопию³. Именно он выдал сестру замуж за пророка Мухаммада⁴. Третий брат, ‘Убайдаллах, был женат на дочери Абу Суфьяна, Рамле (Умм Хабибе), вместе с ней совершил хиджру в Эфиопию (616), где отошел от ислама и принял христианство (621). После развода с ним Рамла стала женой пророка Мухаммада. Сестры Зайнаб были женами известных сподвижников Пророка: Хабиба (Умм Хабиба) – ‘Абд ар-Рахмана ибн ‘Ауфа, Хамна – Мус‘аба ибн ‘Умайра, а после его смерти в битве при Ухуде – Талхи ибн ‘Убайдаллаха. Хамна упоминается среди тех, кто в «деле о клевете» поддержал обвинения в адрес ‘А’иши, за что, по сведениям ат-Табари, даже была подвергнута бичеванию⁵. ‘Абдаллах, ‘Абд, Зайнаб и Хамна были одними из первых, кто в 622 г. совершил хиджру в Йасриб (Медину)⁶.

В отличие от братьев и сестер Зайнаб жизнь ее самой до переезда в Медину остается тайной. В первый год хиджры (622) ей должно было быть не менее 30 лет. Столь солидный для арабской женщины того времени возраст вызывает резонные вопросы: как складывалась ее жизнь все эти годы, была ли она при этом замужем? Но авторы ранних биографических работ хранят по этому поводу полное молчание. Нет воспоминаний на этот счет и в сборниках достоверных хадисов. В чем причина? Почему современники не оставили никаких рассказов об этом?

Это вынуждает многих авторов ступить на скользкую тропу догадок: Зайнаб «молодой вдовой... переселилась в Медину», – пишет, к примеру, М. Форвард⁷. «Она не была замужем...» – утверждает М. Эриш⁸. Менее категорична Н. Эбботт: «Кажется, она не была замужем, хотя... считалась красивой»⁹. Она «либо была не замужем, либо (что более веротно) являлась вдовой...» – пытаются разрешить этот заочный спор У.М. Уотт¹⁰.

Прибытие незамужней Зайнаб в Медину прошло незаметно, и лишь примерно три-четыре года спустя Мухаммад решил связать с ней брачными узами усыновленного им Зайда. Последний в то время уже был женат на вольноотпущеннице Пророка Умм Айман и имел от нее сына Усаму. Дальнейший ход событий излагается в двух основных версиях.

¹ И.Н. Р. 168.

² Уотт, 2006. С. 229.

³ Там же.

⁴ И.Х. С. 468.

⁵ См.: Большаков, 1989. С. 252.

⁶ Lings. Р. 113.

⁷ Форвард. С. 122.

⁸ Эриш. С. 55.

⁹ Abbott. Р. 16.

¹⁰ Уотт, 2007. С. 358.

По рассказу Ибн ал-‘Аббаса, который приводил Ибн Касир, Мухаммад сам направился к Зайнаб и попросил ее стать женой Зайда. «Она сказала: “Я не выйду за него замуж”. Тогда Посланник Аллаха сказал: “Нет, ты будешь его женой”. Зайнаб спросила: “О, Посланник Аллаха! Разве можно без моей воли?”». Этот разговор был прерван ниспосланием Всевышнего: **«Не бывает ни для верующего, ни для верующей, когда решил Аллах и Его Посланник дело, выбора в их деле. А кто не слушается Аллаха и Его Посланника, тот попал в явное заблуждение»** (33:36)¹.

«Зайнаб тем временем, – по словам Ибн ал-‘Аббаса, – спросила Мухаммада: “О Посланник Аллаха! Ты хотел, чтобы Зайд взял меня в жены?” Пророк ответил: “Да”. Тогда Зайнаб сказала: “В таком случае я не стану противиться воле Посланника Аллаха и даю согласие на этот брак”»².

По рассказу известного мухаддиса Абу Ну‘айма Ахмада ибн ‘Абдаллаха ал-Исфахани (948–1038), сама Зайнаб об истории своего сватовства говорила следующее: «За меня сваталось несколько курайшитов, и я послала свою сестру Хамну к Посланнику Аллаха за советом. Он сказал ей: “А что если ей выпадет человек, который посвятит ее в смысл Корана и сунны Пророка?” Хамна спросила его: “А кто это, о, Посланник Аллаха?” Он ответил: “Зайд ибн Хариса”. Хамна очень возмутилась и сказала: “О, Посланник Аллаха! Не хочешь ли ты выдать дочь твоей тети за своего вольноотпущенного!?” Затем она пришла ко мне и обо всем этом мне рассказала. Я возмутилась еще больше, чем она и сказала еще более резкие слова, чем она». После этого, по словам Зайнаб, Аллах ниспоспал *айат* 33:36, и ей пришлось смириться: «Я передала Посланнику Аллаха, что прошу у Аллаха прощения и повинуюсь Ему и Его Посланнику… После этого Посланник Аллаха выдал меня замуж за Зайда»³.

В рассказе Зайнаб привлекает к себе внимание аргумент, который привел Мухаммад, чтобы подчеркнуть достоинства Зайда: он «посвятит ее в смысл Корана и сунны Пророка». Сказать так можно было только в одном случае: Зайнаб нуждалась в посвящении, так как либо не была еще мусульманкой, либо стала ею недавно. Вполне возможно, что еще во времена *джихалии* Джакш женил дочь на своем соплеменнике из *бану* Кинана, и она была увезена мужем из Мекки в его семью, где все это время оставалась язычницей. Где-то в начале 620-х годов ее муж умирает, и бездетная вдова возвращается в отчий дом. Такое предположение объясняет тот факт, почему жизнь Зайнаб в этот период выпала из поля зрения ее современников и не была отражена в хадисах.

Нежеланию Зайнаб выйти замуж за Зайда давалось и такое объяснение: «Едва ли она могла считать, что он недостаточно хорош. Она была

¹ Коран, перевод Крачковского.

² Цит. по: Ислах. С. 23; см. также: Эриш. С. 56.

³ Цит. по: Ислах. С. 133.

амбициозной женщиной и, вероятно, уже питала надежду выйти замуж за Мухаммада; или она, возможно, желала выйти замуж за кого-то, с кем Мухаммад не хотел столь близко связывать свою семью»¹.

Говорят, что против брака Зайда и Зайнаб выступил ее брат ‘Абдаллах ибн Джахш. Он заявил, что это невозможно, так как «Зайд еще вчера был рабом»². Если это так, то участие ‘Абдаллаха в событиях, связанных со сватовством, дает возможность установить его примерное время. Известно, что он погиб в битве при Ухуде (март-апрель 625 г.), следовательно, переговоры о женитьбе Зайнаб и Зайда состоялись до этого сражения. Возможно, что «‘Абдаллах возражал против этого брака до своей гибели, а сам брак был заключен уже после его смерти»³.

С чем было связано настойчивое желание Мухаммада поженить Зайнаб и Зайда? Ответ очевиден. Целью Пророка было установление равенства всех мусульман перед Аллахом. В его глазах все обратившиеся в ислам люди становились равноправными вне зависимости от их расовых или этнических корней, материального достатка или общественного положения. Этим шагом он стремился покончить с сохранившимся еще со времен *джахилии* обычаем – унизительным отношением к вольноотпущенникам и рабам. Однако вскоре на живом примере ему пришлось убедиться, что не все его сподвижники готовы к переменам, ломавшим устои рода-племенных отношений.

Супружеская жизнь Зайнаб и Зайда не складывалась. «Она была несчастна в замужестве с Зайдом, считая того ниже себя по общественному положению», а сам Зайд «страдал от ее тяжелого характера»⁴. Ход событий ускорило загадочное, со скандальным оттенком, происшествие.

Как-то в конце 626 г. Пророк пришел к Зайду, когда того не было дома, и застал Зайнаб в неподобающем для взора чужого мужчины виде. Что конкретно узрел Мухаммад, сказать трудно. Описзывающие эту неловкую ситуацию авторы предлагают разные варианты, колеблющиеся в диапазоне от «она была без хиджаба»⁵ до застал ее «в несколько откровенном виде»⁶. Мухаммад якобы был поражен красотой Зайнаб и, смущенный, ретировался, произнеся: «О, Милостивый и Всемогущий Аллах! Как склоняешь Ты сердца людей!»⁷.

Надо заметить, что ношение *хиджаба* на тот момент еще не было вменено в обязанность мусульманских женщин, и Мухаммада не могла

¹ Уотт, 2007. С. 360.

² Ислах. С. 22.

³ Там же. С. 22–23.

⁴ Форвард. С. 124.

⁵ См.: ‘Аскари. С. 69.

⁶ Уотт, 2007. С. 358.

⁷ Смирнов. С. 405; см. также: Уотт, 2007. С. 358.

поразить красота Зайнаб, которую он видел чуть ли не ежедневно. Поэтому следует отдать предпочтение версии, согласно которой Пророк застал жену Зайда «легко одетой»¹.

Зайнаб, невольно услышавшая слова Мухаммада, была польщена и восприняла их как объяснение в любви². Она не замедлила рассказать о случившемся вернувшемуся домой мужу. Все кончилось тем, что «однажды Зайд пришел к Посланнику Аллаха и пожаловался на грубость высказываний, непокорность и ослушание, обидные слова, слетавшие с ее (Зайнаб) языка, ее горделивое отношение к нему». Со своей стороны, он выразил «свое собственное отвращение и антипатию к ней, а также желание развестись с ней»³. В ответ Мухаммад произнес слова, вошедшие в Коран: «Удержи при себе свою жену и побойся Аллаха!» (33:37)⁴. Однако Зайд был непреклонен. Он посчитал, что «Зайнаб нравится его приемному отцу и развелся с ней...»⁵. Произошло это в конце 626 г., «незадолго до похода на ал-Мурайси»⁶.

Супружеские отношения связывали Зайнаб и Зайда недолго. Ибн Ка-сир полагал, что брак продолжался «около года или чуть больше»⁷. Есть авторы, которые со ссылкой на слова Корана: «Когда же Зайд удовлетворил свое желание по отношению к ней...» (33:37)⁸, сокращают этот срок до минимума – «жизнь их в браке, если и продолжалась, то в течение очень короткого промежутка времени...»⁹.

После развода Зайнаб и Зайда возникла неловкая ситуация. Мухаммад сделал все, чтобы их брак состоялся, препятствовал распаду этой семьи, однако жизнь сложилась иначе. Пророк чувствовал ответственность за судьбу Зайнаб, которая осталась одна без средств к существованию, и, возможно, «не видел среди своих соратников человека, достойного стать ее мужем»¹⁰.

Обстоятельства, казалось, располагали к тому, что Мухаммад при желании теперь мог сам жениться на Зайнаб. Она была уже свободной женщиной и надеялась, что Пророк решится на этот шаг. Истек срок положенной ‘идды, и Мухаммад наконец объявил, что намерен взять Зайнаб в жены. Однако на пути к этому браку стояло, казалось бы, непреодолимое препятствие, и «виной» тому был Зайд, которого Мухаммад усыновил более 30 лет назад. Согласно существовавшей традиции, усыновление было равнозначно

¹ Форвард. С. 123.

² Смирнов. С. 405; Форвард. С. 124.

³ Ислах. С. 24.

⁴ Коран, перевод Крачковского.

⁵ Форвард. С. 123.

⁶ Большаков, 1989. С. 130; Форвард. С. 123.

⁷ Цит. по: Ислах. С. 25.

⁸ Коран, перевод Крачковского.

⁹ Ислах. С. 25.

¹⁰ Уотт, 2007. С. 360.

обретению кровного сына и наследника, и Зайд все эти годы носил «отчество» своего приемного отца – Зайд ибн Мухаммад, а тот, в свою очередь, часто именовался по *кунье* Абу Зайд.

По Медине прокатились разговоры, что Пророк не только пренебрегает обычаями, но и нарушает норму, ниспосланную Всевышним и обнародованную Мухаммадом в одной из своих проповедей некоторое время назад: **«И запрещены вам... жены ваших сыновей, которые из ваших чресел...»** (4:23)¹.

Хутба Мухаммада перед сподвижниками

По замечанию У.М. Уотта, женитьба на Зайнаб была «единственным поступком такого рода, за который Мухаммада критиковали его современники»². Пересуды сошли на нет с появлением новых ниспосланий Господа, разъясняющих сложившееся положение: **«Не бывает ни для верующего, ни для верующей, когда решил Аллах и Его Посланник дело, выбора в их деле... И вот ты говорил тому, кого облагодетельствовал Аллах и кого ты облагодетельствовал** (т.е. Зайду. – A. A.): **“Удержи при себе свою жену и побойся Аллаха!” И ты скрывал в своей душе то, что обнаруживал Аллах, и боялся людей, а между тем**

¹ Коран, перевод Крачковского.

² Уотт, 2007. С. 358.

Аллаха следует больше бояться. Когда же Зайд удовлетворил свое желание по отношению к ней, Мы женили тебя на ней, чтобы для верующих не было стеснения с женами их приемышей... Мухаммад не был отцом кого-либо из ваших мужей, а только – Посланником Аллаха и печатью пророков» (33:36–37, 40)¹.

Другими словами, Мухаммаду и всем мусульманам в дальнейшем разрешалось жениться на бывших женах или вдовах приемных детей. Одновременно запрещалось считать родными усыновленных (удочеренных) детей: Аллах «не сделал ваших приемышей вашими сыновьями... Возводите их к их отцам, это – более справедливо у Аллаха, а если не знаете их отцов, то это – ваши братья в вере и ваши близкие» (33:4–5)². В соответствии с этим Зайд вновь стал прозываться по имени родного отца – Зайд ибн Хариса, а в разработанном позже мусульманском законодательстве закрепилось положение, согласно которому «между приемным отцом и приемным сыном не существует никакой правовой связи»³.

Положение, сложившееся вокруг женитьбы Мухаммада и Зайнаб, в течение многих столетий обсуждается на страницах богословских и исторических работ.

У.М. Уотт в свое время постулировал: «Обвинения в адрес Мухаммада... были основаны на доисламских представлениях, которые были отвергнуты исламом»⁴. Но до и после него критически настроенные к Мухаммаду и его вероучению исследователи полагали, что все дело в чрезмерной чувственности Пророка ислама. В частности, Ф.А. Смирнов комментировал ситуацию так: «Главное же препятствие к женитьбе его (Мухаммада) на Зайнаб состояло в том, что Зайд был им усыновлен... Но страсть к Зайнаб не мог он победить... Сидя однажды с ‘А’ишой, он пришел будто бы в экстаз и сказал: “Кто хочет пойти и поздравить Зайнаб: Бог соединил ее браком со мной?”». Зайнаб привели в дом Мухаммада, «и он вступил с нею в супружеские отношения». Мухаммад, по словам Смирнова, поспешил оправдать свой поступок оглашением ниспосланий, вошедших в Коран (33:4–5; 36–40)⁵. Смирнов трактовал слова: «**И ты скрывал в своей душе...**» (33:37) следующим образом: «Значит Мухаммад действительно притворился, когда отсоветовал Зайду развод с женой, и действительно был виною всей истории»⁶. Православный богослов резюмировал: «Таким образом, чтобы оправдать свою похоть и снять с себя обвинение в нарушении закона, оберегавшего чистоту нравов, Мухаммад издал два закона:

¹ Коран, перевод Крачковского.

² Там же.

³ Шарль. С. 67.

⁴ Уотт, 2007. С. 359.

⁵ Смирнов. С. 405–406.

⁶ Там же. С. 416.

– жениться на супругах усыновленных приемышей и
– не называть последних по имени усыновителей.

Почему бы не издать такой закон раньше, когда все называли Зайда сыном Мухаммада?»¹. (Можно заметить, что ответ на последний вопрос прост: Мухаммад не издавал законы, а обнародовал установления Аллаха тогда, когда их получал.)

Солидарное с высказанным мнение можно встретить в трудах некоторых западных ученых. Известный христианский миссионер и биограф Мухаммада сэр Уильям Мьюир (1819–1905) писал, что тот «...пал жертвой своего необоримого полового влечения... Его желания не могли удовлетворить пределы установленного прежде арабскими обычаями гарема, более многочисленного, нежели это было позволено любому из его сподвижников». И когда, писал Мьюир, перед Мухаммадом «случайно» во всей красе предстали «прелести» Зайнаб, «он не смог погасить пламя, зажженное той в его груди; и вот по Божьему произволению она оказалась в его объятьях»².

В трудах более вдумчивых ориенталистов мотивы женитьбы Мухаммада на Зайнаб видятся в другом. «Не будет преувеличением сказать, – писал У.М. Уотт, – что *все* браки Мухаммада имели политическую подоплеку. Таким образом, есть серьезные основания полагать, что в случае с Зайнаб бинт Джахш Мухаммад не пошел на поводу у страсти, а принял во внимание политические последствия этого союза... Зайнаб была близкой родственницей Мухаммада, а члены ее семьи в то время (или ранее) были халифами отца Абу Суфйана. Так как женитьба на Зайнаб произошла задолго (на самом деле примерно за год. – A .A.) до заключения брака с дочерью Абу Суфйана (Умм Хабибой Рамлой. – A .A.) и в то время, когда Абу Суфьян возглавлял мекканскую оппозицию против Мухаммада, этот аспект брака с Зайнаб не мог ускользнуть от внимания Мухаммада. Однако из источников также известно, что он использовал браки своих двоюродных сестер, так же как и своих дочерей, в политических целях... Таким образом, не может быть сомнений в том, что женитьба Зайда на Зайнаб являлась частью этого плана по созданию союзов, поскольку Зайд был влиятельным человеком в общине, в чем-то даже равным по влиянию Абу Bakru»³. «Несмотря на рассказы, – считал У.М. Уотт, – маловероятно, что он (Пророк) потерял голову от физической привлекательности Зайнаб»⁴.

В мусульманских источниках и трудах обстоятельства брака Мухаммада и Зайнаб трактуются иначе. Правнук Мухаммада, четвертый шиитский имам Зайн ал-‘абидин ‘Али ал-Асгар ибн ал-Хусайн говорил: «...Всевышний Господь оповестил Пророка о том, что Зайд разведется с

¹ Смирнов. С. 406.

² Цит. по: Форвард. С. 122.

³ Уотт, 2007. С. 359.

⁴ Там же. С. 360.

Зайнаб, и скоро она станет его женой. Поэтому когда Зайд сказал Пророку, что хочет развестись с Зайнаб, а Пророк посоветовал удержать свою жену, Господь укорил его за это»¹.

Такой подход можно встретить и у современных авторов. В работе «Духовные матери мусульман» читаем: «Тогда Аллах внушиает своему Посланнику, что Зайд даст Зайнаб развод и что по велению небес Мухаммад возьмет Зайнаб себе в жены. Посланник скрывает это повеление, которое по сути своей означало практическое применение запрета, касающегося усыновления. Поскольку “кровной связи” здесь не было, то Посланнику разрешалось взять Зайнаб себе в жены, несмотря на то что она была (ранее. – А. А.) супругой его вольноотпущенника Зайда. Очевидно, Посланник испытывал некоторое затруднение от этой новой жизненной ситуации и занял выжидательную позицию, не решаясь проводить это повеление в жизнь, и скрыл его от окружающих. Так продолжалось до тех пор, пока Аллах жестко не упрекнул его следующими словами: **“И ты скрывал в своей душе то, что обнаруживал Аллах, и боялся людей, а между тем Аллаха следует больше бояться”**².

Аналогично – у современного иранского автора Сайида Муртазы ал-‘Аскари. Он пишет, что «Зайнаб дерзила и грубила Зайду, пытаясь показать свое превосходство. Тогда Зайд обратился к Пророку и сказал, что намерен развестись с ней. Божья мудрость также предполагала женитьбу Пророка на ней после Зайда, чтобы тем самым аннулировать институт усыновления. Об этом было сообщено Пророку в откровении. Но Посланник Аллаха опасался того, что люди скажут, что он женился на бывшей жене своего сына. И поэтому он скрыл в себе божественное откровение, и когда Зайд выразил свое намерение развестись с Зайнаб, он сказал ему: **“Удержи свою жену при себе и побойся Аллаха”**³.

Мартин Форвард в краткой биографии Мухаммада отмечает: «Мусульманские модернисты защищают Пророка от обвинений в половом влечении к Зайнаб. Они указывают, что та приходилась двоюродной сестрой Мухаммаду, которую он знал с самого детства... Мухаммад женился на ней... так как сам устроил ее неудачный брак с Зайдом»⁴. Критикуя эти положения, Форвард замечает, что «в данном случае мусульманские модернисты, похоже, неубедительны в своих доводах защиты». Почему, например, пишет он, следует подвергать сомнению рассказ ат-Табари о красоте Зайнаб, поразившей Мухаммада, ведь уважаемый мусульманский историк не фиксировал неправдивых преданий? «Почему зрелая женщина не может быть привлекательной для мужчины средних лет?» – спрашивает он⁵.

¹ Цит. по: ‘Аскари. С. 68.

² Ислах. С. 24.

³ ‘Аскари. С. 72.

⁴ Форвард. С. 124.

⁵ Там же.

О дате бракосочетания Мухаммада и Зайнаб существуют разные сведения. Ибн Са'д приводил рассказ 'А'иши, согласно которому это событие произошло после возвращения Пророка из похода на *бану ал-Мусталик* (январь 627 г.) или «несколько позднее»¹. Однако из ее же слов в *хадисе*, помещенном в *ас-Сахих* ал-Бухари, следует, что это событие состоялось до упомянутого похода².

По данным большинства мусульманских источников, свадьба Мухаммада и Зайнаб состоялась в марте 627 г.³, когда невесте было от 35 до 39 лет⁴, что было «достаточно много для арабской женщины»⁵. Вопрос о том, получила ли Зайнаб причитавшийся ей брачный дар, остается открытым. О.Г. Большаков писал, что *махр* был выплачен⁶, но есть сведения, что при сватовстве «не было составлено брачного договора, не было назначено калыма (*махра*. – *A. A.*)»⁷. Вторая точка зрения представляется более точной, так как «особые обстоятельства замужества» позволяли Зайнаб считать, что ее «сватом был сам Аллах»⁸. Ал-Балазури поместил в *Ансаб* рассказ 'А'иши, что Зайнаб говорила другим женам Пророка: «Вас выдали замуж ваши опекуны за *махр*, а меня выдал замуж – Аллах»⁹.

Свадьба была проведена по всем правилам, с приглашением гостей и полагающейся трапезой. Согласно *хадису* от слуги Пророка Анаса ибн Малика, которому в ту пору было 15 лет, «Лучшим свадебным угождением Пророка было то, которое он устроил по случаю бракосочетания с Зайнаб и на которое пошла одна овца»¹⁰.

Можно предположить, что наряду с бараниной были поданы и другие блюда, а также напитки, включая вино, запрещенное три года спустя (Коран, 5:90–91). В ходе пиршества возникла неловкая ситуация: часть загулявших гостей засиделась и долго не хотела расходиться по своим домам, не давая возможности Мухаммаду остаться наедине с новой женой. Анас не приводит имен присутствовавших, но почти наверняка можно сказать, что это были близкие Мухаммаду и Зайнаб люди, и деликатный Пророк не мог попросить гостей покинуть помещение. Как это происходило, позже рассказывал Анас: «(В свое время) Посланник Аллаха женился на Зайнаб бинт Джахи в Медине, а когда наступил день, он пригласил людей на уго-

¹ Цит. по: Ислах. С. 131.

² Бухари. С. 432.

³ См.: Большаков, 1989. С. 252; Tab., vol. IX, I. P. 1772.

⁴ См.: Али-заде. С. 113; Ислах. С. 132; Уотт, 2007. С. 360, 436; Форвард. С. 124; Эриш. С. 59; EI, vol. XI. P. 484.

⁵ Уотт, 2007. С. 360.

⁶ Большаков, 1989. С. 131.

⁷ Ислах. С. 26–27.

⁸ Большаков, 1989. С. 131.

⁹ Цит. по: Большаков, 1989. С. 131.

¹⁰ Бухари. С. 718; см. также: Большаков, 1989а. С. 131.

щение. (Через некоторое время) Посланник Аллаха вместе с некоторыми из них остался сидеть, а часть людей ушла. Потом встал и вышел Посланник Аллаха, а я пошел вместе с ним. Он дошел до дверей комнаты ‘А’иши и, подумав, что люди ушли, вернулся, и я вернулся вместе с ним, однако они всё еще сидели на своих местах. Тогда он снова вернулся, и я вернулся вместе с ним; дойдя же до дверей ‘А’иши, он вернулся обратно, и я вернулся вместе с ним, и оказалось, что они уже ушли. А затем (Пророк) опустил передо мной занавеску, после чего и был ниспослан (*айат*) о завесе»¹.

Праздничная трапеза

Таковы были обстоятельства появления одного из самых известных предписаний Всевышнего относительно жен Мухаммада, коснувшегося всех мусульманских женщин: «**А когда просите их** (жен Пророка. – A. A.) **о какой-нибудь утвари, то просите их через завесу** (т.е. хиджаб. – A. A.)» (33:53)². Не были забыты и засидевшиеся на свадьбе гости: «**О те, которые уверовали! Не входите в дома Пророка, если только не будет разрешена вам еда, не дожидаясь ее времени. Но когда вас позовут, то входите, а когда покушаете, то расходитесь, не вступая дру-**

¹ Бухари. С. 738–739.

² Коран, перевод Крачковского.

жески в беседу. Это с вашей стороны удручет Пророка, он стыдится вас, а Аллах не стыдится истины» (33:53)¹.

Таким образом, Зайнаб, не дав тому повода, косвенно оказалась причастной к появлению «айата о хиджабе». Позже эту славу приписал себе ‘Умар ибн ал-Хаттаб. По его словам, именно он как-то сказал Мухаммаду: «О Посланник Аллаха, к тебе приходят и благочестивые, и нечестивые, (и было бы хорошо), если бы ты велел материам правоверных (говорить с посторонними из-за) занавески»².

Так или иначе, в Коране было сказано то, что было ниспослано, и Мухаммад не повинен в том, что со временем хиджабом стали называть накидку, скрывающую лицо и фигуру женщин, а само это слово, не имевшее изначально гендерного смысла, стало олицетворением унизительного положения мусульманок. О.Г. Большаков объяснял появление указанных предписаний тем, что Мухаммад, обзаведясь тремя молодыми красивыми женами, стремился «покончить с простотой нравов первых двух лет, когда любой мусульманин из мечети мог без всякого предупреждения зайти к Пророку (он мог застать Мухаммада или одну из его жен в самый неподходящий момент)... в любой момент войти в дом, то ли попросить напиться, то ли “полюбезничать” с молоденькими женами Пророка»³.

Зайнаб вошла в семью Мухаммада и как самая возрастная из его жен сблизилась с Умм Саламой. В то же время она (в отличие от своей сестры Хамны) поддержала ‘А’ишу в «деле о клевете». Подозревавшаяся в измене юная жена Пророка рассказывала: «Кроме того, Посланник Аллаха спрашивал обо мне и Зайнаб бинт Джаш, говоря: “О Зайнаб, что тебе известно, что ты видела?” – (на что) она отвечала: “О Посланник Аллаха, я (не говорю того, чего не) видела и не слышала. Клянусь Аллахом, мне известно о ней только благое!”»⁴.

Зайнаб была первой из жен Пророка, умершей после его смерти. Она скончалась «на двадцатом году хиджры при правлении ‘Умара ибн ал-Хаттаба»⁵, который и совершил над ней погребальную молитву⁶. Похоронена на кладбище ал-Баки⁷. Возраст Зайнаб в год смерти (642) определяют в 53 года⁷. Со слов Зайнаб передано 10 хадисов.

¹ Коран, перевод Крачковского.

² Бухари. С. 660.

³ Большаков, 1989. С. 125–126.

⁴ Бухари. С. 436.

⁵ Ислах. С. 136.

⁶ Ислах. С. 137; Эриш. С. 63.

⁷ Али-заде. С. 113; Уотт, 2007. С. 360; Эриш. С. 63.

Сафи야

Девятая жена пророка Мухаммада, Сафи야, была дочерью Хуваййа (Хуйайя) ибн Ахтаба ибн Са'я ибн 'Амира, который являлся одним из вождей иудейского племени *бану ан-Надир*, и Барры бинт ас-Саввела (ас-Самв'ал, Самран) из иудейского племени *бану Курайза*. Она родилась в Йасрибе (Медине) примерно в 611 г. и получила имя, означающее «Непорочная», «Избранница».

Отец Сафии был бескомпромиссным врагом Мухаммада и его вероучения. Он последовательно оказывал поддержку тем силам, которые с оружием в руках сражались против мусульман. Во многом по его инициативе племена ан-Надир и Курайза решились изменить мирному договору, заключенному в Медине с Мухаммадом в первый год *хиджры*¹, результатом чего стало изгнание надиритов из Медины (август-сентябрь 625 г.) и последовавшие репрессии против курайзитов². Сюжет об изгнании *бану ан-Надир* нашел отражение в Коране (59:2–17).

В 625 г. Сафи야 вместе с родителями и другими надиритами покинула родной город и переселилась в Хайбар, к северу от Медины, где у многих представителей *бану ан-Надир* имелись владения³. Там она была выдана замуж за Салламу ибн Мишкама, который, как и ее отец, являлся одним из вождей надиритов. Первый брак Сафии не сложился, и вскоре Саллама развелся с ней. После этого она стала женой военачальника надиритов Кинаны ибн ар-Раби⁴ ибн Аби-л-Хукайка, который был известен и как поэт⁵. (Его дед был родоначальником, и второго мужа Сафии часто именовали Кинана ибн Аби-л-Хукайк.) Произошло это где-то в конце 6 или начале 7 года *хиджры*⁶.

К тому времени отца Сафии уже не было в живых. Он сыграл важную роль в создании «великого союза» антимусульманских сил⁶ и был главным инициатором осады Медины в апреле 627 г. (так называемой

¹ См.: Большаков, 1989. С. 92–94, 148.

² Подр. см.: Большаков, 1989. С. 147–150; И.Х. С. 233, 235, 278–280, 290–304, 329–345; Уотт, 2007. С. 231–233.

³ Уотт, 2007. С. 233.

⁴ И.Х. С. 470; И.Н. Р. 511.

⁵ EI, vol. VIII. Р. 817.

⁶ Уотт, 2007. С. 233.

«битвы у рва»). Именно он, прибыв в город, подтолкнул *бану* Курайза к выступлению против мусульман, в нарушение заключенного между сторонами союзнического договора. В итоге после одержанной победы в «битве у рва» Мухаммад вручил судьбу курайзитов в руки их *халифа* Са‘да ибн Mu‘аза. По его решению все схваченные достигшие совершеннолетия мужчины племени были обезглавлены, а женщины и дети проданы в рабство¹. Среди казненных оказался и отец Сафийи².

Наказание *бану* Курайза

В мае 628 г., через два месяца после подписания мирного договора с мекканцами в Худайбии, Мухаммад отправился в поход против иудеев Хайбара во главе войска, состоявшего из примерно «1400 человек при 200 конях»³ и после их двухмесячного сопротивления одержал победу. Падение Хайбара произвело впечатление на жителей соседнего Фадака, и они сдались Пророку без боя «на условиях уплаты половины урожая»⁴. Сафийя и ее муж Кинана попали к мусульманам в плен.

«К Посланнику Аллаха привели Кинану ибн ар-Раби‘ – у него хранились сокровища *бану* ан-Надир. Пророк спросил его о них. Кинана от-

¹ И.Х. С. 299; Уотт, 2007. С. 235.

² И.Х. С. 297.

³ Большаков, 1989. С. 147.

⁴ Там же. С. 148.

рицал, что знает, где они находятся. К Пророку привели одного из иудеев (это был слабоумный племянник Кинаны¹. – A. A.), который сказал ему: “Я видел, как Кинана каждое утро крутился вокруг этих развалин”. Тогда Пророк обратился к Кинане: “Ты согласен, что если мы найдем их у тебя, то я тебя убью?” Тот согласился. Пророк приказал искать клад на этих развалинах. Стали копать и нашли часть сокровищ. Потом Пророк потребовал от него указать место остальной части сокровищ, но Кинана отказался. Пророк передал его аз-Зубайру ибн ал-‘Авваму, приказав пытать его, пока Кинана не расскажет все. Аз-Зубайр зажигал огниво на его груди и довел его до полусмерти. Потом Пророк отдал его Мухаммаду ибн Масламе (*ансару из бану Аус.* – A. A.), который отрубил ему голову, мстя за своего брата Махмуда ибн Масламу².

После падения Хайбара Зайнаб бинт ал-Харис, жена первого мужа Сафии Саллама ибн Мишкама, решила отравить Пророка, угостив его жареным барабашком. Мухаммад откусил кусок мяса, стал жевать, но, почувствовав отраву, не проглотил его, а выплюнул. «Потом он вызвал Зайнаб, и она призналась. Пророк спросил: “Что толкнуло тебя на это?” Она ответила: “Ты принес моему народу много бед, и я сказала: “если он царь, то избавлюсь от него, а если пророк, то он узнает””. И простил ее Пророк». Так написано в *Сире Ибн Исхака / Ибн Хишама*³. По другим сведениям, «виновницу казнили»⁴.

Плененная Сафийя, как говорят, досталась Дихье (Дахийе) ибн Халифе ал-Калби. «После чего, – как рассказывал Анас ибн Малик, – к Пророку подошел один человек, который сказал: “О пророк Аллаха, ты подарили Дихье Сафию бинт Хуйай, которая была госпожой племен Курайза и ан-Надир и которая подходит только для тебя!”»⁵. Тогда Мухаммад послал за ней своего глашатая Билала ибн Рабаха, считающегося первым мусульманином из числа рабов. Когда Сафийу привели, Мухаммад «взглянул на (этую женщину) и сказал Дихье: “Возьми себе любую невольницу из пленных, кроме нее”»⁶. Мухаммад «бросил на нее свой плащ, и мусульмане поняли, что он выбрал ее для себя»⁷. Как повествовали Ибн Са‘д и ат-Табари, Пророк предложил Сафийе на выбор: либо остаться иудейкой и тогда она получит свободу и вернется к своим родным, либо принять ислам и остаться у Мухаммада. Сафийя предпочла быть мусульманкой и женой Пророка⁸.

¹ Большаков, 1989. С. 148.

² И.Х. С. 335.

³ Там же. С. 335–336.

⁴ Большаков, 1989. С. 148.

⁵ Бухари. С. 113; см. также: Мубаракфури. С. 231.

⁶ Бухари. С. 113.

⁷ И.Х. С. 334.

⁸ См.: Ислах. С. 156–157; Мубаракфури. С. 231; Уотт, 2007. С. 436; Эриш. С. 92, 93.

Чем объяснить решение Сафийи? Ведь у нее были веские основания для ненависти к Пророку: Мухаммад был причастен к убийству ее отца и мужа Кинаны, фактическому уничтожению родного племени. Вероятно, оказались выпавшие на ее долю в последние годы испытания, и она смирилась с судьбой. А ведь было ей всего 17 лет¹.

Не менее важно понять, чем руководствовался Мухаммад, предлагая Сафийе выйти за него замуж. У.М. Уотт предполагал существование политических мотивов, подтолкнувших Мухаммада к заключению этого союза². Эта точка зрения может вызвать возражение: поверженные племена Курайза и ан-Надир сошли с политической арены и никакой угрозы для мусульман уже не представляли. Возможно, женитьбой на «госпоже племен Курайза и ан-Надир» Пророк хотел показать, что он не чужд племенным традициям, которые не противоречат устоям ислама. Не исключено, что этим шагом Мухаммад хотел создать прецедент, на основании которого мусульманам дозволялось бы жениться на еврейках (иудейках). Может быть, он пожалел Сафийу, которой грозило унизительное рабство. А может, Пророку просто приглянулась юная и красавая женщина, оставшаяся по его воле сиротой и вдовой. Впрочем, все эти мотивы могли учитываться Мухаммадом в их совокупности.

Мухаммад решил не откладывать свадьбу в долгий ящик и, чтобы поставить ревнивых жен перед фактом, сыграл ее на обратном пути из Хайбара в Медину. В местечке ас-Сахба³ «Пророк устроил свадебный пир, на котором не было ни жира, ни мяса, была лишь ячменная каша и финики»⁴. Помогала невесте – «причесывала и готовила для брачной ночи – Умм Сулайм, дочь Мильхана, мать Анаса ибн Малика»⁵. Она же «привела ее ночью к Пророку»⁶.

Когда Сафийа прибыла в Медину, она подарила все свои драгоценности женам Мухаммада и его дочери Фатиме⁷, и все же ее появление в семье Пророка было встречено с неприязнью⁸. Тем не менее Сафийа стала одной «из наиболее любимых жен» Мухаммада⁹ и единственной из всех жен Пророка неарабского (еврейского) происхождения.

Во время осады дома ‘Усмана ибн ‘Аффана (656) Сафийа поддержала халифа и передавала ему пищу и воду через забор, разделявший их дома. По распространенной версии, в ее доме велись переговоры о сложившемся

¹ Ислах. С. 155; Уотт, 2007. С. 436.

² Уотт, 2007. С. 314.

³ Эриш. С. 93.

⁴ И.Х. С. 470; см. также: Бухари. С. 621.

⁵ И.Х. С. 336.

⁶ Бухари. С. 114.

⁷ Эриш. С. 96.

⁸ Ислах. С. 158.

⁹ Ирвинг. С. 181.

положении между халифом ‘Усманом, ‘Али ибн Аби Талибом и аз-Зубайром ибн ал-‘Аввамом, и присутствовавшая при этом Сафийа всячески пытаясь защитить халифа¹. Много позже халиф Mu‘авийа ибн Аби Суфьян (661–680) выкупил этот дом за 180 тыс. дирхемов².

Годы смерти Сафийи в биографических трудах указываются разные. Считается, что она умерла в годы правления первого омейядского халифа Mu‘авийи, и произошло это либо в 670 г.³, либо в 672 г.⁴, и исполнилось ей на тот момент 60 или 62 года.

Сообщается, что перед смертью она завещала половину своего состояния в 100 тыс. дирхемов отдать племяннику, а другую половину раздать беднякам⁵.

Со слов Сафийи передано 10 хадисов.

Рамла

Десятая жена пророка Мухаммада, Рамла («Песок»), была дочерью Абу Суфьяна Сахра ибн Харба и Сафии бинт Аби-л-‘Ас ибн Умайя. Оба ее родителя принадлежали к курайшитскому роду Омейя (Умайя), ответвления ‘Абд Шамс. Абу Суфьян входил в число самых непримиримых врагов Мухаммада и первых мусульман, был главой рода и племени Курайш (624–630). Рамла была единокровной сестрой первого омейядского халифа Mu‘авийи ибн Аби Суфьана (661–680), а по материнской линии – двоюродной сестрой третьего праведного халифа ‘Усмана ибн ‘Аффана (644–656). Точный год рождения Рамлы неизвестен. Биографы помещают его в промежуток между 593 и 600 гг.⁶

По достижении брачного возраста Рамла была выдана замуж за ‘Убайдаллаха ибн Джакхса из племени Хузайма. Он был двоюродным братом Мухаммада по материнской линии (сын Умаймы бинт ‘Абд ал-

¹ EI, vol. VIII. P. 817.

² Там же.

³ Али-заде. С. 296; Эриш. С. 99.

⁴ Ислах. С. 164; Tab., vol. IX, I. P. 1773.

⁵ Эриш. С. 99.

⁶ См.: Ислах. С. 142, 146; Эриш. С. 74, 81; 9. Уотт, 2007. С. 436; Али-заде. С. 327–328.

Мутталиб), а позже (как брат Зайнаб бинт Джахш) стал еще и шурином Пророка. Заключение этого брака, скорее всего, произошло до появления ислама, так как ‘Убайдаллах был одним из первых, кто уверовал в новую религию, и Абу Суфьян вряд ли бы выдал дочь за мусульманина. От мужа Рамла, видимо, узнала о проповедях Мухаммада и вскоре стала его сподвижницей, несмотря на резко отрицательную реакцию на происходящее со стороны своего отца.

В 616 г. Рамла вместе с мужем в составе второй группы беженцев переселилась в Эфиопию¹. Там у четы родилась дочь Хабиба, и Рамла стала чаще именоваться по *куние* – Умм Хабиба. В эмиграции ‘Убайдаллах отошел от ислама, принял христианство, и пристрастился к вину (621). Он развелся с Умм Хабибой, и она осталась одна без средств к существованию с дочерью на руках.

Вероотступничество ‘Убайдаллаха, его развод и пристрастие к спиртному, приведшее к ранней смерти (628), резко осуждается в мусульманских биографических источниках. Здесь есть, конечно, вещи, за которые его можно порицать (бросил на чужбине жену с ребенком), однако в остальном не все так просто. Существует два смягчающих вину ‘Убайдаллаха обстоятельства.

Во-первых, в Эфиопии мусульманских беженцев принимали за представителей одной из христианских сект, спасавшихся от притеснений язычников Аравии. Для аксумского правителя-негуса это стало ясно, когда Джа’фар ибн Аби Талиб, прося у него покровительства для мусульман, прочел несколько отрывков из проповедей Мухаммада, в которых высказано почтительное отношение к Деве Марии и ее сыну Иисусу Христу. В таких обстоятельствах переход ‘Убайдаллаха в христианство не выглядел крамольным.

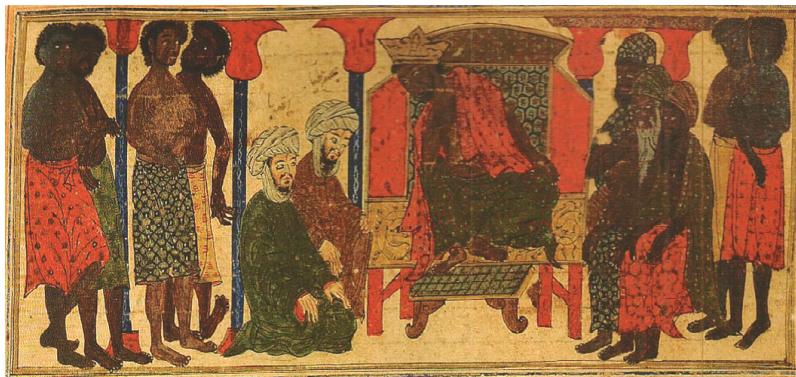
Во-вторых, полный запрет на потребление вина был обнародован Мухаммадом в Медине на шестой день осады *бану ан-Надир* в августе-сентябре 625 г. после произошедшей в городе пьяной драки²: «**О вы, которые уверовали! Вино, майсир** (азартная игра. – A. A.), **жертвенные**, (гадальные) стрелы – мерзость из деяний сатаны. Сторонитесь этого, – может быть, вы окажетесь счастливыми! Сатана желает заронить среди вас вражду и ненависть вином и *майсиром* и отклонить вас от поминания Аллаха и от молитвы. Удержитесь ли вы?» (5:90–91)³. До ниспослания этих слов мусульмане не чурались вина, и «грех» ‘Убайдаллаха заключался лишь в чрезмерном его потреблении. Нарушение предписаний Всевышнего было вменено ему задним числом.

¹ И.Н. Р. 146.

² См.: Большаков, 1989. С. 249–250.

³ Коран, перевод Крачковского.

Узнав о бедственном положении Умм Хабибы, Мухаммад решил взять ее в жены. По сообщению источников, Пророк написал письмо *негусу*, которое поручил доставить в Эфиопию ‘Амра ибн Умаййу ад-Дамри.

Арабы перед троном *негуса*

В послании Мухаммад просил его содействия в том, чтобы сосватать Умм Хабибу¹. Аксумский правитель послал к Умм Хабибе с этой вестью рабыню Абраху. Вдова выразила согласие выйти замуж за Пророка, но неожиданно столкнулась с проблемой выбора родственника, который мог бы представлять ее интересы на переговорах при сватовстве: все ее братья еще оставались язычниками и пребывали в Мекке. Умм Хабибе пришлось остановиться на кандидатуре находившегося в Эфиопии троюродного брата, Халида ибн Са’ида (Аби Ухайха) ибн ал-‘Аса. Сообщается, что сумма, выделенная *негусом* на брачный дар, составила 400 динаров². На эти деньги, полученные в качестве *махра*, невеста Пророка и ее дочь могли безбедно прожить несколько лет. Когда имело место это необычное заочное сватовство, не сообщается, но, надо полагать, оно состоялось где-то в начале 620-х годов, вскоре после развода Умм Хабибы и ‘Убайдаллаха.

Можно себе представить состояние бешенства, которое охватило Абу Суфьяна при получении известия о том, что Мухаммад обручился с его дочерью. «Вот необузданный жеребец!» – в гневе воскликнул он³. Куррайшитский род ‘Абд Шамс, к которому принадлежал Абу Суфьян, издавна вел торговые дела с Аксумским царством, и оскорбленный отец Умм Хабибы, имевший все возможности контролировать караванные пути между Эфиопией и Хиджазом, вряд ли допустил бы «воссоединение семьи» своего непримиримого врага.

¹ И.Н. Р. 99.

² И.Х. С. 469; И.Н. Р. 99.

³ Большаков, 1989. С. 151.

Положение Мухаммада на то время еще не было доминирующим, и он не мог гарантировать беспрепятственного возвращения Умм Хабибы на родину. Так что вернуться из эмиграции, чтобы стать женой Пророка, она пока не могла. Умм Хабиба так и оставалась на положении невесты вплоть до 628 г., когда в составе последней группы мусульман во главе с Джабаром ибн Аби Талибом не вернулась на родину после завоевания мусульманами Хайбара¹. Вместе с ней была и ее подросшая 12-летняя дочь Хабиба², о дальнейшей судьбе которой ничего не сообщается. Характерно, что прибывшие из Эфиопии беженцы (в целях безопасности?) направились не в Медину, а в ставку Мухаммада, «когда он находился в Хайбаре»³ после событий в Худайбии.

Женитьба Мухаммада на Умм Хабибе, полагал О.Г. Большаков, «могла быть своеобразным вызовом Абу Суфьяну»⁴. По мнению У.М. Уотта, напротив, она должна была «помочь ему завоевать расположение» Абу Суфьяна⁵. Кто из ученых был прав, сказать трудно. Не исключено, что Мухаммад преследовал обе эти цели. На возможность мирного исхода противостояния между Абу Суфьяном и Мухаммадом, как считал в свое время Ибн ал-Аббас, указывают слова Всевышнего: «**Может быть, Аллах установит между вами и теми, с кем вы из них враждуете, любовь; поистине, Аллах мщен, Аллах – прощающ, милостив!**» (60:7)⁶, ниспосленные незадолго до взятия Мекки (630) и адресованные именно Абу Суфьяну и Пророку в связи с женитьбой последнего на Умм Хабибе⁷.

Став женой Пророка, Умм Хабиба «прожила с ним в мире и счастье четыре года»⁸. Она пережила Мухаммада более чем на 30 лет и умерла в Медине в 664/65 г.⁹ в почтенном возрасте (на шестом-седьмом десятке). Была похоронена на кладбище ал-Баки¹⁰. С ее слов передано 65 хадисов.

¹ Большаков, 1989. С. 150; Ислах. С. 146 ; Уотт, 2007. С. 436.

² И.Н. Р. 529.

³ И.Х. С. 346; И.Н. Р. 526.

⁴ Большаков, 1989. С. 151.

⁵ Уотт, 2007. С. 78.

⁶ Коран, перевод Крачковского.

⁷ См.: Ислах. С. 145.

⁸ Эриш. С. 77.

⁹ Али-заде. С. 327; Ислах. С. 149; Эриш. С. 81.

Маймуна

Последняя из женщин, с которыми Пророк вел совместную семейную жизнь, Маймуна, была дочерью ал-Хариса ибн Хазна из семейства Хилала *бану* ‘Амир ибн Са‘са‘а, племенного объединения Мудар и Хинд бинт ‘Ауф ибн Захайр ибн ал-Харис из *бану* Кинана. При рождении она получила имя Барра. Год ее появления на свет точно не известен и определяется между 594 и 602 гг.

Мать Маймуны была необычной женщиной, прозванной «самой везучей из всех старух»¹. Она, насколько известно, дважды была замужем и родила дочерей, которые со временем оказались завидными невестами²:

– Барра бинт ал-Харис была взята в жены пророком Мухаммадом, сменившим ее имя на Маймуна («Счастливая», «Удачливая»);

– Лубаба ал-Кубра (старшая) бинт ал-Харис вышла замуж за ал-‘Аббаса, дядю Пророка. После рождения сына-первенца ал-Фадла она чаще стала именоваться по *кунье* – Умм ал-Фадл;

– Лубаба ас-Сугра (младшая) бинт ал-Харис стала женой ал-Валида ибн ал-Мугиры и матерью его сына, знаменитого арабского полководца Халида ибн ал-Валида, в связи с чем получила *кунью* Умм Халид;

– Асма’ бинт ал-Харис была взята в жены ‘Убайем ибн Халафом, который входил в число злейших врагов Пророка и был убит в битве при Ухуде (625);

– Асма’ бинт ‘Умайс сначала была женой Джака‘фара ибн Аби Талиба (двоюродного брата Пророка), а после его гибели в битве при Му’та (629) – первого «праведного» халифа Абу Bakra, после смерти которого была взята в жены ‘Али ибн Аби Талибом, ставшим позже четвертым праведным халифом;

– Салма бинт ‘Умайс вышла замуж за другого дядю Пророка, Хамзу ибн ‘Абд ал-Мутталиба, погибшего в битве при Бадре (624).

И всем этим известным в истории раннего ислама курайшитам Хинд бинт ‘Ауф приходилась тещей.

Что касается самой Маймуны, то во времена *джихадийи* ее взял в жены выходец из *бану* Сакиф, который вскоре развелся с ней. В источни-

¹ Эриш. С. 100.

² См.: Ислах. С. 164–165; Эриш. С. 100–101.

ках его имя представлено по-разному: Мас‘уд ибн ‘Амр либо ‘Умайр ибн ‘Амр¹. После этого она вышла замуж за курайшиита Абу Рухма ибн ‘Абд ал-‘Уззу из рода ‘Амир (Хисл), но он вскоре умер, и Маймuna осталась одна². Судя по всему, Абу Рухм в то время пребывал в преклонных годах, так как известно, что до Маймуны он имел в женах тетю пророка Мухаммада Барру бинт ‘Абд ал-Мутталиб. Видимо, вскоре они развелись, потому что через какое-то время Барра вышла замуж за ‘Абд ал-Асада ибн Хилала, которому родила сына ‘Абдаллаха (Абу Саламу), ставшего позже первым мужем Умм Саламы, будущей жены Пророка.

После смерти Абу Рухма Маймuna «жила как вдова в Мекке»³. Была ли она при этом мусульманкой, сказать трудно. Можно встретить сообщение, что Маймuna приняла ислам, однако хиджру в Медину не совершала⁴. Такое возможно в двух случаях: либо Абу Рухм умер до начала проповеднической деятельности Мухаммада (610), после чего она уверовала в новую религию, либо – как и муж, оставалась язычницей, по крайней мере до 622 г., и приняла ислам позднее. Оба этих варианта не дают точного ответа на вопрос, почему Маймuna несколько лет оставалась жить во враждебно настроенном против мусульман городе. Скорее всего, она либо находилась под опекой, либо жила в семействе ал-‘Аббаса ибн ‘Абд ал-Мутталиба и его жены (и своей сестры) Умм ал-Фадл⁵, иначе трудно объяснить их последующее деятельное участие в устройстве ее личной жизни.

Имя Маймуны всплывает только в 629 г., в так называемый «год ‘умры», когда, во исполнение подписанных годом ранее договоренностей при Худайбии, мусульмане во главе с Мухаммадом получили возможность войти в Мекку. Пророк появился в родном городе после семилетнего отсутствия, однако обязан был покинуть Мекку уже через три дня. Но и этого времени, как оказалось, ему хватило для того, чтобы обрести новую жену, Маймуну.

Имеются три основные версии, рисующие обстоятельства этого брака.

Первая. Пророк Мухаммад, еще находясь в Медине, направил двух доверенных лиц, Ауса ибн Хаули и Абу Рафи‘, в Мекку к дяде ал-‘Аббасу «с тем, чтобы уговорить его выдать замуж за Посланника сестру его жены Маймуну. По этой версии, брак состоялся до совершения малого хаджжа (т.е. ‘умры. – A. A.) в месяце *шаввал*»⁶. Основоположник и эпоним маликитского *мазхаба* Малик ибн Анас ибн Малик ал-Химиари (713–795) в своде *хадисов* на правовые темы ал-*Муватта’* («Доступный») уточнял этот рассказ сообщением, что вольноотпущенник Маймуны, Сулайман

¹ Tab., vol. IX, I. P. 1773.

² Али-заде. С. 215; Ислах. С. 165; Эриш. С. 101.

³ EI, vol. VI. P. 918.

⁴ Ислах. С. 165.

⁵ Уотт, 2007. С. 418.

⁶ Ислах. С. 166.

ибн Йасар, передавал со слов Абу Рафи¹, что тот и его спутник «устроили брак Мухаммада с Маймуной еще до того, как он покинул Медину...»¹.

В варианте этой версии, о котором сообщает Ибн Са‘д в *Табакат*, сказано, что верблюды посланцев Мухаммада сбились с пути, и гонцы задержались так, что Пророк догнал их и вместе с ними вошел в Мекку. «Затем Пророк послал их исполнить поручение. После этого Пророк просил у ал-‘Аббаса руки Маймуны, и тот дал согласие»².

Вторая. Маймуну в жены Мухаммаду сосватал Джা‘фар ибн Аби Талиб, муж ее сестры Асмы бинт ‘Умайс. Маймuna, получив согласие ал-‘Аббаса, дала положительный ответ. По этой версии, свадьба состоялась в Мекке³.

Третья. Маймuna сама предложила себя Пророку (*вахабат нафсаха*) в качестве жены⁴. Об этом еще в *Сире* писал Ибн Хишам и добавлял: «Случилось так, что Пророк просил ее руки, когда она сидела на верблюде. Она ответила: “Верблюд и то, что на нем, принадлежат Аллаху и Его Посланнику”»⁵. В связи с этим, как утверждается, были ниспосланы слова: «О Пророк. Мы разрешили тебе твоими женами... и верующую женщину, если она отдала самое себя Пророку, если Пророк пожелает жениться на ней...» (33:50)⁶.

Сообщается также, что стать женой Пророка и «матерью всех мусульман» было заветной мечтой Маймуны, о чем она поделилась с сестрой Умм ал-Фадл. Та рассказала об этом мужу ал-‘Аббасу, который отправился к Мухаммаду с предложением взять свою свояченицу в жены. Пророк «не мог отказать» дяде и в ответ на «настоятельные просьбы» ал-‘Аббаса дал согласие жениться⁷. Ибн Исхак в *Сире* передавал слова Ибн ал-‘Аббаса, что Маймуну «выдал замуж ал-‘Аббас ибн ‘Абд ал-Мутталиб»⁸. К этому сообщению Ибн Хишам добавил, что ал-‘Аббас «выдал ее замуж за Пророка в Мекке, получив за нее калым (т.е *махр*. – A. A.) от Пророка в четыреста дирхемов»⁹. (В «Энциклопедии ислама» указывается сумма 500 дирхемов¹⁰, но в контексте обсуждаемого вопроса это не принципиально.)

Как мы видим, первые две версии говорят в основном о заочном сватовстве Пророка к Маймуне. Зачем это надо было делать, если он и так направлялся в Мекку? Мухаммад ранее так часто сталкивался с веролом-

¹ Цит. по: Бёртон. С. 127.

² Там же.

³ Ислах. С. 166.

⁴ Ислах. С. 106; И.Х. С. 470; Эриш. С. 102.

⁵ И.Х. С. 470.

⁶ Коран, перевод Крачковского.

⁷ Эриш. С. 101–102.

⁸ И.Х. С. 348; см. также: И.Н. Р. 531.

⁹ И.Х. С. 348, 470; И.Н. Р. 772.

¹⁰ EI, vol. VI. P. 918.

ными нарушениями другой стороной достигнутых соглашений, что не мог быть окончательно уверен в том, что на этот раз все обойдется исключительно мирным путем. В этих условиях на первом месте для Мухаммада была не женитьба, а закрепление дипломатической победы, одержанной при Худайбийе, важным политическим шагом – беспрепятственно войти в родной город, продемонстрировав силу мусульманской общины. Версия о том, что Маймuna выступила инициатором брака с Пророком, выглядит более преемлемой. Произошло это уже после того, как мусульмане вошли в Мекку, и, удовлетворенный этим исходом, Мухаммад мог позволить себе положительно отреагировать на предложение вступить в брак, поступившее от родовитой вдовы.

Какие причины подтолкнули Пророка к этому браку? «Женитьба Мухаммада на Маймуне, в первую очередь, была попыткой привлечь ал-‘Аббаса на свою сторону или укрепить его преданность... Женившись на ней, Мухаммад крепко связывал себя с ал-‘Аббасом», – писал У.М. Уотт¹. К дяде Мухаммада О.Г. Большаков добавлял еще двоюродного брата Пророка, Дж‘фара ибн Аби Талиба, которому Маймуне, так же как ал-‘Аббасу, доводилась свояченицей: «Видимо, желание укрепить связи с этими двумя людьми было важнейшей целью брака»².

Сказанное вызывает возражения. Ал-‘Аббас был старше племянника примерно на два года, и они были молочными братьями (кормилица – Сувайба)³. Когда осиротевший шестилетний Мухаммад нашел приют в доме деда, ‘Абд ал-Мутталиба, мальчики подружились. Теплые отношения связывали друзей детства и в последующие годы, несмотря на то что ал-‘Аббас поначалу ислам не принял. В то же время он не встал на сторону гонителей Пророка и первых мусульман, хотя и участвовал в битве при Бадре (624), в которой был пленен и отпущен за выкуп. Согласно мусульманской традиции, после освобождения ал-‘Аббас принял ислам, но, вернувшись в Мекку, скрывал это, тайно содействуя мусульманам. Если это так, то утверждение о том, что Мухаммад своим браком с Маймуной хотел «привлечь ал-‘Аббаса на свою сторону или укрепить его преданность», не подкрепляется фактическими данными.

Во многом сказанное можно отнести и к Дж‘фару ибн Аби Талибу. Мухаммад знал его с самого рождения (ок. 590 г.), так как в то время жил в доме Абу Талиба. Дж‘фар был одним из первых мусульман и близайших сподвижников Пророка, около 12 лет находился в числе мусульман, эмигрировавших в Эфиопию. Когда летом 628 г. он во главе последних беженцев прибыл на родину, это совпало с днем завоевания Хайбара. «Пророк, – по рассказу Ибн Хишама, – поцеловал его между глаз, прижал

¹ Уотт. С. 68.

² Большаков, 1989. С. 151.

³ Tab., vol. IX, I. P. 1777.

к себе и сказал: “Я не знаю, чему больше радоваться мне: захвату Хайбара или приезду Джавара”¹. На фоне такого проявления братских чувств о необходимости «укрепления связей» между Мухаммадом и Джаваром говорить не приходится.

Многим читателям могут показаться несущественными споры о том, по какой причине, где и каким образом Мухаммад просил руки Маймуны. И мы не стали бы на них останавливаться, если бы в приведенных разноречивых вариантах обстоятельств этой женитьбы не крылось стремление оградить Пророка от возможных наветов, так как существуют все признаки того, что он во время женитьбы совершал обряды ‘умры, когда паломникам запрещено вступать в брак. Это предписание было установлено самим Мухаммадом и отражено в хадисной литературе. Малик ибн Анас в ал-Муватта’ приводил рассказ от Абана, сына третьего праведного халифа ‘Усмана, что отец передавал ему слова Пророка: «Паломник не может ни жениться, ни условиться о браке, ни просить руки женщины»². В другой редакции этого хадиса в ас-Сахих Муслима текст передан так: «Пребывающий в состоянии ихрама не женится, не женит и не сватается»³.

«Самая большая путаница, – писал известный хадисовед Джон Бёртон, – возникла при определении обстоятельств, при которых Пророк заключил брак со своей последней женой, Маймуной... Равновесие между сообщениями о том, что жених и невеста были в состоянии ихрама, и о том, что ни один из них не был в этом состоянии, настолько устойчиво, что трудно прийти к однозначному выводу»⁴.

К доводам за и против, выдвигаемым биографами Мухаммада, мы вернемся чуть позже ввиду необходимости кратко объяснить, какие обязанности и ограничения накладывает совершение паломничества на мусульман. Без этого трудно будет понять причины острой дискуссии, разгоревшейся вокруг последней свадьбы Пророка.

Обряды паломничества (*манасик*), будь то ‘умра или хаджж, совершились (и совершаются сейчас) в особой ритуальной одежде, которая называется *ихрам* и состоит из двух кусков непрошитой материи. Одним из них (*изар*) опоясывают бедра, а другой (*рида’*) – накидывают на плечи. Надевший *ихрам* паломник считается *мухримом*, поскольку входит в состояние, которое также называется *ихрам* (или *харам*). Внутренний смысл этого состояния «заключается во временном отказе от дел “этой жизни” ради предстояния перед Аллахом в том виде, в котором верующие предстанут перед ним в День воскресения»⁵.

¹ И.Х. С. 346; И.Н. Р. 529.

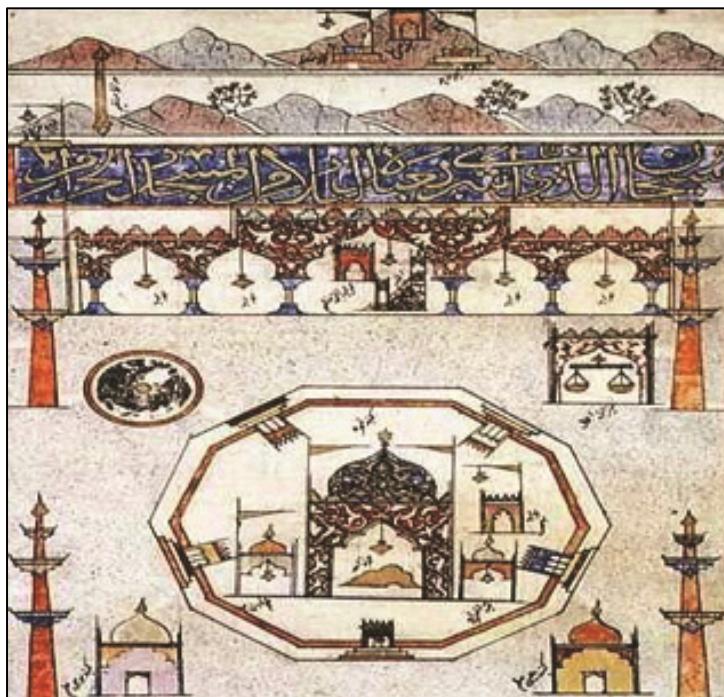
² Цит. по: Бёртон. С. 126–127.

³ Муслим. С. 414.

⁴ Бёртон. С. 127).

⁵ Ислам: Энциклопедия. С. 118.

Паломничество предусматривало вход на запретную территорию (*хáрам*) вокруг Ка'бы, где начиналось исполнение самих ритуальных действий.

Мекка. Запретная территория

Что касается обрядов '*умры*', то они включали сопровождающиеся молениями семикратный обход Ка'бы (*таваф*) и заклание жертвенных животных (*мансак*). В завершение '*умры*' паломники обривали голову и выходили из *ихрама*. После этого им позволялось вершить мирские дела (*халал, ихлал*). Отсутствующий в приведенном перечне семикратный бег между холмами ас-Сафа и ал-Марва (*са'й*) в описываемый период совершался только язычниками. Неукоснительным для исполнения мусульманами при осуществлении '*умры* и *хаджжса* этот обряд стал после того, как он был включен Мухаммадом в разряд обязательных в 632 г. (см.: Коран, 2:158). В период паломничества все мирские помыслы должны быть забыты.

Вернемся к описываемым событиям. Трехдневный срок пребывания в Мекке мусульман истекал, и к Мухаммаду пришла группа курайшитов во главе с Сухайлом ибн 'Амром и Хувайтибом ибн 'Абд ал-'Уззой (сын Абу Лахаба), которые потребовали, чтобы Пророк и его спутники покинули

город. Мухаммад попросил разрешения остаться, чтобы сыграть свадьбу с Маймуной, на которую приглашал всех желающих. Однако язычники настояли на своем, и «Пророк выехал из Мекки, поручив Маймуну своему вольноотпущеннику Абу Рафи¹, который привез ее в местечко Сариф...» близ Тан’има, где Мухаммад сыграл с ней свадьбу¹.

Полемика по поводу того, имел ли право Мухаммад жениться на Маймуне, длится столетиями. Высказывавшиеся при этом мнения можно найти в книге Дж. Бёртона «Мусульманское предание», которые автор приводит со ссылкой на *Табакат Ибн Са’да*².

Основным ученым авторитетом, утверждавшим, что Пророк находился в состоянии *ихрама*, когда женился на Маймуне, являлся ‘Абдаллах ибн ал-‘Аббас³. Ибн Исхак в *Сире* передавал его слова о том, что «Посланник Аллаха... женился на Маймуне бинт ал-Харис, будучи одет в наряды паломника»⁴. Один из первых мединских правоведов-факихов, Са’ид ибн ал-Мусайяб (634–713), «когда узнал о том, что ‘Икрима, вольноотпущенник и ученик Ибн ал-‘Аббаса, сказал, что Пророк был *мухримом* (т.е. находился в состоянии *ихрама*), когда женился на Маймуне, ответил: “Пойдите и проучите этого человека. Пророк прибыл в Мекку в состоянии *ихрама*, но заключил брак лишь после *ихлала*”»⁵.

Омейядский халиф ‘Умар II ибн ‘Абд ал-‘Азиз (717–720) как-то попросил письменно спровести у племянника Маймуны, Йазида ибн ал-Асамма, «был ли Пророк в *хараме* или *халале* в тот день, когда он женился на Маймуне. Йазид сказал, что он находился в *халале*». Другому человеку Йазид говорил: «Маймuna сказала мне, что Пророк был в *халале*, когда женился на ней, а она была моей теткой и теткой Ибн ал-‘Аббаса»⁶.

Последнему сообщению противоречит *хадис* от ‘Ата’ ибн Аби Рабаха, – ‘улема из числа последователей (*таби’ун*), который говорил: «Мы признаём лишь слова Маймуны. Тогда мы слышали (от нее. – A. A.), что Пророк был *мухримом*, когда женился на ней»⁷.

Разрешить этот спор попытался живший в Ираке ученик Малика ибн Анаса Мухаммад аш-Шайбани (ум. в 805 г.). В труде *Муватта’ Мухаммад* он писал: «По этому вопросу существует расхождение. Мединцы считают заключенный *мухримом* брак недействительным. Мекканцы и иракцы признают такой брак. ‘Абдаллах ибн ал-‘Аббас сообщает, что Пророк был *мухримом*, когда он женился на Маймуне, и мы знаем, что ни один человек не мог лучше знать все подробности брака Мухаммада с Маймуной, чем ее

¹ И.Х. С. 348; И.Н. Р. 531; см. также: Ислах. С. 166–167; Эриш. С. 103–104.

² Бёртон. С. 128–130.

³ См.: Бухари. С. 328.

⁴ И.Х. С. 348; см. также: И.Н. Р. 531.

⁵ Цит. по: Бёртон. С. 128; см. также: Бухари. С. 623.

⁶ Цит. по: Бёртон. С. 129; см. также: Муслим. С. 415.

⁷ Цит. по: Бёртон. С. 128.

племянник. Мы не видим ничего предосудительного в браке, заключенном мухримом, однако он не должен ни целовать свою жену, ни вступать с ней в брачные отношения до [перехода в состояние] *халала*¹.

Известный азербайджанский арабист и переводчик Корана на русский язык Эльмир Кулиев в комментарии к тексту собственного перевода труда Ибн Хаджара ал-‘Аскалани *Булуг ал-марам* («Достижение цели») рассматривает проблему с иного ракурса. Он пишет: «В достоверном *хадисе* сообщается, что Пророк... женился на Маймуне, когда находился в *ихраме*. Об этом сообщил ‘Абдаллах ибн ал-‘Аббас, который был племянником Маймуны и должен был знать об истинном положении вещей. Этот *хадис* передали ал-Бухари и Муслим. Ответить на такое... можно двумя способами. Во-первых, можно отдать предпочтение другим сообщениям. Во-вторых, можно назвать это особенностью Пророка... Если обратиться к первому способу, то следует сказать, что в действительности Пророк... женился на Маймуне, когда он освободился от *ихрама*. Доказательством этого является рассказ самой Маймуны, которая свидетельствовала о том, что Пророк... женился на ней, когда освободился от *ихрама*... И этот рассказ является наиболее предпочтительным, потому что Маймуне была непосредственной участницей этого события и лучше других была осведомлена обо всех подробностях. Что же касается *хадиса* от Ибн ал-‘Аббаса, то мы должны признать, что Ибн ал-‘Аббас не знал о том, что Посланник Аллаха... к тому времени уже освободился от *ихрама*. Он опирался на собственные сведения и предположил, что он все еще находился в *ихраме*... Если же обратиться ко второму способу, то можно сказать, что жениться в состоянии *ихрама* было позволено только Пророку... потому что он лучше других мог справляться с собственной страстью... Любой поступок Пророка... является примером для его последователей, пока не доказано обратное. Следовательно, мы должны признать, что Пророк... женился на Маймуне, когда он не находился в *ихраме*².

Ответ на вопрос, нарушил ли Мухаммад запрет на заключение брака в состоянии *ихрама*, несомненно, должен быть отрицательным. Вот только основания для такого заключения, на наш взгляд, должны быть иными. Надо просто задуматься, могли ли в то время мусульмане во главе с Пророком осуществлять паломничество-‘умру к святыне Ка‘бы?

Обратимся сначала к тексту договора при Худайбии, подписанного Мухаммадом и Сухайлом ибн ‘Амром, деверем Са’уды бинт Зам‘а. Он сохранился в нескольких схожих вариантах. Вот интересующий нас фрагмент из него в изложении Ибн Исхака в *Сире*: «Ты уходишь от нас в этом году и не войдешь к нам в Мекку, а когда наступит следующий год, мы уйдем от тебя, и ты войдешь в нее со своими товарищами и пробудешь в ней три дня,

¹ Цит. по: Бёртон. С. 129–130.

² Ибн Хаджар. С. 244–245.

и будет с тобой [только] оружие путника: меч в ножнах, ни с чем другим ты не войдешь в нее¹. Об ‘умре, как мы видим, в тексте нет ни слова.

Далее. По мусульманским преданиям, Кусайй ибн Килаб, предок Мухаммада в пятом поколении, став хранителем Ка‘бы, совершил поездку в Сирию (аш-Ша’м) и доставил в Мекку языческих истуканов (ок. 445–450). К югу от стен Ка‘бы были поставлены статуи божков Исафа и На’илы, перед которыми курайшиты совершали жертвоприношения, и еще два истукана были воздвигнуты на холмах ас-Сафа и ал-Марва. Изваяние Хубала, главного божества Набатейского царства, было помещено Кусаййем сначала на крыше храма, а позже перенесено внутрь².

Хубал

Обряды паломничества арабов-язычников в Мекку и ее окрестности нередко претерпевали изменения. В 560–570-е годы курайшиты решили, что они, будучи жителями Мекки с ее священной (*хáрам*) и запретной (*хáрám*) территорией, настолько «истовы в вере» (*ахмас, хамис*), что могут не совершать часть религиозных обрядов: восшествия и стояния (*букуф*) на горе ‘Арафат и последующее шествие в долину Муздалифа. Затем курайшиты стали требовать, чтобы прибывавшие в Мекку паломники-язычники совершали обход Ка‘бы только в одежде, выданной им на месте. Если по какой-то причине паломник не делал этого, ему дозволялось совершать *таваф* голым. Паломницам при этом дозволялось закрывать интимные места. Со слов Ибн ал-‘Аббаса передавали *хадис*: «Женщины... совершали *таваф* вокруг Дома (т.е. Ка‘бы. – А. А.) голышом, выкрикивая: “Кто одложит мне *тавафку* (кусочек материи. – А. А.)?” Они помещали ее на свою щель и скандировали: “Сегодня

покажется она вся или некоторая ее часть. И ту ее часть, которая покажется, я не дозволю никому!”»³.

Все эти новшества сохранялись до покорения мусульманами Мекки (630) и были отменены как незаконные (Коран, 2:195; 7:30–32). Вместе с тем Мухаммад сохранил ритуалы, которые подчеркивали святость Ка‘бы, даже если они были предложены его непримиримыми врагами. В частности, был сохранен обычай снимать обувь при входе в храм, который ввел

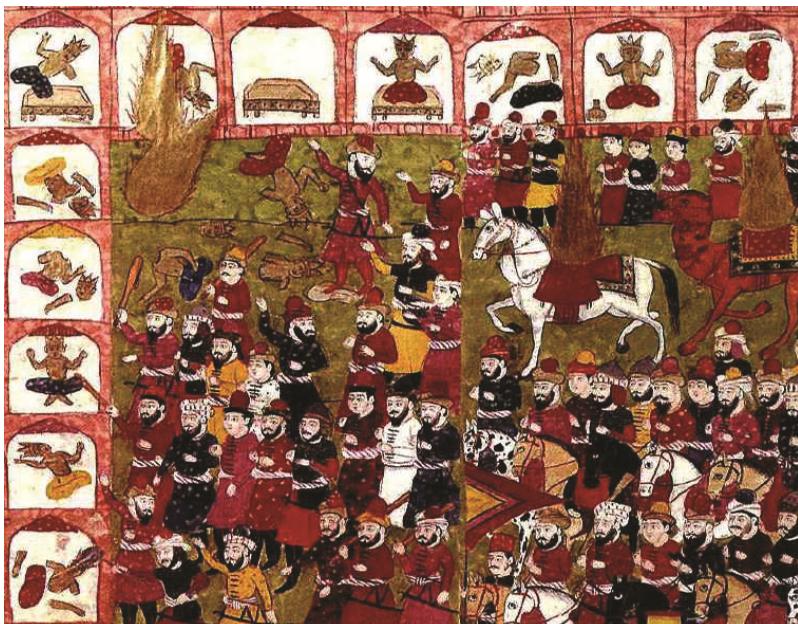
¹ Цит. по: Большаков, 1989. С. 145; см. также: И.Х. С. 323–324; И.Н. С. 504.

² Машанов. С. 568.

³ Муслим. С. 853–854.

знатный курайшит ал-Валид ибн ал-Мугира (530–622) из рода Махзум¹, отец полководца Халида ибн ал-Валида. (Ср.: Библия Исх 3:5. «И сказал Бог [Моисею]: «Не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая»»).²

После перестройки храма в 605 г. внутри и вокруг него находилось 360 идолов языческих божков³, позже низвергнутых Мухаммадом.

Уничтожение идолов в Мекке

Он вряд ли публично мог поклоняться Ка‘бе, заполненной изваяниями истуканов. Поэтому разговоры о том, что основоположник ислама в 629 г. совершил паломничество в Мекку к святым местам, выглядят, по меньшей мере, странными. Свое название, *ал-‘умра ал-кадийа* («предрешенное паломничество»), этот поход на Мекку получил значительно позже, когда составлялись первые жизнеописания Мухаммада. Следовательно, рассуждения о том, находился Пророк в состоянии *ихрама* или нет, когда женился на Маймуне, теряют смысл. Полемика по этому вопросу разгорелась, когда уже действовали обряды ‘умры и хаджжа, установленные Мухаммадом в 632 г., и авторы невольно соотносили известные им ритуалы

¹ Машанов. С. 636.

² Библия. С. 56.

³ Машанов. С. 571.

паломничества с таковыми в те времена, когда они могли нести в себе иной смысл. В исторической науке подобный подход называется анахронизмом.

Надо отметить, что указанная путаница возникла из-за того, что Мухаммад использовал некоторые обряды паломничества в случаях, когда сам считал это нужным. К примеру, после подписания договора при Худайбийи мусульмане во главе с Пророком провели заключительные обряды ‘умры, фактически ее не совершая. В *Сире* Ибн Хишама можно прочесть: «Когда закончилось подписание договора, Пророк пошел к жертвенным верблюдам и совершил обряд жертвоприношения. Потом сел и сбрал волосы на голове... Как только люди увидели, что Посланник Аллаха совершил обряд жертвоприношения и обрил голову, они тоже поспешили совершить обряд жертвоприношения и обрить головы»¹.

Или посмотрим, каким образом описывается поход Мухаммада в Мекку, во исполнение договора, подписанного при Худайбийе. Об этом, опираясь на мусульманские источники, повествует О.Г. Большаков:

«...2 марта 629 г. Мухаммад собрал всех присягнувших при Худайбийи, к ним присоединились и некоторые язычники, так что всего набралось около 2000 человек. Вперед был послан авангард из 100 кавалеристов, а за ним – обоз с оружием, а следом двинулись паломники в *ихраме*. Около Мекки обоз с оружием был оставлен под охраной 200 человек, а остальные вступили в Мекку с одними мечами. Мекканцы освободили им место около *Дар ан-надва* (“Дома собораний”. – А. А.).

После совершения семикратного обхода святыни Мухаммад остановился около ал-Марвы и совершил заклание жертвенных животных. Затем часть совершивших обряд ушла, чтобы сменить отряд, охранявший оружие, а Мухаммад на несколько часов уединился в Ка‘бе»².

В этом описании привлекают внимание три момента: 1) языческая Ка‘ба названа «святыней» для мусульман; 2) Пророк совершает обход этой «святыни» и приносит жертвоприношение у ног языческого истукана, воздвигнутого на холме ал-Марва; 3) Мухаммад «несколько часов» пробыл в храме, полном языческих божков. В жизни, как говорится, бывает всякое, но поверить в сказанное очень трудно.

Если Мухаммад и его спутники не совершали ‘умры в 629 г., то как тогда следует рассматривать многочисленные сообщения о том, что они были одеты в одежду паломника (*ихрам*)? Вот и в рассмотренном тексте мусульмане, вышедшие из Медины, названы «паломниками в *ихраме*».

Направившихся в поход на Мекку и вооруженных с ног до головы мусульман никак нельзя причислять к лицам, отрекшимся от мирских забот. Они были готовы в случае необходимости применить оружие, если им бу-

¹ И.Х. С. 325.

² Большаков, 1989. С. 151.

дет не дозволено войти в город во исполнение договора, подписанного в Худайбийе. То, что О.Г. Большаков называет «ихрамом», было не одеянием паломника, а обычной одеждой арабов того времени, представлявшей собой те же две накидки, одна – на плечи, другая – на бедра.

Мухаммад на пути в Мекку

В подтверждение этих слов можно сослаться на работу «Общество Медины в эпоху пророка Мухаммада» современного арабского исследователя ‘Абдаллаха ‘Абд ал-‘Азиза ибн Идриса. Он пишет: «Одежда асхабов в Медине в эпоху Посланника отличалась простотой и состояла из двух главных частей. Первая – это *изар*. Они спускали переднюю часть *изара* так, чтобы его оба края нисподали до поверхности ступни и приподнимали его позади себя... Вторая часть их одежды – плащ (*рида*). Он известен также как рубаха (*камис*) и покрывает верхнюю часть тела»¹.

¹ Ибн Идрис. С. 377.

А вот как в ас-Сахих ал-Бухари (в *хадисе* со слов Ибн ал-‘Аббаса) описывается одежда Мухаммада и его спутников во время «прощального паломничества» Пророка в 632 г.: «Причесавшись, умастив волосы маслом и надев свой *изар* и накидку (*рида*’), Пророк выехал из Медины вместе со своими сподвижниками. Он никому не запрещал надевать никакие накидки и *изары*, за исключением тех, которые были окрашены шафраном, так как от них на коже оставались следы и запах»¹.

Следовательно, можно утверждать, что обе накидки (*изар* и *рида*’) в то время могли функционально служить не только в качестве повседневной одежды арабов, но и быть непременным атрибутом обряда вхождения в состояние *ихрама*. Проще говоря, при подходе к Мекке паломники снимали с себя загрязнившиеся в дороге накидки и переодевались в новые, чистые, и желательно белого цвета, как то велел Пророк². Сюда можно добавить, что, по рассказу ‘А’иши, Мухаммад был похоронен, будучи облаченным в *изар* и накидку³.

Остается кратко суммировать сказанное. В 629 г. Мухаммад и его спутники не совершали ‘умры к мекканской Ка‘бе и не были облачены в *ихрам*. В связи с этим Пророк не нарушал предписания, запрещавшего заключать браки во время паломничества, и не давал повода для комментариев, оправдывающих его женитьбу на Маймуне в неурочное время.

Возраст Маймуны в год ее замужества с Пророком точно не известен. Ибн Са‘д и ат-Табари определяли его в 27 лет⁴. Та же цифра значится в «Энциклопедии ислама»⁵. В современных биографиях жен Мухаммада говорится о 36 годах⁶ или о возрасте «несколько более тридцати пяти лет»⁷. В. Ирвинг писал, что на момент замужества с Пророком Маймуна исполнился 51 год⁸.

После женитьбы на Маймуне Пророку были ниспосланы слова: «**Отныне тебе не дозволено жениться на других женщинах и заменять их другими женами, даже если их красота поразит тебя, но это не относится к невольницам, которыми овладела твоя десница**» (33:52)⁹.

Во время болезни, приведшей к кончине Мухаммада, Маймуна оказалась единственным человеком, кто попытался оказать ему медицинскую помощь. Однако Пророк не позволял себя лечить, и когда во время

¹ Бухари. С. 294.

² Ибн Идрис. С. 378.

³ Муслим. С. 593.

⁴ См.: Уотт. С. 436.

⁵ EI, vol. VI. P. 918.

⁶ Эриш. С. 118.

⁷ Ислах. С. 167.

⁸ Ирвинг. С. 186.

⁹ Коран, перевод Кулиева.

одного из обмороков Маймуна «дала ему какое-то лекарство, то он, очнувшись, заставил ее съесть оставшееся»¹.

Узнав о смерти Пророка, Маймуна наложила на себя траур и совершила неординарный поступок – обрила голову наголо. С остриженной головой она оставалась до самой смерти². Видимо, она обрекла себя на затворничество, ежегодно прерываемое совершением хаджжа.

Маймуна умерла в почтенном возрасте во время хаджжа или после его совершения. Она попросила похоронить ее в Сарифе, на том самом месте, где она сидела во время свадьбы с Мухаммадом. Это печальное событие произошло, по разным данным, либо в 671³, либо в 681 г.⁴ Молитву на похоронах прочел ‘Абдаллах ибн ал-‘Аббас⁵.

Со слов Маймуны передано 46 хадисов⁶.

Неконсуммированные браки

Сведений о женщинах, «вышедших замуж за Мухаммада и разведенных с ним»⁷, сохранилось мало. Их число и имена в исторических трудах значительно разнятся⁸. Чаще всего в трудах биографов Пророка фигурируют: Малика (Мулайка) бинт Ка‘б из племени ал-Лайс, ‘Амра (или Фатима) бинт Йазид из племени ал-Килаб, ‘Алия бинт Забиан, а также Асма’ бинт ан-Ну‘ман из племени ал-Кинда и ее двоюродная сестра, имя которой не сохранилось.

Причины расторжения этих браков указываются разные. К примеру, Асма’ бинт ан-Ну‘ман была возвращена в отчий дом, так как Мухаммад обнаружил на ее теле белые пятна. Ее двоюродную сестру Мухаммад вернул в семью после того, как она в ответ на просьбу мужа подойти, сказала: «Мы такой народ, что идут к нам, а не мы идем». ‘Амра бинт Йазид, когда Пророк приблизился к ней, воззвала к Всевышнему: «Упаси Аллах меня от

¹ Большаков, 1989. С. 185.

² Ислах. С. 168.

³ Али-заде. С. 214; Ислах. С. 169; Эриш. С. 105.

⁴ EI, vol. VI. P. 918.

⁵ Эриш. С. 105.

⁶ Там же.

⁷ Уотт, 2007. С. 313.

⁸ См.: И.Х. С. 470–471; И.Н. Р. 794; Уотт, 2007. С. 437–439; Tab., vol. IX, I. Р. 1774–1777.

него!» после чего была возвращена в родительский дом¹. С аш-Шанба' бинт 'Амр Мухаммад развелся, поскольку «она позволила себе ироничное замечание относительно смерти его сына Ибрахима»².

Помимо них имеются сведения о наличии более десятка женщин, которые могут быть отнесены к числу «несостоявшихся жен» Пророка. Уотт приводит перечень из 23 персон, с которыми, по его определению, у Мухаммада «не было длительных отношений». Многие из приведенных им имен являются предметом сомнений и догадок³.

Наложницы

Мусульманские историографы сходятся в том, что среди домочадцев Мухаммада находились две наложницы, имевшие собственные помещения, – иудейка Райхана дочь Симеона (бинт Шим'ун) и христианка Мария (Мариям, Марийет) бинт Шим'ун. Наличие помещений служило доказательством продолжительности отношений с Мухаммадом и подтверждением их статуса обитателей дома.

Райхана

Сведений о Райхане, наложнице (а по некоторым сведениям – жене) Мухаммада, сохранилось мало. В источниках и биографических трудах ее имя, означающее «Базилик», представлено по-разному: Райхана бинт 'Амр ибн Хунафа⁴, Райхана бинт Зайд⁵, Райхана бинт Зайд ибн Хунафа ибн

¹ И.Х. С. 470–471.

² Уотт, 2007. С. 438.

³ См.: Уотт, 2007. С. 437.

⁴ И.Х. С. 299; И.Н. Р. 466.

⁵ Уотт, 2007. С. 436; Lings. Р. 233.

Шам‘ун (Самуил)¹, Райхана бинт Зайд ибн ‘Амр². Она была еврейского (иудейского) происхождения и принадлежала либо к представителям племени Курайза³, либо ан-Надир⁴. Имя матери Райханы при этом не указывается.

По достижении брачного возраста Райхана была выдана замуж за курайзита по имени ал-Хакам⁵. В 627 г. ее муж был казнен в Медине среди прочих представителей *бану* Курайза (по решению Са‘да ибн Му‘аза), а сама Райхана в качестве особой доли досталась Мухаммаду⁶. Пророк попросил одну из сподвижниц, Умм ал-Мунзир бинт Кайс из племени ан-Наджар, поселить Райхану в своем доме в Медине, пока у нее не пройдет менструация, и после того, как это случилось, взял ее себе⁷.

Относительно статуса Райханы в семье Пророка существует две основные версии.

Первая принадлежит Ибн Исхаку. В *Сире* он сообщает, что Райхана оставалась у Мухаммада на правах собственности вплоть до его кончины. «Пророк предлагал ей жениться на ней и изолировать ее, как других жен Пророка. Она отвечала: “О Посланник Аллаха! Оставь меня в своей собственности – так легче и для меня, и для тебя!” Он так и сделал. Когда он взял ее, она отказалась принимать ислам, признавала только иудаизм. Пророк поселил ее отдельно»⁸. Но вскоре Мухаммаду донесли весть, что Райхана приняла ислам, и «этому он очень обрадовался»⁹. Сообщается, что Пророк не заключал с ней брака и «по этой причине он не выделял ей положенной духовным матерям мусульман доли от военной добычи и не селил ее, как своих жен, в отдельном доме... Райхана до самой смерти оставалась жить в доме Умм ал-Мунзир бинт Кайс...»¹⁰.

Вторая принадлежит самой Райхане. Ибн Са‘д поместил в *Табакат* ее рассказ о том как Мухаммад предложил ей принять ислам и стать его женой. «Я сказала: “Я выбираю Аллаха и Его Посланника”. Когда я приняла ислам, Посланник Аллаха дал мне вольную и взял меня себе в жены. Он назначил мне калым (*махр*) в размере двенадцати с половиной *укий*, как и всем своим женам. Свадьба состоялась в доме Умм ал-Мунзир. От военных трофеев он выделял мне столько же, сколько и своим остальным женам. Пророк наказал мне укрываться покрывалом от посторонних взглядов»¹¹.

¹ Ислах. С. 170.

² Мубаракфури. С. 187.

³ И.Н. Р. 466.

⁴ Ислах. С. 170; Уотт, 2007. С. 436; Lings. P. 233.

⁵ Ислах. С. 170.

⁶ Большаков, 1989. С. 134.

⁷ Ислах. С. 172–173.

⁸ И.Х. С. 299; И.Н. Р. 466; см. также: Lings. P. 233.

⁹ И.Х. С. 300; И.Н. Р. 466.

¹⁰ Ислах. С. 173.

¹¹ Цит. по: Ислах. С. 174.

Мухаммад время от времени посещал Райхану в доме Умм ал-Мунзир, однако при этом источники не сообщают ничего такого, что могло бы свидетельствовать об участии Райханы в жизни семьи Пророка. В связи с этим большинство биографов Мухаммада сходятся во мнении, что его женою она так и не стала.

Умерла Райхана еще при жизни Мухаммада, во время или сразу же после его «прощального паломничества», состоявшегося в январе-феврале 632 г.¹ Пророк похоронил ее на мединском кладбище ал-Баки² по соседству с могилой Зайнаб бинт Хузайма².

Мария Коптянка

Мария дочь Симеона родилась в деревне Хафн провинции Са‘ид (Верхний Египет). Ее отец и мать (имя которой не сохранилось) принадлежали к числу коптов – египтян, исповедовавших христианство монофизитского толка. В юные годы Мария вместе с сестрой Сирин (Кайсара, Ханна), видимо, были проданы в рабство и оказались в собственности византийского наместника Египта Георгия, который в арабских источниках именуется как ал-Мукаукис. (Можно встретить сообщения, что речь идет о патриархе Александрии Кире, который также был известен как ал-Мукаукис, но он был возведен в сан позже – в 631 г.³)

В 628 г., после подписания договора при Худайбии, Мухаммад направил правителям соседних стран послания с предложением принять ислам. Получил такое письмо и ал-Мукаукис. Ответил он уклончиво⁴, однако в знак расположения решил сопроводить свое письмо небольшим подарком. В него вошли: «тысяча мер золота, 20 изысканных мантей, мул, ослица», а также «в сопровождении почтенных евнухов» две девственные сестры-красавицы, Мария и Сирин⁵.

¹ Ислах. С. 175; Мубаракфури. С. 187; Уотт, 2007. С. 436; Tab., vol. IX, I. P. 1775.

² Ислах. С. 175.

³ Большаков, 1989. С. 257.

⁴ См.: Эллерт. С. 362–363.

⁵ Lings. P. 277; см. также: Ислах. С. 177.

Довольный нежданным обретением Пророк оставил Марию себе, а Сирин отдал одному из сподвижников. Их имена в источниках приводятся разные, но чаще других там фигурирует поэт – певец ислама Хассан ибн Сабит¹. Марию при этом стали именовать на арабский манер – Марийам (или Марийет) бинт Шим‘ун ал-Кубтийя («Коптаянка»).

Появление в окружении Мухаммада новой соперницы было с негодованием встречено женами Пророка. С их неприязнью Мария столкнулась сразу же по прибытии в Медину. Мухаммад намеревался построить для нее отдельное помещение, «но ‘А’иша, предвидя это, разослава всех рабов с поручениями, чтобы никого не оказалось под рукой»². В результате посреди двора на некоторое время была разбита расшитая шелком дорожная палатка, привезенная из Египта.

Мария знала свое место, и в первый же день пошла на поклон к женам Мухаммада. О том, как это происходило, пишет Герхард Эллерт в работе «Мухаммед Пророк Аллаха»: «Она сняла дорогое покрывало, прикрывавшее ее от солнца во время поездки, и спрятала расшитые золотом шлепанцы... Босая и с непокрытыми волосами она стояла перед дверью ‘А’иши. “Твой господин взял к себе новую рабыню, – произнесла она грудным голосом. – Скажи мне, как я могу тебе у служить”. ‘А’иша не ответила... Рабыня постучалась в дверь Хафсы. “Ты дашь работу своей служанке? – спросила она. – Твой господин приказал, чтобы я жила в его доме”... “Чем дальше ты будешь держаться от меня, тем лучше будет для нас обеих”, – услышала она в ответ. Только Умм Салама дала рабыне мешочек ячменя для помола и объяснила, где жернов³.

Реальная ли нарисованная Г. Эллертом картина? Сомнительно. Это сейчас копты Египта говорят на арабском языке, используя родной язык только в религиозных обрядах. В те годы коптский язык был для них обычным, и Мария вряд ли владела языком, который много позже стал «средством межнационального общения». И все же следует признать, что атмосфера, воцарившаяся в семье Мухаммада после появления Коптаянки, передана здесь точно. Позже ‘А’иша вспоминала: «Такой ревности, как к Марийет, я еще не испытывала ни к одной женщине»⁴. Чтобы пресечь разгорающиеся скандалы, Мухаммад сначала поместил Марию в одном из домов *ансара* Харисы ибн ан-Ну‘мана, а потом поселил ее в районе ал-‘Алия на окраине Медины⁵.

Статус Марии в семье Мухаммада описывается по-разному. У.М. Уотт, со ссылкой на *Табакат Ибн Са‘да* и *Ta’rīx at-Tabāri*, сообщал, что она

¹ Подр. см.: ‘Абд ар-Рахман. С. 66–67.

² Эллерт. С. 363.

³ Там же. С. 363–364.

⁴ См.: Ислах. С. 179.

⁵ Там же.

«оставалась наложницей»¹. Это не может означать ничего иного, кроме того, что она была рабыней-христианкой, так как Пророк никогда не изменил правилу – давать свободу всем своим домочадцам, принявшим ислам. А вот авторы работы «Духовные матери мусульман» считают, что Мария вместе с Сирин уверовала в новую религию «еще по пути в Медину»². М. Эриш также полагает, что она стала мусульманкой, но только после общения с Пророком³. Вместе с этим утверждается, что женитьбе Мухаммада на Коптянке препятствовало возложенное на него обязательство (Коран 33:52) не брать новых жен после свадьбы с Маймуной⁴. Однако это противоречит тому простому факту, что указанное запрещение было ниспослано Всевышним в 629 г., уже после прибытия Марии в Медину (628). Сказанное не означает, что Коптянка так и не стала вольноотпущенницей. Со слов Ибн ал-‘Аббаса известно высказывание Пророка, сделанное после рождения сына Ибрахима: «Ее освободил от рабства ее сын!»⁵. Другими словами, по крайней мере до этого события Мария оставалась христианкой.

С прибытием Марии и Сирин связано новое для Аравии явление: появление в Городе Пророка евнухов. Нельзя сказать, что арабы не встречались с такими людьми раньше, ведь они вели интенсивную торговлю со странами, где кастрация широко практиковалась. Позже институт евнухов – блюстителей гарема получит большое распространение в мусульманском мире, но тогда это было еще в новинку. О трагикомической ситуации, сложившейся в связи с этим событием, вкратце повествовал ат-Табари в *Ta’riх*⁶. Передадим его рассказ вольном изложении.

Вместе с Марией в Медину прибыл евнух по имени Мабур. Как-то Пророку донесли (не жены ли?), что Мабур и Мария часто остаются наедине и, наверное, впали в грех. Мухаммад рассказал об услышанном ‘Али, и тот, полный ярости, с мечом наперевес бросился к жилищу Марии защищать поруганную честь Пророка. Мабур, на свое счастье, первым увидел ‘Али и понял, чем грозит ему столкновение с зятем Мухаммада. Он быстро обнажил себя, и оторопевший от увиденного ‘Али осознал, что никакой необходимости в защите доброго имени Пророка не было. Так проявленная расторопность спасла Мабуру жизнь.

После смерти Мухаммада Мария «совсем отошла от мирской жизни»⁷. Будучи наложницей, она не имела права на получение своей доли от военной добычи, как остальные жены Пророка. Однако первый праведный

¹ Уотт. С. 436.

² Ислах. С. 178.

³ Эриш. С. 107.

⁴ Ислах. С. 179.

⁵ См.: ‘Абд ар-Рахман. С. 71.

⁶ Tab., vol. IX, I. P. 1782.

⁷ Эриш. С. 109.

халиф Абу Бакр (632–634) взял покрытие ее расходов на себя. Этую практику продолжил и его преемник, халиф ‘Умар (634–644)¹.

Таким образом, Мария получала содержание до самой кончины.

Временем смерти Марии чаще называют февраль 637 г.² Можно встретить указание на дату годом ранее – февраль–март 636 г.³ Погребальную молитву над усопшей прочитал халиф ‘Умар. Похоронена Мария на кладбище ал-Баки‘.

Завершить рассказ о Марии Коптянке следует небольшим послесловием. Через считанные годы после ее смерти волна арабских завоевательных походов докатилась до Египта, бывшего в то время провинцией Византии. Около 640 г. войска полководца ‘Амра ибн ал-‘Аса форсировали Нил и подошли в Файюмскому оазису. В 641 г. византийцы сдали арабам Александрию (Искандарий), а в 644 г. вновь овладели ею. Но уже через два года практически весь Египет стал частью Халифата. Хронисты отмечали непривычную для захватчиков лояльность, проявленную мусульманами по отношению к местному населению. В частности, арабы дали письменное обязательство не трогать церквей и не вмешиваться в дела христиан⁴.

Копты-христине

¹ Ислах. С. 184; Ньюби. С. 176.

² Ислах. С. 184; Эриш. С. 109; EI, vol. VI. P. 575.

³ ‘Абд ар-Рахман. С. 73.

⁴ См.: Кривов. С. 75.

Во многом это было связано с памятью о Марии, – прекрасной наложнице пророка Мухаммада. Особую благодарность к землячке испытывали жители ее родной деревни Хафн, освобожденные от выплаты налогов.

Еще одной, и, возможно, более важной причиной того, что имя Марии Коптянки с благочестием произносят мусульмане, является то, что она подарила Пророку сына Ибрахима. К рассказу о нем мы еще вернемся.

Отдавшие себя Пророку

Среди женщин, близких к Мухаммаду, особое место занимает *вахабат нафсаха* – женщина, «сама себя предложившая Пророку». Именно о ней говорится в строках Корана 33:50:

«О пророк! Мы разрешили тебе...
женщину, уверившио в Бога,
Что безраздельно всю себя пророку отдала,
Если пророк ее взять в жены пожелает –
Но это только для тебя (О Мухаммед),
(Как для пророка),
И не показано для прочих верных»¹.

Приведенные слова свидетельствуют о привилегии, данной Аллахом только Мухаммаду, в отличие от простых верующих, на отношения с женщиной, отдавшей себя ему без *махра*².

Собирательный ли это образ женщины, или конкретный? О какой женщине говорится в этих строках – вопрос, который до сих пор остается на уровне предположений. Комментаторы Корана так и не пришли к единому мнению.

Назывались имена Хаулы бинт Хаким, Зайнаб бинт Хузаймы, Зайнаб бинт Джахш, Маймуны и наиболее часто Умм Шарик³. Хаула бинт Хаким (когда-то, как мы помним, сватавшая Мухаммаду его вторую и третью жен), была отвергнута Пророком по причине ее преклонных лет, но осталась ему прислуживать. Обе – Зайнаб и Маймуна – стали офици-

¹ Коран, перевод Порохорой.

² См.: Уотт, 2007. С. 434.

³ См.: Значение. Т. III. С. 489; И.Х. С. 470; Сийuti, 1999. С. 881; Уотт, 2007. С. 438.

альными женами Мухаммада, и только Умм Шарик упоминается всеми авторами исключительно в качестве женщины, «отдавшей себя Пророку».

Считается, что именно Умм Шарик была причиной ниспослания приведенных строк Корана (33:50). Несмотря на возможное упоминание в Священной книге, чего удостаивались лишь немногие из асхабов Мухаммада, достоверных сведений об Умм Шарик сохранилось до обидного мало: даже годы ее жизни достоверно неизвестны. Скорее всего она происходила либо из йеменского семейства *бану Даус* (ответвления курайшитского рода Усамы ибн Лу'айя ибн Галиба ибн Фихра), либо из рода Му'айта ибн 'Амра (Хисл) и при рождении получила имя Газийа («Воительница»). По ряду сообщений, до Мухаммада Умм Шарик была замужем, и, судя по *кунийе*, имела сына.

Иbn Са'д писал, что указанный «Айат ниспослан относительно Умм Шарик...». Он упоминает, что «Была она красива»¹ и скорее всего поэту Мухаммаду приблизил ее к себе.

Появление Умм Шарик не прошло незамеченным для официальных жен Пророка. Чуткая к любым изменениям, касающимся женского окружения Мухаммада, ревнивая 'А'иша, увидев Умм Шарик, произнесла: «Когда женщина предлагает сама себя мужчине, нет в ней добра», на что та с вызовом ответила: «Такая уж я». 'А'иша не успокоилась даже после того, как был ниспослан аят о *вахабат нафсаха*. Она, не сдержавшись, сказала мужу: «Воистину способствует Аллах тебе в страсти твоей»².

Несмотря на открытое неприязненное отношение со стороны жен Пророка, Умм Шарик сумела сохранить теплое чувство к себе со стороны Мухаммада. После смерти Пророка ее имя практически исчезает из биографических трудов мусульманских авторов.

¹ Цит. по: Суйути, 1999. С. 881.

² Там же.

УКЛАД ЖИЗНИ И БЫТ СЕМЬИ ПРОРОКА

Сведения о жизни жен Пророка, их непростых взаимоотношениях заставляют более пристально взглянуть на особенности быта семьи Мухаммада, тем более что некоторые из них, связанные с традициями домашнего уклада дома Пророка, оказали влияние на появление новых коранических установлений.

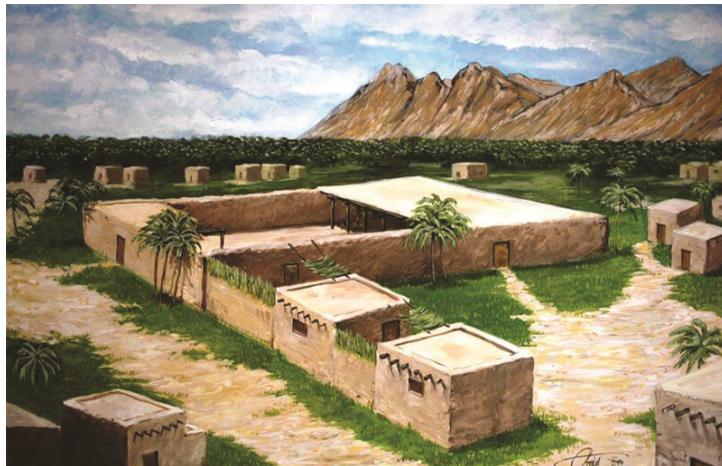
Как уже отмечалось, Мухаммад, прибыв в Медину (622), поначалу поселился в доме, предоставленном ему *ансаром* Абу Айубом Халидом ибн Зайдом. На первых порах в нем вместе с Пророком расположились его жена Сауда, дочери Умм Кулсум и Фатима, а также усыновленный Зайд ибн Хариса со своей женой Умм Айман и сыном Усамой. Весной 623 г. все это относительно немногочисленное семейство перебралось в новый дом, выстроенный для Мухаммада рядом с мечетью.

В дальнейшем, когда Пророк женился в очередной раз, он давал указание построить для новобрачной отдельное помещение, примыкающее к своему дому. Некоторые из этих пристроек были сделаны из необожженного кирпича со стенами-перегородками из голых пальмовых ветвей. Другие – из пальмовых ветвей, покрытых глиной, и не имели внутренних стен. Дверные проемы были завешены грубой волосяной тканью размером один на три локтя¹.

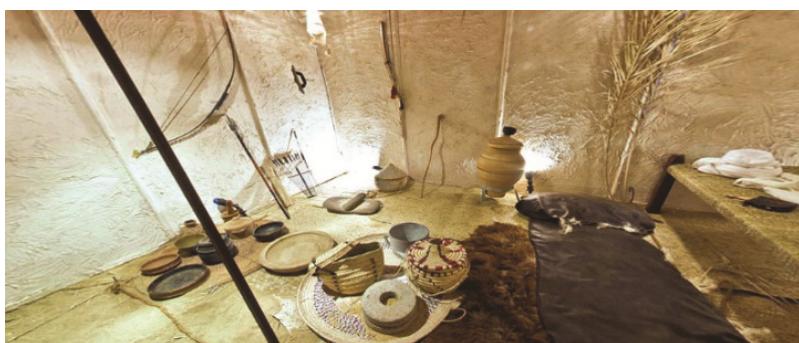
Приведем, к примеру, описание жилища, в котором после свадьбы поселилась ‘А’иша бинт Аби Бакр. Ее комната «имела 3 метра в длину, стены ее были выложены из глиняного кирпича, пол был земляной, а крыша была сделана из соломы, листьев и веток финиковой пальмы. Потолок был таким низким, что до него легко можно было дотянуться рукой. В комнату вела дверь, сделанная из одной-единственной доски и

¹ Ибн Идрис. С. 277.

выходящая на мечеть»¹. Из внутреннего убранства в помещении были: тюфяк, подушка, набитая волокнами финиковой пальмы, циновка, два глиняных кувшина для муки и фиников, кружка для воды, миска, а также масляная лампада².

Мечеть и городской квартал Медины VII века

Домашняя утварь времен Мухаммада

Комната ‘А’иши имела общую стену с домом, в котором после свадьбы жили ‘Али ибн Аби Талиб и дочь Пророка Фатима. В этой стене имелось отверстие, через которое девушки часто переговаривались³. Однажды ночью

¹ ‘А’иша. С. 31; Баша, 2009. С. 136.

² ‘Там же. С. 31–32; там же. С. 137.

³ ‘А’иша. С. 49.

Фатима, услышав, что ‘А’иша нелестно отзыается о ней, попросила отца заделать отверстие. Пророк по просьбе дочери сделал это¹. Можно предположить, что описанный факт, как символический акт разрыва отношений между женой и дочерью Мухаммада, произошел после «дела о клевете», в котором ‘Али обвинял ‘А’ишу в измене Пророку.

После того как Мухаммад был похоронен в комнате ‘А’иши, она еще некоторое время продолжала в ней жить. Однако, когда в одну из ночей ей приснился Пророк, попрекнувший ее за это, она переселилась в помещение по соседству.

Иbn Са‘д в *Табакат* поместил такое сообщение: Умм Саламе досталось помещение, построенное из пальмовых веток. Недовольная этим обстоятельством, она, в отсутствие Пророка, отправившегося в поход против сирийских племен в Думат ал-Джандал (626), построила себе комнату из необожженного кирпича. Когда Мухаммад вернулся, он спросил у нее: «Что это за постройка?» Умм Салама ответила: «Я хотела, о Посланник Божий, защититься от людских глаз». Тогда Пророк с укоризной сказал: «О Умм Салама, поистине худшее, на что тратится имущество мусульман, – это строительство»².

К дому семейства ‘Умара ибн ал-Хаттаба примыкал огороженный участок, на котором для совершения омовения ежедневно собирались жены Пророка. (Позднее Хафса бинт ‘Умар выкупит дом за тридцать тысяч дирхемов, а от нее его унаследует ‘Абдаллах ибн ‘Умар³.) Нижнего белья еще не существовало: женские рубашки едва прикрывали их тела.

Двери в дома не запирались. Заходили друг к другу «запросто», не стучась. Так было до ниспослания аята с предписанием (даже детям) спрашивать разрешения, чтобы войти в помещение. Особенно это было необходимо в **«трех случаях: до молитвы предутренней, когда снимаете ваши одежды для отдыха полуденного и после молитвы вечерней. В трех случаях этих можете появиться вы в виде непотребном»** (24:58)⁴.

Это требование вытекало из особенностей жаркого климата Аравии. Во времена *джахилий* жители позволяли себе находиться в своих домах полностью обнаженными, и с появлением ислама эти «непуританские» нравы остались нетронутыми.

Об «удобствах во дворе» речи даже еще не шло. Естественные надобности мужчины и женщиныправляли, просто удалившись от жилищ. Порой мужчины не стеснялись справлять малую нужду не отходя от дома. В *ас-Сахих* Муслима даже помещены *хадисы* от слуги Пророка Анаса ибн Малика о том, что «какой-то бедуин... принялся испускать мочу прямо в

¹ См.: Абу ‘Ильм. С. 100.

² Цит. по: Ибн Идрис. С. 290–291.

³ Там же.

⁴ Коран, перевод Османова.

мечети». А когда люди подошли к нему, Пророк сказал: «Оставьте его, не прерывайте его!» И когда тот опорожнился, Пророк попросил принести воды и вылил ее на это место¹.

Простота нравов наложила свой отпечаток на поведение жен Пророка. Семейную жизнь Мухаммада вряд ли можно было считать безмятежной. Свидетельства тому можно найти в хадисной литературе.

Ал-Газали приводил рассказ: «Как-то одна из жен в гневе ударила Посланника... в грудь. “Почему ты так поступила?” – сказали ей резко ее мать и отец. “Оставьте ее, – сказал Посланник, – они делают и больше, но я прощаю”»².

Ал-Бухари поместил в свой ас-Сахих такой хадис, переданный от ‘Абдаллаха ибн ал-‘Аббаса: Как-то ‘Умар ибн ал-Хаттаб услышал, что жены Мухаммада препираются с ним по разным поводам. Он пришел к своей дочери Хафсе и спросил ее об этом. «Да, – ответила она, – мы с ним препираемся». ‘Умар сказал: «Послушай, знай, я предупреждаю тебя, чтобы ты опасалась наказания Аллаха и гнева Его Посланника...» И добавил, имея в виду ‘А’ишу: «Не бери пример с той, которая возгордилась своей красотой и любовью Посланника Аллаха»³. Ал-Газали дает другую редакцию поучения ‘Умара дочери: «Упаси тебя пререкаться с Посланником... и заблуждаться из-за дочери Абу Бакра, ибо Посланник... ее любит и от нее терпит»⁴.

Рассказов о том, как ‘А’иша пользовалась привилегированным положением в семье Пророка, много. Ее поступки удостаивались оценок в весьма широком диапазоне: от умиления поведением юной проказницы, которое прослеживается в трудах суннитских авторов, до его явного осуждения, на которое не сккупились авторы-шииты. При этом следует учесть, что со слов именно ‘А’иши передается подавляющее большинство хадисов о повседневной жизни семьи Мухаммада, включая рассказы о «негативных» эпизодах, а также трениях между женами Пророка.

Современный автор ‘Абд ар-Рахман Рафат ал-Баша в труде «Сподвижники мои как звезды» не скептически на похвалы в адрес ‘А’иши. Ко всем женам Пророка она «относилась с неизменной доброжелательностью», «никогда не позволяла себе завидовать Хадидже», а с Саудой была в таких хороших отношениях, что та «добровольно уступала ей свою ночь с Пророком». В отношениях ‘А’иши и Умм Саламы «было достигнуто полное взаимопонимание», а «Хафса была ‘А’ише как сестра». ‘А’иша и Зайнаб бинт Джакш долгие годы «не проявляли недоброжелательности по отношению друг к другу». ‘А’иша неизменно «воздавала должное каждой супруге Пророка».

¹ Муслим. С. 91.

² Газали. С. 43.

³ Цит. по: Ислах. С. 126.

⁴ Газали. С. 43.

рока и ценила добродетели каждой из них». После смерти Зайнаб бинт Джахш ‘А’иша говорила о ней: «Я не знала женщины более честной, более религиозной, более набожной, более правдивой, более великодушной и более богобоязненной». О Маймуне она высказывалась так: «Она была самой набожной из нас», а о Сафии говорила: «Она готовит еду лучше всех, кого я знаю». «Естественно, – вынужден при этом признать ал-Баша, – между ними случались размолвки, но все они были мимолетными»¹.

Критически настроенными против ‘А’иши были христианские авторы. Ф.А. Смирнов писал, к примеру, что «самая любимая жена» Пророка «была самая коварная интриганка... Приведение каждой новой жены и расположение Мухаммада к каждой ее сопернице вызывало в ней злобу и разные козни. Вот несколько характерных фактов. Женится супруг на иудейке Сафии, и она встречает новую подругу колкой иронией, подтрунивает над ней при каждой встрече и оскорбляет словами: “О, ты жидовка, дочь жида и жидовки”. Та жалуется мужу. “Что же, – утешает он ее, – разве ты не могла сказать в свою защиту, что Аарон мой отец, Моисей мой дядя, а Мухаммад мой супруг?”»². Многие комментаторы Корана считали, что в связи с этим событием были ниспосланы слова: «**О вы, которые уверовали! Пусть одни люди не издеваются над другими: может быть, они – лучше их! Не позорьте самих себя и не перекидывайтесь прозвищами**» (49:11)³.

Пророк внимает словам Архангела

¹ Баша, 2009. С. 145–146.

² Смирнов. С. 411.

³ Коран, перевод Крачковского.

‘А’иша была очень ревнива. Однажды, когда она заболела, Мухаммад «сказал ей: “О, ‘А’иша! Если ты умрешь раньше меня, я своими руками заверну тебя в кяфан и опущу в могилу”. В порыве ревности юная ‘А’иша вспылила: “Хочешь, чтобы я скорее умерла, чтобы привести вместо меня новую жену?!?”¹.

«Когда Посланник Аллаха женился на Умм Саламе, – вспоминала ‘А’иша, – я была чрезвычайно опечалена, узнав о ее красоте. Я была добра к ней, желая увидеть ее своими глазами. И, клянусь Аллахом, я увидела, что она была вдвое красивой и стройней, чем полагалось быть. Я упомянула об этом Хафсе, но она сказала: “Нет, клянусь Аллахом, это просто ревность… она не такова, как о ней говорят”. Хафса тоже была добра к ней, и когда ее позвали посмотреть на нее, она сказала мне: “Я нашла ее не такой красивой, как ты мне говорила, даже ничего похожего, хотя она, несомненно, красива”. Я увидела ее позже и, клянусь жизнью, она была такой, как говорила Хафса. Но я продолжала ревновать». Этот *хадис*, со ссылкой на *Табакат* Ибн Са‘да и на *ал-Исаба* Ибн Хаджара приводит Набия Эбботт².

Следует пояснить, почему ‘А’иша смогла оценить внешние данные Умм Саламы только на упомянутых смотринах. Дело в том, что она не могла раньше лицезреть соперницу, так как та покинула Мекку в числе первой группы беженцев в Эфиопию в 615 г., когда ‘А’иша пребывала еще в грудничковом возрасте. Такая возможность не предоставилась юной невесте Пророка и после возвращения Умм Саламы из эмиграции (ок. 620 г.): она вместе с первым мужем Абу Саламой сразу переселилась в Йасрибе (Медине). Судя по приведенному рассказу, их пути не пересеклись и в первые годы *хиджры* в Медину. Что касается Хафсы, то она могла видеть Умм Саламу в Эфиопии, куда попала вместе с мужем Хунайсом ибн Хузайфой в 616 г. Об этом свидетельствуют ее слова ‘А’ише: «Она не такова, как о ней говорят».

Нередко жены завидовали друг другу. Когда Умм Салама вошла в семью Мухаммада (625), она в разговоре с ним посетовала, что в день свидания ‘А’иши с Пророком люди приносят в ее дом подарки, чего не делают в отношении других его жен. Мухаммад ответил: «О Умм Салама! Не мучай меня разговорами об ‘А’ише. Ведь Аллах ниспоспал мне вдохновение не тогда, когда я находился в доме кого-нибудь из вас, а когда я был с ‘А’ишой»³.

Позже среди жен Мухаммада образовалось две группы:

– ‘А’иша и Хафса – дочери ближайших сподвижников Пророка, но представительницы двух не самых влиятельных курайшитских родов Тайм и ‘Ади;

¹ Эриш. С. 26.

² Abbott. С. 14.

³ Ислах. С. 125.

– Умм Салама и Умм Хабиба – представительницы знатных родов Махзум и Умайя ('Абд Шамс).

Остальные жены Мухаммада в различных ситуациях склонялись то к «группировке» 'А'иши, то к окружению Умм Саламы¹.

Ал-Бухари приводил большой *хадис* от 'А'иши, в котором она, в частности, признавалась, что жены Пророка делились на два лагеря. По одну сторону были 'А'иша, Хафса, Сафийа и Сауда, а по другую – все остальные жены во главе с Умм Саламой².

Хафса и 'А'иша часто подтрунивали над Саудой. Набия Эббот в биографической работе, посвященной 'А'ише, писала, со ссылкой на Ибн Хаджара ал-'Аскалани: «Побуждаемые отчасти завистью к ее (Сауды. – А. А.) материальному благополучию, связанному с ее умением выделять кожу в Та'ифе, они решили сыграть с ней озорную шутку... Когда Сауда оказалась в пределах слышимости, они выкрикнули: “О, Сауда, ты не знаешь, что объявился Даджжал (лжемессия, который явится перед Судным днем. – А. А.)?” Испугавшись за свой разум, как повествует рассказ, Сауда бросилась в ближайшее убежище, под навес над кухней. Проказницы, давясь от смеха, побежали поделиться своей шуткой с Мухаммадом. Он поспешил к навесу, чтобы успокоить Сауду, которая вышла из своего убежища, покрытая паутиной и успокоившаяся из-за непоявления Даджжала, но не в отношении надоедливых шуток молодых соперниц»³.

Когда Сафийа, уже став женой Мухаммада, прибыла в Медину, в ее комнату начали приходить женщины, чтобы поприветствовать ее и поздравить. Пришли и жены Мухаммада. Когда 'А'иша вышла из покоев Сафийи, Пророк спросил: «Как ты находишь Сафийу, о 'А'иша?». «Обычная иудейка, ничего больше», – ответила та⁴. Мухаммад возразил: «Не говори так, о 'А'иша! Она приняла ислам из искренних побуждений»⁵.

«Говоря о Сафийе... Аиша как-то обронила: “Да она же карлица...” Пророк возмутился: “Аиша, твои слова могут загрязнить всю воду в море”. “Прошу прощения... – сказала Аиша, – но я только подметила очевидное!”»⁶.

Когда во время одного из походов у Сафийи пал верблюд, Мухаммад попросил у Зайнаб бинт Джакш имевшегося у нее свободного верблюда для Сафийи. Та сказала: «Неужели я отдам своего верблюда этой иудейке?» Пророк отчитал Зайнаб и после этого не общался с ней два или три месяца⁷.

Когда Умм Шарик сама предложила себя Пророку, 'А'иша говорила всем: «Что за женщина на свете, которая сама отдается мужу?

¹ Abbott. С. 15–16.

² Бухари. С. 424.

³ Abbott. С. 11–12.

⁴ Ислах. С. 158; Эриш. С. 94–95.

⁵ Там же. С. 159; там же. С. 95.

⁶ Баша, 2009. С. 135.

⁷ Эриш. С. 95–96.

Неужели она не стыдится дарить себя самое?»¹. Позже поступок Умм Шарик был оправдан в Коране (33:50).

«Когда Мария родила (от Мухаммада сына Ибрахима. – A. A.), жены Посланника Аллаха воспылали большой завистью»². «...Пророку такого подарка не давала ни одна жена со смерти Хадиджи. Он вне себя от радости, не знает, что делать, и тащит младенца показать своей любимице. “Смотри, – говорит он, – какой дородный мальчик, как он походит на меня!” “Я не нахожу никакого сходства между им и тобой”, – сухо ответила ‘А’иша и посмотрела на мужа с отвращением»³.

Ал-Бухари и Муслим приводят со слов Джабира ибн ‘Абдаллаха ал-Ансари большой *хадис*, в котором говорится, что однажды Абу Бакр и ‘Умар посетили Мухаммада и увидели его скорбно и молчаливо сидящего в окружении своих жен. Абу Бакр сказал: «Сейчас я скажу вещь, которая рассмешит Пророка» и добавил: «Если бы мне пришлось видеть как ‘А’иша просит у меня денег на расходы, я бы встал и дал ей по шее». Мухаммад действительно рассмеялся и сказал: «А вот они сейчас, как ты видишь, сидят вокруг меня и просят добавить денег на расходы». После этих слов Абу Бакр встал и, подойдя к своей дочери ‘А’ише, дал ей по шее. То же самое сделал и ‘Умар своей дочери Хафсе. После этого Мухаммад сторонился своих жен в течение месяца⁴.

Этот инцидент получил отражение в Коране: «О Пророк! Скажи своим женам: “Если вы желаете мирской жизни и ее украшений, то придите, и я наделю вас благами и отпушу красиво. Но если вы желаете Аллаха, Его Посланника и Последней жизни, то Аллах приготовил творящим добро среди вас великую награду”» (33:28–29)⁵.

Семья Пророка в Медине в материальном отношении жила довольно скромно вплоть до 627 г., когда был завоеван оазис Фадак, отчисления от которого поступали непосредственно в распоряжение Мухаммада. Растущее богатство Мухаммада провоцировало все возрастающую ревность его жен.

Причину появления приведенных выше аятов У.М. Уоттон видит в участившихся обращениях к Мухаммаду его жен с требованиями предметов роскоши и одежды. Зайнаб бинт Джахш испытывала раздражение от мыслей, что получает меньше, чем заслуживает по справедливости. ‘А’иша и Хафса ревновали к Марии Коптянке. Нам точно не известно, что послужило последней каплей, но произошел кризис: «Мухаммад покинул всех своих жен на месяц, и, по-видимому, угрожал им всем разводом»⁶.

¹ Смирнов. С. 412.

² Tab., vol. IX, I. P. 1686.

³ Смирнов. С. 411–412.

⁴ Цит. по: Ислах. С. 11–12.

⁵ Коран, перевод Кулиева.

⁶ Уотт, 2007. С. 312.

О намерении Пророка английский исследователь высказался осторожно – «по-видимому», хотя что может быть более определенным: Мухаммад ясно дал понять своим женам, что если их жизненной целью является получение исключительно мирских благ, то он готов удовлетворить это пожелание и затем дать им полную свободу. Что касается слов У.М. Уотта о ревности ‘А’иши и Хафсы к Марии, то он имел в виду уже упоминавшееся происшествие, случившееся в доме Хафсы в Медине и приведшее, по мнению некоторых авторов, к появлению в Коране слов о разводе Мухаммада с его женами (66:1–5). По другой версии, о которой упоминал ал-Бухари, причиной ниспосложения начальных *айатов* 66 *сурь* послужило другое событие. Он поместил в свой ас-Сахих следующий рассказ ‘А’иши:

«Как правило, после совершения послеполуденной молитвы Посланник Аллаха, любивший мед и сладости, заходил к каждой из своих жен и оставался у нее (какое-то время. Однажды) он зашел к Хафсе бинт ‘Умар и задержался у нее больше обычного. Это вызвало во мне ревность, и я спросила о причине этого, на что мне (дали такой ответ): “Одна из ее соплеменниц подарила ей бурдюк меда, и (теперь) она угощает им Пророка”. Тогда я воскликнула: “Поистине, клянусь Аллахом, против этого мы применим хитрость!” – после чего сказала Сауде бинт Зам’а: “(Пророк) придет к тебе, а когда он приблизится, спроси (его): “Ты ел камедь?” Он ответит тебе: “Нет”. Тогда скажи ему: “А что же это за (неприятный) запах исходит от тебя?” Он скажет тебе: “Хафса угостила меня медом”. Тогда скажи ему: “(Наверное,) пчелы садились на дерево ‘урфут’. Я скажу ему то же самое, и то же скажи ему ты, о Сафийя”. А потом Сауда сказала: “Клянусь Аллахом, когда (Пророк) еще только остановился у моих дверей, я уже хотела сказать ему то, что ты велела мне, из страха перед тобой! (Sic! – A. A.)”». В итоге ревнивые заговорщицы сделали так, как просила ‘А’иша. Потом Пророк вновь пришел к Хафсе, рассказывала ‘А’иша, и она спросила: «“О Посланник Аллаха, не дать ли тебе этого питья?”, на что он сказал: “Нет мне нужды в нем!” Тогда Сауда воскликнула: “Клянусь Аллахом, мы лишили его этого!”, я же сказала ей: “Молчи!”»¹.

Видимо, несмотря на требование ‘А’иши, сохранить эту каверзу втайне не удалось. И тогда Пророк, вынужденный отказаться от потребления любимого им меда, возвзвал к Всевышнему и получил, как полагал ал-Бухари², такой ответ: **«О Пророк! Почему ты запрещаешь себе то, что позволил тебе Аллах, стремясь угодить своим женам?»** (66:1)³.

Возможно, из-за подобных семейных передряг Мухаммад был особо благодарен Всевышнему за то, что Он ограничил число жен у мусульман четырьмя.

¹ Бухари. С. 729; другая версия *хадиса* – там же. С. 698.

² Там же. С. 698, 729.

³ Коран, перевод Кулиева.

После смерти Пророка у вдов Мухаммада появилась возможность получения «денег на расходы», которая реализовалась в годы правления второго праведного халифа ‘Умара ибн ал-Хаттаба (634–644), когда было принято решение учредить специальное ведомство – *диван*. В этом своего рода управлении социального обеспечения составлялись списки лиц и племен, за которыми признавалось право на получение денежного довольствия. По описанию ал-Балазури, которое можно найти в *Китаб футух ал-булдан* («Книга завоевания стран»), назначение годовых «пенсий» среди родственников и сподвижников Пророка, а также других отличившихся мусульман происходило следующим образом: «‘Умар, завоевав Ирак и Сирию и собрав *харадж* (поземельный налог. – A. A.), созвал сподвижников Посланника Аллаха и сказал: “Я решил назначить *ата* (денежное содержание. – A. A.) тому, кто на это имеет право”. Они ответили: “Поистине, ты правильно решил, повелитель верующих!” “С кого начнем?” – спросил он. “С тебя”, – ответили они. “Нет, я себя помещу там, где меня поместил Аллах, я начну с семьи Посланника Аллаха...” ‘Умар так и поступил. Он назначил ‘А’ишье, матери верующих... 12 тыс. (дирхемов), остальным женам Пророка (кроме Джувайрий и Сафии. – A. A.)... по 10 тыс.»¹. Джувайрия и Сафия, как бывшие невольницы, получили по 6 тыс. дирхемов, и эти начисления значительно превышали долю остальных родственников и сподвижников Пророка².

Выплаты, начавшиеся в декабре-январе 639/640 г., давали возможность их получателям вести сравнительно обеспеченный образ жизни. По усредненным подсчетам, стоимость взрослой верблюдицы в те годы составляла 100, коровы – 60, овцы – 10 дирхемов³. Отчисления в казну средств, получаемых в ходе арабских завоевательных походов, были огромными. Поистине невероятной должна была казаться бедуинам-«противникам» тьма богатств, которая попадала им в руки.

Сделаем небольшое отступление, чтобы составить хотя бы общее представление о сокровищах и денежных средствах, имевшихся в распоряжении династии Сасанидов, правивших в покоренном арабами Иране. Эти сведения были представлены в трудах мусульманских историографов, откуда время от времени попадают на страницы более поздних исследований⁴.

Итак, денежные поступления в иранскую казну ежегодно составляли сотни миллионов серебряных драхм (в 608 г., к примеру, – 600 млн). Все эти деньги хранились в специальных столичных казнохранилищах, последнее из которых было выстроено Хосровом II. В 603 г. была осуществлена перечеканка монет по новому образцу. За вычетом сумм, которые были выпла-

¹ Цит. по: Хрестоматия. С. 76.

² Подр. см.: Большаков, 2000. С. 146–148; Хрестоматия. С. 76–79.

³ Большаков, 2000. С. 138.

⁴ См. напр.: Иностранцев. С. 76–77; Крымский, 1903–1911. С. 157–158; Мюллер. Т. I. С. 270; Пигулевская, 1958. С. 70; Muir. P. 117.

чины на содержание войска, серебряных монет оказалось 200 тыс. мешков (*паусанов*). На тридцатом году правления Хосрова II, в 620 г., когда завоевания византийских областей сосредоточили в руках сасанидского владыки новые богатства, казна удвоилась и имела, за вычетом средств на содержание войска, около 400 тыс. *паусанов* с серебряными монетами общим весом в 1 млрд 600 млн мискалей (иранская мера веса, равная в среднем 4,64 грамма). Следовательно, не составит большого труда подсчитать, что вес одного лишь серебра, хранившегося в государственной казне Ирана, составлял почти 7,5 тыс. тонн.

Значительная часть этих средств была вывезена бежавшим из покоренной столицы Ирана Ктесифона шахиншахом Йездигердом III в Хулван, однако и оставленных им богатств было предостаточно, чтобы поразить воображение современников. Когда после пятидневной кровопролитной битвы в декабре 636 г. армия арабов и их союзников под предводительством Са‘да ибн Аби Ваккаса взяла верх над иранским войском во главе с полулегендарным Рустамом, мусульмане были потрясены обилием доставшихся им трофеев.

Сражение при Кадисии

При официальном разделе стоимость добычи, доставшейся мусульманам в одном только Ктесифоне, была определена ими в 900 млн дирхемов. Среди сокровищ, попавших в руки арабов, современники выделяли государственные венцы и мантии, бесконечные ряды усыпанного драгоценностями оружия, среди которых выделялся меч Хосрова I Ануширвана, а также редкостной красоты ювелирные изделия.

Так, арабы по достоинству могли оценить великолепие серебряного верблюда в натуральную величину со всадником из золота, коня кованого золота с золотой попоной до колен и тяжелым рубиновым ожерельем на шее, с зубами из алмазов и рубиновыми глазами.

Среди диковинок шахского дворца привлекало к себе внимание золотое дерево, подаренное Хосрову II византийским императором Мавриkiem во время обмена дарами в 590 г., когда Константинополь оказал Хосрову поддержку в борьбе за сасанидский трон. Листья его были искусно выточены из изумрудов, плоды – из жемчугов, ветки – из красных рубинов, а их основание – из оникса.

Из других даров византийского императора выделялась механическая игрушка в виде игрока в конное поло – популярного спортивного состязания, зародившегося в Древнем Иране. Всадник из золота сидел на серебряном коне, глаза которого были из белого оникса с черными зрачками. В руке всадник держал великолепно сделанный из золота саульджан – биту для игры в поло. Рядом с ним располагалась серебряная площадка, посреди которой находился шар из красного корналина. Эту площадку поддерживали два серебряных быка. Когда конь мочился водой, она своим действием приводила в движение весь механизм: игрок ударял саульджаном по шару и отбрасывал его на край площадки, при этом быки двигались, а всадник начинал быстро скакать.

Но более всего арабов поразил знаменитый государственный ковер шахского двора. Это неповторимое произведение ткацкого и ювелирного искусства имело, по описаниям современников, 70 локтей в длину и 60 локтей в ширину (около 900 кв.м.). Ковер представлял собой изображение сада с серебряными дорожками на золотом фоне и лужайками из изумрудов, ручейками из жемчугов, цветами и плодами из алмазов, рубинов и других драгоценных камней. Кроме мечети, во всей Медине трудно было найти помещение, чтобы развернуть и расстелить этот ковер как подобает. Халиф ‘Умар не знал, что с ним делать, и тогда по предложению ‘Али чудо-ковер был, к сожалению, уничтожен: его разрезали на куски и поделили. Фрагмент ковра, доставшийся самому ‘Али, был вскоре им продан за 20 тыс. дирхемов, что в примерном пересчете составляет около \$100 тыс.

В связи со сказанным нет ничего удивительного в том, что средств, поступавших в государственную казну (*бейт ал-мал*) в виде отчислений в размере одной пятой части захваченной добычи (*хумс*), вполне хватало, чтобы обеспечить безбедное существование значительного числа людей, имевших заслуги перед исламом. Было подсчитано, что во второй половине VII в. эти выплаты охватили около 40 тыс. человек¹.

¹ ‘Абд ар-Рахман. С. 123.

ДЕТИ МУХАММАДА

Историки и биографы Пророка не сошлись во мнении относительно числа рожденных им детей. При этом исследователи согласны с тем, что все дети Мухаммада появились на свет в его браке с Хадиджей бинт Хурайлид, за исключением последнего сына Ибрахима, матерью которого была Мария Коптянка. Единодущие достигнуто также по поводу того, что старшим сыном Пророка был ал-Касим, по которому Мухаммад носил куний Абу-л-Касим.

В остальном царит полная неясность. По сведениям Ибн Са‘да, Хадиджа рожала детей через год¹. Не указывается только, с какого года следует вести исчисление, или, напротив, когда появился на свет последний ребенок, чтобы путем обратного отсчета определить число общих детей Мухаммада и Хадиджи.

Сыновья Мухаммада

По сведениям источников, отраженных в поздних биографических и научных трудах, число сыновей Мухаммада варьировалось от двух до девяти. Главная причина отсутствия точных и полных данных о сыновьях Мухаммада состоит в том скорбном факте, что все мальчики умерли не достигнув двух лет, т.е., по местным понятиям, в грудном возрасте. Немаловажным является и то, что все они, кроме Ибрахима, родились в годы

¹ См.: Ислах. С. 52.

джихилийи, сведения о которых всегда страдали отсутствием достоверности. Это давало возможность некоторым авторам утверждать, что число детей у Мухаммада мусульманской традицией было специально завышено, чтобы «посмертно утешить» Пророка, не оставившего потомства по мужской линии¹.

Можно перечислить всех сыновей Пророка, данные о которых фигурируют в литературе, вне зависимости от того, являются эти мальчики детьми Пророка или приписываются ему: ал-Касим, ‘Абдаллах, ат-Тахир, ат-Тайиб, Мутаххар, Мутайаб, ‘Абд ал-‘Узза, ‘Абд ал-Манаф, Ибрахим². Но только три из перечисленных имен подтверждаются большинством авторов как реальные дети Мухаммада. Это – ал-Касим, ‘Абдаллах и Ибрахим.

Однако раздел о детях Пророка следует начать с рассказа о человеке, которого Мухаммад считал своим сыном и который первым носил «отчество» Пророка – ибн Мухаммад (сын Мухаммада). В отличие от других приемных и родных детей Пророка, биография усыновленного им Зайда освещена более подробно, что не удивительно, когда речь идет о человеке, ставшем одним из первых мусульман и ближайшим сподвижником Посланника Аллаха.

Зайд ибн Хариса (ибн Мухаммад)

Зайд был сыном Харисы (ал-Харисы) ибн Шурахбила (Шарахила) из *бану* Калб, населявшего территорию между Сирией и Месопотамией, и Сауды бинт Са‘лаба из *бану* Ма‘н. История его появления в жизни Мухаммада в большинстве мусульманских источников излагается следующим образом.

Около 595 г. Сауда бинт Са‘лаба вместе с Зайдом собралась навестить свое родное племя Ма‘н. Когда она вместе с сыном расположилась у родственников, на поселение *бану* Ма‘н совершила набег конница племени *бану* ал-Кайн ибн Джаср. Нападавшие разграбили имущество, увели скот и

¹ Lammens. P. 2.

² См.: Ibid. P. 2–3.

захватили пленных, среди которых оказался и Зайд ибн Хариса. Так юноша попал на невольничий рынок в уроцище ‘Указ, располагавшееся примерно в 100 км к востоку от Мекки. Здесь он за 400 дирхемов был приобретен Хакимом ибн Хизамом, племянником Хадиджи бинт Хувайлид. Купив еще группу мальчиков, Хаким вернулся в Мекку, где его вскоре навестила Хадиджа. Хаким показал тетушке купленных рабов и предложил ей выбрать себе в подарок любого из них. Хадиджа отдала предпочтение Зайду, и, выйдя вскоре замуж за Мухаммада, отдала юношу ему в услужение.

Тем временем родители Зайда делали все, чтобы разыскать сына или узнать хоть что-то о его судьбе. Через некоторое время группа людей из бану Калб оказалась в Мекке и случайно наткнулась на Зайда. Узнав пропавшего сына Харисы и Сауды, калбиты по возвращении домой рассказали об увиденном его безутешным родителям. Те немедленно бросились собирать средства, и вскоре Хариса в сопровождении брата по имени Ка‘б направился в Мекку с надеждой выкупить сына из неволи.

Когда, встретившись с Мухаммадом, Хариса изъявил готовность заплатить любую сумму, чтобы вернуть сына, тот предложил узнать мнение на этот счет самого Зайда: «Если он выберет вас, то он ваш без всяких денег. Если же он выберет меня, то... я соглашусь с этим»¹. Зайд предпочел за лучшее остаться с Мухаммадом. После этого Мухаммад дал вольную Зайду и усыновил его, публично объявив об этом событии перед святым Ка‘бы.

Новоизбранный член семьи стал прозываться по имени своего приемного отца – Зайд ибн Мухаммад. После этого, как сообщается, «успокоились души отца Зайда и его дяди. Оставив ребенка у Мухаммада ибн Абдаллаха, они, успокоенные и удовлетворенные, вернулись к своему племени»².

Эта сюжетная линия напоминает рассмотренную нами выше историю женитьбы Мухаммада на Джувайрие, отца которой, по странному совпадению, звали ал-Харис, почти так же, как и отца Зайда. И, возможно, первым эту идиллическую картину в виде вставки в текст *Сирры Ибн Исхака* представил Ибн Хишам³. Сам Ибн Исхак впервые упомянул Зайда, говоря о событиях 610 г.: он «был первым мужчиной, принявшим ислам, после ‘Али»⁴, а второй раз в связи со смертью дочери Пророка Рукайи бинт Мухаммад в 624 г.⁵

Характерно, что ал-Вакиди, будучи современником Ибн Хишама, в *Китаб ал-магази* («Книга военных походов») излагал другую версию, согласно которой отец Зайда, Хариса, умер, оставив сыну некоторое коли-

¹ Баша, 2009. С. 249.

² Там же. С. 250.

³ И.Х. С. 74; И.Н. Р. 714–715.

⁴ Там же; *ibid.* Р. 114–115.

⁵ И.Н. Р. 308.

чество верблюдов, еще до его появления в Мекке. Некие бедуины, взявшие этих верблюдов внаем у юноши, предательски схватили его и продали на ярмарке в ‘Указе Хакиму ибн Хизаму’¹.

Некоторые мусульманские авторы сообщали, что Зайд вообще не был пленен, а был буднично продан в рабство в Мекку соплеменниками². А дальний, живший в X в., потомок Зайда передавал, что тот рос в племени матери, и когда она умерла, воспитывался в доме своего дедушки. Там он был взят в плен всадниками из *бану* Фазара и продан в ‘Указе’, но не Хакиму ибн Хизаму, а двоюродному брату Хадиджи, Вараке ибн Науфалу. В этом варианте изложения событий Зайд был обнаружен в Мекке соплеменниками и просто отказался вернуться, предпочтя оставаться у Мухаммада и Хадиджи³.

Приведенные выше разнотечения, как мы знаем, характерны для описаний мусульманскими авторами событий времен *джихадий*. Однако для нас в данном случае не столь важны детали обстоятельств, приведших Зайда в семью Мухаммада. Под большим вопросом остаются мотивы, которыми руководствовался будущий Пророк, усыновляя Зайда.

Почему Мухаммад не усыновил кого-либо из детей Хадиджи, рожденных в ее двух предыдущих браках, к примеру Хинда ибн Аби Халу, жившего вместе с отчимом?

По каким причинам Мухаммад решил начинать семейную жизнь с усыновления вольноотпущенника-инородца, у которого, по самой распространенной версии, были живы отец и мать?

Зачем надо было усыновлять Зайда, который и без того отрекся от родителей (или родного племени) в пользу Мухаммада?

Как получилось, что отец Зайда, если верна версия Ибн Хишама, поддерживаемая большинством авторов, с легкостью воспринял решение сына оставаться у Мухаммада, который в описываемый период не только не был Пророком ислама, но и не пользовался еще каким-либо влиянием среди курайшитов?

Что-то здесь не так, хотя нужные объяснения подыскать можно.

Говоря о несостоявшемся усыновлении Мухаммадом детей Хадиджи, У.М. Уотт писал, что во времена *джихадий*, «вероятно, когда мужчина женился на главной женщине семьи, он автоматически становился “отцом” всех сыновей и дочерей, живущих с ней, а также всех, кто таковыми считался. Зайд ибн Хариса, по-видимому, стал “сыном” Мухаммада именно тогда, когда Мухаммад женился на Хадидже, а не тогда, когда он освободил Зайда»⁴. Английский ориенталист недаром ставит слова «отец» и «сын» в кавычки. Мухаммад чаще прозывался только по *кунье* Абу-л-

¹ См.: EI, vol. XI. P. 475.

² Ibid.

³ Там же.

⁴ Уотт, 2007. С. 308.

Касим, в которой значилось имя рожденного много позже сына-первенца – ал-Касима, но иногда именовался и как Абу Зайд, а все остальные приемные дети Мухаммада носили «отчества» своих родных отцов.

О.Г. Большаков, описывая обстоятельства усыновления Зайда, отмечал, что Мухаммад решил на этот шаг потому, что «тяжело переживал... отсутствие сыновей, поднимавших авторитет мужчины в обществе. Усыновление Зайда было жестом отчаяния»¹. Описанное видным востоковедом положение было бы возможным только после нескольких лет брака, не принесшего Мухаммаду желанного сына! А это противоречит общепризнанному факту, что усыновление Зайда состоялось вскоре после свадьбы Мухаммада и Хадиджи. Ближе к истине будет выглядеть допущение, что Мухаммад усыновил Зайда, полагая, что разменявшая пятый десяток Хадиджа физиологически рожать будет уже не способна. Сюда можно добавить то обстоятельство, что видные мекканские язычники осмеивали Мухаммада за отсутствие у него сына-наследника уже после начала его пророчества; этот сюжет был отражен на страницах Корана (108:1–3).

Нежеланию Зайда покидать Мухаммада и «удовлетворенности» таким исходом дела его отца можно найти такое объяснение: практичный бедуин и его сын, увидев достаток в двухэтажном доме Хадиджи, рассчитывали не только на возможность дальнейшего безбедного существования Зайда, но и на долю наследства, которая, по установившейся у арабов традиции, полагалась усыновленным детям.

В связи с этим любопытство вызывает сама личность Зайда. Сколько ему было лет в описываемый период? Какую работу выполнял в доме Хадиджи? За какие достоинства он был обласкан Мухаммадом? И вот здесь мы соприкасаемся с чередой новых загадок.

У арабов, как уже отмечалось выше, не было принято спрятывать дни рождения, и поэтому такое важное событие, как вступление ребенка в половозрелый возраст, часто определялось не по числу прожитых им лет, а проверенным веками способом – по наличию жестких волос на лобке, выделению спермы (для мальчиков) и началу регул (для девочек). Когда возраст мальчика был известен точно, совершеннолетним он считался по достижении 15 лет. С наступлением совершеннолетия человек становился юридическим лицом, ответственным за совершаемые им поступки, получал возможность распоряжаться своим имуществом, наделялся правом завести семью.

Указанные нормы существовали во времена *джихалий*, и Мухаммад, проповедуя ислам, насколько известно, оставил их действие в силе. Сын второго праведного халифа ‘Абдаллах ибн ‘Умар вспоминал: «Я предстал перед Посланником Аллаха... в день Ухуда (март 625 г. – A. A.) на сражении, а было мне тогда четырнадцать лет, и не дозволил мне (участвовать в сражении). Я также предстал перед ним в день Аль-Хандака (т.е. битвы

¹ Большаков, 1989. С. 68.

«у рва», март 627 г. – A. A.). А было мне тогда 15 лет. И дозволил мне (воевать)¹. Когда этот *хадис* передали почитаемому омейядскому халифу ‘Умару II ибн ‘Абд ал-‘Азизу (717–720), тот сказал: «Истинно, это граница между малым и взрослым». Халиф не дозволял применять экзекуции за проступок к тем, чей возраст не достигал 15 лет². (Несовпадение в тексте *хадиса* возраста Ибн ‘Умара в привязке к датам указанных сражений вызвано тем, что год рождения сына халифа ‘Умара ибн ал-Хаттаба точно не известен и указывается в промежутке между 611 и 613 гг. – A. A.)

Итак, сколько же лет было Зайду, когда он появился в Мекке? *Сира* Ибн Хишама содержит лишь сведения, что когда Хаким ибн Хизам купил Зайда, тот был «молодым человеком»³. ‘Абд ар-Рахман Рафат ал-Баша и О.Н. Топбаш, рассмотрев более поздние разноречивые источники, остановили свой выбор на утверждении, согласно которому возраст Зайда определялся в восемь лет⁴. Современный иранский ученый, Сайд Муртаза ‘Аскари, пишет, что ему было семь лет⁵. М. Лекер (Иерусалим), излагая биографию Зайда в «Энциклопедии ислама», со ссылкой на такие авторитеты, как Ибн ‘Асакир, Ибн Манзур, аз-Захаби и ал-Балазури, указывает, что приемный сын Пророка погиб в битве при Му’та в возрасте 50 или 55 лет⁶. С.Б. Певзнер в примечании к своему переводу труда ‘Абд ар-Рахмана ибн ‘Абд ал-Хакама «Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса» писал, что, согласно *ал-Исада* Ибн Хаджара, Зайд погиб в возрасте 55 лет⁷. Время, когда состоялось указанное сражение, известно с точностью до месяца: сентябрь 629 г. Путем обратного отсчета можно определить нужную нам дату рождения Зайда. По годам григорианского календаря это будет соответственно 579 или 574 г., а с учетом поправки на мусульманское летоисчисление – примерно 580/81 или 575/76 г. Если исходить из этих данных (принимая за дату рождения Мухаммада 570 г.), то получается, что Зайд был моложе своего приемного отца усредненно всего на 5 или 10 лет и был усыновлен им в возрасте 15 или 20 лет! Другими словами, по этой версии, Хадидже в преддверии собственной свадьбы приглянулся полово- зрелый парень, а 25-летний Мухаммад усыновил не мальчика, а молодого человека, который был не намного младше его по возрасту.

Так кто же из биографов Пророка был ближе к истине? Те, которые считали, что Зайд оказался в Мекке в подростковом возрасте, или же те, которые видели в нем молодого человека? *Хадисы*, восходящие к Мухаммаду, не содержат сведений, что Пророк когда-либо называл возраст Зайда.

¹ Муслим. С. 539.

² Там же.

³ И.Н. Р. 714.

⁴ Баша, 2008. С. 182; Топбаш. С. 165.

⁵ Аскари. С. 70.

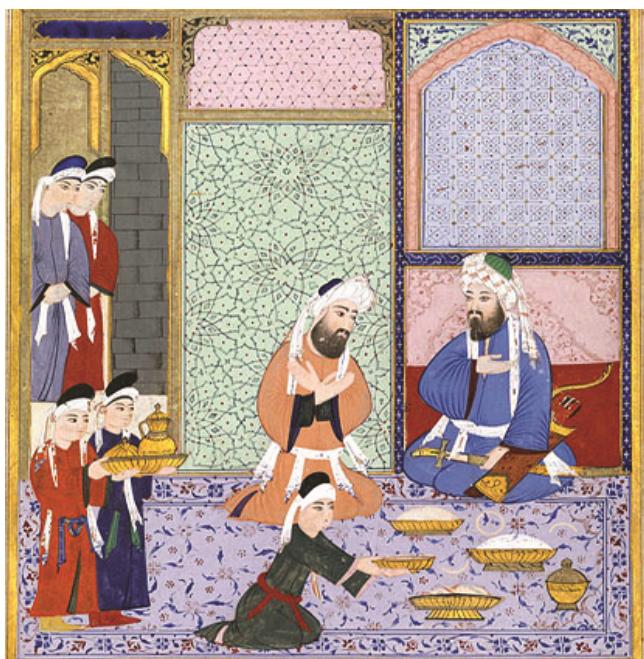
⁶ EI, vol. XI. Р. 475.

⁷ ‘Абд ар-Рахман. С. 364.

Поэтому безоговорочно верного ответа на поставленный вопрос мы, наверное, никогда не узнаем. Возможен и тот и другой из рассматриваемых вариантов, и каждый из них вместе с тем может быть подвергнут сомнению.

Приобретая Зайда, Хадиджа, надо полагать, либо рассчитывала каким-то образом использовать его в хозяйстве, либо запланировала «подарить» его Мухаммаду. Чего она не могла предвидеть, так это усыновления Зайда своим супругом. С учетом данных обстоятельств возраст Зайда мог иметь для нее решающее значение.

У племен Аравии в те годы, как и во многих архаичных структурах, рабство было более «гуманным», чем в классических рабовладельческих обществах. Для домашней работы покупали мальчиков, и они прислуживали и помогали хозяевам на правах «карапчонка».

Трапеза в богатом мусульманском доме

Зайда, если ему было 15–20 лет, в таком качестве представить себе трудно. Он более подходил бы для сельскохозяйственных работ, но Хадиджа не владела угодьями, занимаясь торговыми делами, и источники не содержат явных сведений о том, что Зайд был каким-то образом задействован в коммерции.

С другой стороны, если Зайд попал в дом Хадиджи в незрелом восьмилетнем возрасте, то он по малолетству не имел еще права голоса выби-

рать, останется ли он с Мухаммадом или же вернется в родное племя. Этот вопрос мог быть решен самим будущим Пророком ислама, скорее всего с согласия Хадиджи и по договоренности с отцом Зайда, Харисой, если верна история с прибытием последнего в Мекку.

Расставить все на свои места может предположение, что путаница с числом лет Зайда вызвана тем, что большинство авторов тесно увязывают его появление в доме Хадиджи с процедурой его усыновления Мухаммадом. Возможно, существовал временной разрыв между этими двумя событиями, и тогда картина выглядела бы иначе. Согласно такой реконструкции, Зайд был привезен в Мекку в несовершеннолетнем возрасте, и родные узнали о нем, когда он вырос. На возможность такого хода событий указывает, в частности, Сайд Муртаза ‘Аскари¹.

Все мусульманские авторы, описывавшие взаимоотношения Мухаммада и Зайда, отмечали их теплый доверительный характер. Таковыми они оставались долгие годы, вплоть до гибели Зайда в 629 г. Эта привязанность стала легендарной. Много позже ‘А’иша рассказывала, что в один из приездов Зайда в Медину Мухаммад находился в ее доме. «Когда Зайд постучал в дверь, Посланник Аллаха, едва прикрыв наготу, бросился ко входу, обнял и расцеловал Зайда. Клянусь Аллахом, ни до этого, ни после этого я больше никогда не видела Посланника Аллаха в полуобнаженном виде»². Этот *хадис* приводит ат-Тирмизи³.

Итак, усыновленный и обласканный Мухаммадом Зайд остается в доме Хадиджи... и исчезает из поля зрения историографов на 15 лет, вплоть до момента, когда началась пророческая деятельность Мухаммада (610). Почерпнуть сведения неоткуда: ни в *хадисах*, ни в отредактированном Ибн Хишамом раннем жизнеописании Пророка, составленном Ибн Исхаком, об этом периоде жизни Зайда не говорится ни слова. Его имя всплывает в связи с тем, что он становится одним из первых (вторым, третьим или четвертым) в ряду уверовавших в пророческую миссию Мухаммада после Хадиджи бинт Хувайлид. О приемном сыне Пророка неизменно говорится с пietетом и восхищением. Объяснение тому простое: в годы, когда составлялись первые биографические своды сподвижников пророка Мухаммада (VIII–IX вв.), их иерархия выстраивалась, прежде всего, в зависимости от родственной близости человека к основоположнику ислама и очередности принятия им новой веры. Этим условиям Зайд отвечал в полной мере. Что же касается участия в фиксации коранических ниспосланий и распространении исламского вероучения, то они при внимательном рассмотрении не находят отражения в жизненном пути приемного сына Пророка. По причине неграмотности он не фиксировал пропо-

¹ Аскари. С. 70.

² Баша, 2009. С. 251.

³ См.: Навави. С. 416.

ведей Мухаммада, не был признанным знатоком Священного текста, не являлся источником рассказов о Пророке. Сын Зайда, известный передатчик *мухаддис* Усама ибн Зайд (612 (615?) – 674), ни в одном из переданных им 128 рассказов не ссылается на отца как на первоисточник.

Вскоре после начала своего пророчества Мухаммад женил Зайда на вольноотпущеннице Умм Айман. Около 576 г. она, темнокожая эфиопка по происхождению, юной рабыней попала в дом ‘Абд ал-Мутталиба, деда Пророка, где получила имя Барака (Баракат) и стала присматривать за осиротевшим Мухаммадом.

В литературе она часто упоминается в качестве «кормилицы Мухаммада», но она быть таковой не могла, так как прибыла в Мекку после смерти его матери Амины, когда будущему пророку ислама было уже более шести лет. Помимо этого, она банально должна была быть матерью грудного ребенка.

После женитьбы на Хадидже (595) Мухаммад дал вольную Бараке и выдал ее замуж за выходца из ат-Та’ифа по имени ‘Убайд ибн ‘Амр. В этом браке родился мальчик, названный Айманом, и Барака чаще стала именоваться по сыну-первенцу – Умм Айман. Шли годы, Умм Айман овдовела, а ее сын вошел в число сподвижников Пророка и позже погиб в битве при Хунайне (630).

С началом своей пророческой деятельности в отношениях с соплеменниками Мухаммад все более последовательно стал отдавать предпочтение людям, уверовавшим в единого Аллаха, вне зависимости от их этнического происхождения, материального достатка или общественного положения. Но в годы, когда его миссия еще не получила всеобщего признания, он не мог преодолеть традиционных устоев и сделал избранницей повзрослевшего Зайда равную ему по социальному статусу вольноотпущенницу, которой на момент этого замужества было около 50 лет. Этот возраст, однако, не стал помехой для появления на свет сына, упомянутого Усамы ибн Зайда, считающегося одним из первых детей, «рожденных в исламе». (Зайд и Умм Айман не были единственной семейной парой среди вольноотпущенников, живших в доме Мухаммада. Мужем и женой также являлись копт по происхождению Абу Рафи‘ Ибрахим (или Аслам) и Салма.)

Зайд не причислялся к ряду знаменитых арабских полководцев, хотя не раз ставился Мухаммадом во главе отрядов, совершивших боевые походы из Медины. Со ссылкой, прежде всего, на *Сиру* Ибн Хишама и *Китаб ал-магази ал-Вакиди* эти сведения нашли отражение в трудах многих авторов, описывавших раннюю историю ислама¹.

В первый раз такой чести Зайд был удостоен в ноябре 624 г. Во главе примерно ста воинов он был направлен в район ал-Карада (Неджд) с целью перехватить торговый караван мекканцев. Набег прошел успешно:

¹ I.H., 469f, 547f, 976–979.

добыча была захвачена и доставлена в Медину. Через три года, с сентября 627 г. по февраль 628 г., Зайд последовательно совершил четыре похода:

- против торгового каравана мекканцев в район ал-‘Ис (число участников – 170, караван захвачен);
- против *бану Са‘лаба* в район ат-Тараф (число участников – около 15, захвачена добыча);
- против *бану Джузам* в район Хисмы (число участников – 500, захвачена добыча, возвращенная позднее);
- против племени Фазара в район Вади-л-Кура (число участников неизвестно, противник усмирен).

Особого внимания заслуживает последняя из перечисленных экспедиций, носившая карательный характер. Ей предшествовали следующие события: в конце 627 г. Мухаммад направил Зайда в торговую поездку в Сирию. Когда его небольшой караван продвинулся примерно на 450 км к северу от Медины и оказался в районе Вади-л-Кура, на него напали представители клана Бадр, входившего в состав *бану Фазара*. Зайд и его спутники вступили в бой, но потерпели жестокое поражение. Товары и верблюды мусульман были захвачены налетчиками, люди перебиты, а сам Зайд, получив несколько ранений, чудом спасся бегством.

Вернувшись в Медину, униженный Зайд, как сообщает Ибн Хишам, «поклялся, что он не приблизится к своей жене, пока не побьет *бану Фазара*. Когда он оправился от своих ран, Пророк послал его к *бану Фазара* с войском. Зайд побил их в Вади-л-Кура, убил их людей. Были пленены Умм Кирфа Фатима бинт Раби‘а... а также ее дочь и ‘Абдаллах ибн Мас‘ада (муж Умм Кирфы. – А. А.)»¹. Далее, оберегая репутацию Зайда и, косвенно, пророка Мухаммада, Ибн Хишам пишет, не раскрывая подробностей, что Зайд отдал приказ убить Умм Кирфу, и это было исполнено «с большой жестокостью»². Ат-Табари, говоря о деталях этого события, был менее щепетилен: к каждой из ног женщины, по его словам, привязали по веревке, концы которых прикрепили к двум верблюдам, и, гонимые в разные стороны, они разорвали пленницу на две части³.

Вряд ли самый цитируемый биограф Мухаммада – Ибн Хишам – не был наслышан об этом факте. Скрыть обстоятельства гибели Умм Кирфы было трудно. Она была влиятельной женщиной, пользовалась почетом у *бану Фазара*, а ее имя даже вошло в поговорку: «Даже если бы ты был могущественней, чем Умм Кирфа, ты не смог бы сделать большего»⁴. Просто Ибн Хишам складывал агиографическое жизнеописание Пророка, а ат-Табари насколько мог непредвзято излагал исторические события.

¹ И.Х. С. 446.

² Там же.

³ См.: И.Н. Р. 665 – пояснительная вставка Т. Нёльдеке к сюжету.

⁴ И.Н. Р. 665.

Гибель Умм Кирфы

Нам не ведома реакция Мухаммада на кровавые события в Вади-л-Кура. Известно лишь сообщение ‘Абдаллаха ибн ‘Умара, согласно которому, «когда во время одного из военных походов Пророка была найдена убитая женщина, Посланник Аллаха выразил свое порицание убиению женщин и детей»¹. (В скобках можно отметить, что кровавый эпизод казни Умм Кирфы вошел в скандальный фильм «Невинность мусульман», отрывки из которого были «вывешены» в Интернете и вызвали негодование мусульман во всем мире в 2012 г.)

Все перечисленные выше походы Зайда, как мы видим, имеют мало общего с военными кампаниями. Это были захватнические рейды, разбойные набеги, карательные экспедиции. В этом нет вины Зайда: отряды первых мусульман, ведомые как самим Пророком, так и его соратниками, действовали в духе времени, не преступая неписаных обычаев и норм, существовавших в Аравии того периода. Исключение составляет, пожалуй, история с Умм Кирфой. Не в оправдание Зайда можно сказать, что его ненависть к членам *бану* Фазара находит объяснение в случае, если верна версия, согласно которой в рабство его продали представители именно этого племени.

Возможность проявить себя как полководец (в прямом смысле этого слова) представилась Зайду в 629 г., когда он возглавил большое войско, направленное пророком Мухаммадом против племени *бану* Гассан. Ровно за 100 лет до этого похода, в 529 г., на пустынных землях Восточной Палестины, Заирданья и Южной Сирии гассаниты, исповедовавшие христианство монофизитского толка, основали собственное государство, просуществовавшее с перерывом (584–629) до 636 г. В долине Му’та, входившей в состав территории проживания *бану* Гассан, и произошло самое загадочное сражение в истории раннего ислама.

Предыстория описываемых далее событий коротка. После подписания договора с мекканцами в Худайбийе (март 628 г.) Мухаммад, как мы знаем, направил к правителям соседних стран своих гонцов с посланиями, содержащими предложение принять ислам. Один из них, ал-Харис ибн ‘Умайр ал-Азди, пустился в путь к наместнику Бусры (Босры, Южная Си-

¹ Бухари. С. 486.

рия). Когда он достиг долины Му’та, на него напали воины местного гассанитского вождя Шурахбила ибн ‘Амра. Ал-Харис был схвачен, закован в кандалы и затем казнен. Вскоре известие об этом достигло Медины и вызвало гнев Мухаммада, «так как его посланцев никогда не убивали»¹.

В качестве ответной меры Пророк решил направить в земли гассанитов войско. На его призыв отправиться в поход откликнулось примерно 3 тыс. человек. Возглавить их он поручил Зайду ибн Харисе с наказом разыскать и убить виновных в гибели своего гонца, а также предложить гассанитам принять ислам. Он вручил Зайду имевшее в то время белый цвет треугольное знамя ислама и, по рассказу ‘Абдаллаха ибн ‘Умара, отдал распоряжение: «Если будет убит Зайд, (пусть его место займет) Джака‘фар, а если будет убит и Джака‘фар, (пусть его место займет) ‘Абдуллах бин Раахаха»². Потом будто добавил: «Если будут убиты все трое, пусть люди выберут командира из своих рядов»³.

«В то время, когда войско мусульман двинулось в путь, – пишет А.И. Акрам, биограф Халида ибн ал-Валида, участника этого похода, – мусульмане понятия не имели о том, каковы силы врага, с которым им предстояло столкнуться»⁴. Когда они подошли к местечку Ма‘ан, расположенному примерно в 35 км к юго-востоку от древней Петры, обнаружилось, что их готов встретить грозный многочисленный противник. Зайду пришлось остановить дальнейшее продвижение своего войска и принять решение о порядке дальнейших действий.

Споры о том, какой противник готов был вступить с мусульманами в бой и какова была его численность, возникли давно и ведутся до сих пор. Еще Ибн Исхак писал, что это была 100-тысячная византийская армия во главе с императором Ираклием I, к которой примкнули еще 100 тыс. человек из племен Лахм, Джузам, ал-Кайн, Бахра’ и Бали под предводительством Малика ибн Зафилы⁵. Приведенные Ибн Исхаком сведения о суммарной численности противостоявших мусульманам войск арабских племен неоднократно повторялись в более поздних трудах мусульманских авторов⁶. Это невероятное количество воинов (для сравнения: численность русской армии в Бородинском сражении составляла 132 тыс. человек) вряд ли можно воспринимать всерьез (соотношение сил противников 1x33 и даже 1x66!) Трудно себе представить, чтобы для отражения наступления 3 тыс. мусульман кто-то выдвинул 100-тысячную армию, когда при прочих равных условиях (вооружения, например) вполне хватило бы трехкратного превосходства. Современные историки полагают, что на беспре-

¹ Баша, 2008. С. 187.

² Бухари. С. 623.

³ См.: Акрам. С. 95.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ И.Х. С. 350.

⁶ См., напр.: I.S. S. 93; Tab., vol. VIII, I. P. 1611.

цедентное превосходство сил противника ранние мусульманские авторы указывали с целью оправдать постфактум неутешительный итог состоявшегося сражения. Поэтому численность врага мусульман они указывают в сопоставимых цифрах – от 3 до 20 тыс. человек¹.

Итак, Зайд и его заместители во время остановки в местечке Ма‘ан столкнулись с проблемой, как следует действовать дальше. Реальных альтернатив было три:

- повернуть войско назад и бесславно вернуться в Медину;
- стоять на месте и просить помощи у Мухаммада;
- продолжить поход и ввязаться в бой, не сулящий благоприятных перспектив.

Зайд колебался. «Двое суток он стоял в нерешительности, некоторые советовали ему подождать подкрепления из Медины...»², но тут выступил вперед ‘Абдаллах ибн Раваха: «О люди! Вы пошли воевать и умереть за веру. Мы с ними будем воевать не числом, не силой, а верой своей, которая снизошла на нас от Аллаха. Идите! Перед вами только два добрых пути: победа или смерть за веру»³. Эти слова нашли положительный отклик у большинства мусульман, и Зайду ничего не оставалось как продолжить поход.

Ко всему вышесказанному необходимо дать ряд комментариев.

Во-первых, трудно объяснить, почему Мухаммад счел необходимым послать на возможную смерть 3 тыс. воинов (почти все, что было тогда в распоряжении Пророка, еще не овладевшего даже родным городом Меккой) ради мщения за гибель одного гонца. К тому же ал-Харис ибн ‘Умайра, посланец Пророка, на то время еще не бывшего главой государства, никак не мог рассматриваться как человек, посланный с дипломатической миссией и наделенный иммунитетом. Зачем надо было так рисковать людьми, когда Мухаммад планировал буквально через считанные месяцы начать поход с целью покорения Мекки с непредсказуемыми последствиями? Вызывает также сомнение заявленное в качестве одной из целей похода желание обратить гассанитов в ислам. Три тысячи хорошо вооруженных воинов не похожи на людей, призванных нести в массы слово Божье. «**Нет принуждения в религии**», – говорится в Коране (2:256). Поэтому, когда такая потребность возникла ранее, Мухаммад посыпал к желающим обрести ислам своих сподвижников, знаяших положения ниспосланий Всевышнего наизусть. Так было, к примеру, после поражения мусульман в битве при Ухуде в 625 г., когда Пророк направил шесть миссионеров в племя Хузайма, а позднее – еще 40 знатоков Корана в *бану ‘Амир ибн Са‘са‘а*. (В обоих случаях, кстати говоря, посланцы Мухаммада были перебиты.)⁴ Надо полагать,

¹ Акрам. С. 97; Уотт. С. 62.

² Большаков, 1989. С. 156.

³ И.Х. С. 350.

⁴ Там же. С. 274–278.

что распространение ислама среди гассанитов в качестве поставленной перед Зайдом задачи было позже приписано мусульманскими авторами, чтобы облагородить цели этой военной кампании.

Во-вторых, вопросы вызывает компетентность в военном деле людей, поставленных Мухаммадом во главе войска. О недостаточно большом боевом опыте Зайда говорилось выше. Его назначение вызвало тогда недовольство родовитых сподвижников Пророка: поручить командование бывшему рабу? Мухаммад все же настоял на этом решении, и можно было ожидать, что в заместители своему любимцу он определит военачальников, таковым опытом обладающих, но он этого не сделал. В приведенном выше *хадисе* от ‘Абдаллаха ибн ‘Умара названы два имени. Это Джака’фар, двоюродный брат Мухаммада и полнокровный брат ‘Али ибн Аби Талиба, и ‘Абдаллах ибн Раваха, принадлежавший к числу мединских *ансаров*. Первый из них рано принял ислам и в 616 г. был поставлен Мухаммадом во главе мусульман, переселившихся из Мекки в Эфиопию (вторая *хиджра*). После многолетней эмиграции он вернулся на родину летом 628 г. и в роли военачальника отмечен не был. Второй был более известен как поэт. Из всех 62 походов, предпринятых мусульманами из Медины за период с 623 г. и до кампании против гассанитов, ‘Абдаллах ибн Раваха в качестве предводителя отличился лишь в одном: рейде 30 воинов на Хайбар с целью принудить главу местных иудеев Усайра ибн Разима (в другом прочтении – ал-Йусайра ибн Ризама) вступить в союзнические отношения с мусульманами (февраль–март 628 г.). Усайр понапалу согласился прибыть в Медину для ведения переговоров, но по пути изменил свое решение и по приказу ‘Абдаллаха ибн Равахи был убит вместе со своим окружением. Отряду мусульман пришлось довольствоваться награбленным, включая 500 верблюдов и 2 тыс. овец¹. Понятно, что при выборе командиров для похода на Мутта Мухаммад исходил из других критерииев, но было ли этого достаточно для достижения победы на ратном поле?

В-третьих, мусульманские авторы ставят под сомнение осведомленность Мухаммада о военном потенциале противника, с которым предстояло встретиться войску Зайда. Плохо, когда военная кампания планируется, а потом осуществляется без опоры на знание о силах и возможностях врага.

Мухаммад неоднократно бывал в Сирии, в первый раз – в возрасте 12–13 лет, сопровождая дядю Абу Талиба. Он не понаслышке знал о существовании государства Гассанидов и его вассальном положении по отношению к Византийской империи. Пророк всегда живо интересовался ходом последней ирано-византийской войны 604–630 гг., и симпатии мусульман в этом противостоянии были на стороне христианской Византии, а не зороастрийского Ирана. Более того, одно из событий ирано-византийского противоборства нашло отражение на страницах Корана **«Побеждены Румы в ближайшей земле, но они после победы над ними победят через не-**

¹ Уотт, 2007. С. 50; I.H. P. 980.

сколько лет» (30:1–4)¹. Здесь, скорее всего, подразумевается захват персами Иерусалима в 614 г., в результате которого был сожжен Храм Гроба Господня, а Древо Креста, на котором был распят Иисус Христос, было увезено в Иран. Но в дальнейшем, предрекал Мухаммад, византийцы (румы) возьмут реванш, что, собственно, и произошло.

В свете сказанного Мухаммад, следивший за положением на ирано-византийском фронте, не мог не знать о развернувшихся там событиях. В апреле 623 г. император Византии Ираклий I (610–641) во главе 120-тысячной армии начал «великий поход» против своего извечного врага, Сасанидского Ирана.

Армии Ираклия I и Хосрова II в бою

Одержав череду побед над войсками Хосрова II Парвиза, Ираклий I занял его резиденцию (1 января 628 г.). Шахиншах вынужден был бежать и 29 февраля погиб в результате дворцового переворота. За полтора года

¹ Коран, перевод Крачковского.

до битвы при Му'та, в марте 628 г., сын и преемник Хосрова II, Кавад II (февраль – октябрь 628 г.), подписал унизительный «вечный мир» с Византией. Позже (январь 630 г.) Ираклий I вернет в Иерусалим Древо Креста, захваченное персами в 614 г. А сейчас, в сентябре 629 г., когда осуществлялся поход войска Зайда против гассанидов, покровительствовавший последним Ираклий I находился в зените славы. Именно в этот месяц он триумфатором вступил в Константинополь после окончательной победы над Ираном.

На что рассчитывал Мухаммад, отправляя в поход Зайда? Он, вероятно, полагал, что Ираклий I не будет вмешиваться в события на юге Сирии (и, скорее всего, оказался прав). Возможно, что и 100-тысячной армии в распоряжении императора не было: война с Ираном к тому времени уже была завершена, новых сражений не предвиделось. Зачем в этих условиях Ираклию I надо было сохранять и содержать огромный воинский контингент? Мухаммад, видимо, считал, что воинам Зайда придется столкнуться с равновеликим или немного превосходящим их по численности войском гассанидов, справиться с которым с помощью Аллаха мусульманам и их соратникам не составит большого труда. В том, насколько Мухаммад был прав, Зайду предстояло убедиться, когда его войско встретилось с противником у селения Му'та, расположенного в одноименной долине, лежащей примерно в 20 км к юго-востоку от Мертвого моря. Шел месяц *джумада I* 8 г.х. (27.08 – 25.09 629 г.).

Сведения о масштабах развернувшегося сражения весьма противоречивы. Авторы, умозрительно бросавшие в бой 100-тысячные армии, естественно, считали битву при Му'та грандиозным событием в истории раннего ислама. Более осторожные в оценках исследователи отмечали, что «это сражение не было крупным, его даже нельзя назвать особенно важным»¹.

Нет полной ясности и в том, каким образом разворачивались события на поле битвы. В *Сире Ибн Хишама* представлена следующая картина: «Мусульмане подготовились к бою: их правый фланг возглавил человек из *бану 'Узра* по имени Кутба ибн Катада, а левый фланг – один из *ансаров* по имени 'Абайя (или 'Убада. – A. A.) ибн Малик. Потом обе стороны сошлись, и началось сражение. Зайд ибн Хариса сражался (в центре войска. – A. A.) со знаменем Пророка в руке, пока не был убит ударом копья византийцев. Потом знамя взял Джак'фар. Он сражался со знаменем в руке, в пылу боя был сбит с коня, а конь ранен, но продолжал сражаться с противником, пока не был убит... Когда был убит Джак'фар, знамя взял 'Абдаллах ибн Раваха, потом выступил вперед на своем коне со знаменем в руке, стал сам себя ободрять, стараясь преодолеть свой страх и колебания... (потом) взял свой меч, выступил вперед и сражался до тех пор, пока не был убит...»

¹ Акрам. С. 99.

Место погребения Зайда, Джакара и Ибн Равахи

Потом взял знамя Сабит ибн Аркам из племени бану ал-‘Аджлан и сказал: “О мусульмане! Выберите главой одного из вас!” Они сказали: “Ты”. Он ответил: “Я не буду!”. Тогда люди выбрали Халида ибн аль-Валида. Взяв знамя, он отразил атаку византийцев, заставил их отступить, потом сам отошел вместе с людьми¹. В результате Халид предотвратил полный разгром мусульман и привел оставшихся в живых воинов в Медину.

Иbn Исхак в *Сире* приводит полный список воинов, погибших в битве при Му’та. В нем только восемь имен: Зайд ибн Хариса, Джакар ибн Аби Талиб, Мас‘уд ибн ал-Асвад ибн Хариса, Вахб ибн Са‘д ибн Аби Сарх – все из *бану Курайш*, а также четыре представителя *бану Хазрадж*². Ибн Хишам добавил в этот список еще по два представителя от *бану Мазин* ибн ан-Наджар и *бану Малик* ибн Афса, о которых упоминал Ибн Шихаб аз-Зухри (678–742), учитель Ибн Исхака³. Всего – 14 человек. Возможно, в список потерь не были включены все погибшие (безымянные герои, немусульмане?), но даже с учетом этого предлагаемый перечень на удивление краток. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что развернутого сражения между противниками в долине Му’та не произошло: в хрониках мусульманских авторов не нашли отражения традиционные победные реляции, нет в них указаний и на число поверженных врагов.

Далее. Поражают обстоятельства последовательной гибели всех трех мусульманских командиров. Если Мухаммад вручил Зайду знамя перед началом похода, то это вовсе не подразумевало, что полководец должен был ввязываться в бой, выступая в качестве знаменосца. Его главная роль, что очевидно, должна была сводиться к руководству войском. Активное и

¹ И.Х. С. 350–351.

² И.Н. Р. 540.

³ Ibid. Р. 772.

непосредственное участие в батальи полководца в зависимости от сложившихся обстоятельств не возбранялось и даже приветствовалось, но сражаться, держа в руке знамя, не очень сподручно. Знаменосец более остальных воинов подвержен риску: именно он является заманчивой целью для нападения и заметной мишенью для лучников. Зайд и его заместители должны были это знать, но поступили так, как поступили. Следовательно, либо они действительно умышленно «искали смерти», обрекая на гибель доверившихся им руководству людей, либо вся эта невероятная история была сочинена в более поздние времена, когда получило распространение учение о самопожертвовании на пути Аллаха.

О действиях Зайда, Дж‘фара и ‘Абдаллаха ибн Равахи на ратном поле все мусульманские авторы писали и пишут в восторженных тонах, хотя они бесславно сложили свои головы, не выполнив задач, поставленных перед ними Мухаммадом, какими бы они ни являлись. Вступить в бой с противником с единственным намерением пасть шахидом, уповая исключительно на помощь Всевышнего, – не лучший путь для достижения победы в ратном деле. Здесь помимо воинской доблести должно присутствовать военное искусство, помноженное на талант полководцев.

В итоге гассаниты стали врагами мусульман и впоследствии сражались против них во время арабских завоевательных походов как самостоятельно, так и на стороне византийцев. В последний раз это случилось в 636 г., когда они под предводительством царя Джабала (? – 642) вошли в состав византийской армии, противостоявшей мусульманам в битве при ал-Йармуке, победителем в которой (ирония судьбы) оказался Халид ибн ал-Валид.

Битва при Йармуке

Был ли у войска Зайда даже при приведенном соотношении сил какой-то шанс если не на успех, то хотя бы на почетное поражение? Был, и история знает подобные случаи. Вспомним, к примеру, героизм, проявленный

тремястами спартанцами, в течение пяти дней сдерживавшими натиск огромной персидской армии Ксеркса I в битве при Фермопилах (480 г. до н.э.). Однако между этими двумя сражениями существует большая разница. Тогда, более чем за тысячу лет до битвы при Му'та, эллинов возглавлял талантливый полководец, доблестный спартанский царь Леонид (491–480 гг. до н.э.), здесь же мусульман вел за собой человек, не обладавший достаточным командным опытом. Тогда в качестве места, где можно было успешно противостоять более многочисленному врагу, Леонид выбрал узкое Фермопильское ущелье, теперь же Зайд безрассудно выстроил свои боевые порядки в пустынной долине Му'та. Тогда эллины защищали родину, а сейчас мусульмане сражались на чужой территории, имея перед собой не совсем ясную цель – примерно наказать гассаниотов. В итоге, с одной стороны – мотивированный героизм, с другой – неоправданное самопожертвование. Спартанцы все поголовно погибли, но добились желаемого: задержали вторжение в Грецию персидской армии. Мусульмане, лишившись трех командиров и незначительной части войска, потерпели фиаско и были вынуждены вернуться.

Когда известие о поражении мусульман в битве при Му'та и гибели трех командиров достигло Медины, город погрузился в траур. Мухаммад тяжело переживал смерть близких ему сподвижников, прежде всего Зайда и Джа'фара. Однако замысел нового более удачного похода на север не покидал его, и в 632 г., после возвращения из «прощального паломничества», Пророк «велел людям собираться в экспедицию в Сирию. Главным над ними назначил Усаму – сына Зайда ибн Харисы... велев ему достичь на конях... территории Палестины»¹. При этом Мухаммад дал Усаме такой наказ: «Отправляйся туда, где был убит твой отец... и поведи на них (врагов) конницу»². «Люди подготовились. Вместе с Усамой в состав войска входили также и первые мухаджисы»³.

Назначение неопытного и молодого Усамы (по разным источникам, ему было от 17 до 20 лет) командующим вызвало недовольство у многих сподвижников Пророка: «Назначил начальником над почтенными мухаджисами и ансарами юношу, молодого человека», – ворчали они⁴. И тогда, уже чувствовавший сильное недомогание Мухаммад собрал людей в мечети и призвал всех осуществить поход под предводительством Усамы. «Клянусь жизнью, – сказал он, – высказываясь о назначении Усамы начальником, вы говорите то же самое, что говорили прежде по поводу назначения начальником войска его отца. Он заслуживает быть начальником, как и его отец»⁵. В итоге войско было полностью укомплектовано, стало лагерем в 2–3 км к северу от Медины, но в путь не пустилось ввиду ухудшения самочувствия

¹ И.Х. С. 440.

² Шауки. С. 247.

³ И.Х. С. 461.

⁴ Там же. С. 463.

⁵ Там же.

Мухаммада. Уже после смерти Пророка первый праведный халиф Абу Бакр, исполняя волю покойного, направил отряд Усамы по намеченному маршруту. Мусульмане достигли Ма'ана, но вынуждены были прервать поход и вернуться, так как среди аравийских племен развернулось массовое отступление от ислама (*ридда*). Месть за гибель Зайда ибн Харисы, Джакара ибн Аби Талиба и 'Абдаллаха ибн Равахи так и не состоялась.

Ал-Касим

Ал-Касим – исторически достоверно существовавший старший сын Мухаммада и Хадиджи бинт Хувайлид.

Подавляющее большинство источников, начиная с *Суры Ибн Исхака* / Ибн Хишама¹ называет ал-Касима первым ребенком в семье Мухаммада, родившимся в конце 590-х годов. (Указывается даже точная дата – 598 г.²) Согласно утверждению ряда авторов, ал-Касим «родился до возникновения ислама, а умер после этого...»³. Можно попытаться определить, когда это могло случиться.

Как известно, первые откровения были ниспосланы Мухаммаду в 610 г., а мальчик умер либо «едва начав ходить»⁴, либо в возрасте двух лет⁵. Отсюда следует, что, по данной версии, ал-Касим родился около 609–610 гг. Слабость позиций авторов, придерживающихся этой точки зрения, в том, что они опираются на мнение только одного источника – аз-Зубайра ибн ал-'Аввама, племянника Хадиджи⁶. Нелишним будет также заметить, что к этому времени, если придерживаться мусульманской традиции, первой жене Пророка было уже около 55 лет.

Возможно, перенос года смерти ал-Касима на время, связанное с «возникновением ислама», обусловлен ниспосланием 108 *сур* Корана

¹ И.Х., С 52.

² Гудратов. С. 368.

³ Абу 'Ильм. С. 56; Ислах. С. 52.

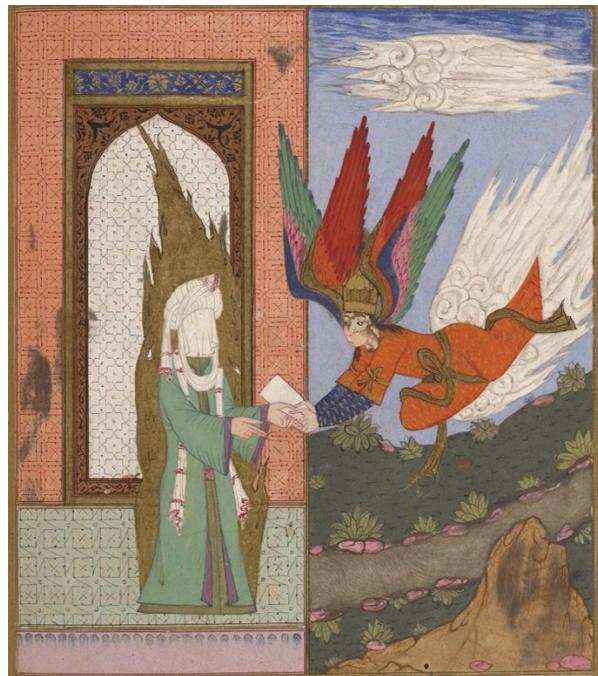
⁴ Большаков, 1989. С. 66; Абу 'Ильм. С. 55.

⁵ Наср. С. 8; Ньюби. С. 146; Фатима. С. 12; Эриш. С. 11.

⁶ Абу 'Ильм. С. 56.

«ал-Каусар». В ней содержатся слова поддержки Всеышним Мухаммада в ответ на заявление одного из видных курайшитов-язычников, что со временем никто не вспомнит имени Пророка, потерявшего всех своих сыновей-наследников:

«Мы даровали тебе изобилие (бесчисленные блага, в том числе реку в Раю, которая называется ал-Каусар), посему совершай намаз ради своего Господа и закалывай жертву. Воистину, твой ненавистник сам окажется бездетным» (108:1–3)¹.

Джабраил вручает Пророку текст Писания

Под «ненавистником» здесь чаще всего подразумевается ал-‘Ас ибн Ва’ил из курайшитского рода Сахм². Этому злайшему врагу первых мусульман приписывают такие слова: «Сыновья Мухаммада умерли, и род его пресекся и больше продолжаться не будет»³. В связи с этим он дал Мухаммаду прозвище «Абтар» («Куцый», т.е. «Человек без потомства»). Однако следует признать, что ал-‘Ас вполне мог съязвить по поводу от-

¹Коран, перевод Кулиева.

²Коран, перевод Крачковского. С. 654; Сийти, 2005. С. 190.

³ Цит. по: Фатима. С. 29.

существия у Пророка сыновей не после кончины ал-Касима, а в связи с тем, что после его смерти у Мухаммада рождались одни дочери.

Известно, что Мухаммад был очень рад появлению сына-первенца и всегда с гордостью носил *кунйу* Абу-л-Касим. В ас-Сахих ал-Бухари помещен рассказ от Джабира ибн ‘Абдаллаха ал-Ансари: «Когда у одного человека из нас родился мальчик, и он назвал его ал-Касим, *ансары* сказали: “Мы не будем называть тебя «Абу-л-Касим» и не будем доставлять тебе (этим) удовольствие и радость!” Тогда (этот человек) пришел к Пророку и сказал: “О Посланник Аллаха, у меня родился мальчик, и я назвал его ал-Касим, а *ансары* сказали: «Мы не станем называть тебя «Абу-л-Касим» и не будем доставлять тебе (этим) удовольствие и радость!”» (На это) Пророк сказал: “*Ансары* поступили правильно. Можете называть (детей) моим именем, но не пользуйтесь моей *куньей*, ибо только я являюсь «Касимом» (т.е. «Распределяющим» среди людей блага или наказания Всевышнего. – *A. A.*)”»¹.

Следует отметить, что это предписание Мухаммада с самого начала соблюдалось наполовину. Имя Пророка и *кунйу* Абу-л-Касим, в частности, носили: двоюродный брат первого омейядского халифа Mu‘авии ибн Аби Суфьяна, Мухаммад ибн Аби Хузайфа (ок. 615–657), сыновья первого и четвертого праведных халифов, Мухаммад ибн Аби Бакр (632–658) и Мухаммад ибн ‘Али (Ибн ал-Ханафийа, 637–700/01). Более того, *кунйу* Пророка стали использовать в качестве личного имени – Абулькасим, что фиксируется в некоторых словарях мусульманских имен².

‘Абдаллах

Сына Мухаммада и Хадиджи бинт Хувайлид по имени ‘Абдаллах в *Сире* Ибн Исхака / Ибн Хишама не значится³. Не упоминал о нем и Ибн ал-‘Аббас⁴. Тем не менее, согласно мнению большинства историков и

¹ Бухари. С. 498–499.

² См., например: Гафуров. С. 119.

³ См.: И.Х. С. 52.

⁴ См.: Абу ‘Ильм. С. 227.

биографов Пророка, ‘Абдаллах существовал и был, скорее всего, последним ребенком, рожденным в этом браке.

Год появления на свет ‘Абдаллаха и его скорой, через несколько месяцев, смерти точно не известен. Одни авторы считают, что ‘Абдаллах родился и умер во времена джихадийи, другие полагают, что он жил уже после появления ислама¹. Разрешить этот спор в пользу сторонников второго варианта путем ссылки на значение имени ‘Абдаллах – «раб ‘Аллаха» – не представляется возможным, так как в пантеоне язычников имелся божок ал-Лах, в качестве «рабов» которого арабы именовали своих сыновей еще задолго до появления ислама. Вместе с тем не исключено, что при рождении мальчик получил языческое имя ‘Абд Манаф (возможно, в честь Абу Талиба), измененное в биографиях Пророка на ‘Абдаллах.

Это не единственная проблема, связанная с существованием второго сына Мухаммада. Другая вызвана приписыванием к числу детей Пророка других сыновей. В *Сире* читаем: «Иbn Исхак сказал: “Она (Хадиджа. – A. A.) родила Посланнику Аллаха всех его детей, кроме Ибрахима: ал-Касим… ат-Тахир, ат-Тайиб… (Иbn Хишам сказал: самый старший его сын – это ал-Касим, потом ат-Тайиб, потом ат-Тахир…). Ал-Касим, ат-Тайиб и ат-Тахир умерли до пришествия ислама”»².

Вопрос о том, были ли у Пророка сыновья, носившие имена-прозвища (*лакаб*) «ат-Тахир» («Чистый», «Незапятнанный», «Безгрешный») и / или «ат-Тайиб» («Благодетельный», «Добрый»), дискутируется до сих пор. К этим именам-прозвищам иногда добавляют производные от них синонимичные *лакабы* «Мутаххар» и «Мутайиб». Часто можно встретить утверждение, что у Пророка не было сыновей ат-Тахир и / или ат-Тайиб, так как эти имена являются прозвищами ‘Абдаллаха³. Объяснение этому дается такое: ‘Абдаллах родился после начала пророческой миссии Мухаммада и поэтому получил столь возвышенные прозвища⁴. Эта версия, на первый взгляд, базируется на мнении авторов *Сиры*: имя мальчика подзабылось, и в памяти сохранились только его прозвища. Всё было бы так, да только уточнение в тексте Ибн Исхака, сделанное Ибн Хишамом, ясно дает понять, что речь ведется о двух разных мальчиках. Высказывалось также предположение, что «‘Абдаллах» и «Ат-Тайиб» – это прозвища первого сына Пророка, ал-Касима⁵.

Достоинства и недостатки можно найти в каждом из приведенных вариантов. Очевидно, что все дети рождаются чистыми и безгрешными, и поэтому легко себе представить ситуацию, при которой *лакаб* «ат-Тахир» получил мальчик с именем ‘Абдаллах. Кроме того, у арабов встречалось

¹ Подробнее см.: Абу ‘Ильм. С. 53–56.

² И.Х. С. 52; И.Н. Р. 83, 711; см. также: Ибн Касир. С. 400; Tab., vol. VI, I. Р. 1128, 48.

³ Уотт, 2006. С. 61; Хайламаз. С. 51; EI, vol. IV. Р. 898.

⁴ См.: Абу ‘Ильм. С. 55–56.

⁵ См.: Хайламаз. С. 51.

личное имя (*исму ‘аламин*) ат-Тахир. Одним из наместников Пророка, к примеру, был ат-Тахир ибн Аби Хала¹, родившийся во времена *джихалийи*. Другими словами, получение такого имени-прозвища было возможно и до и после появления ислама.

Сложнее дело обстоит с именем – *лакабом* ат-Тайиб, так как Пророк не одобрял выбора претенциозных имен, и сложно вообразить картину, чтобы он мог назвать новорожденного мальчика «Благодетельным». Скорее всего для обозначения одного из сыновей Мухаммада этот *лакаб* появился уже после смерти Пророка. Проблема точной идентификации имен сыновей Мухаммада осложняется еще и тем, что сам Пророк среди прочих получил *лакабы* «ал-Касим», «‘Абдаллах», «ат-Тайиб» и «Мутаххар»².

Что мы получаем в итоге? Достоверные сведения о количестве и именах сыновей Мухаммада, рожденных в браке с Хадиджей бинт Хувайдид, получить практически невозможно. В условиях, когда отсутствуют безоговорочные подтверждения, любая из выдвигаемых авторами версий может быть отнесена к числу умозрительных.

То же самое можно сказать о последнем сыне Пророка – Ибрахиме, сведения о котором сохранились хотя более подробными, но достаточно противоречивыми.

Ибрахим

Все источники и авторы признают, что последним ребенком Мухаммада был сын, рожденный от невольницы Марии, дочери Симеона. Известие о беременности коптской красавицы было воспринято по-разному. Жены Пророка, прежде всего бездетные ‘А’иша и Хафса, а также их влиятельные отцы (Абу Бакр и ‘Умар) были удручены перспективой появления на свет прямого потомка Мухаммада от какой-то иноземки. Сам Пророк, похоронивший к тому времени почти всех своих детей, кроме Умм Кулсум и Фатимы, и потерявший, казалось, последнюю надежду на появление наследника, был нескованно рад полученной вести.

¹ Уотт, 2007. С. 136.

² Карнаки, 2000, см. форзац.

Сообщается, что долгожданную (в течение ок. 20 лет) новость о рождении сына принес Мухаммаду его вольноотпущенник Абу Рафи¹, чья жена Салма приняла роды¹. Мальчик получил от Пророка имя Ибрахим, а Мария обрела статус «матери сына» – *умм ал-валид*.

Наречение сына именем Ибрахим было беспрецедентным событием для арабов, как среди язычников, так и мусульман. В более поздние годы это имя получит широкое распространение в мусульманском мире, и его носители всегда будут причисляться к людям, исповедующим ислам. Однако во времена Пророка дать мальчику имя Ибрахим считалось неприемлемым, так как оно прочно ассоциировалось с почитателями Библии (*ахл ал-Китаб*, «люди Писания»), поскольку представляло собой арабоязычную передачу имени библейского пророка Авраама – родоначальника еврейского народа.

Мухаммад в своих проповедях неоднократно обращался к образу Авраама (Ибрахима) как праородителя арабов через сына Измаила (Исма‘ила) и первого человека, призвавшего людей к единобожию (*ханиф*): «**Ибрахим не был ни иудеем, ни христианином, а он был ханифом предавшимся и не был из многобожников**» (3:67)². Несмотря на то что Авраам (Ибрахим) был глубоко почитаем в Коране как пророк (только по имени он упомянут в Священном Писании мусульман 69 раз³), у Мухаммада не было политических причин нарекать его именем своего сына: после покорения Мекки Пророк обрел такое влияние, что уже не нуждался в укреплении союзнических отношений с «людьми Писания». Тем не менее Мухаммад пошел на этот шаг, давая понять, что в вопросах веры он солидарен с приверженцами единобожия, вне зависимости от их этнической принадлежности.

Время появления на свет сына Мухаммада и Марии обычно определяют периодом «после покорения мусульманами Мекки»⁴, т.е. 630 г. О.Г. Большаков указывает на более точную дату – апрель 630 г.⁵, но можно встретить и другие данные⁶.

По существовавшей традиции, Ибрахим был отдан кормилице. История донесла до нас ее имя – Умм Бурда бинт ал-Мунзир ибн Зайд⁷, жена кузнеца Абу Сайфа⁸, жившего недалеко от Медины в селении Авали⁹. Здесь мальчику суждено было прожить свою недолгую жизнь: через некоторое время он заболел и уже не смог оправиться от недуга.

¹ Ислах. С. 180.

² Коран, перевод Крачковского.

³ Ибрагим. С. 515.

⁴ Ислах. С. 180.

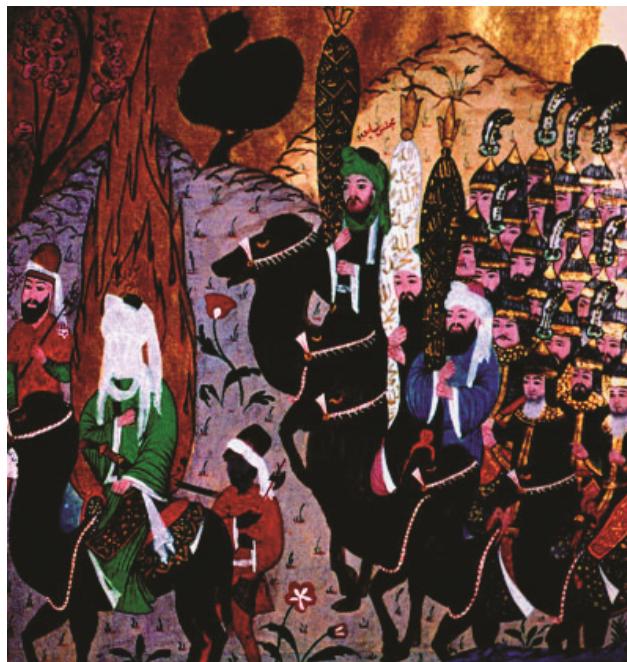
⁵ Большаков, 1989. С. 167.

⁶ См.: Абу ‘Ильм. С. 57; Смирнов. С. 416.

⁷ Миршарифи. С. 249.

⁸ ‘Абд ар-Рахман. С. 70; Бухари. С. 250.

⁹ Эриш. С. 107.

Поход мусульман на Мекку

Сведения о продолжительности жизни Ибрахима сохранились разные – от 10 до 18 месяцев¹. В соответствии с этим от предполагаемого дня рождения мусульманские авторы вычисляли и возможную дату его смерти. Однако существовало одно, с точностью до дня, указание на время кончины Ибрахима. Оно зафиксировано в хадисах, но воспользоваться этим сведением ранние биографы Мухаммада не могли по причине отсутствия у них достаточных знаний в области астрономии. Ал-Бухари в ас-Сахих приводит следующий рассказ со слов видного сподвижника Пророка ал-Мугиры ибн Шу‘бы ас-Сакафи: «В день смерти (малолетнего сына) Посланника Аллаха Ибрахима произошло солнечное затмение, и люди стали говорить: “Затмение началось из-за смерти Ибрахима”. (Услышав это,) Посланник Аллаха сказал: “Поистине, солнечные и лунные затмения не происходят ни из-за смерти, ни из-за жизни (т.е. рождения. – А. А.) кого бы то ни было (из людей), если же вы увидите (подобное), молитесь и вызывайте к Аллаху”»². Позднее ученые вычислили день, когда это случилось – 27 января 632 г.

¹ См.: ‘Абд ар-Рахман. С. 72; Абу ‘Ильм. С. 57; Ислах. С. 181; Смирнов. С. 416; Топбаш. С. 171; Фатима. С. 13.

² Бухари. С. 216; см. также: Муслим. С. 268.

Как говорят, Мухаммад, узнав о болезни Ибрахима, прибыл в Авали и успел застать сына живым. По преданию, мальчик умер на руках Пророка, который не смог сдержать своих чувств и заплакал¹. Ал-Бухари и Муслим поместили в свои сборники *хадис* от Анаса ибн Малика, который рассказывал, что он был свидетелем того, как присутствующий при этом близкий сподвижник Пророка «Абд ар-Рахман ибн ‘Ауф...» сказал: «И ты (плачешь), о Посланник Аллаха?» (На это Пророк) ответил: «О Ибн ‘Ауф, поистине, это – (проявление) сострадания!» – а затем он сказал: «Поистине глаза плачут, а сердце печалится, но мы говорим лишь то, что угодно нашему Господу! Поистине, мы опечалены разлукой с тобой, о Ибрахим!»². Выраженное в *хадисе* удивление ‘Абд ар-Рахмана ибн ‘Ауфа вызвано тем, что Мухаммад не одобрял бурного проявления чувств на похоронах и осуждал рыдания и причитания по усопшему³.

Ибрахим был похоронен на мединском кладбище ал-Баки‘ рядом с могилами своих сестер Зайнаб, Рукайи и Умм Кулсум. Его тело обмыл двоюродный брат Пророка ал-Фадл ибн ал-‘Аббас⁴. Мухаммад совершил *салат ал-джаназа*, лично опустил тело сына в могилу, засыпал ее землей и окропил водой⁵. «Говорят, что это была первая мусульманская могила, окропленная водою»⁶.

Со смертью Ибрахима некоторые авторы⁷ связывают ниспослание уже упоминавшейся 108 *сурь* «ал-Каусар». Это – ошибочная точка зрения, так как язычники⁸, подразумеваемые в этом месте Корана в язвительных насмешках по поводу отсутствия у Мухаммада сыновей-наследников, к тому времени уже умерли: в 622/23 г. – ал-‘Ас ибн Ва’ил, в 624 г. – Абу Джахл, ‘Укба ибн Аби Му‘айт, Абу Лахаб и Ка‘б ибн ал-Ашраф.

В завершение для любителей экзотических версий приведем иную историю смерти Ибрахима и его матери Марии Коптянки. Она представлена в работе Г. Эллерта «Мухаммед, Пророк Аллаха». Не ссылаясь на источник, из которого была почерпнута эта информация, автор пишет, что еще при жизни Пророка Мария однажды утром «исчезла со своим ребенком. Ее долго искали и нашли, наконец, далеко от города Медины, на краю пути, ведущего к Красному морю. Мария и Ибрахим были мертвы, и все, кто видел их, удивлялись, как она, слабая и больная, смогла дойти с ребенком на руках так далеко...»⁹. Вот такой трагический финал.

¹ Ислах. С. 181; Эриш. С. 108.

² Бухари. С. 250; Ан-Навави. С. 430.

³ См.: Бухари. Книга похорон. С. 241–264.

⁴ Ислах. С. 181.

⁵ Эриш. С. 108.

⁶ Ислах. С. 181.

⁷ См.: Коран, перевод Крачковского. С. 654.

⁸ См.: Суйути, 2005. С. 190.

⁹ Эллерт. С. 389.

Насколько правдив этот рассказ, идущий вразрез содержанию приведенных выше источников? Конечно, возможность описанного исхода полностью отрицать нельзя, но тому мешает одно обстоятельство. Доверие к тексту подрывает его концовка: «...Из всех, кто скорбел о ней (Марии), громче всех и неутешней плакала маленькая ‘А’иша»¹.

Дочери Мухаммада

Согласно большинству источников, у Мухаммада и Хадиджи бинт Хувайлид родились четыре дочери, и все они достигли зрелого возраста. Обычно очередность их появления на свет представлена так, как об этом писал Ибн Исхак: Зайнаб, Рукайя, Умм Кулсум, Фатима². Реже встречается вариант, которого придерживался Ибн Хишам, – Рукайя, Зайнаб, Умм Кулсум, Фатима³. Здесь многое зависит от того, чьему мнению, высказанному в *Cire* по этому поводу⁴, более поздние авторы отдают предпочтение.

Многие авторы-шииты сводили число дочерей Пророка до одной-единственной – Фатимы. Некоторые из них, например Абу-ламменл-Касим ‘Али ибн Ахмад ал-Куфи, утверждали, что Зайнаб и Рукайя были дочерьми сестры Хадиджи (Халы бинт Хувайлид) и причислялись к дочерям Мухаммада и Хадиджи по причине того, что воспитывались в их доме⁵. Бельгийский арабист, профессор Анри Ламменс (1862–1937), в нашумевшей книге «Фатима и дочери Магомета», изданной в 1912 г., солидаризировался с мнением, что число дочерей Мухаммада было завышено, однако при этом исходил из того, что в написанных столетия спустя биографиях Пророка это делалось для того, чтобы представить его отцом большого семейства⁶.

¹ Эллерт. С. 389.

² Абу ‘Ильм. С. 53; Большаков, 1989. С. 66; Гудратов. С. 264; Ислах. С. 52; Топбаш. С. 168; Хайламаз. С. 49, 50, 51; Шариати. С. 96–97; Эриш. С. 11; Tab., vol. VI, I. P. 48 [1128].

³ См.: Панова. С. 97; Уотт. С. 61.

⁴ И.Х. С. 52; И.Н. Р. 83, 711.

⁵ См.: Миршарифи. С. 22.

⁶ Lammens. P. 4–5.

Зайнаб

Дочь Мухаммада и Хадиджи бинт Хувайлид, Зайнаб, как представляется, была одной из самых ярких персон в семействе Пророка. Относительно времени ее рождения больших споров нет: чаще указывают на 600 г., «когда Мухаммаду было около 30 лет» или «приблизительно за 10 лет до начала пророческой миссии»¹. Некоторые авторы говорят о том, что Зайнаб была не только старшей дочерью, но и первым ребенком в семье Мухаммада, появившимся на свет через год после заключения брака². Приписанные при этом дочери Мухаммада «лишние» годы жизни должны, видимо, свидетельствовать о том, что в семье будущего Пророка первый ребенок не мог родиться через пять лет после свадьбы.

О детских годах жизни Зайнаб ничего не известно. Данное ей при рождении имя, означающее «Полная» или «Дородная», позволяет предполагать, что она была здоровой крепкой девочкой. Когда Зайнаб повзрослела, свояченица Мухаммада, сестра Хадиджи Хала бинт Хувайлид, попросила руки их дочери для своего сына³. Точных сведений о его личном имени не сохранилось, но есть варианты: Лакит, ал-Касим, Хашим, Зубайан⁴, и в истории он стал известен как Абу-л-‘Ас. Утверждается, что этот брачный союз был заключен еще до того, как Мухаммаду «явились первое откровение»⁵, т.е. до 610 г. К тому времени девяти-десятилетняя Зайнаб еще не достигла периода полового созревания, и свадьба состоялась после начала регуля невесты⁶. В подарок чета получила от Хадиджи дом, в котором она жила до брака с Мухаммадом⁷, и ожерелье, изготовленное из дофарского оникса⁸.

Абу-л-‘Ас был сыном ар-Раби‘ ибн ‘Абд ал-‘Уззы и по отцовской линии принадлежал к курайшитскому роду ‘Абд Шамс. Судя по всему, он был старше Зайнаб, так как уже в те годы занимался торговыми делами и

¹ Али-заде. С. 113; Гудратов. С. 368; Дочери. С. 5; Топбаш. С. 170; Фатима. С. 11.

² См.: Дочери. С. 5; Ислах. С. 52; 62, 65.

³ И.Н. Р. 314.

⁴ Дочери. С. 5.

⁵ Там же. С. 6.

⁶ Lings. Р. 40.

⁷ Хайламаз. С. 19.

⁸ Ислах. С. 62.

слыл преуспевающим человеком¹. Был ли его брак с дочерью Пророка первым, остается под вопросом. Смущает именование его по сыну-первенцу (Абу-л-'Ас, т.е. «отец ал-'Аса») – общего с Зайнаб сына с таким именем у первого зятя Пророка не было. Вместе с тем вполне возможно, что «Абу-л-'Ас» было не *куньей*, а прозвищем, означавшим «Обладающий неуступчивым характером».

Начало публичных проповедей Мухаммада (613 или 614 г.) поставило Абу-л-'Аса перед выбором: либо влиться в число сподвижников Пророка, либо остаться верным религии предков.

Проповедь Мухаммада

В результате он решил остаться язычником, как и большинство членов рода 'Абд Шамс, к которому он принадлежал. Абу-л-'Ас «не хотел, чтобы люди судачили о нем, как о предавшем всех в угоду жене»².

¹ И.Х. С. 228; И.Н. Р. 313.

² Дочери. С. 7.

А что же сама Зайнаб? В *Сире Ибн Исхака / Ибн Хишама и Та'рих ат-Табари* говорится, что она, 13-летняя, приняла ислам и «...жила с мужем, будучи мусульманкой, а он с ней – будучи язычником...»¹. На первых порах зарождения ислама такое положение еще было возможным, так как Мухаммад «не занимал в Мекке положения, позволяющего ему принимать решения: разрешить или запретить, был лишен самостоятельности»². Вместе с тем в вопросе принятия Зайнаб ислама авторитетные ученые несколько забежали вперед. Мухаммад в описываемый период только начал проповедовать устои новой религии, и Зайнаб могла лишь уверовать в пророческую миссию отца. В других семьях это во многом смягчало напряженность в отношениях между супругами, вот только Абу-л-'Аса и Зайнаб эти проблемы обошли стороной.

На этих страницах много говорилось о взаимной привязанности различных мужей и жен, но здесь как раз тот случай, когда можно говорить о любви. Расстроить брак Абу-л-'Аса и Зайнаб пытались с двух сторон. Мухаммад, видимо, провел соответствующую беседу с дочерью, но не смог убедить ее расстаться с мужем³. В свою очередь, и курайшиты-язычники советовали Абу-л-'Асу развестись с Зайнаб, предлагая взамен любую девушку, какую он захочет. Тот ответил: «Ни в коем случае... не разведусь со своей женой! Я не хочу вместо своей жены другую женщину из курайшиток!»⁴. Пророк не мог не оценить добродорядочности Абу-л-'Аса и в дальнейшем всегда с пониманием относился к нуждам своего первого зятя. Забегая вперед, скажем, что, когда через 10 лет супруги на время оказались в разводе, Зайнаб ответила отказом 'Умару ибн ал-Хаттабу, намеревавшемуся жениться на ней⁵.

Потекла размеренная семейная жизнь: Абу-л-'Ас погрузился в торговые дела, Зайнаб занималась домашним хозяйством. В доме появились дети – сын 'Али и дочь Умама, ставшая любимицей Мухаммада.

Имеются сообщения о том, что в период гонений на мусульман со стороны мекканцев-язычников «Зайнаб, как и остальным членам семьи Пророка, пришлось пережить жестокое обращение, общественную и экономическую изоляцию. И все они достойно переносили тяготы, лишения и даже голод»⁶. В отношении Зайнаб сказанное представляется явным преувеличением: Абу-л-'Ас был весьма знатен и достаточно богат для того, чтобы его семья оказалась в бедственном положении в годы бойкота мусульман. К событиям, омрачившим жизнь Зайнаб, можно отнести раннюю смерть сына, а также матери Хадиджи в 619 г.

¹ И.Х. С. 229; И.Н. Р. 314; Tab., vol. VII, I. Р. 73 [1346].

² И.Х. С. 228–229; И.Н. Р. 314; Tab., vol VII, I. Р. 74 [1347].

³ И.Х. С. 229.

⁴ И.Х. С. 228; И.Н. Р. 314; Tab., vol. VII, I. Р. 73 [1346–1347].

⁵ Ислах. С. 63.

⁶ Дочери. С. 8.

Дать иные подробности жизни Абу-л-‘Аса и Зайнаб в эти годы не представляется возможным, так как они не нашли достаточного отражения в исторической литературе. Однако их имена вновь всплывают в источниках в связи с *хиджрой* мусульман в Йасриб (Медину) в 622 г. Историк и географ Ахмад ал-Йа‘куби (IX в.), со ссылкой на ат-Табари, с некоторым осуждением писал о первой дочери Пророка: «Зайнаб предпочла остаться со своим мужем, а не переселяться в Медину вместе с отцом»¹. В качестве причины, не позволившей Зайнаб совершить *хиджру*, указывалось также то, что она в это время находилась в ат-Та’ифе и ничего не знала о переселении мусульман². Эти попытки осудить или оправдать решение Зайнаб представляются беспочвенными, так как в Мекке после отъезда Мухаммада продолжали оставаться члены его семьи, включая жену Сауду и дочерей Умм Кулсум и Фатиму.

Главные события, затронувшие совместную жизнь Абу-л-‘Аса и Зайнаб, развернулись в марте 624 г., когда глава семейства оказался в рядах войска курайшитов, принял участие в битве при Бадре и среди других язычников оказался в плена у мусульман и их союзников. Мухаммад решил отпустить пленных за выкуп и определил его в размере 4 тыс. дирхемов (стоимость 80 взрослых верблюдов)³. Со слов ‘А’иши известно, что Зайнаб передала в Медину требуемую сумму, присовокупив к ней ожерелье, подаренное Хадиджей ей на свадьбу⁴. Расстроганный Пророк собрал сподвижников и сказал, имея в виду Зайнаб: «Если считете нужным отпустить ее пленника на свободу и вернуть ей ее вещи, то сделайте!»⁵. В итоге Абу-л-‘Ас получил свободу, а Зайнаб получила назад средства, высланные ею в качестве выкупа.

Перед отбытием Абу-л-‘Ас обещал Мухаммаду не препятствовать переезду Зайнаб в Медину из Мекки⁶. Встретившись с женой, он сообщил ей о достигнутой договоренности, и та стала собираться в дорогу. Сопровождать Зайнаб вызвался Кинана ибн ар-Раби‘, брат Абу-л-‘Аса, который в условленном месте должен был передать ее в руки Зайда ибн Харисы, специально посланного Пророком из Медины. Однако эти планы стали известны мекканцам, и вдогонку за верблюдом, на котором сидела Зайнаб, бросилось несколько язычников. В местечке Зу Тува один из преследователей, Хаббар ибн ал-Асвад (троюродный брат и Абу-л-‘Аса, и Зайнаб), догнал беглецов. По рассказу Ибн Исхака в *Сире*, он «стал потрясать перед сидевшей на паланкине Зайнаб копьем. Утверждают, что она была

¹ Цит. по: Абу ‘Ильм. С. 63.

² EI, vol. XI. P. 485.

³ Большаков, 1989. С. 108.

⁴ И.Х. С. 229; И.Н. Р. 314; Tab., vol. VII, I. Р. 74 [1347–1348].

⁵ И.Х. С. 229; И.Н. Р. 314.

⁶ Там же.

беременна. Она испугалась, и у нее случился выкидыш¹. После случившегося Кинана вместе с Зайнаб вернулись в Мекку, и лишь через несколько дней, когда страсти улеглись, он смог передать ее Зайду ибн Харисе.

Супруги оказались разлучены: Абу-л-‘Ас остался жить в Мекке, а Зайнаб – в Медине. Мухаммад посчитал это достаточным основанием для того, чтобы развести дочь с ее мужем-язычником. По рассказу Абу Хурайры, который приводит в *Сире* Ибн Исхак, Пророк послал специальный отряд, чтобы схватить и казнить Хаббара². Но был ли исполнен этот приказ, не сообщается.

Через три года, осенью 627 г., Зайнаб в очередной раз пришлось выручать из беды Абу-л-‘Аса. Когда он с богатым караваном возвращался с товарами и большой выручкой мекканцев из торговой поездки в Сирию, его встретил отряд во главе с Зайдом ибн Харисой. Мусульмане захватили добывчу, а сам Абу-л-‘Ас либо спасся бегством³, либо попал в плен⁴. Так или иначе, ему удалось встретиться с Зайнаб и попросить у нее покровительства (*джисвар*). Дочь Пророка не могла отказать человеку, которого по-прежнему любила. В результате «Абу-л-‘Ас получил свободу, и Мухаммад уговорил всех участников похода вернуть ему захваченное»⁵. Прибыв в Мекку, Абу-л-‘Ас вернул в целости и сохранности доверенное ему имущество и через некоторое время объявил, что принимает ислам. После этого он приехал в Медину (май-июнь 628 г.), «и Мухаммад восстановил его брак с Зайнаб»⁶.

Счастье в воссоединившейся семье продолжалось недолго: в 629 г. Зайнаб умерла⁷. Высказывалось мнение, что она так и не оправилась от травм, полученных после выкидыша ребенка пять лет назад⁸. Может быть и так, однако есть основания полагать, что Зайнаб после прибытия в Медину в 624 г. продолжала оставаться способной к деторождению, так как родила сына ‘Абдаллаха.

Сообщается, что после омывания тело усопшей было завернуто в принесенный Пророком собственный *изар*⁹. Зайнаб была похоронена на кладбище ал-Баки‘.

¹ И.Х. С. 229–230; И.Н. Р. 315; см. также: Tab., vol. VII, I. Р. 75–76 [1349].

² И.Х. С. 230; И.Н. Р. 316.

³ И.Х. С. 230; И.Н. Р. 316; Tab., vol. VII, I. Р. 76–77 [1350].

⁴ Большаков, 1989. С. 141.

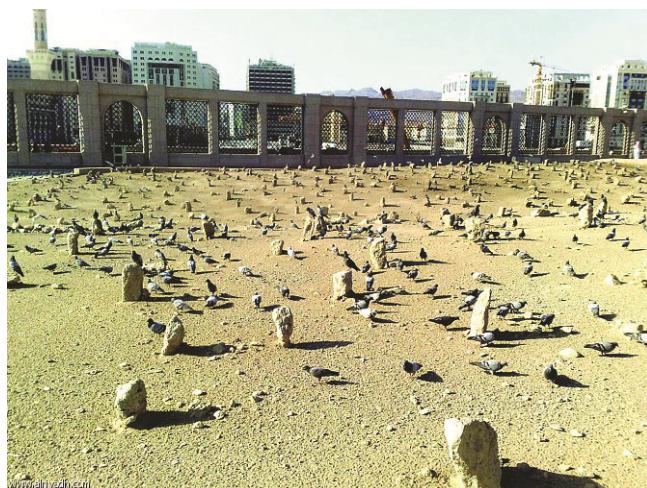
⁵ Там же.

⁶ Большаков, 1989. С. 141; см. также: И.Х. С. 231; И.Н. Р. 316; Tab., vol. VII, I. Р. 77–78 [1351].

⁷ Ислах. С. 65.; Хайламаз. С. 88; EI, vol. XI. Р. 485.

⁸ Дочери. С. 13.

⁹ Бухари. С. 243, 606; см. также: Муслим. С. 274.

Современная Медина. Кладбище ал-Баки‘

Она считается первой мусульманкой, погребенной в гробу, после чего это стало разрешенным в исламе.

Спустя пять лет после смерти жены, в 634 г., умер Абу-л-‘Ас.

Рукайя

Рукайя была второй дочерью Мухаммада и Хадиджи бинт Хувайлид. Некоторые авторы считают, что по счету она была первой¹, но это маловероятно². Ее имя является уменьшительно-ласкательной формой от Рукийя («Талисман», «Оберег»). Относительно года рождения Рукаийи существуют расхождения. По разным данным, она появилась на свет либо ок. 597 г.³, либо

¹ См.: Панова. С. 97; Уотт. С. 61.

² EI, vol. VIII. P. 595.

³ Ислах. С. 65.

«когда ее отцу было ок. 33 лет»¹, т.е. в 603 г., либо «за семь или 10 лет до того, как Пророк получил свое первое откровение»², т.е. в 600, или 603/04 г. Очевидно, что представленный разнобой в датах вызван тем, какой по счету дочерью Мухаммада, первой или второй, считает Рукайя каждый из авторов.

Со временем Рукайя стала красивой девушкой и приглянулась двоюродному брату Мухаммада ‘Утбе, сыну ‘Абд ал-‘Уззы ибн ‘Абд ал-Мутталиба, одного из самых влиятельных представителей рода Хашим. Никах состоялся незадолго до публичного призыва Пророка к исповеданию новой веры в 613 или 614 г. Получив откровение **«И увещевай твою ближайшую родню»** (26:214)³, Мухаммад собрал родственников у холма ас-Сафа и объявил, что он «является Посланником Аллаха и призывает всех поклоняться единому Богу»⁴. В ответ на это свекор Рукайи, ‘Абд ал-‘Узза, получивший от мусульман прозвище Абу Лахаб («Отец пламени», т.е. «Тот, кому уготован ад»), сказал: «Только ради этого ты нас созвал? Чтоб ты пропал!» – и вместе с другими курайшитами покинул собрание⁵. Пророк не остался в долгу и произнес слова, вошедшие в Коран: **«Пусть пропадут обе руки Абу Лахаба, а сам он пропал!»** (111:1)⁶.

Словесной перепалкой дело не ограничилось. Абу Лахаб оказался в стане злейших врагов Мухаммада и первых мусульман. В этих условиях поддержание родственных отношений между семьями было уже невозможным. Проявив инициативу, Абу Лахаб (как говорят, по наущению своей жены Умм Джамил бинт Харб) расторг брачный договор между ‘Утбой и Рукайей. В ответ Мухаммад предрек судьбу, которая ожидает его свата и сватью в загробной жизни: **«Он попадет в пламенный Огонь (в ад). – А. А.). Жена его будет носить дрова, а на шее у нее будет плетеная веревка из пальмовых волокон»** (111:3–5)⁷. Сбылось ли это предсказание, мы не знаем. Известно только, что в «этой» жизни Абу Лахаб в 619 г. стал главой рода Хашим и умер (возможно, от проказы), получив известие о поражении мекканцев-язычников при Бадре (624), а его жена до самой смерти носила прозвище «Хаммала» («Носильщица дров» в аду).

Несколько любопытных подробностей развода Рукайи содержится в *Сире* Ибн Исхака / Ибн Хишама. В ней говорится, что видные курайшиты-язычники «пришли к ‘Утбе ибн Аби Лахабу и сказали: “Разведись с дочерью Мухаммада! Мы женим тебя на любой курайшитке, которую захочешь!” Он ответил: “Если жените меня на дочери Абана ибн Са‘ида ибн ал-‘Аса или дочери Са‘ида ибн ал-‘Аса, тогда разведусь с ней”. Его женили на дочери

¹ Али-заде. С. 281.

² Дочери. С. 21.

³ Коран, перевод Крачковского.

⁴ Большаков, 1989. С. 77.

⁵ Там же. С. 77, 239.

⁶ Коран, перевод Крачковского.

⁷ Коран, перевод Кулиева.

Са‘ида ибн ал-‘Аса, и он развелся с Рукайей». При этом сообщается, что Рукайя осталась девственной, так как ‘Утба «не успел войти в нее»¹. От себя добавим, что обе названные ‘Утбой персоны являлись знатными представителями рода ‘Абд Шамс, а имена девушек, на которых он был не прочь жениться, не сохранились.

Весть о разводе Рукайи дошла до слывшего ловеласом ‘Усмана ибн ‘Аффана², знатного преуспевающего торговца из курайшитского рода ‘Абд Шамс. Он «отправился к своей тетке Су‘да бинт Курайз и поведал ей, что хотел бы взять в жены дочь пророка Мухаммада»³. В то время ‘Усман, которому было, по разным данным, от 34 до 40 лет, еще оставался язычником, и Су‘да сказала племяннику, что это может послужить препятствием к браку с его избранницей и посоветовала ему принять ислам. В итоге ‘Усман вошел в круг сподвижников Пророка и получил от него согласие жениться на Рукайе. Ради такого случая он развелся с Асмой (Умм Хаким), дочерью Абу Джахла, на которой женился во времена *джихади*, оставив ее с малолетним сыном ал-Мугирой на руках. Любопытно, что на этом разводе настояли отцы обеих девушек: язычник Абу Джахл не желал иметь зятем мусульманина, а Пророк не хотел, чтобы его дочь вошла в семью ‘Усмана на правах младшей жены⁴.

Этот брак случился весьма кстати: состоятельный ‘Усман начал оказывать материальную поддержку мусульманской общине, попавшей в тяжелое положение из-за начавшихся враждебных действий со стороны язычников. От притеснений необеспеченную часть сподвижников это спасти не могло, и, когда Мухаммад «понял, что не в состоянии уберечь их от этих мучений, он сказал: “Может быть, вы уйдете в земли Эфиопии: там такой царь, у которого никто не подвергается гонениям. Это земля правды. Будете там, пока Аллах не облегчит вашу участь”». Тогда некоторые мусульмане – сподвижники Посланника Аллаха ушли в землю Эфиопии, боясь искушения, убегая к Аллаху со своей религией. Это была первая *хиджра* в исламе⁵.

Поименный перечень первой группы мусульман, покинувших Мекку, известен и помещен, в частности, в *Сире Ибн Исхака / Ибн Хишама*. Среди десяти мужчин, четверо из которых были с женами⁶, в нем обнаруживаются имена ‘Усмана ибн ‘Аффана и его жены Рукайи, дочери Пророка. Это выглядит странно: ‘Усмана трудно было причислить к обездоленным людям, а Рукайя оказалась единственной представительницей рода Хашим, попавшей в список беженцев. Что стоит за этим? И почему именно Эфиопия была определена Мухаммадом как место, где мусульмане могли уберечься «от этих мучений»?

¹ И.Х. С. 228; I.H. P. 314 ; см. также: Tab., vol. VII, I. P. 73–74 [1346–1347].

² Madelung. P. 363.

³ Дочери. С. 26.

⁴ Madelung. P. 363.

⁵ И.Х. С. 96–97; I.H. P. 146.

⁶ Там же. С. 97; I.H. P. 146.

‘Усман ибн ‘Аффан

Сложилось так, что в свое время сыновья прпрадеда Мухаммада, ‘Абд Манафа ибн Кусайя, чтобы избежать конкуренции, заключили договоры с правителями соседних стран о ведении беспрепятственной торговли. При этом Хашим, прадед Мухаммада, стал развивать отношения с Сирией и Гассанидами, ал-Мутталиб – с Йеменом, Науфал – с Месопотамией, а ‘Абд Шамс (прапрадед ‘Усмана ибн ‘Аффана) – с Эфиопией. Это положение сохранялось и во времена Пророка.

Подыскивая место, где смогли бы найти приют мусульмане, Мухаммад мог остановить свой выбор на Сирии, где неоднократно бывал по торговым делам. Препятствием этому выступало одно немаловажное обстоятельство: в самом разгаре была четвертьвековая (604–630) война между Византией и Сасанидским Ираном, успех в которой тогда сопутствовал персам. В 611 г. они захватили всю Сирию, Финикию, Каппадокию и Палестину. Весной 614 г. после 20-дневной осады пал Иерусалим, Храм Гроба Господня был сожжен, а Древо Креста, на котором был распят Иисус Христос, было увезено в Иран. Это событие потрясло тогда весь христианский мир, и, несомненно, известие о нем докатилось и до Мекки. В ирано-византийском противостоянии симпатии мусульман (впрочем, как всех христиан и иудеев в Аравии) были, как мы помним, на стороне христиан-

монотеистов, воевавших против многобожников в лице зороастрийцев-огнепоклонников. В этих условиях Мухаммад не мог отправить оказавшихся в бедственном положении сподвижников в захваченную врагом Сирию. По аналогичным причинам для переселения не годились Месопотамия и Йемен: Междуречье Тигра и Евфрата было завоевано Ираном в 605 г., а Йемен и того ранее – в 599 г.

Рассматривать для еще не окрепших в вере сподвижников варианты убежища в районах Аравии, населенных арабами-язычниками и «людьми Писания», Мухаммад не стал, так что оставалась одна Эфиопия. И тут как нельзя вовремя в окружении Пророка появился ‘Усман ибн ‘Аффан, неоднократно бывавший в Аксуме по торговым делам.

Мухаммаду легко было сказать: «Уйдете в земли Эфиопии». Но как это можно было реализовать на практике? Беженцам предстояло одолеть маршрут Мекка – Джидда (или аш-Шу‘айба) – Красное море (ок. 500 км) – Муссава – Аксум. В те времена перемещение горстки людей на столь дальние расстояния, включая переправу морским путем, было небезопасным и накладным предприятием. В данном случае осуществить его мусульмане могли только в составе торгового каравана. Это могли быть торговцы из Аксума, возвращавшиеся домой, или сами мекканцы из рода ‘Абд Шамс. Тут и пригодились коммерческие связи ‘Усмана, способного не только обеспечить перевозку беженцев в Эфиопию, но и «спонсировать» этот переход. Это, как представляется, и послужило причиной появления ‘Усмана и его жены среди мусульман, совершивших первую хиджру в Аксумское государство.

Так ‘Усман и Рукаяйа оказались в Эфиопии, где пробыли около пяти лет. В эмиграции после нескольких неудачных беременностей¹ Рукаяйа родила мальчика, которого называли ‘Абдаллахом. Позже один из сыновей ‘Усмана также получил имя ‘Абдаллах, поэтому внук Мухаммада, появившийся на свет в Эфиопии, в источниках именуется как ‘Абдаллах ал-Акбар (‘Абдаллах старший)². Больше у Рукаяи детей не было.

Точное время возвращения на родину семьи ‘Усмана неизвестно. Обычно его помещают в период между годом смерти матери Рукаяи, Хадиджи (619), и хиджрой мусульман в Медину (622)³. Во всяком случае, сначала семейство прибыло в Мекку, а затем перебралось в Медину, где поселилось в доме *ансара* Ауса ибн Сабита, брата поэта Хассана ибн Сабита⁴.

Следует обратить внимание на интересный факт: после прибытия из эмиграции ‘Усман взял в жены Рамлу бинт Шайба ибн Раби‘а, дочь язычника, убитого позже дядей Пророка Хамзой в поединке перед битвой при Бадре. Это произошло при молчаливом согласии Пророка, всегда высту-

¹ Дочери. С. 29; EI, vol. VIII. P. 595.

² Madelung. P. 364.

³ Ислах. С. 65; EI, vol. VIII. P. 595.

⁴ Дочери. С. 31.

павшего против многоженства своих зятьев. Вместе с мужем Рамла совершила хиджру в Медину, где родила ему трех дочерей – Умм Абан, Умм ‘Амр и ‘А’ишу. Став халифом в 644 г., ‘Усман выдал замуж Умм Абан и ‘А’ишу за своих двоюродных братьев: Марвана и Харриса, сыновей ал-Хакама, а Умм ‘Амр – за Са’ида ибн ал-‘Аса.

Незадолго до того как Мухаммад отправился в поход на Бадр, Рукайя тяжело заболела (тифом¹ или корью²), и Пророк разрешил ‘Усману остаться рядом с прикованной к постели женой. Как иронизировал по этому поводу А. Ламменс, враги и сторонники ‘Усмана в полной мере использовали фигуру Рукайи: первые для того, чтобы обвинять зятя Пророка в его отсутствии в битве при Бадре, а вторые – чтобы оправдывать это отсутствие³.

И вот тогда, «когда высоко в небо взмыл победный клич мусульман у Бадра, эхом ему стал плач и стенания вокруг угасшей дочери Мухаммада»⁴. По рассказу Усамы ибн Зайда, его отец, Зайд ибн Хариса, прибыл с радостной вестью о победе при Бадре в тот момент, когда «мы как раз ровняли землю над могилой Рукайи»⁵. Здесь мы имеем достаточно редкий случай в истории раннего ислама, когда какое-то событие может быть определено с точностью до дня: Рукайя умерла 15 марта 624 г. первой из дочерей пророка Мухаммада.

Умм Кулсум

Умм Кулсум можно назвать самым загадочным членом семьи Пророка. И не потому, что о ней мало что известно.

Большинство авторов считают Умм Кулсум третьей по счету, после Зайнаб и Рукайи, дочерью Мухаммада и Хадиджи бинт Хувайлид, появившейся на свет где-то между 601 и 605 гг. При рождении она получила

¹ Абу ‘Ильм. С. 68.

² Ислах. С. 65.

³ Lammens. P. 5.

⁴ Дочери. С. 31.

⁵ Цит. по: Ислах. С. 66.

имя Умм Кулсум («Полнощекая» или «Скуластая»). Это, имеющее форму *куний*, имя не было редкостью: так звали, в частности, одну из сестер ‘А’иши, а также единоутробную сестру ‘Усмана ибн ‘Аффана.

Незадолго до первой открытой проповеди Мухаммада (613/614) Умм Кулсум была сосватана за двоюродного брата отца, ‘Утайбу ибн Аби Лахаба. Эта брачная церемония не переросла в совместную супружескую жизнь, так как после полного разрыва отношений между Пророком и Абу Лахабом Умм Кулсум получила развод, не достигнув половой зрелости¹.

После развода Умм Кулсум в течение «десяти лет или около того» оставалась одинокой девушкой². Никаких сведений о ее жизни в период между 614 и 624 гг. не сообщается, кроме, пожалуй, того, что она вместе с другими членами семьи Мухаммада весной 623 г. была привезена в Медину Зайдом ибн Харисой³.

Имя Умм Кулсум всплывает еще раз после битвы при Бадре, когда умерла ее сестра Рукайя, жена ‘Усмана ибн ‘Аффана. Рассказывают, что как-то Пророк встретил овдовевшего ‘Усмана и нашел его в подавленном состоянии. «О Посланник Аллаха, – сказал тот, – есть ли на свете человек несчастливее меня? Дочь Пророка умерла, да благословит Аллах ее душу, она была мне верной женой. Навечно оборвалась нить, связывающая меня с тобой». В ответ Мухаммад сделал бывшему зятю такое предложение: «Ты женишься на сестре твоей покойной жены, Умм Кулсум, за тот же свадебный дар и на тех же условиях, и Умм Кулсум будет с тобой также счастлива, как была счастлива ее сестра»⁴. Девушка выразила согласие выйти замуж за ‘Усмана, и тот во второй раз стал зятем Пророка, за что получил почетное прозвище Зу-н-нурайн («Обладатель двух светочек»).

Брак Умм Кулсум и ‘Усмана состоялся в августе – сентябре 624 г.⁵ и продолжался около шести лет. Он прервался со смертью бездетной дочери Пророка в ноябре – декабре 630 г.⁶

Еще при жизни Умм Кулсум и пророка Мухаммада ‘Усман взял в жены еще двух женщин – Фахиту бинт Газван из *бану* Мазин и дочь Халида ибн Усайда из курайшитского рода ‘Абд Шамс. Фахита родила ему сына ‘Абдаллаха ал-Асгара (младшего), названного в память об ‘Абдаллахе, сыне Рукайи, умершем в детстве. О дочери Халида сведений не сохранилось⁷.

Умм Кулсум была похоронена в Медине на кладбище ал-Баки‘. Анас ибн Малик вспоминал: «Когда мы присутствовали на похоронах дочери

¹ Дочери. С. 33; Ислах. С. 70.

² Ислах. С. 66.

³ Большаков, 1989. С. 111; Ислах. С. 78; Мубаракфури. С. 129.

⁴ См.: Дочери. С. 36.

⁵ Madelung. P. 365.

⁶ Али-заде. С. 327; Дочери. С. 41; Карнаки. С. 180; Мубаракфури. С. 152; EI, vol. X. P. 855; Madelung. P. 363.

⁷ Madelung. P. 366.

Посланника Аллаха, он сидел у края ее могилы, и я увидел, как из глаз его льются слезы. (Потом) он спросил: “Есть ли среди вас такие, кто не приблизился к женщине этой ночью?” Абу Талха ответил: “Я”. (Пророк) сказал: “Тогда спускайся”, и он опустил ее в могилу»¹.

Так выглядят сведения об Умм Кулсум, которые можно найти во многих биографических трудах. Однако некоторые авторы ставили под сомнение существование Умм Кулсум как исторического персонажа, ассоциируя ее личность с другой дочерью Мухаммада – Рукайей. И для такого заключения, надо сказать, имелись весьма серьезные основания. Попробуем суммировать приводимые при этом доводы.

1. Умм Кулсум появилась на свет примерно в то же время, что и Рукайя, возможно, с разницей в один год².

2. Рукайя родила ‘Усману в Эфиопии сына ‘Абдаллаха после нескольких неудачных беременностей. Не исключено, что одному из ее рано умерших детей (мальчику или девочке) было дано имя Кулсум, и Рукайя получила кунью Умм Кулсум. Из этого может следовать то, что везде, где в хрониках или хадисах говорится об Умм Кулсум, речь ведется о Рукайе.

3. Умм Кулсум вместе с Рукайей одновременно были сосватаны за сыновей Абу Лахаба. В *Сире* Ибн Исхака / Ибн Хишама персона ‘Утайбы отсутствует вообще, а имя ‘Утбы упоминается в странном контексте «...Пророк выдал замуж за ‘Утбу ибн Аби Лахаба Рукаййу или Умм Кулсум (выделено мной. – A. A.)»³. По замечанию А. Ламменса, это – единственное упоминание об Умм Кулсум в наиболее ранней редакции *Сиры*, дошедшей до нас⁴. Характерно, что ат-Табари, опираясь при составлении *Ta’rīh* на более широкий круг источников, чем авторы *Сиры*, привел те же слова при описании этого сюжета (в английском переводе: «...either Ruqayyah or Umm Kulthum»)⁵. Другими словами, признанные мусульманские авторы столетия назад оставались в неведении относительно персоны дочери Мухаммада, которая была сосватана за ‘Утбу.

4. Умм Кулсум и Рукайя одновременно получили развод. Обе они, по утверждению Ибн Са‘да в *Табакат* и Ибн Хаджара в *ал-Исада*, не вели в своих первых браках супружескую жизнь, оставшись девственными⁶.

5. Рукайя вышла замуж за ‘Усмана и вместе с ним эмигрировала в Эфиопию (615), где супруги пробыли до начала 620-х годов. На все это время имя Умм Кулсум исчезает из исторических хроник и появляется в них только после смерти Рукайи в «день Бадра» (624), когда она выходит замуж за ‘Усмана. (*Хиджра* Умм Кулсум в Медину в 623 г. вполне могла

¹ Бухари. С. 247, 617.

² См.: Уотт, 2006. С. 61.

³ И.Х. С. 228; И.Н. Р. 314.

⁴ Lammens. P. 4.

⁵ Tab., vol. VII, I. P. 73 [1346].

⁶ См.: Ислах. С. 70.

быть ей приписана позже.) Этот 10-летний пробел в биографии дочери Пророка вызывает вопросы. Чем она занималась все это время? Почему, находясь в полновозрелом возрасте и по праву старшей из незамужних дочерей Мухаммада, не была сосватана за того же ‘Али ибн Талиба или другого «подходящего» юношу? Ведь не все же мусульмане эмигрировали в Эфиопию? Нигде не сказано также, что она была болезненна, невзрачна, строптива или нелюбима Пророком.

6. Взывают сомнение факт существования ‘Утайбы, первого суженного Умм Кулсум. Несостоявшиеся зятья Пророка, сыновья Абу Лахаба, если их было двое, носили одно и то же имя: ‘Утайба – это уменьшительно-ласкательная форма от ‘Утба («Твердость»). Вполне возможно, что в детстве ‘Утбу по-домашнему именовали ‘Утайбой, и, повзрослев, он откликался на оба имени.

По преданию, ‘Утайба был проклят Пророком и некоторое время спустя в местечке аз-Зарка’ был растерзан львом, когда совершил торговую поездку в Сирию. Это происшествие известно со слов рано ослепшего басрийского *мухаддиса* Катады ибн Ди‘ама (680–736). Он рассказывал, что когда ‘Утайба вместе с отцом и другими караванщиками расположились на ночлег, к ним явился некий монах, который сказал: «Будьте осторожны! Эта местность полна диких зверей!» Встревоженный Абу Лахаб распорядился, чтобы ‘Утайба лег в центре, окруженный людьми и верблюдами.

Когда все уснули, в лагере появился лев. Он обнюхал лица спутников ‘Утайбы и, никого из них не тронув, остановил свой выбор именно на нем. По свидетельству очевидцев, в предсмертной агонии ‘Утайба будто бы вскрикнул: «Разве я не говорил, что Мухаммад – самый правдивый из всех!». Этот *хадис* был включен сирийским историком ‘Али ибн ал-Хасаном ад-Димашки, более известным как Ибн ‘Асакир (1105–1176), в сочинение «История Дамаска»¹.

Рассказ должен свидетельствовать о том, что ‘Утайба был историческим лицом. Однако Катада не был очевидцем трагической кончины проклятого Пророком ‘Утайбы, так как родился более чем через полвека после описываемого им события. К тому же и по содержанию, и по форме изложения его «свидетельство» носит явно легендарный, если не сказать «сказочный» характер. Единственный познавательный факт, который можно почерпнуть из сообщения Катады, состоит в том, что в те времена в Сирии еще водились львы.

Против точки зрения, что Умм Кулсум не существовало, выдвигается такой довод: после женитьбы на ней ‘Усман получил почетное именование Зу-н-нурайн. Это должно доказывать, что Умм Кулсум не является выдуманным персонажем. Опрровергнуть такое заключение попытался А. Ламменс.

¹ См.: Дочери. С. 34–35.

Во-первых, отмечал он, поэт Хассан ибн Сабит в своих многочисленных стихах, посвященных ‘Усману, ни разу не называет его Зу-н-нурайн. Это прозвище в отношении зятя Пророка не встречается ни в *Сире* Ибн Исхака / Ибн Хишама, ни в *Табакат* Ибн Са‘да. Также это прозвище не упоминается в работе известного арабо-мусульманского историка Абу-л-Хасана ‘Али ибн ал-Хусайна ал-Мас‘уди (893 или 896–956) *Мурудж аз-захаб ва ма‘адин ал-джсаухар* («Золотые копи и россыпи самоцветов»)¹. Во-вторых, подобного рода именования, писал Ламменс, были частым явлением в мусульманской истории – Зу-л-йадайн («Двирукий»), Зу-л-ваджхайн («Двуликий»).

Здесь, казалось бы, Ламменс должен был выбрать один из трех вариантов. Во-первых, ‘Усман вообще не носил прозвища Зу-н-нурайн. Во-вторых, обладание «двумя светочами» было приписано ‘Усману позже в связи с вымышленной женитьбой на двух дочерях Пророка. И в-третьих, найти другое объяснение тому, почему это прозвище за ‘Усманом все же закрепилось. Но он пошел другим путем, утверждая, что ‘Усмана могли назвать Зу-н-нурайном без всякого на то повода².

А. Ламменс прав в том отношении, что арабоязычные прозвища, начинающиеся на *Зу-* («Имеющий», «Обладатель»), нередко давались людям. В этот ряд мы от себя можем добавить таких коранических персонажей, как Зу-л-карнайн («Двурогий», 18:83–98) или Зу-н-нун («Проглоченный рыбой», 21:87–88). Под первым, скорее всего, подразумевается Александр Македонский либо за то, что достиг двух краев (буквально – рогов) Земли, либо потому, что носил шлем с рогами. Под вторым – Йунус, библейский Иона, пробывший «во чреве... кита три дня и три ночи» (Иона, 2:1)³. Прозвище Зу-л-йаминайн («Дважды праворукий») за умение одинаково хорошо владеть мечом обеими руками получил известный полководец Тахир ибн ал-Хусайн (? – 822), родоначальник династии и основатель государства Тахиридов (821–873). Приведенные примеры показывают, что Ламменс либо заблуждался, считая, что такого рода прозвища могли даваться ни с того ни с сего, либо сделал вид, что связи между носителем прозвища и значением последнего не существует.

Тем не менее наличие прозвища, закрепленное за ‘Усманом, нельзя полностью игнорировать как доказательство в пользу существования Умм Кулсум.

¹ Lammens. P. 4.

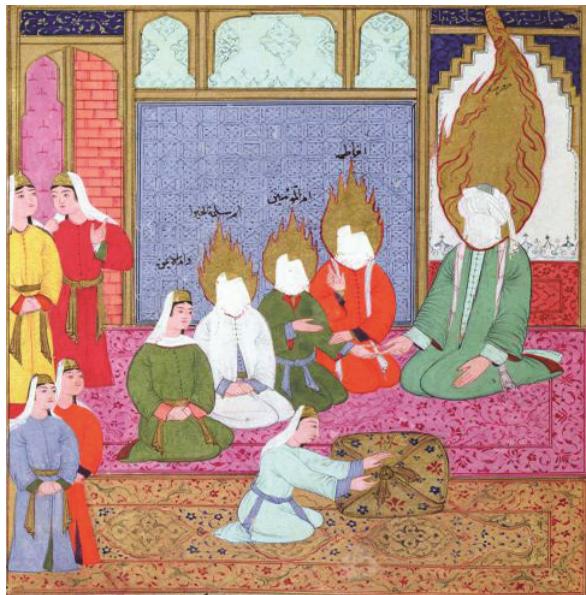
² Ibid.

³ Подр. см.: Суйти, 2005. С. 175–176, 263, 274.

Фатима

Ранняя смерть сыновей Мухаммада привела к тому, что вся слава продолжательницы рода Пророка досталась его младшей дочери Фатиме. Она стала самой известной и почитаемой женщиной в истории ислама, фигурой легендарной, образцом поведения «не только для каждой женщины-мусульманки, но и для каждого верующего человека в любую эпоху и в любом месте»¹. Она удостоилась множества почетных лакабов, из которых наиболее популярны девять: «аз-Захра» («Светолицая», «Блистающая»), «ал-Батул» («Целомудренная»), «ал-Мубарака» («Благословленная»), «аз-Закийя» («Непорочная»), «ас-Сиддика» («Праведная»), «ат-Тахира» («Незапятнанная»), «ар-Радийя» («Избранница»), «ал-Марзийя» («Приятная (Богу)»), «ал-Мухаддиса» («Красноречивая»).

Младшая дочь Пророка и члены семьи

¹ Абу 'Ильм. С. 6.

Фатиме посвящена огромная масса агиографических трудов мусульманских авторов, в которых переплетены мифы, предания и реальные события. Младшей дочери Мухаммада приписываются многочисленные чудеса, совершенные ею при жизни и после смерти. В мусульманском мире древний оберег в виде ладони получил название «рукка Фатимы».

Посмотрим на дочь Пророка как на личность историческую, а не легендарную, без прикрас, в которых она не нуждается.

Данные относительно года рождения Фатимы разнятся. Согласно одной группе источников, она появилась на свет в 610 г., когда Мухаммаду открылась его пророческая миссия. Об этом писали Ибн Хаджар в *ал-Исада*, Хаким в *Мустадрак*¹. По другим сведениям, пятью годами ранее – в 605 г., когда была перестроена ал-Ка‘ба. Так утверждали Ибн Са‘д в *Табакат*, ат-Табари и арабский историограф Абу-л-Хасан ал-Мада’ини (753 – между 830–849)².

Существуют сообщения, что Фатима родилась в 615 г. На это указывали Ибн Хишам³, ал-Мас’уди, ал-Йа’куби⁴. Назывались также 608 и 612 гг.⁵

Таким образом, в традиционных источниках наблюдаются явные разнотечения. И сегодня представители четырех крупнейших религиозно-правовых школ *мазхабов*: ханафиты, маликиты, ханбалиты и шафииты относят дату рождения Фатимы за пять лет до начала пророческой миссии, а джафариты-шииты – на пять лет после ее начала. Любопытно при этом, что число, день недели и месяц рождения Фатимы указываются более определенно – 20 *джумада I* (27 октября)⁶.

Казалось бы, какая разница, когда родилась Фатима, в 605 г. или на пять–десять лет позже? Ясно, что год рождения младшей дочери Мухаммада (прошедший незаметно для окружающих) исчислялся уже знакомым нам путем обратного отсчета. Но, как мы знаем, любая деталь в биографиях домочадцев Мухаммада имеет важное значение, тем более когда речь заходит о продолжательнице рода Пророка. Эти споры станут еще более яростными, когда будет подниматься вопрос о возрасте Фатимы на момент замужества. Разговор об этом нам еще предстоит.

Если принять за время рождения Фатимы самую раннюю из называемых дат – 605 г., – то ее матери, согласно мусульманской традиции, уже должно было исполниться 50 лет. При этом можно встретить утверждение, что Хадиджа всех своих дочерей отдавала кормилицам, «и только

¹ См.: Абу ‘Ильм. С. 75; Гудратов. С. 377; Дочери. С. 43.

² См.: Абу ‘Ильм. С. 75; Дочери. С. 43, 60; Ньюби. С. 270; Топбаш. С. 170; Хайламаз. С. 50; Шариати. С. 102.

³ См.: Абу ‘Ильм. С. 75; Миршарифи. С. 109.

⁴ См. Шариати. С. 103.

⁵ См.: Абу ‘Ильм. С. 198; Ирвинг. С. 119; Карнаки, 2011. С. 238; Фатима. С. 115, 117.

⁶ Абу ‘Ильм. С. 75; Фатима. С. 8.

Фатиму вскормила своим грудным молоком»¹. Вместе с тем бытует также рассказ, что после рождения дочери Хадиджа «попросила Умм Айман найти кормилицу для Фатимы. Умм Айман выполнила просьбу хозяйки»². Называется и имя кормилицы – Сауда бинт Зам‘а, ставшая позже второй женой Пророка³.

Здесь можно отметить один занятный факт: имя «Фатима» означает «отнятая от материнской груди»⁴. Это обстоятельство может, конечно, означать, что «Фатимой» дочь Мухаммада была названа поскольку у Хадиджи не было молока, и она была отдана кормилице. В то же время оно не обязательно должно указывать на наличие прямой причинно-следственной связи между вскармливанием дочери Пророка и ее наречением. Фатима родилась в Мекке, где обычай отдавать грудничков кормилицам был широко распространен, и за предположением, что она была вскормлена материнским молоком, не стоит ничего, кроме желания биографов подчеркнуть ее исключительность.

Потекли годы. В 619 г. умерла Хадиджа, и вскоре у Фатимы появилась первая мачеха – Сауда бинт Зам‘а, взявшая на себя заботы по ведению домашнего хозяйства. В 622 г. состоялось переселение (*хиджра*) мусульман в Йасриб (Медину). По прибытии в Медину Фатима поселилась в доме, где жили Мухаммад с Саудой. Позже она перебралась в помещение Умм Саламы, ставшей женой Пророка, и пребывала там до тех пор, пока не вышла замуж за ‘Али.

Когда Фатима подошла к возрасту невесты, к ней начали свататься асхабы, чтобы путем заключения брака добиться большей близости к Пророку, то есть «большего величия». Каждый из них спешил опередить другого в этом деле. Среди них были самые знатные и богатые. Но Пророк всякий раз находил причину отказать им⁵. Среди первых к ней посватался Абу Бакр, который был втрое старше нее и женат. Но он получил отказ от Мухаммада: «Абу Бакр, для своей дочери я жду особого знамения от Все-вышнего»⁶. По воспоминаниям ‘А’иши, Фатима с того времени отдалась от Абу Бакра и не затрагивала эту тему до самой своей смерти⁷.

Узнав об отказе Пророка Абу Бакру, к Фатиме решили посвататься ‘Умар и ‘Абд ар-Рахман ибн ‘Ауф, но Мухаммад удостоил их таким же ответом⁸.

Тогда руки любимой дочери Пророка попросил ‘Али.

¹ Абу ‘Ильм. С. 57.

² Дочери. С. 44.

³ Ирвинг. С. 84.

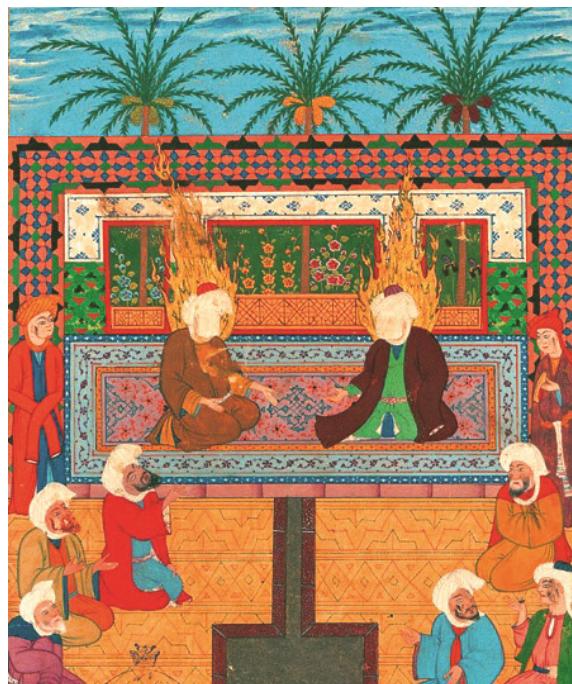
⁴ См., напр.: Гафуров. С. 200; Карнаки. С. 424.

⁵ Абу ‘Ильм. С. 178–179.

⁶ Фатима. С. 43.

⁷ Madelung. Р. 50–51.

⁸ Абу ‘Ильм, С. 180; Дочери. С. 50; Фатима. С. 44.

‘Али просит у Мухаммада руки Фатимы

По воспоминаниям Умм Саламы, это произошло в ее доме¹. По мнению исследователей, это скорее всего случилось «по прошествии пяти месяцев после переезда Пророка в Медину»², т.е. в феврале 623 г. Фатиме к этому времени исполнилось 18 лет. Столь поздний по тем временам возраст невесты до сих пор вызывает полемику среди ее биографов. С одной стороны, он, по предположению Анри Ламменса, свидетельствует об ее внешней непривлекательности³, хотя, по мнению шиитских авторов, в частности ‘Аббаса Махмуда Агада, она, как и все дети Пророка, была красивой⁴. Энциклопедия ислама ставит точку в этом споре, сообщая, что источники хранят молчание по поводу ее наружности и в то же время отмечают красоту ее сестры Рукайи⁵.

А. Ламменс также подчеркивает, что дочь Пророка не обладала достаточным влиянием и известностью. «К Фатиме, как в доме ее отца, так и среди соратников Пророка и других людей обращались как к обычной де-

¹ Абу ‘Ильм. С. 182–183.

² Ислах. С. 67.

³ См.: Абу ‘Ильм. С. 58.

⁴ См.: Там же. С. 59.

⁵ EI, vol II. P. 845.

вушке, нигде не было видно, чтобы ей оказывали особое предпочтение и уважение по сравнению с другими. Даже в доме отца она пользовалась меньшим влиянием, чем ‘А’иша, Хафса, Зайнаб и другие жены Пророка¹. В *Cire* Ибн Хишама имя Фатимы упоминается всего лишь два раза.

С другой стороны, полемика упирается в попытки доказать сроки замужества Фатимы в более раннем возрасте, поскольку те, кто сдвигает возраст невесты к началу регул, боятся, что признают, что Хадиджа родила ее где-то в 55 лет, хотя подобные случаи в истории известны.

А. Ламменс утверждает, что «исламские историки стараются определить дату рождения Фатимы таким образом, чтобы время ее замужества с ‘Али приходилось на юный возраст, для того, чтобы не говорили, что она вышла замуж позднее своих сестер, так как ее никто не сватал»².

В противовес Ламменсу, резко критикующий его Абу ‘Ильм утверждает, что «если даже Фатима и запоздала со своим замужеством, то это было вызвано тем, что Пророк хотел выдать ее замуж только за ‘Али и ждал, когда тот будет полностью готов к этому»³.

Существуют два основных описания реакции Фатимы на предложение выйти замуж за ‘Али. Первая отражена Ибн ‘Асакиром в его «Истории Дамаска». Пророк привел свою dochь и спросил у нее: «Дочь моя, сын твоего дяди, ‘Али, просит твоей руки. Что ты на это скажешь?» Фатима заплакала, а потом, утерев слезы, произнесла: «Не для того ли, отец, ты так долго удерживал меня при себе, чтобы выдать замуж за самого бедного из курайшитов? Отец, ты на самом деле хочешь отдать меня человеку без средств?»⁴. Несмотря на то что ‘Али действительно был беден, Пророк сказал, что по поводу предстоящего брака он получил Божественное откровение.

Отметим, что подобный вопрос Мухаммаду предстоит услышать еще раз из уст Зайнаб бинт Джахш при его предложении выйти замуж за бывшего раба Зайда. И вновь Мухаммад настаивает на браке: для Пророка, как уже отмечалось, все обратившиеся в ислам люди становились равноправными вне зависимости от их материального достатка или общественного положения.

По второй, современной, версии на вопрос Мухаммада: «‘Али хочет взять тебя в жены, что скажешь?» – Девушка промолчала, потупив взор. Это, по обычаям тех времен, означало «я согласна»⁵.

Пророк спросил у ‘Али, что тот может дать в качестве свадебного дара. ‘Али ответил, что кроме коня и щита у него нет ничего ценного⁶.

¹ Цит. по: Абу ‘Ильм. С. 61.

² Цит. по: Там же. С. 60.

³ Там же. С. 39.

⁴ Цит. по: Дочери. С. 53–54.

⁵ Фатима. С. 50.

⁶ Там же. С. 51.

По другим источникам, у ‘Али была только лошадь и кольчуга¹, причем кольчуга, по свидетельству ат-Табари, была подарена ему Мухаммадом². По воспоминаниям Умм Саламы, в качестве *махра* ‘Али предложил кольчугу, меч и верблюда, на котором он возил воду из колодца³, а ал-Балазури писал, что были проданы верблюд и утварь⁴.

Тогда Мухаммад посоветовал своему воспитаннику продать щит⁵, или (по другим источникам) кольчугу⁶.

На базаре покупателем оказался ‘Усман. Он дал за покупку 480 дирхемов и вернул купленное ‘Али⁷. Из этой суммы на *махр* ушло 400 дирхемов.

После официального объявления о предстоящей свадьбе Пророк взял из *марха* 63 дирхема, позвал Абу Бакра и велел ему купить все необходимое для молодых. На эти деньги были куплены: шерстяная постель, подушка, три подушки для сидения (миндер), две ручные мельницы, бурдюк, кувшин для воды, решето, полотенце, баранья шкура, пест्रое платье (килим), бархатное одеяло, чаша для воды, шерстяное покрывало, рубаха, кожаный коврик и верблюд⁸. Оставшаяся часть денег была отдана на сохранение Умм Саламе.

Согласно разным данным, помолвку и свадьбу разделяло от нескольких дней до нескольких месяцев и даже лет. Не менее заметны различия во мнениях относительно возраста Фатимы на момент ее замужества, что напрямую связано со спорами относительно даты ее рождения. Одни источники сообщают, что ей было девять или десять-одиннадцать лет, другие – от 15 до 21 года⁹. Однако наиболее приемлемым является предположение относительно 18-летнего возраста невесты. Его высказывали Абу-л-Фарадж Исфахани и Ибн Хаджар в *ал-Исада*, а также Ибн Са’д в *Табакат*¹⁰. «Необходимо отметить, что даже если предположить, что в замужестве Фатимы была некоторая задержка, объяснение этому следует искать в огромной любви и тесной привязанности, которая была между отцом и дочерью... Фатима вышла замуж за ‘Али ибн Аби Талиба в возрасте восемнадцати лет, т.е. в возрасте, наиболее подходящем для брака, и не было никакой задержки в ее замужестве»¹¹.

¹ Дочери. С. 57.

² См. : Большаков, 1989. С. 112.

³ Абу ‘Ильм. С. 182–183.

⁴ См.: Большаков, 1989. С. 248.

⁵ Фатима. С. 51–53.

⁶ Дочери. С. 53.

⁷ Фатима. С. 54.

⁸ Там же. С. 58.

⁹ Абу ‘Ильм. С. 198; Гудратов. С. 377; Дочери. С. 60; Миршарифи. С. 109; ЕI., vol. II. Р. 842.

¹⁰ См.: Абу ‘Ильм. С. 198–199.

¹¹ Абу ‘Ильм. С. 83.

При всех перечисленных точках зрения относительно возраста Фатимы существует общая, доминирующая, версия о том, что свадьба состоялась после битвы при Бадре, однако отрезок времени между этими событиями также интерпретируется с определенными расхождениями. В книге *Манакиб* говорится, что Фатима вышла замуж через два года после битвы при Бадре¹. В книге «Дочери Пророка» говорится, что «через два года после переселения в Медину, во 2-м году хиджры, Пророк выдал Фатиму замуж за ‘Али»²; Абу ‘Ильм считает наиболее верным предположение, что ее свадьба «состоялась через пять месяцев после переселения Пророка»³, а в книге «‘А’иша, жена Пророка» сказано, что «Фатима вышла замуж за ‘Али через год после свадьбы Мухаммада и ‘А’иши»⁴.

При этом одни источники говорят о месяце раджабе⁵, а другие о мухарраме. Но сколько бы лет не было Фатиме на момент замужества, в браке с ‘Али она пробыла около 10 лет.

Отметим, что авторы, переносящие дату свадьбы на несколько лет после битвы при Бадре, которая состоялась в марте 624 г., не учитывают тот факт, что первенец в семье Фатимы и ‘Али – ал-Хасан – появился на свет в 625 г. Таким образом год свадьбы не должен датироваться позднее 624 г.

По сведениям шиитских авторов, Фатима присутствовала при сражении. Как пишет Тауфик Абу ‘Ильм, «во время битвы при Бадре она с большим мастерством мыла и перевязывала раны своего отца»⁶. Отметим, что ранение Пророка при Бадре не фиксируется большинством источников. Более известно ранение Мухаммада, полученное в битве при Ухуде (625), когда в лицо Пророку попал камень, выпущенный из пращи, – именно тогда Фатима могла омывать раны Пророка, «держа в руках чашу с водой, которую она принесла для того, чтобы умыть лицо отца»⁷. Если же слова Абу ‘Ильма справедливы, то она могла бы даже наблюдать за поединком своего жениха, предварявшим сражение при Бадре.

Все мусульманские авторы подчеркивают скромность и даже бедность быта, в котором жила семья ‘Али и Фатимы. Поэтому странным кажется воспоминания ‘Али о том, что на свадебном пире собралось около 700 гостей⁸. Ответ довольно прост. Кто-то из гостей принес барана, кто-то мешок риса, кто-то масло. Даже Пророк сам приготовил свадебное блюдо из кислого молока *хаис*⁹.

¹ См.: Абу ‘Ильм. С. 198.

² Дочери. С. 49.

³ Абу ‘Ильм. С. 198–199.

⁴ ‘А’иша. С. 49.

⁵ Дочери. С. 60.

⁶ Абу ‘Ильм. С. 80.

⁷ Компани, 1997. С. 42; Компани, 2011. С. 48.

⁸ Фатима. С. 63.

⁹ Там же. С. 62.

Сражение при Бадре

Фатима и ‘Али едва сводили концы с концами, утверждается в книге «Духовные матери мусульман», потому что «у ‘Али не было ничего – ни приобретенного, ни унаследованного имущества. К тому же он не занимался торговлей или выпасом скота»¹. Бывали времена, когда, по словам ‘Али, которые приводит ал-Балазури в *Ансаб*, в их с Фатимой доме было пусто, – была только кожаная подстилка, на одном конце которой они с женой спали, а на другом Фатима месила тесто². А, к примеру, чтобы накормить детей финиками, ‘Али таскал воду для поливки сада одного мединского иудея. За каждый принесенный бурдюк он получал по одному финику³. Во многих сборниках хадисов (ал-Бухари, ат-Тирмизи, Ибн Маджа’а), со слов ‘Али и Абу Хурайры, есть рассказ о том, что у Фатимы от постоянной работы на ручной мельнице на руках не проходили мозоли. Но когда она попросила Пророка дать ей служанку, он ей отказал⁴.

Иbn Ханбал по этому поводу приводит такой рассказ. Как-то Фатима и ‘Али пришли к Мухаммаду, и ‘Али сказал: «Я так много натаскал воды, что у меня болит поясница». Фатима добавила: «Отец, я перемолола столько муки, что у меня все руки в мозолях. Назначь кого-нибудь нам в помощники». Пророк ответил: «Я не в силах выполнить вашу просьбу». Он сказал, что

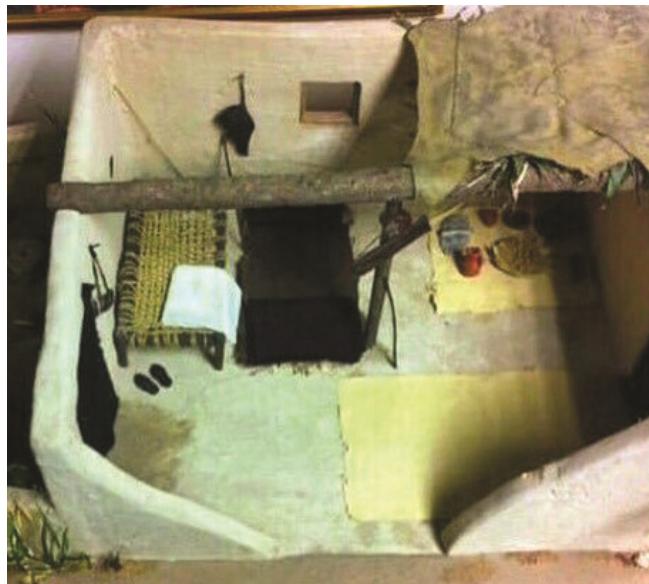
¹ Ислах. С. 67.

² См.: Большаков, 1989. С. 112.

³ Абу ‘Ильм. С. 156.

⁴ Дочери. С. 77–81.

захваченных недавно пленников, на которых в качестве помощников рассчитывали ‘Али и Фатима, нужно продать, чтобы на вырученные средства содержать обездоленных мусульман, ютившихся около мечети. А для облегчения участия своей дочери и зятя посоветовал, чтобы каждый из них по 10 раз повторял «Слава Аллаху! Хвала Аллаху! Аллах велик!»¹

Макет жилого помещения времен Мухаммада

В хадисах от Фатимы сохранились такие строки: «Однажды я пошла к Пророку и, поздоровавшись, сказала: «О, отец, в доме ‘Али нет ни зернышка пшеницы, вот уже пять дней как мы ничего не ели. У нас нет ни барана, ни верблюда, ни еды, ни воды»². У исследователей нет причин отвергать хадисы, сообщающие сведения о бедности ‘Али и Фатимы; но ее продолжительность должна быть ограничена только первыми годами после начала их совместной жизни³. После покорения Хайбара в 628 г. ситуация для них изменилась в лучшую сторону, как и для всех мусульман. Еще при жизни Пророка у них появилась служанка, имя которой сохранилось – Фида⁴.

Для будущей совместной жизни молодожены арендовали дом⁵, или, по другой версии, Фатима и ‘Али жили в доме, который построил ‘Али

¹ Абу ‘Ильм. С. 150–151.

² Там же. С. 133.

³ См.: EI, vol II. P. 843.

⁴ Компани, 1997. С. 261; Компани, 2011. С. 256.

⁵ Фатима. С. 64.

недалеко от дома Пророка. Но так как Фатима хотела жить в непосредственной близости к отцу, дом для молодоженов безвозмездно предоставил ал-Харис ибн Ну'ман из бану Наджар¹. Дверь их дома стала «следующей рядом с дверью Пророка»². Этот дом находился в месте, которое в настоящее время является частью усыпальницы Пророка.

У 'Али и Фатимы родилось шестеро детей: ал-Хасан, ал-Хусайн, ал-Мухсин (ал-Мухассин), Рукайя, Умм Кулсум ал-Кубра (старшая), Зайнаб. О них рассказано будет ниже.

Недостаток и неустроенность быта иногда мешали налаживанию добрых отношений в семье, и из-за этого Фатима после замужества порой чувствовала себя ущербной.

Иbn ал-'Аббас вспоминал, что, когда он находился возле Пророка, неожиданно подошла Фатима со слезами на глазах. И на вопрос Мухаммада, что случилось, отчего она плачет, посетовала, что женщины-курайшитки злословят о ней, насмехаясь над тем, что отец выдал ее замуж за бедного человека, хотя сестры Фатимы были замужем за богатыми и знатными людьми – 'Усманом и Абу-л-'Асом³. На это Пророк ответил: «Дочь моя, не плачь. Я выдал тебя замуж после того, как Аллах на небесах заключил твой брак с 'Али»⁴.

О том, что в семье порой бывали размолвки, свидетельствует обстоятельства появления одного из прозвищ 'Али. Как-то после ссоры с Фатимой 'Али отправился ночевать в мечеть. Там его застал Пророк. Он увидел потрепанные и покрытые пылью полы одеяния зятя и сказал: «Подымайся, эй, Абу Тураб!»⁵. Абу Тураб означает «Отец пыли». Мухаммад привел 'Али домой и помирил его с дочерью.

Известно, что однажды Фатима также сильно обиделась на 'Али, когда тот вознамерился взять в жены одну из девушек враждебного мусульманам семейства Хишама ибн Мугиры. В сборниках хадисов с различными иснадами существуют рассказы о том, что 'Али в 631 г. (после возвращения Пророка из прощального паломничества) сделал предложение о женитьбе Джувайре, дочери знатного курайшита 'Амра ибн Хишама, прозванного мусульманами Абу Джахл («отец невежества»). Когда эта весть дошла до Пророка, он сказал: «Фатима – моя частица. Боюсь, что ей будет больно. Клянусь Аллахом, что она не будет жить под одной крышей с дочерью врага Аллаха». И тогда 'Али отказался от планов о женитьбе⁶.

Имеется рассказ о том, что Абу Бакр как-то подарил 'Али рабыню. Узнав об этом, Фатима расстроилась. Когда Умм Айман, жена приемного

¹ Фатима. С. 68–69.

² Шариати. С. 131.

³ См.: Абу 'Ильм. С. 59.

⁴ Цит. по: Абу 'Ильм. С. 107.

⁵ Фатима. С. 81–82.

⁶ Дочери. С. 83; EI, vol. II. P 843.

сына Пророка (Зайда), сообщила ‘Али о плохом настроении его жены, он объявил рабыню имуществом Фатимы¹.

Говоря о материальном положении семьи ‘Али и Фатимы нельзя не затронуть до сих пор спорный вопрос о принадлежности ей оазиса Фадак. Оазис Фадак был покорен в 628 г. без военных потерь и кровопролитных сражений и считался личным достоянием Мухаммада. По мнению шиитских авторов, Пророк подарил его Фатиме со словами: «Доченька! *Махр* твоей матери Хадиджи в свое время не был оплачен мной. И вот твой отец дарит тебе Фадак взамен того *махра*, пусть он после тебя будет принадлежать твоим детям»².

Оставшись без отца, Фатима вполне обоснованно, с точки зрения шиитских авторов, сама захотела получать доход от владения Фадаком, однако ей в этом было отказано³. Первый праведный халиф Абу Бакр заявил, что «Великий Пророк завещал: у пророков не бывает наследников, все, что после нас остается, – *садака* (милостыня). Так что не взыщи, Фатима, а волю Пророка я буду исполнять беспрекословно»⁴. С тех пор Фатима больше не встречалась с Абу Бакром и не разговаривала с ним до конца жизни⁵. Однако история с принадлежностью Фадака потомкам ‘Али и Фатимы на этом не закончилась. Как писал ал-Балазури в книге «Завоевания стран», Фадак почти 200 лет спустя был возвращен потомкам Фатимы аббасидским халифом ал-Ма’муном (813–833), но позднее другой аббасидский халиф ал-Мутаваккил, правивший с 847 по 861 г., уже окончательно отнял Фадак у потомков Фатимы⁶.

После кончины Пророка, произошедшей 8 июня 632 г. (12 *раби I* 11 г.х.)⁷, Фатима заболела и вскоре умерла. Некоторые источники сообщают, что во время болезни она помирилась с Абу Бакром, посетившим ее. Но, по сведениям большинства, она оставалась непреклонной до конца⁸.

Точное время смерти Фатимы неизвестно: некоторые из источников сообщают, что она умерла через 40 дней после кончины Мухаммада, некоторые называют 45, 75, 95 дней⁹, есть и другие мнения. Ал-Хаким ан-Найсабури (933–1015) в *ал-Мустадрак ала ас-Сахихайн* («Дополнение к двум сахихам») пишет, что Фатима умерла через два месяца после смерти Пророка, а Абу ‘Умар Йусуф ибн ‘Абдаллах ал-Куртуби (978–1070) в *Китаб Ал-Исти’аб фи ма’рифат ал-Асхаб* («Книга биографии сподвижни-

¹ См.: Дочери. С. 83.

² Мишарифи. С. 205.

³ Насири. С. 147.

⁴ Фатима. С. 113.

⁵ Там же. С. 114.

⁶ Baladh. P. 54, 56.

⁷ Большаков, 1989. С. 268.

⁸ EI, vol II. P. 845.

⁹ См.: Абу’Ильм. С. 218.

ков Пророка») и Абу-л-Фарадж ‘Али ал-Исфахани – через три месяца¹, высказываются также мнения, что через шесть месяцев и более².

Датой смерти дочери Пророка считают 9 июля, 27 августа, 14 октября, но ал-Мадаини, ал-Вакиди, ал-Куртуби, ал-Хаким и другие указывают на дату смерти «вечер вторника третьего числа месяца рамадана одиннадцатого года хиджры»³, или 24 ноября 632 г. (A. A.).

Согласно большинству источников, факт смерти Фатимы держался в секрете даже от Абу Бакра и ‘Умара, и дочь Пророка была похоронена ночью⁴. Сведения о месте погребения Фатимы также разнятся.

Некоторые источники сообщают, что Фатима была похоронена на своем дворе⁵ или «в комнате» (*фи-л-худжра*) своего дома⁶. Большинство же авторов склоняются к мнению, что местом упокоения дочери Пророка стало кладбище Джаннат ал-Баки’. Распространенным считается мнение, что могила была вырыта рядом с погребением ‘Акила ибн Аби Талиба (старшего брата ‘Али), примерно в семи метрах от главного входа⁷. Ал-Мас’уди в книге «Золотые копи и россыпи самоцветов» даже сообщал о существовании надгробия с именем Фатимы и трех Алидов в этом месте, а известный географ Абу Абдаллах Мухаммед ал-Мукаддаси (946/947–1000) включил место погребения Фатимы в список захоронений, точное место которых неизвестно⁸.

Фатима была первой мусульманкой, кого похоронили на погребальных носилках, изготовленных специально для нее Асмой бинт Умайс, женой Абу Бакра, видевшей, как это делают в Абиссинии⁹. Обряд погребения совершили: ‘Али, ‘А’иша, ‘Усман, ал-‘Аббас и его сын ал-Фадл¹⁰. Есть также сведения, что заупокойную молитву прочел Абу Бакр¹¹.

Имя Фатимы не просто осталось в истории. К концу IX в. на Ближнем Востоке образовалось мощное государство Фатимидов со столицей Маҳдийа, в X в. подчинившее Северную Африку, Египет и позже Сирию. Фатимиды исповедовали исмаилитский толк шиитского ислама и считали себя потомками ‘Али и Фатимы.

¹ См.: Абу‘Ильм. С. 218.

² Али-заде. С. 334; Гудратов. С. 377; Фатима. С. 111; EI, vol. II. P. 845.

³ См.: Абу ‘Ильм. С. 225; Дочери. С. 85; Ислах. С. 68.

⁴ EI, vol II. P. 845.

⁵ См.: Абу ‘Ильм. С. 233.

⁶ EI, vol II. P. 845.

⁷ Дочери. С. 86; EI, vol II. P. 845.

⁸ EI, vol II. P. 845.

⁹ Ислах. С. 68.

¹⁰ Фатима. С. 118.

¹¹ EI, vol II. P. 845.

ЗЯТЬ МУХАММАДА

В повествовании о членах семьи Мухаммада нельзя обойтись без рассказа о полной белых пятен и трагичной судьбе двоюродного брата и зятя Пророка ‘Али ибн Аби Талиба.

Шиитские авторы подчеркивают, что «он был единственным младенцем, родившимся в Божьем храме»¹; «чести родиться в Ка’бе подобно имаму ‘Али, не удостоился в прошлом и не удостоится в будущем никто»². Однако подобного рода утверждения подвергаются сомнению, поскольку сама «история Ка’бы не сообщает нам ни об одном случае рождения ребенка в ограде Ка’бы ни до, ни после утверждения ислама»³.

‘Али ибн Аби Талиб

Отец ‘Али носил языческое имя ‘Абд Манаф, которое означало «раб Манафа». Его отцом (дедом ‘Али) был ‘Абд ал-Мутталиб – сын основателя рода хашимитов, к которому относился Мухаммад. После рождения стар-

¹ Абу Ильм. С. 111.

² Компани, 1997. С. 10; Компани, 2011. С. 13.

³ Карнаки, 2011. С. 236.

шего сына, Талиба (ок. 570), отец ‘Али стал именоваться по *кунье* Абу Талиб, и в мусульманских источниках его языческое имя замалчивается. Известно, что Абу Талиб приходился дядей Пророку, а ‘Али, соответственно, был двоюродным братом Мухаммада.

Мать ‘Али – Фатима бинт Асад ибн Хашим (‘Амр) – была внучной основателя рода хашимитов и приходилась Абу Талибу двоюродной сестрой. И (редкий случай для того времени!) Абу Талиб имел только одну жену, которая родила ему всех шестерых детей: двух дочерей (Джуману и Фахиту) и четырех сыновей (Талиба, ‘Акила, Джакиша, ‘Али), рождавшихся каждые 10 лет. ‘Али был младшим сыном¹. Его имя означает «Высший», «Могучий».

Точный год рождения ‘Али вызывает споры. Некоторые авторы указывают на 597 г.², другие считают, что «‘Али родился в пятницу... тридцатого года ‘ам ал-фил»³, третьи – на 599 г.⁴ Более правдоподобным представляется 600 г., хотя также упоминаются 603 и 605 гг.⁵ Относительно дня и месяца рождения разногласий практически нет – 13 числа месяца раджаба⁶.

В то время когда ‘Али пошел шестой год, в Мекке наступила беспрецедентная засуха. Семья Абу Талиба, к тому времени возглавившего род Хашим, оказалась в крайне тяжелом материальном положении, поскольку, заботясь о неимущих, он раздал им почти все свои средства. Поэтому Абу Талиб вынужден был попросить своих ближайших, более обеспеченных, родственников взять двух младших сыновей в их семью. «Пророк взял шестилетнего ‘Али к себе, чтобы вырастить и воспитать его»⁷, брат Абу Талиба – ал-‘Аббас – взял Джакиша, ‘Акил остался с отцом, а Талиб, который уже достиг 36 лет, жил самостоятельно. Любопытно, что сыновья, отанные на воспитание в названные семьи, приняли ислам, а двое других остались язычниками. Таким образом, семья Абу Талиба стала одной из многих курайшитских семей, которых новая религия расколола на два враждующих лагеря.

Историки спорят по поводу длительности пребывания ‘Али в семье Мухаммада и Хадиджи. Существует мнение, что «‘Али находился под опекой Пророка до восьмилетнего возраста. Затем он вернулся в отцовский дом»⁸. В данном случае, если принимать за дату рождения ‘Али

¹ ‘Абу Ильм. С. 112.

² Ньюби. С. 39.

³ Компани, 1997. С. 8; Компани, 2011. С. 11.

⁴ Абу Ильм. С. 111; Гудратов. С. 446.

⁵ См.: Больщаков, 1989. С. 67, 236.

⁶ Абу Ильм. С. 111; Карнаки, 2011. С. 236; Компани, 1997. С. 8; Компани, 2011. С. 11; Миршарифи. С. 23.

⁷ Компани, 1997. С. 14–15; Компани, 2011. С. 18.

⁸ Компани, 1997. С. 16; Компани, 2011. С. 20.

600 г., он вернулся домой до начала ниспослания пророчеств. Однако шиитские авторы уточняют, что и после ухода воспитанника из семьи Мухаммад продолжал заботиться о нем. «Таким образом, детство ‘Али до десятилетнего возраста (когда Господь ниспоспал Пророку его миссию) прошло под опекой и защитой его светлости»¹.

В *сире* же Ибн Исхака / Ибн Хишама четко указывается: «‘Али находился у Пророка, пока Мухаммаду не пришло пророчество от Аллаха, и ‘Али последовал ему, уверовал в него, и поверил ему»², т.е. ‘Али находился в доме Пророка и в 610 г.

Превозносящие ‘Али во всем, что касается вопросов веры, шиитские авторы считают, что он был первым, после Мухаммада, человеком, уверовавшим в ислам. Утверждается, что Пророк увидел ‘Али по пути домой после встречи с архангелом Джабраилом на горе Хира’, которая положила начало пророчной деятельности Мухаммада.

Пещера на горе Хира³

Это событие иранский ‘улем’ XX в. Мухаммед Табатабаи (1902–1981) описал так: «В тот же день он (Мухаммад. – A. A.) отправился домой и по пути он увидел его светлость ‘Али, сына своего дяди, и когда рассказал ему о произошедшем, ‘Али уверовал в него, и после ‘Али уверовала в него его жена» (Хадиджа. – A. A.)³. На чем основано это суждение – непонятно, поскольку еще в *Сире* Ибн Исхака / Ибн Хишама говорилось, что ‘Али уверовал вторым (после Хадиджи), усыновленный Мухаммадом Зайд

¹ Компани, 1997. С. 16–17; Компани, 2011. С. 20–21.

² И.Х. С. 73.

³ Табатабаи. Шиизм. С. 175.

ибн Хариса – третьим¹. Большинство мусульманских авторов полагают, что описанной встречи с ‘Али не было вообще, так как Мухаммад рассказал о встрече с архангелом сначала своей жене, и она первой признала Мухаммада Посланником Всевышнего.

Вопрос о первенстве в принятии ислама долгое время оставался открытым. В итоге мусульманские ученые приняли толерантное решение считать первым принял ислам мужчиной Абу Бакра, первой женщиной – Хадиджу, первым ребенком – ‘Али, первым вольноотпущенником – Зайда. Сюда можно добавить, что первым иранцем, принял ислам, был признан Салман ал-Фариси, а первым чернокожим рабом – Билал ибн Рабаха, ставший впоследствии глашатаем Пророка.

Мухаммад, потерявший к тому времени двух своих сыновей (ал-Касима, умершего в возрасте около двух лет, и Абд’аллаха, умершего во младенческом возрасте), испытывал отцовские чувства к ‘Али, чему способствовала большая разница в возрасте – около 30 лет. Вероятно, именно в период пребывания в доме Мухаммада и Хадиджи ‘Али познакомился с любимой дочерью Пророка, своей будущей женой, бывшей тогда совсем маленькой девочкой.

Период проживания ‘Али после возвращения в отчий дом и вплоть до переселения мусульман из Мекки в Йасриб (Медину) остается лакуной в жизнеописаниях будущего зятя Пророка. Шиитские авторы за неимением фактографического материала описывают его общими фразами типа «‘Али всюду следовал за Пророком, внимательно слушал его проповеди, запоминал их» и т.д.

Говоря о близких взаимоотношениях ‘Али и Мухаммада, нельзя обойти стороной полулегендарный сюжет, связанный с переселением Мухаммада из Мекки в Йасриб. Он позволит в ином свете взглянуть на обстановку, склонившуюся вокруг хиджры.

В мусульманской историографии раннего ислама давно утвердилось мнение, что язычники всячески препятствовали последователям Пророка в их стремлении покинуть Мекку и переселиться в Йасриб. Они угрожали расправой всем, кто по призыву Мухаммада пытался переселиться в безопасное место и свободно исповедовать свою новую религию.

Существуют живописные рассказы о том, как в ночь тайного бегства основоположника ислама, получившую в истории название «Лайлат ал-мубит», ‘Али совершил мужественный поступок – занял его лежанку, чтобы создать видимость присутствия Мухаммада в доме, так как ожидалось нападение на Пророка.

И что любопытно, по сообщениям источников², и Пророк и его будущий тестя оставили свои семьи во враждебно настроенной Мекке! Это

¹ См: И.Х. С. 74.

² Большаков, 1989. С. 88; Дочери. С. 48; Фатима. С. 33.

настолько не вяжется с обликом Посланника Аллаха и его друга, что позволяет усомниться в реальности предлагаемого нам описания хиджры. Не могли же они бросить, оставив фактически в заложниках, самых близких себе людей!

Побег Пророка из Мекки

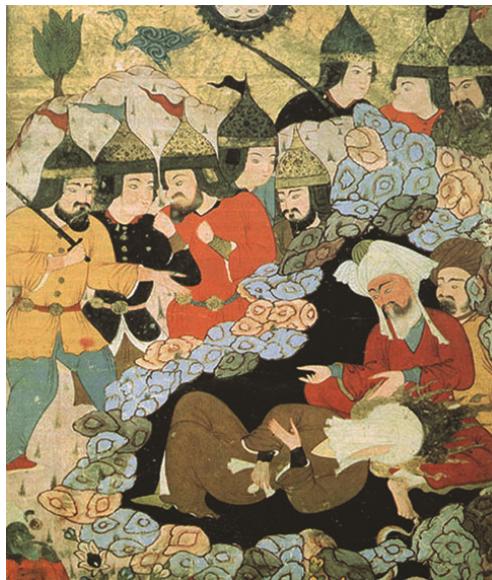
Остается с большой долей вероятности утверждать следующее: мекканские язычники особо не препятствовали переселению мусульман в Йасриб. Действительно, какой им был резон удерживать в Мекке приверженцев ислама? За десятилетие, прошедшее с начала проповеднической деятельности Мухаммада, увеличение числа его сторонников стало заметным. К ужасу курайшитской аристократии, этот процесс прогрессировал и за счет мекканской «золотой» молодежи, которую все труднее было прельщать архаичными племенными ценностями. В таких условиях избавление города от мусульман и их предводителя вполне могло быть одной из вожделенных целей вождей курайшитов. И в этом их желания совпадали с намерением Мухаммада обособить мусульманскую общину во вневраждебной обстановке. С этой точки зрения Йасриб устраивал обе стороны: Мухаммад надеялся получить поддержку со стороны монотеистов-иудеев племен Аус и Хазрадж, населявших город-оазис, а мекканские язычники рассчитывали на то, что еще неокрепшее новое вероучение потерпит поражение в неизбежном противоборстве с одной из древнейших религий мира. (В скобках можно отметить, что последнее предположение в дальнейшем не оправдалось.)

Надо полагать, что между Мухаммадом и вождями Курайш было достигнуто негласное соглашение о возможности свободного переезда мусульман в Йасриб, тем более что переселенцы-мухаджиры оставляли в Мекке свои дома и прочее недвижимое имущество.

Но как же тогда объяснить отдельные случаи воспрепятствования хиджре мусульман? В частности, восходящую к *Сире* Ибн Исхака / Ибн Хишама историю о том, как язычник ал-Хувайрис ибн Нуказ из рода ‘Абд, пытаясь не допустить переселения Фатимы и Умм Кулсум, сбил их с ног? Или упомянутый нами выше инцидент с дочерью Пророка Зайнаб, которая на пути в Йасриб была так напугана собственным троюродным братом, язычником Хаббаром ибн ал-Асвадом, что у нее случился выкидыш¹.

Ответить можно так: конечно, среди курайшитов-язычников находились люди, не желавшие безнаказанно отпускать мусульман. По большей части они действовали на свой страх и риск, игнорируя хитросплетения «большой политики». Мухаммад воспринимал такое поведение как нарушение достигнутых договоренностей. Показательно, что перед вступлением в Мекку в 630 г., когда мусульмане и их союзники получили приказ не убивать никого, кроме тех, кто выступит против них с оружием в руках, Пророк среди прочих объявил вне закона и двух упомянутых лиц. Впрочем, после покорения Мекки казнен был только ал-Хувайрис. Хаббару удалось бежать, и позже он, приняв ислам, вымолил прощение у Мухаммада.

И в завершение, даже то обстоятельство, что Мухаммад и Абу Бакр покинули Мекку ночью, вовсе не означает, что они бежали «тайно, под покровом ночи». Было очень жарко, и Пророк со своим спутником тронулись в путь не по пеклу, а, как это было принято у арабов, кочующих по пустыням, ночью.

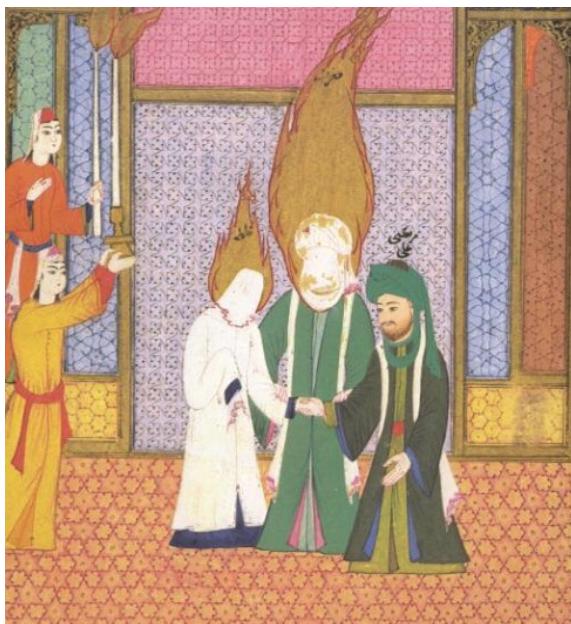

Мухаммад и Абу Бакр скрываются в пещере

¹ Большаков, 1989. С. 161; Уотт, 2007. С. 77.

После того как Мухаммад и Абу Бакр благополучно добрались до Йасриба и обустроились в нем, они послали своих доверенных лиц в Мекку, чтобы они вывезли оттуда их домочадцев. Большинство авторов считают, что за семьей Пророка был послан Зайд¹ и он руководил караваном. Некоторые современные шиитские авторы приписывают эту заслугу ‘Али². Так или иначе весной 623 г. семьи Мухаммада и Абу Бакра прибыли в Йасриб.

Вскоре после прибытия из Мекки ‘Али женился на дочери Мухаммада Фатиме и у них родились дети: ал-Хасан, ал-Хусейн, Зайнаб, Рукайя и Умм Кулсум.

Мухаммад с дочерью и ‘Али ибн Аби Талибом

Появление большой семьи не служило препятствием ‘Али для участия в военных кампаниях с целью распространения и укрепления ислама в Аравии.

В период военных походов первых мусульман ‘Али зарекомендовал себя храбрым воином и хорошим командиром. Он принимал участие почти во всех военных походах Мухаммада, кроме сражения при Табуке против бани Гассан (630), когда Мухаммад сам встал во главе экспедиции, оставив ‘Али в Медине. В качестве полководца Пророк доверил ‘Али возглавлять

¹ Большаков, 1989. С. 111; Ислах. С. 78; Мубаракфури. С. 129.

² Миршарифи. С. 84.

экспедиции на оазис Фадак против *бану Са’д* (627–628), на ал-Фулс против *бану Тайи* (630), на ал-Йаман против *бану Мазхидж* (декабрь 631 г.), и все они завершились успешно.

О доблести и военном искусстве ‘Али говорит тот факт, что он неоднократно побеждал в единоборствах, традиционно предшествовавших основным сражениям. В битве при Бадре (624) он одержал победу над Валидом ибн ‘Утбой; при сражении у горы Ухуд (625) он одолел Талху ибн Аби Талху, а при «битве у рва» (*хандак*, 627) – ‘Амра ибн ‘Абд Вудда, знаменившего курайшитского силача. Каким же горьким и обидным для ‘Али был факт, что в стане врагов сражались его родные братья – Талиб и ‘Акил. Как сообщают источники, в битве при Бадре Талиб пропал без вести, а ‘Акил попал в плен и был освобожден за выкуп¹.

Али участвует в сражении

После смерти Мухаммада Медину захлестнули события, оказавшие огромное влияние на ход истории мусульманского общества. Пророка еще не успели предать земле, когда в одном из кварталов города с целью избрания преемника Пророка собралась группа ансаров. Это собрание получило название «Событие в Сакифе». Среди его участников можно назвать Сабита ибн Кайса, Са‘да ибн ‘Убаду, Хасана ибн Сабита. Присутствовали и другие знатные представители племен ‘аус и хазрадж². Ансары были склонны к выбору вождя племени хазрадж, испытанного мухаджира Са‘да ибн Убаду.

Весть о событиях в Сакифе быстро донеслась до ‘Умара, который, взяв с собой Абу Бакра, Абу ‘Убайду ибн ал-Джарраха и несколько других мухаджиров, поспешил на собрание. Ему удалось убедить присутство-

¹ См.: Большаков, 1989. С. 108.

² Компани. С. 83.

вавших, что заслуги курайшитов перед исламом значительнее, чем у ансаров, и склонить их к избранию близкого друга Пророка – Абу Бакра.

Однако собравшиеся понимали, что выборы не смогут считаться легитимными без получения согласия от ‘Али. Они двинулись к дому ‘Али и Фатимы, где собирались Салман ал-Фариси, Абу Зарр ал-Гиффари, Микдад ибн ал-Асвад, ‘Аммар ибн Йасир и другие его сторонники¹, которые отказались присягнуть Абу Бакру.

Согласно «Истории пророков и царей» ат-Табари и «Истории» ал-Йа‘куби группа вооруженных людей окружила дом ‘Али и Фатимы и стала угрожать находившимся в доме тем, что если ‘Али не выйдет и не присягнет, то они подожгут его. ‘Али вышел из дома и попытался выразить свой протест. «Засверкали мечи, и ‘Умар с его воинами попытались силой ворваться в дом Фатимы»².

В Энциклопедии ислама этот эпизод дополнен серьезными деталями: Фатима, увидев, что ее муж обезоружен ‘Умаром, подняла крик и, распустив волосы, выступила так смело, что, как отмечал ал-Йа‘куби, противник предпочел ретироваться. По описаниям ал-Балазури в *Ансаде*, Фатима увидела в руках ‘Умара факел и спросила его, не намеревается ли он поджечь ее дверь из-за ненависти к ней. А в книге *Ал-Имама вас-сийаса* («Власть и управление подданными»), приписываемой Абу Мухаммаду Абдаллаху ибн Муслиму, более известному, как Ибн Кутайба (828–889), подчеркивается, что ‘Умар действительно был готов реализовать свой коварный замысел: поджечь дом со всем, что в нем есть, даже если бы в нем находилась Фатима³.

Споры о том, кто должен был тогда возглавить осиротевшую мусульманскую общину, нескончаемы и продолжаются до сих пор. Одну сторону в борьбе за преемство представлял ‘Али – 32-летний воспитанник Мухаммада, муж его любимой дочери Фатимы; другую – почтенный и давний друг Пророка Абу Бакр, за спиной которого стояли влиятельная вдова Пророка – ‘А’иша и тестя Муххамада – ‘Умар. В итоге эти споры приведут к расколу мусульманской общины на два крупных религиозно-политических течения: суннизм и шиизм.

Шииты всегда считали, что единственным воспреемником Мухаммада был ‘Али, и Пророк заявлял неоднократно и публично о намерении передать ему халифат. Их главным аргументом была речь Пророка в местечке Гадир Хум после окончания так называемого «прощального паломничества» (632). В ней он обратился к сподвижникам со словами, разъясняющими основные установления ислама⁴. После этого он будто бы взял руку ‘Али, поднял ее, чтобы показать его людям, и сказал: «Кому я был покровитель, тому

¹ Шарафоддин. С. 335.

² Насири. С. 145.

³ См.: EI, vol. II. P. 844.

⁴ Большаков, 1989. С. 180.

этот ‘Али покровитель. О Аллах! Будь покровителем тому, кто был его другом; будь врагом тому, кто был его врагом; помоги тому, кто помог ему; оставь без поддержки того, кто его оставил без поддержки и пусть он будет прав, где бы он ни находился’¹. При этом шиитские авторы апеллируют даже к суннитским источникам, подтверждающим выступление Мухаммада в Гадир Хуме. В частности, в работе «О руководстве имама ‘Али» иранский автор прошлого века Сейд Абдул-Хусейн Шарафоддин предлагает читателям выдержки из 40 достоверных *хадисов*, в которых подтверждается выбор Пророком своего преемника².

Со своей стороны суннитские авторы отмечают, что ни в Коране, ни в *хадисах* нет никаких прямых указаний насчет кандидатуры преемника Мухаммада. Они утверждают, что Пророк не мог назначить себе преемника, так как тот вынужден был бы руководить деятельностью *уммы*, ссылаясь на полученные откровения. Но Творец уже сделал свой выбор, остановившись на Мухаммаде, как последнем Пророке. Суннитские авторы считают, что Мухаммад не собирался назначать ‘Али своим преемником и не делал намеков в этом отношении. Абу Бакру не пришло бы даже в голову пойти наперекор воле Мухаммада, и он никогда бы не принял руководства халифатом, зная, что избранником Пророка являлся ‘Али³.

Ал-Бухари и Муслим в своих сборниках *хадисов* упомянули об отказе ‘Али заключать союз. Это продолжалось до тех пор, пока Фатима «не присоединилась к своему отцу»⁴. В итоге ‘Али присягнул на верность Абу Бакру только после смерти Фатимы.

Началась эра «Праведного халифата», который последовательно возглавляли Абу Бакр (632–634), ‘Умар (634–644), ‘Усман (644–656), ‘Али (656–661). Каждый из них прославил свое имя в истории зарождения арабо-мусульманской цивилизации. Абу Бакр – тем, что продолжил дело Пророка, бросив все верные исламу силы на искоренение *ридды* (отступничества); ‘Умар – тем, что стал фактически основателем халифата и успешно осуществил первые арабские завоевания, ввел мусульманский календарь; ‘Усман – тем, что инициировал составление канонического текста Корана, известного как *мусхаб ‘Усмани*; Али – тем, что стал символом влиятельного религиозно-политического течения в исламе (шиизма) и стал первым шиитским имамом.

Последующие 25 лет жизни ‘Али (632–656) окутаны тайной. Его имя практически исчезает из мусульманских хроник, подробно описывающих процессы укрепления ислама и арабо-мусульманской экспансии.

Шиитские авторы всегда пытались пролить свет на этот малоизученный период жизни первого шиитского имама, отмечая, что в истори-

¹ Мусави Лари. С. 20; см. также: Познание. С. 193–195; Шарафоддин. С. 268.

² Шарафоддин. С. 226–241.

³ Гудратов. С. 410.

⁴ Шарафоддин. С. 335.

ческих исследованиях эти данные отсутствуют¹. Видный шиитский ‘улем’ прошлого века Мухаммед Табатабаи считал, что ‘Али не мог участвовать в жизни уммы, так как «не был допущен к правлению. Была полностью прервана его связь с общественной жизнью. Он вдали ото всего стал заниматься религиозным воспитанием»².

Ему возражает Фазлуллах Компани в книге «Имам ‘Али», считающий, что ‘Али только «внешне не участвовал» в делах общины. Он «ради сохранения ислама и восторжествования истинной религии указывал халифам на их ошибки и проступки, когда видел, что те бессильны разрешить научные, судебные и политические проблемы»³. А ал-Карнаки сообщает о том, что в период правления Абу Бакра ‘Али вообще исполнял обязанности секретаря халифа, а при ‘Умаре входил в состав консультационного совета⁴

Особый акцент шиитские авторы всегда делали на том, что ‘Али принимал деятельное участие в сборе коранических текстов и распространении религиозных знаний. Табатабаи отмечал, что ‘Али «первым собрал список Священного Корана в порядке ниспослания сур и показал его мусульманам, но его работа не была признана. Его также не пригласили участвовать ни в первом и ни во втором собирании коранического текста. Но он, не высказывая недовольства, принял канонический текст»⁵.

Неучастие ‘Али в завоевательных походах часто объяснялось тем, что его предшественники-халифы оберегали имама как носителя текстов, поскольку «он знал Священный Коран наизусть»⁶.

Автор «Аналитической истории раннего ислама» Мохаммад Насири суммировал разрозненные сведения о деятельности ‘Али в этот период, сведя их к шести пунктам:

- Толкование Священного Корана и объяснение истинного смысла большинства *айатов*;
- Ответы на вопросы ученых-богословов, в особенности христиан и иудеев;
- Разъяснение и решение правовых вопросов, судейство в запутанных случаях;
- Воспитание людей «с чистой совестью и сильных духом», обучение неофитов;
- Постоянная забота о сиротах, обездоленных и угнетенных. «Имам ‘Али своими руками вырастил сад, плодами которого пользовались нуждающиеся, и выкопал колодец...»;

¹ См.: Карнаки, 2011. С. 272.

² Табатабаи. Шиизм. С. 224.

³ Компани, 1997. С. 103.

⁴ Карнаки, 2011. С. 68, 123.

⁵ Табатабаи. Коран. С. 111.

⁶ Гудратов. С. 446–447.

– Присутствие при обсуждении важных политических и социальных проблем. «Всякий раз, когда правители попадали в безвыходные положения, они прибегали к помощи ‘Али, который всегда находил правильное и точное решение»¹.

Сведения современных шиитских авторов, базирующиеся на средневековых источниках, прославляющих имама ‘Али, не находят подтверждения в работах ‘ulemов, исповедующих суннитский толк в исламе. Рассудить этот давний спор могли бы исторические факты. Но, как указывалось выше, их явно недостаточно. Анализ приходится делать умозрительно, сопоставляя данные, полученные из противоречащих друг другу описаний событий.

Рассмотрим один из спорных вопросов истории ислама – причастность ‘Али к составлению мусхаф ‘Усмана.

Во время *ридды*, которую вел Абу Бакр против «ложепророков», погибли более двух тысяч мусульман. И среди них было немало *куrra'* – чтецов Корана, хранивших в памяти божественные откровения, услышанные от самого Мухаммада. Боясь потерять священные тексты навсегда, обеспокоенный халиф отдал распоряжение собрать разрозненные фрагменты в единый свод и хранил их до самой смерти. Позже они перешли на хранение к ‘Умару, после него – к его дочери Хафсе, вдове Мухаммада.

Сообщения же о том, что ‘Али принимал участие в сборе ниспосланий Аллаха или предоставил имеющиеся у него тексты, отсутствуют.

Объективности ради надо сказать, что ‘Али, возможно, мог сам собрать и письменно зафиксировать тексты Корана, поскольку, исходя из сообщений ал-Балазури в книге *Футух ал-булдан* («Книга завоевания стран»), он входил в число 17 курайшитов, владевших грамотой еще при жизни Пророка².

В 651 г. халиф ‘Усман направил к Хафсе человека, чтобы она предоставила тексты для их возможного использования при составлении единого свода Корана. Он приказал Зайду ибн Сабиту – секретарю пророка Мухаммада – возглавить группу лиц, которые осуществляют эту работу. В группу вошли: ‘Абдаллах ибн аз-Зубайр, Са’ид ибн ал-Ас и ‘Абд ар-Рахман ибн ал-Харис.

После того как текст был подготовлен, он был объявлен каноническим, и все альтернативные варианты по приказу ‘Усмана были уничтожены. Эта же участь, возможно, постигла и «Коран ‘Али», если он существовал.

Что касается советов, которые ‘Али давал Абу Бакру, ‘Умару и ‘Усману «всякий раз, когда правители попадали в безвыходные положения»³, то они не нашли достойного освещения в исторической литературе. Напротив, сохранились сведения, что халиф ‘Умар проигнорировал совет

¹ Насири. С. 166–167.

² См.: Фролов, 1996. С. 111.

³ Насири. С. 166–167.

‘Али возглавить поход на Кадисию, ответив: «Я принял решение остаться»¹. Без внимания был оставлен и текст Священного Писания, собранный ‘Али. Более того, халиф ‘Усман не пригласил его для участия в работе по составлению окончательного свода Корана.

Вместе с тем шиитские авторы в течение столетий собирали проповеди (*хутба*), письма, афоризмы имама ‘Али, касающиеся теологических, этических и юридических проблем. Так, в популярном издании современного иранского автора Мухаммада Таки Тустари описаны юридические казусы, в решении которых принимал участие имам ‘Али².

Многие из проповедей ‘Али были объединены еще в Средние века ученым-богословом Шарифом ар-Рази (970–1015) в книгу *Нахдж-ал-балага* («Путь красноречия»), которая до сих пор «изучается во всех арабских гуманитарных вузах» как образец ораторского искусства³. Это может показаться явным преувеличением для носителей русского языка – старославянские рукописи мы изучаем в переводах. При этом упускается из виду, что язык Корана, собранного еще во времена халифа ‘Усмана, остался практически неизменным. И любой арабский школьник легко понимает смысл текстов, написанных почти полтора тысячелетия назад.

После завершения борьбы за укрепление позиций ислама среди аравийских племен последовали первые крупные арабские завоевательные походы против Византии, Сасанидского Ирана и Египта.

Завоевание Египта арабами-мусульманами

¹ Baladh. P. 409.

² См.: Тустари.

³ Путь. С. 4.

Но ‘Али, при Мухаммаде неоднократно участвовавший в военных походах, по загадочным причинам не привлекался Абу Бакром к борьбе с отступничеством, не был в войске Усамы ибн Зайда. В годы халифатов ‘Умара и ‘Усмана арабские армии отчаянно сражаются, однако ‘Али спокойно живет в Медине и «воспитывает людей с чистой совестью». Он занят выращиванием сада и копанием колодца.

Эта картина не вяжется с обликом первого шиитского имама. Ведь продолжалось это не год и не два, а без малого четверть века (632–656)! И здесь неизбежно возникает вопрос, почему ‘Али отстранился от военно-политических дел, или, по-другому, по каким причинам первые три праведных халифа не допускали участия ‘Али в ратных делах?

‘Умар, как говорят, «удерживал курайшитов» от походов за пределы Аравии¹. Это шиитская точка зрения, оправдывающая бездействие ‘Али в годы, когда армии бились за распространение ислама в сопредельных странах. Отметим, что позднее, при ‘Усмане, этот запрет был отменен, и решение об участии или неучастии в завоевательных походах принимали сами сподвижники Пророка. Возможно, ‘Умар их «удерживал», но ему это как-то не удавалось. Список курайшитов, принимавших участие в арабских завоевательных походах в годы халифата ‘Умара (634–644), велик, и ‘Али, бывшему тогда в расцвете сил и лет, при желании ничего не стоило нарушить этот запрет, как не мешало это сделать известным арабским полководцам, сподвижникам и родственникам пророка Мухаммада.

Достаточно назвать имена покорителей Египта (641, 646) Мухаммада ибн Аби Бакра, ‘Амра ибн ал-‘Аса и его сына ‘Абдаллаха; покорителя Сирии (634–636) Халида ибн ал-Валида; победителя персов в битве при Ка-дисии и покорителя столицы Сасанидского Ирана Ктесифона (636) Са‘да ибн Аби Ваккаса. Шурин Пророка Mu‘авия ибн Аби Суфьян отличился при взятии Кайсарии (641), двоюродный брат Пророка аз-Зубайр ибн ал-‘Аввам – в битве при Йармуке (636), другой его двоюродный брат ‘Абдаллах ибн ал-‘Аббас участвовал в покорении Египта.

В завоевательных походах принимали участие и подросшие к тому времени сыновья ближайших сподвижников Пророка. Добровольцами вызвались для похода на Ифрикийу (648) сыновья ‘Умара: ‘Абдаллах и ‘Убайдаллах; сын Абу Бакра ‘Абд ар-Рахман и др. Они и в дальнейшем не сложили оружия. ‘Убайдаллах ибн ‘Умар принял участие в битве при Сиффине (657) и был убит в этом сражении. Его брат ‘Абдаллах находился в составе армии, осаждавшей Константинополь (670). Сын халифа ‘Усмана Саид участвовал в покорении Мавераннахра и при штурме Самарканда лишился глаза (676).

Среди этой когорты лиц, принадлежавших к числу курайшитской аристократии, не были отмечены лишь старшие сыновья Али: ал-Хасан, ал-Хусайн и Мухаммад Ибн ал-Ханафийя.

¹ EI, vol. I. P. 381.

Таким образом, напрашивается вывод: либо ‘Али сам не очень-то стремился приумножить славу первых трех праведных халифов, либо они, со своей стороны, не горели желанием укреплять позиции прямого конкурента в борьбе за халифат. Они опасались, что, оказавшись во главе закаленных в боях арабо-мусульманских войск, ‘Али всегда будет в состоянии повернуть штыки против центральной власти, и поэтому заключили его под негласный «домашний арест».

Имя ‘Али неожиданно дало о себе знать в первых числах ноября 644 г., когда на жизнь халифа ‘Умара было совершено покушение. Праведный халиф был смертельно ранен в мечети Медины персом-христианином Фирузом из-за отказа рассмотреть жалобу на его хозяина. ‘Умар не взял на себя ответственности назвать имя своего преемника и перед смертью (7 ноября) предложил наиболее авторитетным сподвижникам Пророка избрать из своей среды нового халифа. Этой чести были удостоены: ‘Абд ар-Рахман ибн ‘Ауф, ‘Али ибн Аби Талиб, ‘Усман ибн ‘Аффан, аз-Зубайр ибн ал-‘Аввам, Талха ибн ‘Убайдаллах и Са‘д ибн Аби Ваккас. Обязанности секретаря этого совета (*шура*) были возложены (без права голоса) на сына ‘Умара ‘Абдаллаха.

Случайно или нет, но в составе *шуры* оказались люди, которые позже с оружием в руках будут выступать против ‘Али и его потомков. Аз-Зубайр и Талха примут участие в первой гражданской войне, развязанной против халифата ‘Али, и погибнут в «верблюжей битве» (656). Са‘д откажется присягать ‘Али на верность после его избрания халифом (656), а его сын, ‘Умар, будет причастен к гибели сына ‘Али – ал-Хусайна – в бою при Кербела (680).

В результате трудных трехдневных переговоров¹ члены совета остановились на двух претендентах на пост халифа: ‘Али и ‘Усмане. Перед каждым был поставлен вопрос: «Клянешься ли ты следовать книге Аллаха и обычая Пророка и деяниям Абу Бакра и Умара?»². На него ответ бесхитростного ‘Али был честен: «О Боже! Нет, клянусь только стараться делать это в меру сил». На тот же вопрос искушенный и осторожный ‘Усман ответил так, как надо, – утвердительно и безо всяких оговорок³, и чаша весов склонилась в его пользу.

Правление ‘Усмана (644–656) было спокойным и не требовало серьезных решений: работа государственной машины была налажена до него, армии продолжали завоевательные походы и не требовали от него вмешательства в ратные дела. Вместе с тем новый халиф смешал наместников, назначенных ‘Умаром, иставил на их посты своих родственников. Получившие широкое распространение казнокрадство, кумовство и коррупция вызывали всеобщее недовольство, тем более что выдвигавшиеся на высокие посты

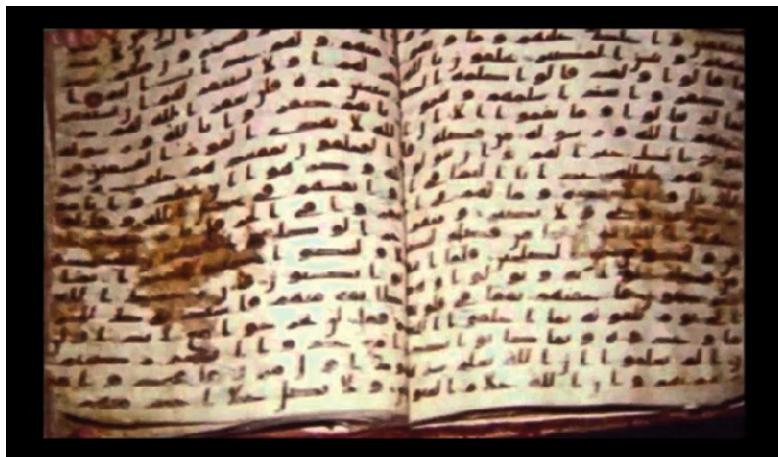
¹ Подр. см.: Большаков, 2000. С. 248–249.

² Цит. по: Там же. С. 157.

³ Там же. С. 157.

родственники халифа принадлежали к роду Умайя (Омея), члены которого ранее были настроены враждебно по отношению к пророку Мухаммаду.

Дело кончилось тем, что в апреле 656 г. недовольные политикой ‘Усмана три ополчения из Куфы, Басры и Египта под предлогом совершения ‘умры подошли к Медине и осадили дом халифа. Прибывших из Египта возглавлял сын первого праведного халифа Мухаммад ибн Аби Бакр. В итоге восставшие прорвали оборону и ворвались в дом, где застали ‘Усмана за чтением Корана. Вид Священного Писания не остановил их: кто-то ударил ‘Усмана рукояткой мечи, кто-то ткнул наконечником стрелы, кто-то нанес смертельный удар, и кровь третьего праведного халифа, согласно распространенной легенде, окропила листы *Мускаф ‘Усмани*.

Коран со следами крови

Он стал первым халифом, умершим от рук единоверцев. В убийстве ‘Усмана, согласно некоторым источникам, непосредственное участие принимал Мухаммад ибн Аби Бакр. По преданию, он схватил халифа за бороду со словами: «Гляди, Бог тебя покарал, старый дуралей!», на что ‘Усман ответил: «Я не дурак, мое имя ‘Усман, я повелитель правоверных»¹.

Чью сторону в этих событиях занимал ‘Али? Шиитские авторы в стремлении уберечь его репутацию от порочащих сведений писали, что во время событий в доме ‘Усмана ‘Али не было в Медине. Ат-Табари приводил следующие слова сына ‘Али – Мухаммада Ибн ал-Ханафий: «Я был с отцом, когда убили халифа ‘Усмана. Он вернулся в город в ужасе от этой новости, которая его сильно потрясла»². Тот же ат-Табари приводит и дру-

¹ Чистякова. С. 48.

² Цит. по: Карнаки, 2011. С. 257.

гую версию, согласно которой ‘Али не покидал Медину и принимал активное посредническое участие в переговорах между мятежниками и халифом¹.

Политические последствия убийства третьего халифа оказались не такими, как ожидались явными и негласными противниками ‘Усмана. Им стало ясно, что подозрение в соучастии в убийстве неминуемо должно пасть на того, кто примет халифат из рук восставших. Претендентов было четыре: ‘Абд ар-Рахман ибн ‘Ауф, аз-Зубайр, Талха и ‘Али. Прибывшие из Египта воины желали видеть во главе уммы и государства ‘Али, басрийцы поддерживали кандидатуру Талхи, а куфийцы – аз-Зубайра. Каждый из них поначалу отказывался встать во главе осиротевшей мусульманской общины и государства.

Мухаммад ибн ал-Ханафийя вспоминал: «После убийства ‘Усмана асхабы пришли к моему отцу (имаму ‘Али) и сказали: “Мы не знаем никого, более достойного халифата, чем ты”. ‘Али сказал: “Лучше я буду для вас помощником (вазир), чем повелителем (амир)”. Они сказали: “Мы никого не признаем и никому не присягнем, кроме тебя!”»². Наконец, после долгих переговоров, ‘Али заявил о своей готовности принять власть, если его согласится признать умма.

‘Али принимает предложение стать халифом

24 июня 656 г. после проведения официальной присяги во главе мусульманского государства встал новый халиф. По описаниям ат-Табари и ал-Балазури, это был очень смуглый человек среднего роста, широкоплечий

¹ См.: Большаков, 2000. С. 212–213.

² Цит. по: Насири. С. 172–173.

и тучный, с большим животом. Ему было около 56 лет, но выглядел он старше из-за широкой белой бороды, закрывавшей грудь от плеча до плеча. Обширную лысину окаймлял венчик седых волос, свисавших сзади гривой¹.

В действительности ‘Али с молодых лет был лысоват. Абу-л Касим Махмуд Аз-Замахшари (1075–1144) писал в *тафсире ал-Кашшаф* («Раскрывающий»), что когда ‘Али прибыл в Медину, совершив хиджру, жители города «насмеялись над ним, перемигиваясь, а затем вернулись к своим и сказали: “Видели мы сегодня этого лысого” и смеялись над ним...»². Этот сюжет, по мнению ‘улема, нашел свое отражение в тексте Корана в аяте 83:30.

Описанный образ ‘Али сохранился в памяти поколений настолько, что спустя почти два столетия еще служил поводом для насмешек со стороны противников шиитов. При дворе аббасидского халифа ал-Мутаваккила (847–861) один из придворных заслужил благосклонность властителя тем, что «имел обыкновение засовывать под одежду подушку и, обнажив свой лысый череп, плясать, припевая при этом: “Вот идет лысый пузан”»³. Надо сказать, что это близкое к реальному описание внешнего вида имама ‘Али не имеет ничего общего с современными изображениями, которые можно увидеть во многих публикациях, посвященных четвертому халифу.

В своей первой проповеди (*хутбе*) ‘Али заявил: «Воистину, Аллах с высоты своих небес и трона видит, что мне не хотелось власти над общиной Мухаммада, пока ваше мнение не было единым, но когда ваше мнение стало единым, то я не мог оставить вас...»⁴.

Характерно, что в данной ситуации его «политическая апатия» – нежелание (или невозможность) заниматься политическими и административными делами – сыграла ему на руку. Он не давал повода настроить против себя *умму*. Поведение ‘Али никак не демонстрировало его политических пристрастий, в известном смысле он казался компромиссной фигурой. Так, ‘Али не препятствовал участию своего сына ал-Хасана в обороне дома ‘Усмана, но его имени нет среди лиц, провожавших третьего халифа в последний путь⁵, при этом и нет никаких свидетельств его пособничества мятежникам.

Среди недовольных избранием ‘Али оказались многие известные сподвижники Пророка. В общей сложности называлось 16 имен и среди них составитель Корана – Зайд ибн Сабит, любимый поэт Пророка – Хасан ибн Сабит, сын приемного сына Пророка – Усама ибн Зайд и другие. Но особенно болезненно ‘Али воспринял уклонение от присяги ему ‘Абдаллаха – сына второго халифа и Са‘да, покорителя Ирана.

Центром притяжения оппозиции новому халифу стала Мекка. Сюда стянулись Талха, аз-Зубайр, к которым просоединилась ‘А’иша, а также

¹ См.: Большаков, 1998. С. 17–18.

² Цит. по: Фролов, 2011. С. 380.

³ Мец. С. 73.

⁴ Цит. по: Большаков, 1998. С. 19; см.также: Насири. С. 173.

⁵ См. список участников: Большаков, 1998. С. 12–13.

сняты со своих постов новым халифом бывшие наместники городов и провинций. Противостояние Али и «триумвирата» оппозиционеров завершилось сражением в окрестностях Басры, которое получило название «верблюжей битвы» (656). Подробнее об этом уже было рассказано в разделе, посвященном ‘А’ише.

Самым серьезным противником ‘Али стал наместник Сирии и Палестины Му‘авийа ибн Аби Суфьян, пользовавшийся поддержкой большинства арабских племен к северу от Аравии. Жесткая позиция нового халифа по отношению к наместникам, назначенным ‘Усманом: снятие их с должностей, изъятие земель, – вызвала открытое недовольство Му‘авийи. И когда ‘Али отправил в Дамаск послание, в котором в обмен на лояльность обещал сохранить за ним пост наместника, тот демонстративно не отвечал в течение двух месяцев и отправил в ответ халифу депешу, где вместо ответа была начертана только формула «бисми-ллахи-р-рахмани-р-рахим» («во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного»). Сгоряча ‘Али хотел тут же начать поход на Дамаск, но его отговорили от этого опрометчивого решения.

Политику нового халифа безоговорочно поддерживала большая группа его приверженцев. Помимо родственников и близких друзей в их числе выделялась группа лиц – зачинателей движения «аиши‘ат ‘Али» («приверженцы ‘Али», «партия ‘Али»). Еще в период избрания Абу Бакра (632) Микдад ибн ал-Асвад, Салман ал-Фариси, ‘Аммар ибн Йасир, Абу Зарр ал-Гифари, Абдаллах ибн ас-Саба и др. поддерживали кандидатуру ‘Али на выборах халифа. Они стали своего рода ядром, вокруг которого постепенно сложилось религиозно-политическое движение – шиизм, позднее ставшее первым религиозным ответвлением в исламе, а ‘Али был объявлен первым шиитским имамом («предводителем»).

Отметим, что впоследствии ‘Али пришлось удалить от себя Ибн ас-Сабу, который неумеренным восхвалением компрометировал его в глазах мусульман. По преданию, халиф приказал предать огню нескольких последователей Ибн ас-Сабы, которые провозгласили четвертого халифа живым Богом. На что фанатичные сабайты заявили: «Теперь мы знаем, что ты действительно Бог, ибо только Бог наказывает огнем»¹.

Халиф ‘Али

¹ Ислам: Энцикл. С. 201.

Начавшееся противостояние между сторонниками и противниками ‘Али привело в итоге к развязыванию первой гражданской войны, ярким эпизодом которой стала «верблюжья битва», описанная в биографии ‘А’иши.

‘Али, понимая, что в Хиджазе, где сильно сказывалось влияние Омейядов, ему не найти прочной опоры, в первых числах января 657 г. перенес свою резиденцию в Ирак, в Куфу. Здесь он начал накапливать силы для грядущей борьбы с сирийским наместником Му‘авийей. Тот, в свою очередь, сосредоточил все усилия на том, чтобы обрести полный контроль над богатым Египтом. В итоге, собрав внушительные и примерно равные по численности армии (около 50 тыс. с каждой стороны), противники двинулись навстречу друг другу. В середине мая 657 г. войска встретились в северной части Месопотамии у разрушенного византийцами селения Сиффин, в 40 км от местечка Ракка на Евфрате.

Утром 19 июля ‘Али и Му‘авийя выстроили войска в боевом порядке, и началось девятидневное кровопролитное сражение. Схватки были настолько ожесточенными, что бойцы оказались на грани физического истощения. В результате перевес сил оказался на стороне ‘Али.

От полного разгрома воинство Му‘авийи спасла хитрость: на рассвете перед изумленными воинами ‘Али предстала процессия сирийцев, прикрепивших к своим копьям свитки Корана. Слышались крики: «Аллах, Аллах! Подумайте о ваших женах и детях и о том, кто останется для [отражения] румов, тюрок и персов»¹. Отказ от принятия предложения решить спор по Корану мог лишить халифа морального превосходства, и ‘Али согласился на переговоры. В итоге битва была прекращена, так и не выявив победителя.

Окончательное решение было передано на суд доверенным лицам сторон: ‘Амру ибн ал-‘Асу (от Му‘авийи) и Абу Мусе ал-Аш‘ари (от ‘Али). Они должны были, опираясь на текст Корана, определить, кто более достоин стать во главе уммы и мусульманского государства: ‘Али или Му‘авийя. В результате оба войска, похоронив убитых и забрав раненых, возвратились по своим домам.

Недовольная мирным исходом дела значительная часть сторонников ‘Али, численностью от 8 до 12 тыс. воинов, разбила свой лагерь в селении ал-Харура и объявила своей целью войну до победы. Это размежевание положило начало новой самостоятельной ветви в исламе – хариджитской. Хариджиты (от араб. «восставшие», «вышедшие») – именно так в дальнейшем стали называть харуристов и их последователей, – как и шииты, были изначально только участниками военно-политического движения и лишь позднее сформировали собственную религиозную школу. Вскоре, по иронии судьбы, ‘Али пришлось воевать против хариджитов – своих самых последовательных приверженцев.

¹ Цит. по: Большаков, 1998. С. 58.

Как показало дальнейшее развитие событий, предложение о двусторонних переговорах было использовано Му‘авийей для того, чтобы собрать новые силы для свержения ‘Али. Со своей стороны хариджиты, недовольные тем, что было передано на людской суд то, что, с их точки зрения, должно быть только во власти Аллаха, избрали своим имамом ‘Абдаллахом ибн Вахба ар-Расиби, и также решили открыто выступить против ‘Али.

‘Али был поставлен перед необходимостью сражаться на два фронта: и против сирийцев, и с хариджитами. Он сначала решил бороться с «внутренними врагами», избрав своей тактикой пропагандистскую кампанию. Халиф объявил об амнистии хариджитов, чем вызвал брожение и раскол в их среде, в результате приведшие к заметному сокращению их числа.

17 июля 658 г. в местечке ан-Нахраван сильно поредевшее войско хариджитов во главе с ‘Абдаллахом ибн Вахбом вступило в неравный бой с армией халифа. Хариджиты сражались отчаянно, но были почти все поголовно перебиты. Однако последствия победы ‘Али оказались непредвиденными: они ослабили его авторитет, поскольку в глазах мусульманской общины он стал халифом, истребившим своих же сторонников. А позиции Му‘авии укрепились настолько, что он в Дамаске публично объявил себя халифом. Точная дата этого события неизвестна: разброс по времени составляет несколько лет – от апреля 658 г. до февраля 662 г. Так или иначе, в течение небольшого срока государством управляли два халифа – из Дамаска и из Куфы.

В 660 г. ‘Абд ар-Рахман ибн Мулджам ал-Муради – хариджит, спасшийся в числе немногих после битвы при ан-Нахраване, – вместе с двумя единомышленникамиговорился убить трех главных виновников раскола среди мусульман: ‘Али, Му‘авийу и ‘Амра. В январе 661 г. он вместе с сообщниками, растворившись среди мусульман, ожидающих начала предрасветной молитвы, остался в мечети Куфы. Когда ‘Али вошел в мечеть, Ибн Мулджам и один из его сподручных Шабиб ибн Баджра бросились к халифу с криком: «Суд принадлежит Аллаху, а не тебе, ‘Али, и не твоим людям с мечами!». Шабиб первым настиг халифа, но его удар мечом был неудачным. Ибн Мулджам оказался более расторопным, и его меч опустился на голову ‘Али. «Не упустите этого человека!» – успел крикнуть тяжело раненный халиф, и все навалились на Ибн Мулджама. В суматохе его сподручные скрылись.

Испытывая невыносимые боли, ‘Али продержался почти две суток. Смерть настигла халифа 23 января 661 г. Покушения на Му‘авийю и ‘Амра не привели к желаемым результатам. Хариджит, покушавшийся на Му‘авийю, нанес удар сзади, но дамасский халиф в этот момент склонился в молитвенном поклоне, и удар пришелся по ягодицам. ‘Амр вообще не пострадал – вместо него был убит другой, похожий на него человек¹.

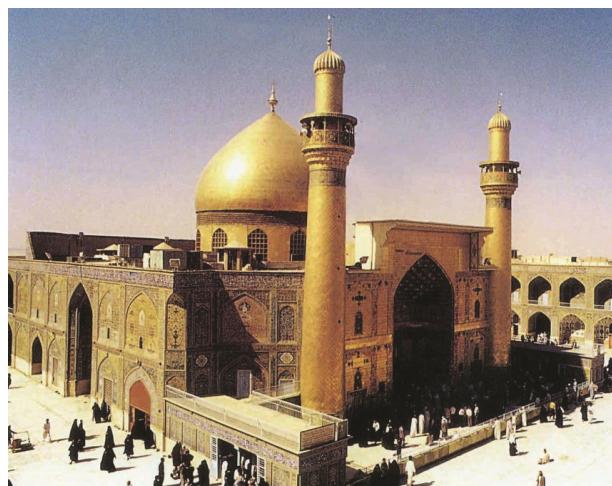
¹ Большаков, 1998. С. 87–88.

По распространенному преданию, ‘Али перед кончиной завещал привязать свое тело к верблюду, выпустить его в пустыню, и там, где животное остановится и в изнеможении опустится на колени, похоронить тело.

Церемония похорон ‘Али

Верблюд, пройдя около 20 км, остановился и прилег. Скорбные свидетели исполнили последнюю волю праведного халифа и насыпали над местом захоронения большой холм. Так возник город ан-Наджаф, что в переводе означает «Холм». Позднее по распоряжению Харуна ар-Рашида над легендарным местом захоронения ‘Али была сооружена гробница.

Мечеть над гробницей ‘Али в г. ан-Наджаф

По сведениям более достоверных мусульманских источников, халиф был похоронен на южной окраине Куфы или во дворе собственной резиденции. ‘Али завещал сделать могилу незаметной, чтобы его враги не смогли надругаться над телом. Была ли осуществлена воля покойного, неизвестно, поскольку местонахождение могилы было утеряно¹.

С именем ‘Али связаны многие установления ислама. В качестве примера можно привести аят 4:43, о причинах ниспослания которого можно прочесть у крупнейшего мусульманского улема XV–XVI вв. Джалаля ад-Дина Абу Бакра ‘Абд ар-Рахмана ас-Суйути (1445–1505). С его слов, ‘Али рассказывал: «Устроил угождение для нас ‘Абд ар-Рахман ибн ‘Ауф и напоил вином. Ударило оно в голову нам. И в момент этот настала пора молитвы ритуальной. Поставили меня имамом, и стал я читать: «**О вы, неверные! Не поклоняюсь я тому, чему поклоняетесь вы.** Поклоняемся мы тому, чему поклоняетесь вы»². (Вместо: «**А вы не поклоняйтесь тому, чему поклоняюсь я**». – A. A.). (109:1–3)³. И ниспослав Аллах: «**О вы, которые уверовали! Не творите молитвы, будучи пьяными, [и ждите,] покуда не сможете следить за речью своей**»». (4:43)⁴. Впрочем, не ‘Али оказался повинен в том, что запреты на потребление вина, азартные игры и гадание на стрелах были возведены в абсолют (см.: Коран 5:90–91), а пьяная кровавая драка между *мухаджирами* и *ансарами*, которая произошла в 625 г. во время осады мусульманами Бану Надир.

‘Али оставил после себя обширное потомство, именуемое Алидами. После смерти Фатимы он многократно был женат и имел многочисленных наложниц. По разным сведениям, число его детей колебалось от 27 до 36⁵.

Первой его женой после Фатимы была Умама бинт Аби-л-‘Ас, она родила ‘Али сына Мухаммада-среднего. За ней последовали: Лайла бинт Мас‘уд (сыновья ‘Умар-младший, Абу Бакр, ‘Убайдаллах); Мулайка бинт Хариджа; Асма’ бинт ‘Умайс (сыновья ‘Аун, Иахия, Мухаммад младший); Умм ал-Банин (сыновья ал-‘Аббас-старший, ‘Абдаллах, ‘Усман-старший, Джак‘фар старший); Ас-Сабра бинт Раби‘а (сын ‘Умар-старший); Умм Зайд бинт ‘Урва (дочери Рамла и Умм ал-Хасан); Умм Хабиб бинт Раби‘а (близнецы ‘Амр и Рукайя)⁶. Остальные дети были рождены наложницами, среди которых можно выделить двух женщин: Хаулу бинт Джак‘фар из племени ал-Ханафийя, которая родила сына Мухаммада-старшего, более известного как Ибн ал-Ханафийя, и Райту бинт Хилал, которая была подарена ‘Али пророком Мухаммадом в качестве живого военного трофея (630).

¹ См.: Большаков, 1998. С. 90, 308.

² Суйути, 1999. С. 826.

³ Коран, перевод Османова.

⁴ Там же.

⁵ Гудратов. С. 446; Компани, 2011. С. 286–287.

⁶ Компани, 1997. С. 397–399; Компани, 2011. С. 286–287.

Все дети ‘Али, появившиеся на свет не от любимой дочери Пророка Фатимы, находились в тени своих более родовитых единокровных братьев ал-Хасана и ал-Хусайна, они бесприкосновенно признавали их лидерство в делах шиитской общины и семейного клана Алидов. После смерти ‘Али все они поддерживали претензии братьев на халифат: сначала ал-Хасана, а потом ал-Хусайна; позднее многие из них погибли в бою при Кербела¹, разговор о котором нам еще предстоит.

¹ См.: мартиролог в: Заргаринежад. С. 432–569.

ТРЕТЬЕ ПОКОЛЕНИЕ

Третье поколение продолжателей рода Мухаммада называли *ахгад ар-Расул*. Ввиду того что сыновья Мухаммада умерли в детском возрасте, все его потомки в третьем поколении были внучками и внуками Пророка по материнским линиям. Из четырех дочерей Мухаммада только у Умм Кулсум не было детей.

Внучки Мухаммада

Все внучки Мухаммада появились еще при его жизни. Первой внучкой Пророка стала Умма. Она родилась в семье старшей дочери Пророка Зайнаб и Абу-л-'Аса ибн ар-Раби'. Три следующие появились на свет уже в семье Фатимы и 'Али ибн Аби Талиба: Зайнаб, Рукайя и Умм Кулсум. Принято считать, что они были названы Пророком в память о его умерших дочерях. Если это так, то каждая из дочерей 'Али и Фатимы не могла появиться на свет еще при жизни своей тети-тезки, причем порядок их рождения должен соответствовать очередности смертей дочерей Мухаммада. Первой из них умерла Рукайя (624), второй – Зайнаб (629), третьей – Умм Кулсум (630), следовательно, старшая дочь 'Али и Фатимы – это Рукайя, средняя – Зайнаб, а младшая – Умм Кулсум.

Сказанное не означает, что в отношении дочерей 'Али и Фатимы в литературе установлена определенная упорядоченность. Авторы, ставящие под сомнение существование тех или иных дочерей Пророка, скептически относятся и к наличию их тезок в семье Фатимы. Не исключен также

вариант, что имена дочкам ‘Али и Фатимы давались не в память об их усопших тетях, а по причине того предпочтения, которое отдавал этим именам Мухаммад. В таком случае они могли родиться при жизни старших сестер Фатимы. Сюда можно добавить, что известную путаницу при упоминании имен дочерей ‘Али вносит то обстоятельство, что после смерти Фатимы он нарек именами Зайнаб, Рукайя, Умм Кулсум и Фатима четырех других своих дочерей, рожденных от *умм ал-валад*, и они, так же как внучки Пророка, носили «отчество» бинт ‘Али (ибн Аби Талиб).

Умама бинт Аби-л-‘Ас

Умама родилась в семье Абу-л-‘Аса ибн ар-Раби¹ и Зайнаб бинт Мухаммад¹. По отцовской линии принадлежала к курайшитскому роду ‘Абд Шамс. Она появилась на свет раньше всех потомков Пророка в третьем поколении. Точный год ее рождения неизвестен, но произошло это, скорее всего, еще до *хиджры* 622 г., так как известно, что она была взята в жены ‘Али ибн Аби Талибом в 632/33 г.

Мухаммад очень любил Умаму. Как-то у него оказалось ожерелье, и он сказал: «Я подарю его той, кого люблю больше всех». Все решили, что подарок достанется ‘А’ише, однако Пророк надел ожерелье на шею своей первой внучки². Ал-Бухари в ас-Сахих поместил *хадис* о том, что Мухаммад нередко молился, держа на руках маленьку Умаму. Перед совершением земного поклона Пророк опускал девочку на землю, а когда поднимался, снова брал ее на руки³.

После смерти своей тети Фатимы бинт Мухаммад (632) Умама стала женой овдовевшего ‘Али ибн Аби Талиба. После смерти ‘Али (661) она вышла замуж за человека, о котором ничего конкретного не сообщается, кроме имени – Науфал ибн ал-Мугира.

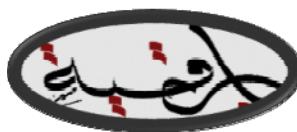
¹ Абу ‘Ильм. С. 66; Дочери. С. 9–10; Ислах. С. 69; Миршарифи. С. 249; Хайламаз. С. 49; EI, vol. XI. P. 485.

² Дочери. С. 9.

³ Бухари. С. 138.

Источники расходятся во мнении, были ли у Умамы дети от ‘Али и Науфала. Согласно биографическому словарю Ибн ал-Асира *Усд ал-Габа*, Умама не оставила потомства¹. Однако некоторые авторы полагают, что в ее первом браке родился сын Мухаммад-средний, а во втором – сын Йахья². У ‘Али было три сына, носивших имя Мухаммад: Мухаммад ал-Акбар (старший), рожденный от Хаулы бинт Джавар из *бану Ханифа* и известный как Ибн ал-Ханафийа, Мухаммад ал-Авсат (средний), а также погибший при Кербела Мухаммад ал-Асгар (младший), матерью которого называли либо Лайлу бинт Мас‘уд, либо Асму бинт ‘Умайс, либо некую *умм ал-валад*.

Дата смерти Умамы и наличие или отсутствие у нее потомков, продолживших род Пророка, остается тайной. Эта ветвь на генеалогическом древе Мухаммада, скорее всего, оборвалась.

Рукайя бинт ‘Али ибн Аби Талиб

О Рукайе бинт ‘Али известно крайне мало. Во многих трудах ее имя вообще не приводится среди детей ‘Али ибн Аби Талиба и Фатимы бинт Мухаммад³.

Можно встретить сообщение, что она была их первой дочерью и «умерла в нежном возрасте», в связи с чем «многие ученые забывали упомянуть о ней, как о дочери Фатимы»⁴. Некоторые биографы утверждают также, что Рукайя была последней дочерью ‘Али и Фатимы, что она носила лакабы «Ситти» и «Сайида» («Госпожа») и была свидетельницей гибели своего брата ал-Хусайна при Кербела⁵.

Первое из приведенных сведений можно отнести к разряду предположений. Второе – ошибочно, так как базируется на упомянутой путанице с именами дочерей ‘Али. Речь здесь может вестись не о Рукайе, дочери Фатимы и внучке Пророка, а о Рукайе – дочери ‘Али от *умм ал-валад*, часто

¹ См.: Дочери. С. 61.

² Там же. С. 9–10.

³ Абу ‘Ильм. С. 119; Али-заде. С. 334; Гудратов. С. 314; Карнаки, 2011. С. 238; Компани, 1997. С. 397; Ньюби. С. 270; EI, vol. II. P. 843.

⁴ Дочери. С. 64.

⁵ Фатима. С. 89.

именуемой как Рукайя-младшая. Именно последняя сопровождала своего единокровного брата, третьего шиитского имама ал-Хусайна ибн ‘Али, в его походе на Куфу, являлась свидетельницей боя при Кербела, в котором была пленена и позже освобождена. Но известна Рукайя-младшая не только этим: она была женой двоюродного брата ал-Хусайна, Муслима ибн ‘Акила (‘Укайла) ибн Аби Талиба, и их сын ‘Абдаллах погиб при Кербела¹.

Сказанное, естественно, необязательно должно свидетельствовать о том, что Рукайи, дочери ‘Али и Фатимы, не существовало вообще, или же что она не могла принять участие в походе ал-Хусайна. Вот только говорить об этом можно лишь гипотетически ввиду отсутствия достоверных данных.

Зайнаб бинт ‘Али ибн Аби Талиб

Сообщается, что свое имя Зайнаб получила от Пророка, который назвал внучку в память об умершей дочери². Вместе с тем можно встретить утверждение, что Зайнаб родилась за пять лет до смерти Пророка³ – около 627 г., т.е. за два года до кончины Зайнаб бинт Мухаммад (629), которой была обязана своим именем.

Когда Зайнаб достигла совершеннолетия, «отец выдал ее замуж за сына своего брата – ‘Абдаллаха ибн Джак’фара ибн Аби Талиба, который был в числе первых, кто сватался к ней...»⁴.

В ряде современных изданий можно встретить различные сочетания детей, рожденных в этом браке: ‘Абдаллах и ‘Аун⁵; ‘Али, ал-‘Аббас, ‘Аун и Умм Кулсум⁶; ‘Али, Мухаммад, ‘Аун, ал-‘Аббас и еще две дочери⁷. Также говорится о том, что все сыновья ‘Абдаллаха ибн Джак’фара и Зайнаб погибли при Кербела⁸.

¹ Заргаринежад. С. 517; EI, vol. VII. P. 690.

² Абу ‘Ильм. С. 123.

³ Али-заде. С. 112.

⁴ Абу ‘Ильм. С. 125; см. также: Дочери. С. 65.

⁵ Дочери. С. 65.

⁶ Али-заде. С. 112.

⁷ Абу ‘Ильм. С. 125.

⁸ Там же.

Разобраться в вопросе о числе правнуков Пророка, рожденных Зайнаб, помогает мартиролог шахидов, павших в этом бою. Как известно, Зайнаб вместе со своими детьми сопровождала брата, ал-Хусайна, в походе на Куфу. Ее муж, 'Абдаллах ибн Джак'фар, первоначально отговаривавший имама от этого предприятия¹, не присоединился к нему, но послал вместо себя своих сыновей 'Ауна и Мухаммада с наказом неотлучно находиться рядом с ал-Хусайном².

Итак, выясняется, что среди погибших при Кербеле шахидов сыновей 'Абдаллаха ибн Джак'фара с именами 'Али и ал-'Аббас не значится. Другими словами, они либо остались с отцом в Медине, либо были пощажены как несовершеннолетние.

Мухаммад ибн 'Абдаллах ибн Джак'фар и его брат 'Абдаллах ('Убайдаллах) действительно погибли при Кербеле, но матерью их была не Зайнаб, а Хаяса' бинт Хусфа ибн Сакиф из бану Бакр ибн Ва'ил³.

Что касается 'Ауна, то сыновей с таким именем у 'Абдаллаха ибн Джак'фара было два: ал-Акбар (старший) и ал-Асгар (младший), и первый из них погиб при Кербеле. Согласно некоторым спискам павших, матерью 'Ауна ал-Акбара действительно была Зайнаб бинт 'Али. Однако, по другим сведениям, «его матерью была Джумана, дочь ал-Мусаййаба ибн Наджбы ал-Фазари. По мнению Абу-л-Фараджа ал-Исфахани, Абу Бакра Ахмада ал-Байхаки (994–1066) и других авторов, Джумана была матерью 'Ауна ал-Асгара, а не 'Ауна ал-Акбара»⁴.

Из сказанного вытекает, что в жизни 'Абдаллаха ибн Джак'фара брак с Зайнаб не был единственным. Был ли он вдовцом, когда женился на внучке Пророка, или же она вошла в его дом не первой женой, точно не известно. Что известно более определенно, так это то, что в битве при Кербеле она потеряла, скорее всего, всех своих сыновей, после чего была плена и доставлена в Куфу к 'Убайдаллаху ибн Зийаду.

Все историки отмечают достойное поведение и твердость характера, проявленную Зайнаб в ходе и после трагических событий при Кербеле. «Историк Ибн ал-'Асир писал, что когда 'Убайдаллах приговорил 'Али – единственного оставшегося сына ал-Хусайна – к смерти, Зайнаб заявила, что не желает оставаться в живых, и потребовала казнить и ее. 'Убайдаллах решил не убивать 'Али и распорядился отправить пленников в Дамаск к халифу Йазиду I, который их освободил»⁵. Когда же халиф решил отдать Фатиму бинт 'Али какому-то сирийцу без заключения брака, то ему пришлось выслушать возмущенную речь Зайнаб, вступившейся за честь единокровной сестры, такой же дочери халифа, – и он отказался от этого на-

¹ Заргаринежад. С. 534; EI, vol. I. P. 44.

² Там же. С. 534.

³ Там же. С. 511, 548.

⁴ Там же. С. 533–534.

⁵ Али-заде. С. 112; см. также: Большаков, 1998. С. 204.

мерения. «Зайнаб была единственной женщиной, которая взяла на себя обязанность охранять жен и детей ал-Хусайна и его соратников, до тех пор пока она не вернула их в Медину из этого опасного похода»¹.

После возвращения в родной город Зайнаб прожила еще четыре года. Умерла она, по разным данным, в Медине, в Каире или же в Дамаске, – городе, где над ее предполагаемой могилой воздвигнута мечеть.

Мавзолей Зайнаб бинт ‘Али в Дамаске

Произошло это в 684 г., и было Зайнаб около 65 лет². После ее смерти ‘Абдаллах ибн Дж‘а‘фар женился на ее сестре Умм Кулсум бинт ‘Али, внучке пророка Мухаммада.

Умм Кулсум бинт ‘Али ибн Аби Талиб

Умм Кулсум в год смерти своей матери Фатимы была еще маленькой девочкой. Когда Умм Кулсум немного повзросла, к ней посватался халиф ‘Умар. ‘Али сначала отказывался выдать дочь замуж, но потом,

¹ Абу ‘Ильм. С. 127.

² Али-заде. С. 112; Фатима. С. 88.

поразмыслив, согласился¹. Сообщается, что в этом браке у Умм Кулсум родились мальчик и девочка. Сын получил имя Зайд, а дочь – Рукайя².

Сказанное сложно увязать с датой смерти ‘Умара, которая известна точно: второй праведный халиф был смертельно ранен 3 ноября 644 г. и умер через три-четыре дня³. Следовательно, к этому времени Умм Кулсум бинт ‘Али, если ее назвали в честь покойной тети, Умм Кулсум бинт Мухаммад, было только 13 лет. Когда она успела родить ‘Умару двух детей? Ответ неясен: либо она родилась до смерти тети и не была названа в ее честь, либо родила двойню, либо кто-то из детей Умм Кулсум появился на свет уже после смерти ‘Умара.

Юная Умм Кулсум с двумя детьми на руках недолго оставалась одна. Вскоре она вышла замуж за ‘Ауна ибн Джак‘фара, своего двоюродного брата по отцовской линии, «но детей от этого брака не имела. Когда умер и второй ее муж, Умм Кулсум вышла замуж за Мухаммада ибн Джак‘фара, приходившегося братом ее последнему мужу»⁴.

В авторитетной Энциклопедии ислама можно прочесть, что ‘Аун и Мухаммад, сыновья Джак‘фара, погибли при Кербеле⁵. Это утверждение представляется ошибочным по причине возникающего противоречия: если эти двоюродные братья имама ал-Хусайн попали в какие-то списки его соратников, павших при Кербеле, то они не могли последовательно быть мужьями Умм Кулсум, так как погибли в один день. Вероятно, их имена здесь спутаны с именами их племянников – ‘Ауна и Мухаммада, сыновей ‘Абдаллаха ибн Джак‘фара.

Судьба сложилась так, что Умм Кулсум довелось похоронить и третьего мужа. Вскоре после этого, в 684 г., умерла ее сестра Зайнаб бинт ‘Али, и вдовым остался ‘Абдаллах ибн Джак‘фар, полнокровный брат двух покойных мужей Умм Кулсум. За него она и вышла замуж в последний, четвертый, раз. К тому времени Умм Кулсум было около 55 лет, а ‘Абдаллах находился уже в преклонном возрасте, так как известно, что он появился на свет в первые годы после эмиграции родителей в Эфиопию (616–628)⁶. Вероятно, там же родились и его братья. Их матерью была уже знакомая нам Асма’ бинт ‘Умайс (? – 659/60), единоутробная сестра Маймуны (жены Пророка), которая последовательно была женой Джак‘фара ибн Аби Талиба, первого праведного халифа Абу Бакра, и ‘Али ибн Аби Талиба.

¹ Фатима. С. 89.

² Абу ‘Ильм. С. 128; Дочери. С. 64.

³ Большаков, 2000. С. 156; EI, vol. X. P. 820.

⁴ Дочери. С. 64–65.

⁵ EI, vol. II. P. 372.

⁶ И.Х. С. 346; I.H. P. 526; EI, vol. I. P. 44.

Год смерти Умм Кулсум точно не известен, сообщается только, что «в тот же день и час умер Зайд, ее сын от ‘Умара»¹. Абдаллах ибн Джабар пережил жену и умер, по разным данным, в возрасте 80, 85, 87 или 90 лет².

Внуки Мухаммада

Широко распространено мнение, согласно которому продолжение рода Пророка связано исключительно с ал-Хасаном и ал-Хусайном – сыновьями его дочери Фатимы и Али ибн Аби Талиба. Причины этого подхода кроются в отсутствии полных и достоверных данных о внуках Мухаммада от других его дочерей (помимо Фатимы) и в стремлении большинства шиитских авторов ограничить круг единственными законными наследников и духовных преемников Пророка потомками ‘Али и Фатимы от ал-Хасана и ал-Хусайна. Однако, согласно целому ряду источников, три внука Пророка появились на свет у других его дочерей – Рукайи и Зайнаб.

‘Абдаллах ибн ‘Усман ибн ‘Аффан

‘Абдаллах ал-Акбар (старший), сын ‘Усмана ибн ‘Аффана и Рукайи бинт Мухаммад, по отцовской линии принадлежал к курайшитскому роду ‘Абд Шамс. Он родился в конце эмиграции родителей в Эфиопию и был, таким образом, долгожданным первым внуком пророка Мухаммада.

Совсем маленьким ‘Абдаллах был привезен в Медину, где ему было суждено прожить всего несколько лет, когда случилось непредвиденное. Сейчас уже трудно сказать, чего там не поделили любимый внук Пророка и

¹ Дочери. С. 64–65.

² EI, vol. I. P. 44.

беспородный дворовый петух, но в один из осенних дней их пути пересеклись. Эта встреча закончилась трагически: петух клюнул ‘Абдаллаха в глаз, чем в известной мере изменил ход истории ислама. Началось воспаление, и старший внук Мухаммада, который мог бы по причине первородства претендовать на главенство среди потомков Пророка, вскоре в мучениях умер.

Ат-Табари сообщал, что сын ‘Усмана и Рукайи умер в возрасте шести лет 9 октября 625 г., на полтора года пережив свою мать. Погребальную молитву над ним читал Пророк, а ‘Усман лично положил тело сына в могилу¹.

‘Али ибн Аби-л-‘Ас

Сын Зайнаб бинт Мухаммад, ‘Али ибн Аби-л-‘Ас, по отцовской линии принадлежал к курайшитскому роду ‘Абд Шамс.

По сообщениям большинства авторов, он прожил недолгую жизнь и умер, как указывается в разных источниках, молодым², в детстве³, в юном возрасте⁴ или в младенчестве⁵.

Описание смерти ‘Али ибн Аби-л-‘Аса содержится в *хадисе* от Усамы ибн Зайда: «(В свое время) дочь Пророка послала к нему (человека, чтобы пригласить его к себе, так как) ее сын находился при смерти. Однако (Пророк) отоспал (этого человека обратно, велев ему) приветствовать их и сказать: “Поистине, Аллаху принадлежит то, что Он забрал, и то, что Он даровал, и для всего определил Он свой срок, так пусть же она проявляет терпение и надеется на награду Аллаха”. Однако (через некоторое время) она снова послала за ним, заклиная его прийти к ней, и тогда (Пророк) пошел (к ней), и вместе с ним пошли Са‘д ибн ‘Убада, Му‘аз ибн Джабал, Убайй ибн Ка‘б, Зайд ибн Сабит и некоторые другие люди. (В доме дочери)

¹ Tab., vol. VII, I. P. 161 (1453); см. также: Большаков, 1989. С. 124; EI, vol. VIII. P. 595; Madelung. P. 364.

² Дочери. С. 9.

³ EI, vol. XI. P. 485.

⁴ Миршарифи. С. 249.

⁵ Абу ‘Ильм. С. 66; Али-заде. С. 113.

Посланнику Аллаха передали мальчика, который уже начал хрипеть, и тогда глаза (Пророка) наполнились слезами»¹.

Этот рассказ позволяет определить приблизительное время смерти ‘Али. Очевидно, что описанные в тексте события происходили после прибытия Зайнаб в Медину (624), так как в *хадисе* упомянуты мединцы-ансары и среди них *катиб* Пророка Зайд ибн Сабит, родившийся ок. 615 г. Следовательно, внук Мухаммада появился на свет и вскоре умер не ранее середины 620-х годов.

Мухсин ибн ‘Али ибн Аби Талиб

Мухсин (или Мухассин)², младший сын ‘Али ибн Аби Талиба и Фатимы бинт Мухаммад, был последним ребенком в семье и умер в 632 г., едва появившись на свет. Это – немногое, что о нем известно точно. Вместе с тем участь этого младенца до сих пор остается предметом обсуждения в трудах ученых. Расхождение во мнениях проявляется в ответе на два вопроса: 1) родился ли Мухсин при жизни Мухаммада? 2) при каких обстоятельствах он умер?

С чем связан интерес к этому последнему внуку Пророка? Он сводится к различным трактовкам обстоятельств избрания первого халифа, которые уже затрагивались выше.

Шиитские авторы большей частью склонны полагать, что рождение Мухсина произошло в напряженной обстановке, сложившейся после кончины Мухаммада. Ибн Кутайба приводил *хадис*, согласно которому «Мухсин... погиб в чреве матери в результате оказанного на него давления»³. В некоторых источниках содержатся подробности случившегося: «В день, когда состоялась присяга на верность Абу Bakru, ‘Умар (ибн ал-Хаттаб. – A. A.) так сильно ударил в живот Фатимы, что у нее произошел вы-

¹ Бухари. С. 247; см. также: Муслим. С. 271.

² EI, vol. II. P. 843.

³ Цит. по: Абу ‘Ильм. С. 120.

кидыш, она выкинула Мухсина». Это обстоятельство «послужило причиной того, что многие из суннитских историков в своих пересказах замалчивают выкидыш Мухсина и умышленно не замечают эту душераздирающую жестокость»¹.

Другие источники переносят дату рождения и смерти Мухсина на более ранний срок – последние месяцы жизни Мухаммада, отвергая тем самым инцидент и связанные с ним обвинения в злодеянии, выдвинутые против 'Умара со стороны шиитских авторов. Согласно *хадису*, помещенному в труды *мухаддисов* Ибн Ханбала, Абу-л-Хасана 'Али ибн 'Умара ад-Даракутни (918–995), Абу-л-Касима Сулаймана ибн Ахмада ат-Табарани (873–971) и ал-Хакима, имя своему последнему внуку дал сам Мухаммад. «Когда Фатима родила третьего сына, Пророк назвал его Мухсином. Он пояснил: “Я назвал их (сыновей Фатимы. – A. A.) ал-Хасаном, ал-Хусайном и Мухсином, думая о Шабаре, Шубайре и Мушбире, сыновьях Харуна, брата пророка Мусы”»².

Поясним, что упомянутые Мухаммадом имена сыновей Харуна (библейского Аарона) являются однокоренными и это, пожалуй, единственное, что связывает их с именами ал-Хасан, ал-Хусайн и Мухсин (Мухассин). Согласно Библии, у брата пророка Моисея было четыре сына – Надав, Авиуд, Элеазар и Ифамар (Исх. 6:23), имена которых не являются аналогами имен Шабар (Шаббар), Шубайр и Мушбир ни с семантической, ни с фонетической точек зрения. Вероятно, Пророк заимствовал последние из сообщений апокрифов, которые были распространены среди иудеев, населявших Аравию.

Итак, вопрос о том, когда родился и умер Мухсин, остается открытым. Проблема осложняется еще и тем, что жители Аравии часто давали имена мертворожденным детям. По этому поводу Ал-Газали писал, что «даже если ребенок выпадет из чрева, то традицией предписано дать ему имя»³. Можно также предположить, что Мухсин родился и вскоре умер в 631 г., т.е. еще при жизни Пророка, а в 632 г. Фатима вновь ждала ребенка, и эта беременность по каким-то причинам была прервана.

¹ См.: Абу 'Ильм. С. 120, 121.

² Цит. по: Дочери. С. 63.

³ Газали. С. 51.

Ал-Хасан ибн ‘Али ибн Аби Талиб

Ал-Хасан (Хасан) был первым ребенком в семье ‘Али ибн Аби Талиба и Фатимы бинт Мухаммад. По данным большинства источников, он родился в 625/26 г., но более точная дата указывается разная. Ат-Табари в *Ta’righ* писал, что внук Пророка появился на свет в середине месяца рамадан 3 г.х. (около 1 марта 625 г.)¹. На тот же срок ссылался Ибн Хаджар в *ал-Исаба*². Можно встретить другие даты: 624 г.³, 624/25 г.⁴, 625 г.⁵, январь 626 г.⁶.

По рассказам, роды у Фатимы принимала Салма⁷, служанка Сафийи бинт ‘Абд ал-Мутталиб, тети пророка Мухаммада. Присутствовавшая при этом мединка Сауда бинт Масрух вспоминала: «Я была среди тех, кто застал родовые потуги Фатимы... Когда Фатима родила, я завернула ребенка в пеленки желтого цвета. Но Пророк, увидев ребенка, заменил желтые пеленки на белые, плюнул в ротик младенца, чтобы первым, что окажется во рту ребенка, была слюна Посланника»⁸. После этой церемонии Мухаммад предложил назвать своего внука ал-Хасаном («Добрый», «Хороший»), хотя ‘Али предполагал дать ему имя Харб («Война») или Джак’фар («Ручеек»)⁹.

Пророк очень нежно относился к ал-Хасану, о чем свидетельствуют многочисленные рассказы. В одном из них известный передатчик хадисов ал-Бара ибн ‘Азиз вспоминал: «Я слышал, как Пророк, на плече которого сидел ал-Хасан ибн ‘Али, сказал: “О Аллах, поистине, я люблю его, по люби же его и Ты!”»¹⁰. Говорят, что ал-Хасан лицом более походил на Мухаммада, чем на ‘Али. Как-то халиф Абу Бакр, «увидев игравшего с (другими) мальчиками ал-Хасана... посадил его себе на плечи и сказал:

¹ Tab., vol. VII, I. P. 142 [1431]; см. также: Фатима. С. 86.

² См.: Дочери. С. 62.

³ Ньюби. С. 299.

⁴ EI, vol. III. P. 240.

⁵ Али-заде. С. 352.

⁶ Большков, 1989. С. 124.

⁷ Фатима. С. 86.

⁸ Дочери. С. 62.

⁹ Там же. С. 63.

¹⁰ Бухари. С. 575.

“Да станет мой отец выкупом за тебя! Ты похож на Пророка, а не на ‘Али!” – и ‘Али, (слышавший его слова), рассмеялся»¹.

Пророк и ‘Али с ал-Хасаном и ал-Хусайном

О жизни ал-Хасана до времени его недолгого руководства уммой после смерти халифа ‘Али известно мало. Отмечается его участие в обороне дома халифа ‘Усмана (656), «верблюжьей битве» (656) и сражении при Сиффине (657). О.Г. Большаков по этому поводу писал: «Фигура Хасана очень смутно

¹ Бухари. С. 554.

проступает со страниц мусульманских источников. Его негероическая судьба и отсутствие ярких поступков мало привлекали внимание биографов. Характерно, что в биографическом словаре Ибн Са‘да (*Табакат*. – A. A.), где упомянуты сотни второстепенных передатчиков *хадисов*, Хасан не удостоился отдельной статьи; историки, описывающие внешность всех халифов, перечисляющие их жен и детей, никак не характеризуют пятого халифа... В его биографиях рассказывается либо о проявлениях любви к нему деда, либо о событиях его кратковременного правления. Добрые тридцать лет в промежутке между тем и другим не отмечены ничем примечательным: он просто жил в свое удовольствие в Медине, пользуясь благами своего положения внука Пророка, получающего большое жалованье... Современникам запомнились только многочисленные женитьбы и разводы Хасана, да и то неясно, происходило это до избрания его халифом или уже после отречения... Хасан принимал участие в обороне дома ‘Усмана, а затем и обоих сражениях отца, но даже прошиитские источники не нашли материала для прославления его воинской доблести»¹.

Суждения известного отечественного востоковеда справедливы, но нуждаются в некоторых уточнениях. Ибн Са‘д не поместил в *Табакат* развернутой статьи об ал-Хасане по простой причине: внук Пророка не мог быть известен как передатчик *хадисов*, так как ему было всего лишь около семи лет, когда умер Мухаммад. Упомянутое в тексте «большое жалованье» подразумевает ежегодное содержание (*ата*), которое было установлено для сподвижников Пророка и других отличившихся мусульман халифом ‘Умаром на рубеже 639 и 640 гг. Согласно этому распоряжению, ал-Хасану было назначено 5 тыс. дирхемов, наравне с отцом, ‘Али ибн Аби Талибом, братом ал-Хусайном и всеми хашимитами, участвовавшими в битве при Бадре².

Что касается многочисленных женитьб и разводов ал-Хасана, то запутаться в них немудрено: всего через его гарем, по свидетельству Мухаммада ал-Калби, прошло около 80 женщин³. Многие из них были его женами, и он постоянно менял их, не превышая «квоты» в четыре супруги, установленной Кораном (4:3), в связи с чем был прозван «ал-Митлак» («Постоянно расторгающий браки»). Сведения о большинстве жен ал-Хасана и детях, рожденных от них (хасаниды, шарифы), сохранились.

Предположительно, первой женой ал-Хасана была Салма (или Зайнаб), дочь Имру’-л-Кайса ибн ‘Ади (‘Удай) ибн Ауса, главы христианского племени Калб. В начальные годы правления халифа ‘Умара (634–644) Имру’-л-Кайс прибыл в Медину из Сирии для принятия ислама и в целях укрепления союзных отношений выдал трех своих дочерей за ‘Али ибн Аби Талиба и его сыновей, ал-Хасана и ал-Хусайна.

¹ Большаков, 1998. С. 91–92.

² Подр. см.: Хрестоматия. С. 76–79.

³ См.: Madelung. P. 386–387.

После прибытия вместе с отцом в Куфу (656) 30-летний ал-Хасан взял в жены Дж‘а‘ду бинт ал-Аш‘ас ибн Кайс из *бану Кинда*¹.

Перед битвой при Сиффине (657) ал-Хасан женился на Умм Башир (Бишр) бинт ‘Укба ибн ‘Амр из *бану Хазрадж*. Она родила ему сына Зайда и дочь Умм ал-Хусайн. Последняя позже была последовательно женой курайшитов: ‘Абдаллаха ибн аз-Зубайра (род Асад), ‘Абд ар-Рахмана ибн ‘Абдаллаха ибн Аби Раби‘а (род Махзум) и Са‘ида (Са‘да) ибн Зайда ибн ‘Амра (род ‘Ади).

В 661 г. ал-Хасан заключил брак с Хаулой бинт Манзур ибн Заббан из *бану Фазара*. Она родила ему сына ал-Хасана. Позже во избежание путаницы с отцом к имени ал-Хасана ибн ал-Хасана добавляли лакаб «ал-Мусанна» («Воспетый», «Возвеличенный»).

Ал-Хасан был женат на Хафсе бинт ‘Абд ар-Рахман бинт Аби Бакр, внучке халифа Абу Бакра и племяннице ‘А’иши. Влюбленный в нее ал-Мунзир ибн аз-Зубайр ибн ал-‘Аввам (внук Абу Бакра по материнской линии) оклеветал ее, и ал-Хасан дал ей развод. Потом она вышла замуж за ‘Асима, сына халифа ‘Умара, но ал-Мунзир продолжил свои наветы и после очередного развода возлюбленной наконец женился на ней сам².

Женой ал-Хасана была курайшитка Умм Исхак бинт Талха ибн ‘Убайдаллах. Она родила ему сына Талху, умершего в детстве. После смерти ал-Хасана (669) на ней женился его брат ал-Хусайн, которому она родила дочь Фатиму.

Ал-Хасан женился на курайшитке Хинд бинт Сухайл ибн ‘Амр. До этого она была замужем за ‘Абд ар-Рахманом ибн ‘Аттабом ибн Асидом (род ‘Абд Шамс), погибшим в «верблюжьей битве», а потом за ‘Абдаллахом ибн ‘Амиром из *бану Курайза*, который дал ей развод.

Детьми ал-Хасана, рожденными от разных *умм ал-валад*, были сыновья: ‘Абдаллах, ‘Абд ар-Рахман, Абу Бакр, ‘Амр, Исма‘ил, Йа‘куб, ал-Касим, Хамза, ал-Хусайн ал-Асрар, а также дочери – Рукайя, Умм ‘Абдаллах, Умм Салама и Фатима³.

Как можно догадаться, обзаведясь таким большим семейством, ал-Хасану было чем заняться в годы правления халифов ‘Умара, ‘Усмана и ‘Али, т.е. с 634 по 661 г. Его уход в частную жизнь неожиданно прервался со смертью отца.

Халиф ‘Али не выразил своего мнения относительно преемника, однако мало кто из куфийцев мог видеть на посту главы *уммы* и Халифата иного человека, чем старший сын покойного и внук пророка Мухаммада. Уже на следующий день после похорон (в ночь с 23 на 24 января 661 г.) ал-Хасан возглавил молитву в соборной мечети Куфы. Двоюродный брат

¹ Madelung. P. 380.

² Ibid. P. 381–382.

³ Ibid. P. 383–384.

Пророка, ‘Убайдаллах ибн ал-‘Аббас, предложил собравшимся присягнуть ал-Хасану, с чем все согласились, совершив обряд рукобития (*бай’а*)¹.

Первой акцией ал-Хасана стало наказание убийцы отца. Имеются сведения, что Ибн Мулджам был зарублен лично ал-Хасаном, исполнившим волю покойного – после его смерти казнить убийцу ударом за удар, но не уродовать. Другой покушавшийся, Шабиб ибн Баджра, каким-то чудом избежал расправы и бежал в Дамаск.

В Аравии, Ираке и иранских провинциях Халифата известие о присяге ал-Хасану было воспринято как закономерный ход событий. У большинства мусульман личность старшего сына ‘Али не вызывала негативных ассоциаций. Омейяды не могли обвинить его в причастности к смерти халифа ‘Усмана (656), так как все видели ал-Хасана среди защитников его дома. Хариджиты, негативно относившиеся к наследственной передаче власти, все же не могли предъявить претензий ал-Хасану за кровопролитие в ан-Нахраване². Что касается шиитов, то они в основной своей массе считали, что главой мусульман, и духовным (*имам*), и политическим (*амир*, султан), должен быть только представитель Алидов из числа прямых потомков ‘Али и Фатимы бинт Мухаммад, дочери Пророка.

Все складывалось для ал-Хасана самым благоприятным образом, и, скорее всего, он оставался бы халифом до конца своих дней, если бы не имел грозного соперника в лице сирийского наместника Му‘авийи ибн Аби Суфьяна, не желавшего расставаться с властью. Поначалу ал-Хасан попытался склонить Му‘авийу присягнуть себе, ссылаясь на особые права на халифат, имеющиеся у членов семьи Пророка. Сирийский наместник отверг доводы ал-Хасана и сам предложил ему отказаться от халифата, обещав сделать его своим преемником. Этот вариант не устроил уже ал-Хасана, и стороны стали готовиться к более решительным действиям.

В мае 661 г. армии Му‘авийи (из Дамаска) и ал-Хасана (из Куфы) двинулись навстречу друг другу. Трудно предположить, чем закончилось бы неприкрытое вооруженное столкновение между ними, но его предотвратили события в местечке Сабат, к югу от ал-Мада’ина (Ктесифона), где главные силы шиитского имама остановились для кратковременного отдыха. По сообщениям источников, здесь ал-Хасан убедился, что большинство его воинов не склонно ввязываться в новую братоубийственную войну, и он решил прервать кампанию. Такой исход дела вызвал возмущение среди хариджитов, находившихся в войске ал-Хасана. Они набросились на своего предводителя, сорвали с него верхнюю одежду, и только пришедшим на помощь внуку Пророка приближенным удалось предотвратить казавшуюся неизбежной расправу. Когда разгоревшиеся страсти пошли на убыль, к ал-Хасану подошел ветеран завоевательных походов ал-Джар-

¹ Большаков, 1998. С. 90.

² Там же. С. 91.

рах ибн Синан ал-Асади и неожиданным ударом кинжала распорол ему бедро. В ответ тот ударили ал-Джарраха мечом, и оба упали. Подоспевшие сторонники ал-Хасана добили покушавшегося, а потерявшего сознание второго шиитского имама отвезли в ал-Мада’ин¹. «Затем он отправился в Медину, страдая от своего ранения, подавляя свой гнев и глотая слону (от жажды), на горе и печаль приверженцев его призыва...»²

После этих событий ал-Хасану стало ясно, что его шансы в борьбе за власть не имеют благоприятных перспектив, и он поручил двоюродному племяннику Пророка ‘Абдаллаху ибн Науфалу ибн ал-Харису ибн ‘Абд ал-Мутталибу сообщить сирийскому наместнику о своем отречении от халифата при соблюдении ряда условий. Мусульманские авторы сообщают о подписании 25 июля 661 г. договора, который включал следующие пункты:

- Му‘авия будет следовать Книге Аллаха и обычаям Его Пророка;
- Му‘авия не назначает преемника, а передает решение о нем совету мусульман;
- всем людям повсюду гарантируется неприкосновенность;
- неприкосновенность гарантирована всем сторонникам ‘Али и его приверженцам (*ии‘а*), им самим, их имуществу, женам и детям;
- ал-Хасану, его брату ал-Хусайну и всей семье Пророка не будет причиняться вреда ни явно, ни тайно, где бы они ни были.

Наряду с этим практически все первоисточники сообщают и о финансовых условиях, выдвинутых ал-Хасаном. В результате, по этим данным, он получил в распоряжение постоянный ежегодный поземельный налог (*харадж*) с округа Дарабджерд, примерно равный 5 млн дирхемов³.

29 июля 661 г. дамасский халиф прибыл в Куфу. Здесь в соборной мечети он принял присягу верности от родовитых мусульман и жителей города. Категорически отказались совершить обряд рукобития немногие и среди них – младший брат ал-Хасана, ал-Хусайн ибн ‘Али. С двоевластием в стране было покончено. Вскоре, подавив сопротивление недовольных, Му‘авия ибн Аби Суфьян (Му‘авия I) стал полноправным главой государства, известного как Омейядский халифат.

Согласно достигнутым договоренностям, Алиды обязались не претендовать на власть, пока жив Му‘авия, тем более что после его смерти халифат, как считалось, должен был перейти в руки ал-Хасана. Казалось, само время работало против дамасского халифа: он был старше ал-Хасана примерно на четверть века, и тому оставалось только ждать. Однако надеждам Алидов не удалось сбыться, так как через восемь лет, в первых числах марта 669 г., ал-Хасан неожиданно почувствовал себя плохо и через полтора месяца скончался. Сведения о времени его кончины в ис-

¹ Большаков, 1998. С. 97–98; Наубахти. С. 129.

² Наубахти. С. 129.

³ Большаков, 1998. С. 101–102.

точниках несколько различаются. Разные авторы указывают на сроки в пределах от 669 до 671 г. Подробно проанализировавший труды мусульманских историографов О.Г. Большаков пришел к выводу, что из всех встречающихся дат наиболее достоверной является 13 апреля 669 г.¹

Смерть старшего внука Пророка, по мнению сторонников ал-Хасана и шиитов последующих поколений, «была настолько своеевременна и выгодна Му‘авийи», что у всех противников прихода к власти Омейядов не было и тени сомнения в том, что ал-Хасан был лишен жизни по наущению халифа. Ведь действительно, после смерти ал-Хасана уже ничто не мешало дамасскому правителю воплотить в жизнь идею передачи власти по наследству своему сыну Йазиду.

Непосредственной исполнительницей коварного замысла была объявлена одна из жен ал-Хасана, Джа‘да бинт Аш‘ас ибн Кайс. За содеянное, как гласила молва, Му‘авийя якобы обещал ей 100 тыс. дирхемов и замужество с Йазидом. Деньги, говорят, были выплачены, но в браке было отказано².

История с отравлением ал-Хасана вызывает вопросы. Действительно, почему насильственная смерть ал-Хасана должна была быть выгодной Му‘авийе? Что он получал взамен? Только одни неприятности! Было очевидно, что имамат шиитов после ал-Хасана перейдет в руки радикально настроенного против Омейядов ал-Хусайна, в то время как лояльное отношение его старшего брата к дамасскому правителю удерживало многочисленных сторонников ‘Али в Куфе от любых проявлений враждебности. И Му‘авийя это прекрасно понимал. Как писал в *Китаб ал-ахбар ат-тивал* («Книге долгих известий») филолог и историк Абу Ханифа Ахмад ибн Дауд ад-Динавари (? – 894/95 или до 902/03), «ни ал-Хасан, ни ал-Хусайн не видели от Му‘авийи, пока он был жив, ничего дурного по отношению к себе или неприятного; и он не лишал их ничего из того, что было обусловлено относительно их обоих, и не переменял своего благорасположения к ним»³. Му‘авийя знал, что убийство ал-Хасана, вне зависимости от того, причастен он будет к нему или нет, только усилит оппозиционное движение, лидеры которого не преминут напомнить, что халиф является сыном Абу Суфьяна, долгое время остававшегося самым непримиримым врагом Пророка.

Откуда появилась весть об отравлении? По считающейся достоверной у шиитов версии рассказа о последних днях жизни ал-Хасана, имам сообщил ал-Хусайну о том, что он был отравлен, не высказав при этом подозрений относительно конкретной личности отправителя. Этот *хадис* восходит к четвертому шиитскому имаму ‘Али ал-Асгару ибн ал-Хусайну (658/59–713/14) и передается его внуком – шестым шиитским имамом

¹ Большаков, 1998. С. 319–320.

² Там же. С. 145.

³ Цит. по: Там же. С. 144.

Джа‘фаром ибн Мухаммадом ас-Садиком (702–765). В нем говорится: «Пришел ал-Хусайн к моему дяде ал-Хасану ибн ‘Али, когда тот выпил яд, а тот встал и вышел по человеческой необходимости, потом вернулся и сказал: “Пил я яд несколько раз, но не пил такого, как этот, – изверг я часть своей печени, я обнаружил ее палкой, которая была в моей руке”. И спросил его ал-Хусайн: “Брат мой, кто напоил тебя (ядом)?” Он ответил: “Что ты хочешь (сказать) этим? Если это тот, на кого я думаю, то расчет принадлежит Аллаху. А если кто-то другой, то я не хочу отвечать за невиновного”. И прошло после этого только три дня, и он умер»¹.

Одним из первых этот рассказ обнародовал арабский историограф Абу-л-Хасан ал-Мада’ини, у которого его заимствовали другие авторы: ал-Мас‘уди, Абу-л-Фарадж ал-Исфахани, ал-Куфи. Характерно, что эти текстуально совпадающие сообщения разных авторов не находят подтверждения у других историков, их современников. Ни о каком отравлении не упоминал Абу Ханифа ад-Динавари: «...Затем ал-Хасан занемог в Медине, и (болезнь) усилилась»². Не писал об этом в *Фирак аши-ши‘а* («Шиитские секты») ан-Наубахти: ал-Хасан «скончался в конце *сафара* сорок седьмого года в возрасте сорока пяти лет и шести месяцев»³.

Комментируя сказанное, О.Г. Большаков отмечал: «...Во многих ситуациях, когда Алиды или шииты выдвигали различные обвинения Му‘авийи, никогда не встречается обвинение в отравлении ал-Хасана... Сообщается также, что шиитские вожди Куфы, узнав о кончине ал-Хасана, написали ал-Хусайну, что признают его преемником... Здесь-то уж ал-Хусайн мог как-то выразить свое мнение по поводу причины смерти брата, вместо этого он посоветовал воздерживаться от выступлений и не давать повода для подозрений, пока жив Му‘авийя, т.е. по-прежнему считал себя связанным договором с ним... Никто из мединской верхушки, отвергая возможность передачи халифата сыну Му‘авийи, никогда не предъявлял ему обвинение в отравлении ал-Хасана»⁴.

Это действительно так: в приведенном выше *хадисе* ‘Али ал-Асгара имя Му‘авийи не упоминается, но в остальном разговор между двумя братьями, если он правдив, выглядит странно: «Пил я яд несколько раз, но не пил такого, как этот», – говорит, в частности, ал-Хасан ал-Хусайну. Как это понимать? С одной стороны, сказанное можно рассматривать как признание того, что ал-Хасана неоднократно уже пытались отравить, и он знал об этом! Тогда почему он не предпринял никаких мер, чтобы обезопасить свою жизнь? Откуда этот фатализм («расчет принадлежит Аллаху») у полного сил и в расцвете лет человека, намеревавшегося стать ха-

¹ Цит. по: Большаков, 1998. С. 145.

² Цит. по: Там же. С. 320.

³ Наубахти. С. 129–130.

⁴ Большаков, 1998. С. 146.

лифом? С другой стороны, слова ал-Хасана можно понимать и так, что он, остерегаясь отравления, постоянно принимал антидот в виде малых порций яда. Однако предполагаемый (или неведомый) отравитель, узнав об этом, использовал иное зелье, и противоядие не помогло, так как ал-Хасан «не пил такого».

Здесь несколько слов нужно сказать в защиту Джакиб бин ал-Аш'ас, жены ал-Хасана, объявленной повинной в смерти мужа. Все настолько были уверены в ее вине, что еще несколько поколений спустя за ее постомками сохранялось прозвище «детей отравительницы» ал-Хасана. Это обвинение, вошедшее позже в труды практических шиитских авторов, не подкрепляется весомыми доказательствами. Прежде всего, вызывает сомнение подлинность уже упомянутого соглашения между Му'авийей и Джакибом о выплате ей за содеянное 100 тыс. дирхемов и обещание выдать замуж за Йазида. Такого рода сговоры вершатся тайно, и их условия оговариваются устно, а не выставляются на всеобщее обозрение, давая всем понять, кто конкретно виновен в смерти внука Пророка. Если допустить, что такой тайный сговор был, то непонятно, чем его условия могли прельстить Джакибу.

Она была обеспеченной дочерью ал-Аш'аса ибн Кайса, вождя влиятельного племени *бану* Кинда, который при халифе 'Усмане был наместником Азербайджана, а позже – соратником халифа 'Али, командовавшим, в частности, левым флангом его войска в битве при Сиффине (657)¹. Она стала женой одного из самых богатых и почитаемых потомков Пророка, в руки которого в обозримом будущем должен был перейти халифат. Зачем ей было нужно менять свое положение, выйдя замуж за Йазида, на то время 23-летнего легкомысленного повесу с неясными карьерными перспективами? И последнее, что приходит на ум: не могла ли толкнуть Джакибу на преступление банальная ревность? Положительный ответ и на этот вопрос сомнителен. Специфические условия жизни гарема, при которой «адюльтер» является нормой, особо не располагал его обитательниц к проявлению такого рода чувств. Если что-то подобное и случалось, то в качестве объекта ненависти ревнивицы, скорее, выступал не супруг (хозяин), а счастливая соперница. В пользу невиновности Джакиба говорит и тот факт, что после смерти ал-Хасана она не подвергалась ostrakizmu со стороны шиитов, беспрепятственно вышла замуж за знатного курайшита Йакуба ибн Талху ибн 'Убайдаллаха и имела от него потомство (в браке с ал-Хасаном детей у нее не было)². Характерно, что клеймо «детей отравительницы» получили уже потомки Джакиба, и, со всей очевидностью, произошло это тогда, когда появилась легенда об отравлении.

¹ Большаков, 1998. С. 56.

² Madelung. P. 381.

А. Ламменс полагал, что ал-Хасан умер во время эпидемии чумы. Однако симптомы болезни имама свидетельствуют о том, что он скончался «от какого-то внутреннего кровоизлияния (например, от прободения язвы желудка или двенадцатиперстной кишки)»¹.

Перед смертью ал-Хасан высказал пожелание, чтобы его погребли рядом с могилой Пророка. Но когда похоронная процессия приблизилась к дому ‘А’иши, на ее пути в окружении многочисленных родственников встал омейядский наместник Медины Марван ибн ал-Хакам. Вспыхнула словесная перепалка, грозившая перерасти в кровопролитную стычку. Испуганная ‘А’иша, поначалу не возражавшая против похорон ал-Хасана в ее доме, сказала: «Это мой дом, и я не позволю никого в нем хоронить». В итоге Мухаммаду Ибн ал-Ханафийа удалось уговорить своего разгоряченного единокровного брата ал-Хусайна, чтобы похороны состоялись на кладбище ал-Баки‘ рядом с могилой матери покойного².

Предположительная могила ал-Хасана

После смерти ал-Хасан в среде Алидов и их сторонников-шиитов стал почитаться как второй шиитский имам под лакабами ал-Муджтаба («Избранный»), ат-Таки («Благочестивый») и др.

¹ Большаков, 1998. С. 146.

² Там же. С. 145.

Ал-Хусайн ибн 'Али ибн Аби Талиб

Ал-Хусайн, второй сын 'Али и Фатимы, по мнению большей части историков и биографов, родился в Медине в месяце *шабан* 4 г.х., который начался 6 января 626 г.¹ По сообщению ат-Табари, Фатима забеременела ал-Хусайном через 50 дней после рождения ал-Хасана², другими словами, он появился на свет до того, как истек год после рождения его старшего брата.

Говорят, что 'Али хотел дать сыну имя Харб³, но Пророк предложил назвать мальчика ал-Хусайном. Таким образом, первые два сына 'Али и Фатимы носили фактически одно и то же имя, так как «ал-Хусайн» является уменьшительно-ласкательной формой от «ал-Хасан» (мы бы сказали – «Хасанчик») с теми же значениями: «Добрый», «Хороший».

Детские годы ал-Хусайна в источниках представлены в неразрывной связи с жизнью ал-Хасана и освещаются очень лаконично. Упор в большинстве случаев делается лишь на то, что оба мальчика росли, окруженные любовью и лаской со стороны родителей и Пророка⁴. «Ал-Хасан и ал-Хусайн – мои любимцы в этом мире» – так говорил Мухаммад о своих внуках, согласно рассказу, который передавался от Ибн ал-'Аббаса и Анаса ибн Малика и был помещен соответственно в сборники *хадисов ac-Saxih* ат-Тирмизи и *Сунан Абу Абд ар-Рахмана Ахмада ан-Наса'и* (830–915/916)⁵.

Во времена правления халифов 'Умара и 'Усмана повседневная жизнь ал-Хусайна была схожа с той, что вели его отец и старший брат, и была сосредоточена на делах семейных. Круг домочадцев ал-Хусайна по сравнению с семьями 'Али и ал-Хасана не был многочисленным. В литературе упоминаются следующие его жены и дети (хусайниды, сейиды).

Ар-Рабаб бинт Имри-л-Кайс ибн 'Ади ('Удай) из *бану Калб*, родившая ал-Хусайну сына 'Абдаллаха и дочь Сукайну.

Салафа (Джаханшах, Шахзанан) бинт Йаздиджирид ибн Шахрийар, Биби Шахранбу – полулегендарная дочь последнего шахиншаха Сасанид-

¹ Али-заде. С. 360; Дочери. С. 63; Ньюби. С. 308; Фатима. С. 87; EI, vol. III. P. 607; Tab., vol. VII. P. 161 (1453).

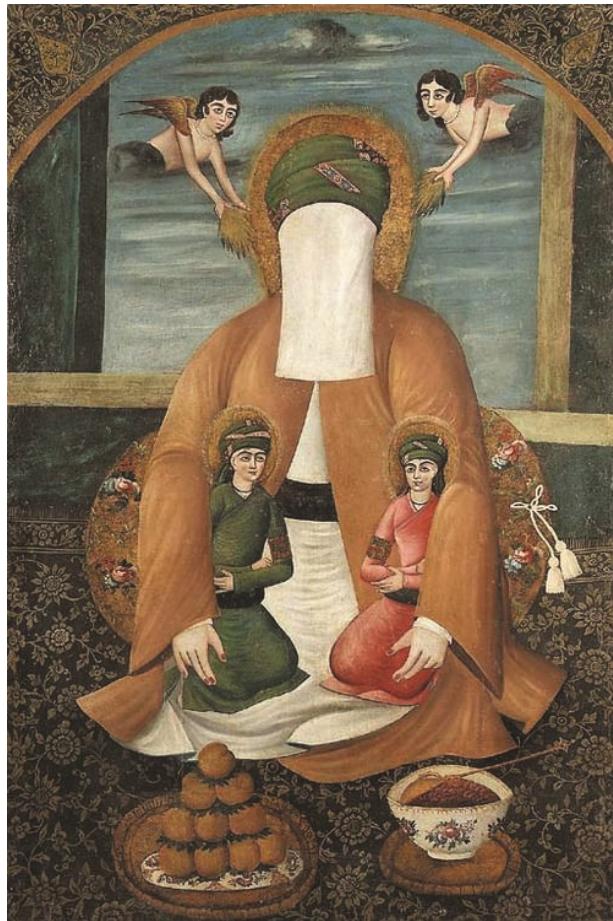
² Tab., vol. VII, I. P. 142 [1431].

³ Дочери. С. 63.

⁴ Подр. см.: Дочери. С. 70–76; EI, vol. III. P. 607.

⁵ Цит. по: Дочери. С. 72.

ского Ирана Йездигерда III (632/33–651/52). По распространенному шиитскому преданию, была захвачена в плен и доставлена в Медину. Считается матерью ‘Али ал-Асгара (‘Али-младшего).

Мухаммад с ал-Хасаном и ал-Хусайном

‘Атика бинт Зайд ибн ‘Амр ибн Нуфайл из курайшитского рода ‘Ади. До брака с ал-Хусайном была последовательно женой ‘Абдаллаха ибн Аби Бакра (сына первого праведного халифа), ‘Умара ибн ал-Хаттаба (своего двоюродного брата, второго праведного халифа) и аз-Зубайра ибн ал-‘Аввама.

Лайла бинт ‘Урва ибн Мас‘уд ибн Му‘таб, по отцовской линии – из *бану Сакиф*, по материнской – из курайшитского рода ‘Абд Шамс (дочь Амины (Маймуны) бинт Аби Суфьян). Родила ал-Хусайну сына ‘Али ал-Акбара (‘Али-старшего).

Умм Исхак бинт Талха ибн ‘Убайдаллах из курайшитского рода Тайм ибн Мурра родила ал-Хусайну дочь Фатиму. До брака с ним была женой его старшего брата ал-Хасана. Этот факт достаточно любопытен, так как Умм Исхак была дочерью видного сподвижника Пророка Талхи ибн ‘Убайдаллаха, который погиб в «верблюжьей битве», сражаясь против избранного халифом отца обоих братьев – ‘Али ибн Аби Талиба. После гибели ал-Хусайна Умм Исхак вышла замуж за ‘Абдаллаха ибн Мухаммада, более известного как Ибн Аби ‘Атик, которому родила дочь Амину.

Можно встретить упоминания о сыновьях ал-Хусайна, рожденных от наложниц, – *умм ал-валад*: ‘Али ал-Авсат (‘Али-средний), Джавар, Зайд, ал-Касим, ал-Хасан.

С приходом к власти халифа ‘Али (656) имя ал-Хусайна появляется среди активных участников первой гражданской войны. Он отнесен как сражавшийся в «верблюжьей битве» и битве при Сиффине. После смерти отца ал-Хусайн командовал одним из отрядов в составе войска ал-Хасана, выступившего против Му‘авии. Сообщается, что ал-Хусайн воевал и «выступал с пламенными речами», вдохновляя бойцов на ратные подвиги. Однако, как и ал-Хасан, лавров талантливого полководца он при этом не снискал, иначе это, несомненно, было бы отражено в шиитской агиографической литературе. Да и как он мог слыть отважным воином, если впервые использовал оружие по назначению только в 30-летнем возрасте! В качестве оправдания негероического поведения ал-Хусайна в боях в шиитских источниках «появились утверждения, что ‘Али не разрешал своим старшим сыновьям вступать в единоборства»¹, на которые в те годы часто распадались сражения в пешем или конном строю.

После подписания договора между ал-Хасаном и Му‘авийей, согласно которому Алиды обязались не претендовать на власть, пока жив дамасский халиф, ал-Хусайн вновь отошел от политических дел. Мало что изменилось в его жизни и после смерти ал-Хасана: несмотря на то что пункт соглашения о передаче власти старшему сыну ‘Али отпал сам собой, а ал-Хусайн видел себя преемником своего брата, юридически реализовать переход власти в руки представителя «дома Пророка» у него не было оснований. «Шииты, конечно, считали Хусайна законным имамом, преемником Хасана, – писал по этому поводу О.Г. Большаков, – хотя это совсем не означало, что того же мнения придерживается большинство мусульман»².

Предусмотрительный Му‘авийя I, тем не менее, не собирался оставлять вопрос о передаче власти на волю случая. Он решил закрепить право своего старшего сына Йазида на халифат, добившись предварительной присяги ему как наследнику.

¹ Большаков, 1998. С. 92.

² Там же. С. 155.

Это был принципиально новый политический акт со стороны Му‘авийи I, направленный на закрепление власти в Халифате за своими потомками. Заручившись поддержкой своего дамасского окружения и некоторых наместников, он решил для начала устроить смотрины Йазиду в священных городах Хиджаза, поставив сына во главе каравана паломников в период хаджжа 671 г. В начале лета 676 г. в ходе ‘умры халиф действовал более решительно. Однако ему пришлось использовать все свое дипломатическое искусство, чтобы склонить жителей Медины и Мекки к признанию сына наследником и нейтрализовать серьезных противников, не прибегая к репрессиям. Среди тех, кто отказался тогда присягнуть Йазиду, были сыновья праведных халифов – ‘Абд ар-Рахман ибн Аби Бакр, ‘Абдаллах ибн ‘Умар, ал-Хусайн ибн ‘Али, а также ‘Абдаллах ибн аз-Зубайр и вдова Пророка ‘А’иша. Нейтральную позицию занял ‘Абдаллах ибн ал-‘Аббас¹.

Вымученная присяга Йазиду была воспринята большинством мусульман без особого энтузиазма. Его образ жизни, пристрастие к развлечениям, охоте и пирушкам никак не увязывались в их сознании с образом «заместителя Посланника Аллаха». И тем не менее все шло к тому, чтобы во главе Омейядского халифата стал человек, впервые в истории ислама объявленный *вали ахд*, т.е. наследником власти при жизни повелителя правоверных. С этого момента все последующие халифы уже не избирались как ранее, а определялись или назначались на основании либо воли предшественника, либо принадлежности претендента к правящему роду или династии.

Тем временем срок правления Му‘авийи I постепенно приближался к концу. Годы брали свое, и халиф все чаще стал испытывать недомогание. Весной 680 г. правитель сильно занемог и ослаб настолько, что стал терять сознание и бредить. Кончина наступила 13 раджаба 60 г.х. (19 апреля 680 г.), когда халифу было не менее 75 лет (различные источники указывают возраст Му‘авийи в пределах от 73 до 86 лет). Через три дня Йазид принял присягу и вступил на трон.

Халиф Йазид I, правивший с апреля 680 г. до 31 октября 683 г., в своей политике мог смело рассчитывать лишь на могучую поддержку со стороны сирийцев, понимавших, что их собственное привилегированное положение среди остальных племен и народов государства неразрывно связано с владычеством Омейядов.

Прекрасно осознавая, что смерть отца снимает с ал-Хусайна взятое им обязательство не претендовать на власть, пока жив Му‘авийя, Йазид немедленно направил гонца в Медину к ее новому наместнику ал-Валиду ибн ‘Утбе ибн Аби Суфьяну с извещением о произошедших переменах и распоряжением во что бы то ни стало привести к присяге ал-Хусайна, ‘Абдаллаха

¹ Подр. см.: Большаков, 1998. С. 155–160.

ибн аз-Зубайра, ‘Абдаллаха ибн ‘Умара и ‘Абдаллаха ибн ал-‘Аббаса. Узнав от ал-Валида о событиях в Дамаске, Ибн ‘Умар и Ибн ал-‘Аббас присягнули новому халифу, а ал-Хусайн и Ибн аз-Зубайр отказались признать Йазида и приняли решение бежать. В первых числах мая 680 г. сначала Ибн аз-Зубайр с братом Дж‘а‘фаром, а потом ал-Хусайн со всеми ближайшими родственниками тайно покинули Медину и направились в Мекку¹.

Когда вести о смерти Mu‘авийи и отказе ал-Хусайна присягнуть Йазиду I достигли Куфы, глава местных шиитов, Сулайман ибн Сурад, собрал на совет всех шиитских вождей. Они решили возобновить борьбу за халифа из рода Пророка и обратились с посланием к ал-Хусайну, призываю его прибыть в Куфу и возглавить борьбу против халифа Йазида.

Дальнейший ход событий мы кратко изложим, опираясь главным образом на такие скрупулезные и объективные труды, как «История халифата» О.Г. Большакова и «Движение имама Хусайна и восстание Кербелы» Голамхосейна Заргаринежада².

Наместник Омейядов в Куфе Ну‘ман ибн Башир, узнав, что в городе начинают поговаривать об ал-Хусайне как законном халифе, выступил с проповедью о пагубности междоусобных войн. Тем временем в целях рекогносцировки и для подготовки восстания ал-Хусайн послал в Куфу своего двоюродного брата Муслима ибн ‘Акила (‘Укайла). Муслим прибыл в город примерно 19 июля 680 г., остановился в доме 60-летнего ал-Мухтара ибн Аби ‘Убайда и сумел втайне завербовать, по явно завышенным данным, от 12 до 80 тыс. сторонников, о чем было сообщено ал-Хусайну.

Однако халиф Йазид I смог упредить столь опасное для себя лично и для династии в целом развитие событий: он повелел наместнику Басры ‘Убайдаллаху ибн Зийаду подавить заговор в Куфе. На следующий день по прибытии ‘Убайдаллах сменил на посту наместника Ну‘мана ибн Башира и выступил перед горожанами с речью, насыщенной столь страшными угрозами в адрес заговорщиков и их сторонников, что ряды недовольных сразу поредели.

Муслим, боясь навлечь беду на хозяев, покинул дом ал-Мухтара и бежал в Хиру. Здесь он был выслежен, арестован и потом доставлен в Куфу. ‘Убайдаллах приказал распять Муслима на базарной площади (примерно 9–10 сентября 680 г.), а отрубленную голову отоспал халифу в Дамаск³. Ал-Мухтар ибн Аби Убайд смог избежать казни и был по приказу наместника брошен в темницу.

Полторы тысячи километров отделяли Куфу от Мекки, и требовалось по меньшей мере две недели, чтобы через гонцов сообщение о провале восстания могло достичь ал-Хусайна. Поэтому, получив благоприятные

¹ Большаков, 1998. С. 182–184.

² См.: Большаков, 1998. С. 182–205; Заргаринежад. С. 213–368.

³ Там же. С. 191; там же. С. 254.

известия от Муслима и будучи в неведении относительно его трагического конца, 9, 10 или 12 сентября 680 г. ал-Хусайн в сопровождении родственников и личных приверженцев (всего около 200–300 человек, среди которых было только 82 мужчины) покинул Мекку и двинулся в Ирак.

Примерно на середине пути до ал-Хусайна дошла весть о гибели Муслима, и с нею исчезла всякая надежда на успех всего предприятия. Будучи сыном халифа ‘Али и зрелым 55-летним шиитским имамом, ал-Хусайн не мог нарушить кодекс чести и пойти на трусливое отступление после того, как поднял сторонников на борьбу за восстановление справедливости, попранной врагами своего отца. Он решил довести до логического конца свой рискованный поход, либо заключив почетный для себя договор с дамасским властителем, либо погибнув в честном бою. Всех своих случайных спутников ал-Хусайн распустил, чтобы при неблагоприятном стечении обстоятельств не увеличивать числа невинных жертв. Рядом с ним остались лишь родственники и близкие друзья.

Ал-Хусайн добрался почти до самой Куфы, никем не потревоженный: специальному отряду в тысячу всадников, высланному ему навстречу, было приказано уклоняться от нападения и неотступно следовать за неприятелем. Этот маленький отряд раз за разом предпринимал ставшие уже бессмысленными попытки прорваться в Куфу, но всякий раз наталкивался на разъезды, посланные ‘Убайдаллахом ибн Зийадом.

Ал-Хусайну пришлось двинуться на север, где у селения Нинава (Найнава) недалеко от городка Кербела, что лежал в 80 км к северу от Куфы, его отряд был блокирован четырехтысячным войском ‘Умара ибн Са’да ибн Аби Ваккаса. Именно его, сына победителя битвы при Кадисии, ‘Убайдаллах направил, чтобы арестовать и доставить к себе внука Пророка. ‘Умара не привлекала отведенная ему позорная честь командовать при аресте, а возможно, и при убийстве ал-Хусайна, но он согласился, так как ‘Убайдаллах пригрозил отменить его назначение наместником Рея. По распоряжению ‘Убайдаллаха отряд ал-Хусайна был отрезан от всех водных источников.

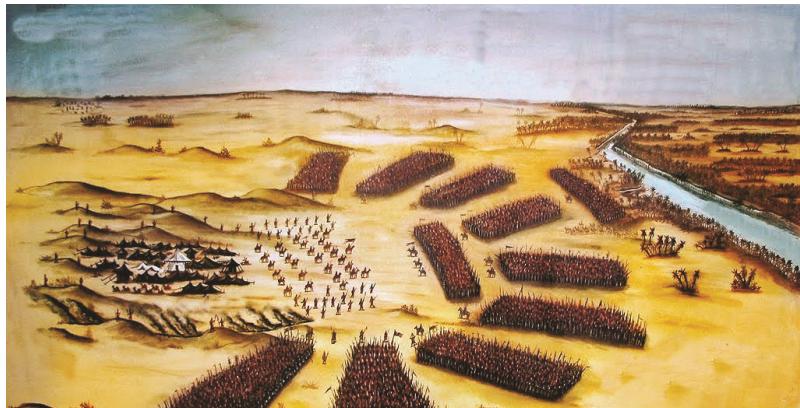
Несколько дней и ночей провели в личных переговорах ал-Хусайн и глава куфийского войска. Наконец внук Пророка согласился принять одно из трех выдвинутых перед ним условий:

- 1) вернуться в Мекку;
- 2) направиться со своими спутниками в Дамаск и принести присягу Йазиду;
- 3) принять участие в борьбе с «неверными» на одной из границ халифата.

К ‘Убайдаллаху в Куфу был направлен посыльный с известием о возможности мирного исхода конфликта. Но один из приближенных наместника, Шамир (Шимр) ибн Сумайя Зу-л-Джаушан – это имя до сих пор с омерзением произносят во всем мусульманском мире с обязатель-

ным добавлением «проклятый Аллахом», – сумел переубедить ‘Убайдалаха и заставить его отклонить договор, потребовав от ал-Хусайна безусловной сдачи в плен. Шамиру с отрядом пехотинцев было поручено присоединиться к войску ‘Умара ибн Са‘да и исполнить этот новый приказ, а в случае неповиновения противника напасть на него и доставить ал-Хусайна в Куфу живого или мертвого.

Как и следовало ожидать, шиитский имам отклонил требования о сдаче и в ночь на 10 октября 680 г. (10 мухаррама 61 г.х.) стал готовиться к своему последнему бою. Не было никаких сомнений в том, чем все это может закончиться. Должно было начаться одно из самых удивительных сражений в истории, когда 72 человека (40 пехотинцев и 32 всадника) были окружены со всех сторон и противостояли, по крайней мере, 4–5-тысячному войску.

Битва при Кербела. Реконструкция диспозиций

Этот день, *йаум ал-‘ашура*, настолько важен в истории шиизма, что привлек к себе внимание практически всех мусульманских историографов. По крупицам были собраны и классифицированы воспоминания всех участников и очевидцев этого противостояния (вряд ли можно назвать битвой «избиение» малочисленного противника). Вот лишь некоторые важные эпизоды того рокового для шиитов дня, которые уже более 1300 лет остаются в памяти последователей «партии ‘Али».

В первой половине дня, не ввязываясь в серьезные стычки, мимо отряда ал-Хусайна одна за другой проносились конница противника. Затем около 500 лучников ‘Умара своими стрелами выбили из боевых порядков ал-Хусайна всех верховых лошадей. Во второй половине дня куфийская конница получила возможность беспрепятственно хозяйничать в лагере неприятеля. В ходе мелких стычек и единоборств шиитский имам терял все больше своих людей.

Рассказы об убииении самого ал-Хусайна у мусульманских авторов разнятся в деталях, последовательности тех или иных событий и их участников. Суммируя, картину последних часов жизни внука Пророка можно представить следующим образом.

Вместе с горсткой оставшихся в живых соратников ал-Хусайн расположился у шатров своего лагеря, окруженного воинами Шамира. Предчувствуя возможную гибель, он переоделся, предварительно продырявив одежду, чтобы никто не соблазнился снять ее с убитого, оставил лежать с оголенным срамом, и, взяв на руки своего маленького сына ‘Абдаллаха, сел на землю. Выпущенной кем-то стрелой мальчик был пронзен в горло. В шатрах раздались горестные причитания женщин, а потрясенный ал-Хусайн попросил лишь принести ему воды. Когда он поднес чашу к лицу, в его рот влетела стрела, пущенная ал-Хусайном ибн Тамимом, начальником *шурты* («полиции») Куфы, а другая стрела ранила его в плечо.

Ал-Хусайн с сыном при Кербеле

Воинам Шамира было ясно, что ал-Хусайн не сдастся и его придется убить. Но лишить жизни израненного и беспомощного внука Пророка никто не решался, надеясь, что это сделает кто-то другой. Наконец Шамиру

надоело ждать, и он закричал: «Эй вы! Что вы смотрите на этого человека, чтоб вас потеряли матери, убейте его!» Тогда несколько человек бросились к ал-Хусайну. Один из них, Зур‘а ибн Шарик, замахнулся мечом, ал-Хусайн инстинктивно закрылся левой рукой, и меч отсек ему кисть. Одновременно другой воин, Синан ибн Анас, пронзил тело имама копьем. Подбежавший Хаулий ибн Йазид ал-Асбахи попытался было отрезать голову ал-Хусайна, но у него так дрожали руки, что он не смог. Тогда сам Синан отрезал ее (по другой версии, это сделал один из его братьев). По более поздним шиитским преданиям, ал-Хусайн пал, получив 33 колотых и 34 рубленых раны, а его тело было обезображенено всадниками Шамира, которые во главе со своим предводителем проскакали по трупу поверженного врага, превратив его в кровавое месиво.

Соратники имама сражались неистово и все полегли рядом с телом своего предводителя.

Бой при Кербела

После того, как со всеми взрослыми мужчинами было покончено, воинов Шамира уже ничто не могло остановить: раненые добивались, убитые обезглавливались, с тела ал-Хусайна была сорвана вся одежда, а в шатрах, где укрывались женщины и малолетние дети, начался грабеж. Тем самым было нарушено обещание, данное халифом Му‘авийей I, не причинять вреда потомкам ‘Али. Подоспевший ‘Умар ибн Са‘д остановил мародерство, потребовал вернуть личные вещи, но награбленное никто и не подумал возвращать.

На поле боя осталось лежать 72 убитых и обезглавленных соратника ал-Хусайна и 88 воинов войска ‘Умара. В числе ближайших родственников шиитского имама, павших под Кербелой, было, по меньшей мере, три или

четыре его сына, семь братьев, три сына ал-Хасана, четыре сына ‘Абдаллаха ибн Джакара ибн Аби Талиба, три сына Муслима ибн ‘Акила (‘Укайла) и четыре его брата¹.

Из всех Алидов мужского пола были пощажены, как несовершеннолетние, два сына ал-Хасана – ‘Умар и ал-Хасан, а также заболевший незадолго до этого трагического дня сын ал-Хусайна, ‘Али ал-Асгар (‘Али-младший).

Здесь следует заметить, что относительно причины, по которой ‘Али ал-Асгару была сохранена жизнь, среди ученых возникли разногласия. Одни из них полагали, что ставший позднее четвертым шиитским имамом Зайн ал-‘абидином ‘Али ал-Асгар был в то время еще ребенком в возрасте от четырех до семи лет. Другие считали, что он был несовершеннолетним, но «близок к возрасту созревания (13–14 лет)». Третьи указывали, что ему было около 23 лет². Вместе с тем, по распространенным данным, ‘Али ал-Асгар родился в 658/59 г.³ за 22 года до событий при Кербела, и к тому времени уже имел сына Мухаммада (676 или 677 – между 732 и 736)⁴, будущего пятого шиитского имама, известного по лакабу ал-Бакир «Вскрывающий (сущность знаний)».

Если последнее утверждение верно (а это, вероятно, так и есть), то шииты всех последующих поколений должны быть многим обязаны рядовому воину из отряда Шамира, имя которого сохранилось только в специальной литературе, – Хумайд ибн Муслим. Когда Шамир с куфийцами ворвался в шатер, где лежал тяжелобольной ‘Али ал-Асгар, и намеревался его убить, именно Хумайд предотвратил расправу, воскликнув: «Пречист Аллах! Нежели убивают даже женщин и больных?»⁵. К тому же, скорее всего, заболевший правнук Пророка находился в столь плачевном состоянии, что Шамир решил оставить его в покое, вручив исход дела в руки Господа.

12 октября войско ‘Умара ибн Са‘да возвратилось в Куфу, и голова ал-Хусайна была брошена к ногам наместника ‘Убайдаллаха⁶. Сюда же были доставлены пленницы, среди которых выделялась Зайнаб, дочь ‘Али и Фатимы, а также оставленные в живых дети. ‘Убайдаллах сразу же послал гонцов в Дамаск и Медину с известием о победе. Здесь же, в Куфе, во второй раз повисла на волоске жизнь ‘Али ал-Асгара. На него, еще не выздоровевшего, бросил взгляд ‘Убайдаллах ибн Зийад и спросил: «Кто это?» Получив ответ, он отдал приказ выяснить, достиг ли пленник половой зрелости. «Страж заглянул ему под изар и сказал “да”, и ‘Убайдаллах приказал казнить его». Здесь в события вмешалась Зайнаб бинт ‘Али (внучка Пророка) и предотвратила расправу.

¹ Большаков, 1998. С. 203; Др. перечни см.: Заргаринежад. С. 340–343.

² Подр. см.: Большаков, 1998. С. 334.

³ Али-заде. С. 29; EI, vol. XI. P. 481.

⁴ Али-заде. С. 254; Табатабаи. С. 236; EI, vol. VII. P. 397.

⁵ Заргаринежад. С. 349.

⁶ Большаков, 1998. С. 203; Заргаринежад. С. 352.

Какой была реакция халифа Йазида I на события в Кербела? В зависимости от религиозных или политических пристрастий мусульманских авторов, она описывалась по-разному. Одни отмечали, что он был сильно обескуражен: «Никогда, – не уставал повторять он, – я не желал смерти дорогого мне человека»¹. По свидетельству Ибн Са‘да в *Табакат*, халиф якобы сказал куфийцам, доставившим в Дамаск головы убитых и плененных женщин и детей: «Клянусь Аллахом, я был бы вами доволен и без того, чтобы вы убивали Хусайна. Если бы вы отправили ко мне Хусайна, я бы простил его. Да проклянет Аллах сына Марджаны ('Убайдаллаха ибн Зийада. – А. А.), который убил Хусайна!»². По другим данным, Йазид не был столь сентиментален: когда голову ал-Хусайна доставили в Дамаск, халиф положил ее перед собой, ударом палки выбил у нее передние зубы и сказал: «Не будь я потомком Хиндиф, если я не отомщу сыном Ахмада за то, что он сделал... Мы убили главу старейшин (Алидов) и посчитались с ними за Бадр, и (счет) выровнялся»³. Необходимое разъяснение: «потомком Хиндиф» Йазид называл себя потому, что Хиндиф бинт 'Имран ибн ал-Хаф ибн Куда'я являлась предком его матери, Майсун бинт Бадхал; под «сынами Ахмада» он подразумевал Алидов.

Когда пленных женщин и детей доставили в Дамаск, Йазид I не знал, как с ними обращаться. Поначалу он чуть было не отдал Фатиму, дочь 'Али, какому-то сирийцу без заключения брака (т.е. как рабыню), но, получив гневную отповедь от ее единокровной сестры Зайнаб бинт 'Али, отказался от этого намерения⁴. По не вполне достоверным более поздним рассказам, халиф даже разрешил женщинам открыто оплакивать погибших, а 'Али ал-Асгару и 'Умару ибн ал-Хасану дозволил присутствовать на дворцовых трапезах⁵. По мнению шиитских авторов, «все эти предания были попыткой династии Омейядов каким-либо образом очистить Йазида и весь свой род от позора той резни, которую они учинили в Кербеле»⁶.

В итоге все женщины и дети были отправлены в неприкосновенности в Медину, где оказались под негласным надзором со стороны омейядских властей.

При ознакомлении с обстоятельствами трагического похода ал-Хусайна неизбежно встает вопрос: как мог он, умудренный опытом главы рода Алидов, решиться на столь рискованное предприятие? Во имя высоких духовно-религиозных целей, отвечают шиитские авторы. Основной целью восстания ал-Хусайна было «повеление одобряемого и удержание от порицаемого (*амр би ал-ма‘руф ва нахй ‘ани ал-мункар*), восстановление прав,

¹ Цит. по: Мюллер. Т. II. С. 34.

² Цит. по: Заргаринежад. С. 361.

³ Цит. по: Бируни. С. 375.

⁴ Большаков, 1998. С. 204–205.

⁵ Там же. С. 205.

⁶ Заргаринежад. С. 361.

возрождение истины и уничтожение лжи»¹. Он предвидел свой трагический конец и в краткой речи перед началом похода сказал соратникам, «что, возможно, будет предан мученической гибели, и призвал мусульман оказать ему поддержку ради этой цели и пролить свою кровь на пути Господнем»². «Многие исследователи, – пишет современный иранский ученый Мохаммад Насири, – поднимали вопрос о том, что имам предвидел то, что произойдет в Кербела, и задавались таким вопросом: если имам знал, что в Ираке его ожидает мученическая смерть, то почему он направился туда, причем взяв с собой семью и детей? Побуждение к добру и отстранение от зла как одна из целей имама Хусайна, подвигнувших его на восстание против Йазида, не было частным делом и не имело политической подоплеки (стремления к власти). Имам был выше всего этого, его целью было спасение религии Посланника Аллаха от нововедений и искажений»³.

Эти рассуждения вызывают обоснованные возражения со стороны неангажированных исследователей. В частности, О.Г. Большаков отмечал: «Человек, намерившийся пожертвовать собой ради идеи, не взял бы с собой жен и детей (если, конечно, психически здоров), к тому же борьба за политическую власть была в то же время и религиозной идеей восстановления справедливости, попранной врагами ислама. Хусайн потому и взял с собой всю большую семью, что опасался сделать ее заложницей в руках Умайядов, когда он захватит Куфу и начнет открытую вооруженную борьбу против них»⁴. Ученый не прав: психическое состояние ал-Хусайна не внушало опасения. В своих действиях он руководствовался собственными представлениями о путях борьбы за идеалы ислама, включая и силовой метод. Имам направился в Куфу, чтобы одержать победу, а не сложить голову на плахе. Об этом можно судить по деталям, связанным с обстоятельствами похода. Концепт жертвенности и мученичества в шизизме появился позднее как следствие трагической гибели внука Пророка.

Все авторы подтверждают, что ал-Хусайн двинулся в поход не сразу, игнорирую поначалу коллективные просьбы об этом куфийцев. Лишь получив от Муслима обнадеживающие известия, он снарядил свой небольшой отряд и пустился в путь. Окружавшие его родственники-мужчины, а также примкнувшие по дороге ополченцы представляли собой вооруженных людей, взявшись сопровождать ал-Хусайна не в качестве телохранителей, а бойцов, готовых сражаться до победного конца.

О настроенности ал-Хусайна на бескомпромиссную борьбу говорит такой показательный эпизод: по пути в Ирак, в местечке Тан'им (10 км севернее Мекки), он приказал ограбить встретившийся караван, «который

¹ Заргаринежад. С. 368–369.

² Цит. по: Табатабаи. С. 233.

³ Насири. С. 218.

⁴ Большаков, 1998. С. 195.

вез халифу благовония и ткани»¹. Понятно, что это было сделано не для того, чтобы ублажить находившихся в отряде женщин. Имам осознавал, что весть о случившемся докатится и до Куфы, и до Дамаска, вызвав негодование его врагов, и лишний раз хотел показать, кто является хозяином в доме. К тому же из проведенной операции удалось извлечь еще один прок: часть караванщиков согласилась влиться в отряд.

Начальный этап трагического похода ал-Хусайна не вызывает вопросов, и все его помыслы объяснимы. Смущает только наивная вера имама в преданность куфийцев, которые ранее уже нарушали верность его отцу, халифу ‘Али, и старшему брату ал-Хасану. Этот печальный опыт не был им учтен. Проблемы возникают, начиная со второго этапа, когда от гонца было получено известие о казни Муслима, прибытии в Куфу ‘Убайдаллаха ибн Зийада и коренном изменении обстановки в городе не в пользу ал-Хусайна.

Как должен был поступить имам, получив эти бескураживающие известия? По здравому размышлению, он мог рассматривать лишь два варианта действий. Первый – прервать поход на ал-Куфу и вернуться в Мекку для продолжения дальнейшей (возможно, совместной с ‘Абдаллахом ибн аз-Зубайром) борьбы за «спасение религии Посланника Аллаха». Второй – продолжить поход на ал-Куфу с надеждой переломить ситуацию в пользу банду Хашим, уповая на свой авторитет и неприкованность в качестве внука Пророка. Небогатый выбор. Позже, перед боем при Кербеле, как мы помним, ал-Хусайну пришлось еще раз столкнуться с проблемой выбора предпочтительного решения, но альтернативы, предложенные ему, были намного жестче, включая переход на службу Омейядам.

Следует отдать должное проявленной имамом решимости стойко идти до конца. Однако вызывает сомнение его неистребимое желание влечь в «последний бой» всех своих домочадцев, создав тем самым реальную угрозу для жизни потомкам пророка Мухаммада, включая маленьких детей. Степень риска была столь велика, что разветвленное родовое древо прямых потомков Пророка могло лишиться всех своих ветвей. Не мог же ал-Хусайн предвидеть, что после Кербела жизнь будет сохранена считанным Алидам, которые, к счастью рода, оказались плодовиты.

После гибели ал-Хусайна род Абу Талиба возглавил Мухаммад ибн ал-Ханафийа, дядя убитого имама. Осенью 682 г. он посетил Дамаск, где был с почетом принят Йазидом I. «Халиф… выразил сожаление о трагической гибели Хусайна и заверил, что это произошло не по его вине»². Характерно, что Ибн ал-Ханафийа не стал опровергать слова Йазида…

Для всех шиитов «мщение за ал-Хусайна» стало основным лозунгом, принесшим династии Омейядов столько же вреда и забот, сколько поднятый во времена Му‘авийи I клич «мщение за ‘Усмана» послужил ей на

¹ Большаков, 1998. С. 193.

² Там же. С. 208.

пользу. Даже выпив воды, истый шиит обязан сказать: «Да проклянет Аллах Йазида!» В представлении шиитов, ал-Хусайн стал великомуучеником, первый месяц *мухаррам*, в котором произошла «трагедия Кербела», начал ежегодно отмечаться как месяц траура, поста и скорби, а день 10 *мухаррама* стал днем поминовения (*‘ашура*) павшего имама.

Характерно, что в религиозном культе суннитов мотив мученичества не получил развития, так как суннизм в дальнейшем стал в большинстве стран исламского мира официальным государственным или господствующим вероисповеданием. И, напротив, в гонимых и, как правило, тайных общинах шиитов различных толков идея величия мученичества, воплощенная в трагических судьбах членов и потомков семьи ‘Али, стала и до сих пор остается одной из руководящих.

После гибели ал-Хусайна гробница, сложенная сострадательными людьми в Кербела для его обезображенного тела, сделалась местом паломничества (*зийарат*) для всех, кто тайно жаждал свержения дамасских халифов: уже в 684 г. стали возноситься молитвы у могилы имама и мучеников. В Кербела также погребен и ал-‘Аббас ибн ‘Али, единокровный брат ал-Хусайна (сын ‘Али ибн Аби Талиба и Умм ал-Банин), погибший вместе с ним и также причисленный к святым шиитским имамам (Хазрат ‘Аббас).

Место погребения мучеников-шахидов ал-Хусайна и ал-‘Аббаса впоследствии преследовал злой рок. В 850 г. гробница ал-Хусайна по приказу аббасидского халифа ал-Мутаваккила была сровнена с землей, а это место перепахано и засеяно. В 1016 г. сгорел купол мавзолея, воздвигнутого над могилой в 979 г., а в 1801 г. вся Кербела была разграблена ваххабитами – сторонниками религиозно-политического движения в суннитском исламе, основоположником которого был Мухаммад ибн ‘Абд ал-Ваххаб (1703/04–1792).

В наши дни сотни тысяч паломников ежегодно стекаются к Ка‘бе шиитского мира, чтобы отдать почести внуку Пророка.

Машхад ал-Хусайн (Кербела)

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

После «трагедии при Кербела» Алидам, безрезультатно пролившим реки крови в борьбе за власть, все же представились две благоприятные возможности стать во главе Халифата.

В первый раз это произошло осенью 749 г., когда к борьбе против Омейядов, а в случае победы над ними – возглавить Халифат, призвал шестого шиитского имама Джавара ас-Садика (правнука ал-Хусайна ибн ‘Али) руководитель антиомейядского восстания Абу Муслим (ок. 727–755). Он направил имаму послание, в котором говорилось: «Я уже бросил клич и призвал народ к [отвержению] покровительства Омейядов и к [признанию] покровительства “семьи Пророка”. Если бы ты хотел этого, то большего тебе и желать нельзя». Однако ас-Садик ответил: «Ты не из моих людей, и сейчас не мое время»¹.

Трудно сказать, действительно ли ас-Садик не стремился к политической власти, или же он не желал разделять ее с Аббасидами – потомками ал-‘Аббаса ибн ‘Абд ал-Мутталиба, дяди Пророка, стоявшими за спиной Абу Муслима. Но дальше случилось то, что случилось: после разгрома армий и убийства последнего омейядского халифа Марвана II (744–750) во главе нового государства, Аббасидского (Багдадского) халифата (750–1258), оказались единокровные братья: Абу-л-‘Аббас ‘Абдаллах ас-Саффах, находившийся у власти с 750 по 754 г., и Абу Джавар ‘Абдаллах ал-Мансур, правивший с 754 по 775 г. Подходящее время, о котором писал ас-Садик, так и не наступило: по распространенному шиитскому, но исторически не подтвержденному преданию, он был умерщвлен в 765 г. по приказу ал-Мансура, приславшего имаму отравленные фрукты.

¹ Цит. по: Шахрастани. С. 137.

Вторая возможность возглавить Аббасидский халифат представилась в 817 г. внуку ас-Садика, восьмому шиитскому имаму ‘Али ар-Рида (перс. – ар-Риза). Очередной аббасидский халиф ал-Ма’мун, сын легендарного Харуна ар-Рашида, правивший с 813 по 833 г., вознамерился как-то осуществить благородное дело – примирить две враждовавшие ветви рода Хашим – Аббасидов и Алидов. И весной 817 г. в народ проникла по-разительная мольба о том, что повелитель правоверных выбрал в мужья своей дочери Умм Хабиб упомянутого имама ар-Рида. Еще более удивительным оказалось то, что, не будучи обделенным сыновьями и братьями, традиционно рассматривавшимися в качестве наследников престола, халиф объявил имама своим преемником на троне.

Новый проалидский курс ал-Ма’муна осудили и арабская знать, и иранская аристократия. Вскоре в Мерв, избранный халифом в качестве резиденции, пришли тревожные вести из Багдада: город восстал (июль 817 г.) и провозгласил своим повелителем Ибрахима ал-Мубарака, дядю ал-Ма’муна. Кстати, Ибрахим выглядел необычно для багдадского халифа, так как был смуглым, темнокожим, как его мать – негритянка. Халиф понял, что избрал неверный курс, однако обещанную свадьбу отменять не стал: вскоре она была торжественно отпразднована. Счастье молодоженов длилось недолго, поскольку в сентябре 818 г. перешагнувший 50-летний рубеж ар-Рида скоро-постижно скончался. Говорили, что причиной смерти стало то, что имам объемелся виноградом. По шиитской версии, он был отравлен по приказу ал-Ма’муна. Была ли смерть ар-Риды следствием перемен во взглядах халифа, отдавшего приказ покончить с зятем, или имам неосмотрительно переборщил с десертом, до сих пор остается тайной. Как гласит старая юридическая норма – *post hoc, non propter hoc* – «после этого не означает вследствие этого». Имам был с почестями похоронен, и его могила стала местом паломничества.

Мечеть ар-Рида в г. Мешхед (Иран)

И все же прямые потомки Пророка неоднократно приходили к власти и основывали мусульманские государства: Идрисидов в Марокко (788–983); Фатимидов в Египте, Сирии и Северной Африке (909–1171); Хаммудидов в Испании (XI в.); Рассидов в Йемене (897–1281). До настоящего времени правят династии Филалидов в Марокко; потомки шарифов-Хасанидов в Мекке... Годы их правления от прихода к власти до смерти также окружены преданиями и содержат много семантических тайн, ждущих своих исследователей. Но это уже будут другие истории.

Наличие темных мест в биографиях их далеких предков дало нам повод прикоснуться к обстановке, в которой происходило зарождение ислама. Обращение к этой деликатной теме дало, в свою очередь, возможность рассмотреть тайные пружины, вызвавшие появление многих коранических предписаний, которыми до настоящего времени руководствуются последователи религиозного учения Мухаммада.

ГЛОССАРИЙ

'Ам ал-фил («год слона») – год похода йеменского правителя Абрахи на Хиджаз. Считается годом рождения пророка Мухаммада;

ал-амин («достойный доверия», «надежный») – почетное именование Мухаммада в знак уважения за его честность и рассудительность;

айат («знамение», «чудо», ед.ч. *айа*) – наименьший выделенный отрывок, «стих» Корана (в русском языке употребляется в форме мн.ч.);

ал-асма' ал-хусна («прекрасные имена») – 99 эпитетов, которыми Коран призывает называть Аллаха;

ансары («помощники», ед.ч. *насир*) – сподвижники пророка Мухаммада из числа коренных жителей Йасриба (Медины), предоставившие приют мусульманам-переселенцам после их бегства из Мекки;

ата – денежное довольствие;

ахл ал-Китаб («люди Книги», «люди Писания») – христиане и иудеи Аравии;

бану («сыны») – потомки родоначальника племени или главы семейного клана в Аравии;

бейт ал-мал («дом имущества») – государственная казна;

вали («быть близким») – наместник, доверенное лицо;

вахабат нафсаха – коранический термин, означавший женщину, «отдавшую себя Пророку»;

вира – плата за кровь, компенсация, которую должен заплатить потерпевшей стороне виновник преступления, совершенного неумышленно;

вуду' (от «ал-вада» – «чистота», «благо») – малое омовение перед молитвой;

вукуп («стояние») – стояние на горе Арафат, один из ритуалов **хаджжа**;

дживар («покровительство») – покровительство, обеспечивающее неприкосновенность отверженному человеку;

джахилийа («невежество», «варварство») – эпоха язычества, состояние неверия в период аравийской истории до появления ислама;

диван (перс.) – высший орган исполнительной, судебной и законодательной власти в мусульманском государстве;

идда («несколько») – промежуток времени, в течение которого разведенная женщина, вдова или невольница, переходящая к другому мужчине, не имеет права вступать в половые отношения. Длится от четырех до 20 недель.

изар («покрывало») – часть одежды мусульманского паломника, которой опоясывают бедра;

исму 'аламин (или алам) – личное имя;

иснад («подтверждение») – цепь передатчиков **хадисов** о жизни и деяниях Мухаммада и его сподвижников;

'ифк – «дело о клевете» на 'А'ишу, жену пророка Мухаммада;

ихрам: 1) формальное принятие на себя всех ограничений, обязательных для выполнения таких священных ритуалов, как обязательная молитва, пост, паломничество; 2) особая ритуальная одежда мусульманских паломников, состоящая из двух кусков непрошитой материи;

йаум ал-'ашура («день ашуры») – день траура по шиитскому имаму ал-Хусайну ибн 'Али, внуку Пророка, погившему в этот день в бою при Кербеле (680);

камиб («писец») – секретарь, письмоводитель;

кунийа – составная часть арабского имени, почетное наречие отца (с начальным «Абу») или матери (с начальным «Умм») по имени первенца сына (реже – дочери);

курра' – здесь: первые мусульмане, знавшие коранические тексты наизусть;

лакаб («прозвище») – титул, звание, почетное именование;

мавали (ед. ч. маула) – новообращенные в ислам из числа жителей покоренных арабами стран;

манасик (ед. ч. мансак) – совокупность обрядов *хаджжа*;

масхаб («путь следования») – исламская религиозно-правовая школа, учение, доктрина;

махр («плата за невесту») – имущество, которое передает жених невесте при заключении брака и которое становится ее собственностью;

махмал (михмал) – паланкин, водруженный на верблюда;

машхад (перс. – *мешихед*) – употребляется в названиях городов, где похоронены мученики ислама;

мунафик («лицемер») – человек, который, не являясь верующим, внешне ведет себя как набожный мусульманин;

мунафиқун («лицемеры») – жители Медины, составившие тайную оппозицию пророку Мухаммаду и проводимой им политике;

мухаддис – хадисовед, собиратель и передатчик *хадисов*;

мухаджир (ж. – мухаджира): 1) сподвижник пророка Мухаммада, совершивший переселение (см.: *хиджра*) из Мекки в Йасриб (Медину) в 622 г.; 2) представитель первых мусульман, перебравшихся в Эфиопию в поиске убежища от гонений (615–616);

мухрим – «возложивший на себя ограничения» перед *хаджжем*, ‘умроj;

негус (от нгусэ нэгест – «царь царей») – титул правителей христианской Эфиопии;

никах – официальное бракосочетание;

ниси – запрещенные Кораном корректирующие вставки в мусульманский календарь;

наусан (др.-перс.) – мешки для хранения монет;

рида‘ – верхняя часть одежды мусульманского паломника, накидка;

ридда‘ («отступничество») – отход от ислама некоторых аравийских племен после смерти Мухаммада;

са’й – семикратное пробегание между холмами ас-Сафа и ал-Марва во время **хаджжа** или **‘умры**;

салат («молитва») – обязательная молитва, один из пяти столпов ислама;

салат ал-джаназа – погребальная молитва;

сатрап (др.-перс) – наместник провинции, пользовавшийся всей полнотой административной и судебной власти;

сунна («путь») – обычай, устоявшаяся практика;

сура («ряд», «кранг») – название каждой из 114 частей, на которые делится текст Корана;

таби‘ун («последователи») – поколение, следующее за сподвижниками Пророка;

таваф – обычай семикратно обходить Ка’бу. Один из ритуалов **хаджжа**;

тайаммум («стремление») – сухое омовение песком или землей;

тафсир («комментарий», «объяснение») – комментарии и толкование Корана;

укий – мера веса, равная 12 дирхемам;

улем/‘алим («ученый», мн.ч. ‘улама’) – признанный знаток исламского вероучения;

умма («народ») – мусульманская община;

умм ал-валаад («мать детей») – наложница, родившая ребенка от господина;

умм ал-му‘минин («мать правоверных») – каждая из жен пророка Мухаммада;

‘умра – «малое паломничество»; включает в себя начальные обряды **хаджжа**, в отличие от него не является обязательным для исполнения мусульманами и может совершаться в любое время года;

ал-‘умра ал-кадийя («предрассеченное паломничество») – паломничество, совершенное Мухаммадом в Мекку в 629 г.;

факих («знающий») – знаток мусульманского права, законовед;

ал-Фиджар, харб ал-Фиджар («мерзкая война») – пятилетняя межплеменная война в Аравии ок. 585–590 гг.;

фитна («расплыв», «доказательство») – здесь: смута, раздор, гражданская война;

хаджж – паломничество в Мекку в строго определенное время и совершение определенных ритуалов. Один из пяти столпов ислама;

хаджж ал-акбар («большое паломничество») – другое название прощального паломничества Мухаммада;

хаджж ал-вада‘ – прощальное паломничество Мухаммада (632);

хадис («известие», «сообщение») – рассказ о жизни и деяниях пророка Мухаммада и его сподвижников;

халал (ихлал) («свободное») – разрешенные вещи и деяния;

халиф («заместитель») – глава мусульманской общины, «заместитель» пророка Мухаммада после его смерти;

ханиф («исповедующий единобожие») – благочестивый человек, исповедавший единобожие и отвергавший идолопоклонство в доисламской Аравии;

харадж (от греческого xorngia «расходы», «средства») – поземельный налог;

харам («запретное») – категорически запрещенные деяния и вещи;

хáрам (удар. на перв. слоге) – священные территории, на которых действуют определенные запреты (например Мекка и Медина);

хиджра («вынужденное переселение», «эмиграция»): 1) переселение пророка Мухаммада из Мекки в Йасриб (Медину) в 622 г.; 2) **ал-хиджра ал-ула** – переселение первых мусульман из Мекки в Эфиопию (615) в поиске убежища от гонений со стороны многобожников; 3) **ал-хиджра ас-санийа** – второе переселение мусульман в Эфиопию (616);

хиджаб («преграда») – накидка, скрывающая лицо и фигуру мусульманки, а также любая завеса;

хумс («пятая часть») – отчисление от всевозможных видов добычи в размере пятой части для **уммы**;

шариф («достойный уважения»): 1) почетное именование всех прямых потомков ал-Хасана ибн ‘Али, внука пророка Мухаммада; 2) высшее должностное лицо, правитель, как правило, из числа потомков ал-Хасана ибн ‘Али.

ЛИТЕРАТУРА

- ‘Абд ар-Рахман. – *‘Abd ar-Rahman ibn ‘Abd al-Hakam*. Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса / Пер. с араб., предисл. и примеч. С.Б. Певзнера. – М.: Наука, 1985.
- Абу ‘Ильм. – *Абу ‘Ильм Тауфик*. Фатима-Захра дочь Пророка / Пер. с перс. Г. Таджievой. – М.: Исток, 2011.
- ‘А’иша. – (*Ал-Баша, ‘Abd ar-Rahman Rafat*). ‘А’иша, жена Пророка. – СПб.: ДИЛЯ, 2008. – Серия: «Выдающиеся личности Ислама».
- Акрам. – *Акрам А.И.* Рыцарь пустыни. Халид ибн ал-Валид. Крушение империй. Из истории военного искусства эпохи раннего Халифата / Пер. с англ. – СПб.: ДИЛЯ, 2009.
- Али-заде. – *Али-заде А.А.* Исламский энциклопедический словарь. – М.: Ансар, 2007.
- Аляутдинов. – *Аляутдинов Ш.* Путь к вере и совершенству / Под. ред. М. Заргишиева. 2-е изд. – М.: Muslim Media Press, Фонд «Мир образования», 2001. (Bibliotheca Islamica).
- Аскари. – *Аскари, Сайид Муртаза*. Коран и Сунна / Пер. с перс. Дж. Мирзоева. – М.: Центр исследований «Ахли бейт», 2015.
- Баша, 2008. – *Ал-Баша, ‘Abd ar-Rahman Rafat*. Истории о сподвижниках Пророка / Пер. с араб. – СПб.: ДИЛЯ, 2008.
- Баша, 2009. – (*Ал-Баша, ‘Abd ar-Rahman Rafat*). Сподвижники мои как звезды... Истории о сподвижниках Пророка / Пер. с араб. – СПб.: ДИЛЯ, 2009.
- Беляев. – *Беляев Е.А.* Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. – М.: Наука, 1965.
- Бёртон. – *Бёртон Дж.* Мусульманское предание: Введение в хадисоведение / Пер. с англ. – СПб.: ДИЛЯ, 2006.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Изд. Московской патриархии, 1979.
- Бируни. – *Бируни, Абурайхан*. Избранные произведения. – Т. I. Памятники минувших поколений / Пер. и прим. М.А. Салье. – Ташкент: Изд. АН Уз. ССР, 1957.
- Большаков, 1989. – *Большаков О.Г.* История халифата. – Т. I. Ислам в Аравии, 570–633 гг. – М.: Наука, 1989.

- Большаков, 1998. – *Большаков О.Г.* История Халифата. – Т. III. Между двух гражданских войн, 656–696 гг. – М.: Вост. лит., 1998.
- Большаков, 2000. – *Большаков О.Г.* История Халифата. – Т. II. Эпоха великих завоеваний, 633–656 гг. – М.: Наука, 2000.
- Бухари. – ас-Сахих аль-Бухари. Мухтасар: Полный вариант / Сост. имам Абу-ль-‘Аббас Ахмад бин ‘Абд аль-Латиф аз-Зубайди; пер. с араб., примеч. и указат. В.А. Нирша. – М.: Умма, 2003.
- Вагабов. – *Вагабов М.В.* Ислам, женщина, семья. – Махачкала: Дагестанское книжн. изд., 1994.
- Газали. – *Ал-Газали, Абу Хамид Мухаммад ат-Туси.* Кимиий-айи са‘адат («Эликсир счастья»). – Часть 2: Рукн 2: Обычай / Пер. с перс., вступит. статья, comment. и указат. А.А. Хисматулина. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. – («Памятники культуры Востока», XVII (2)).
- Газали М. – *Газали, Мехди.* Ангельское терпение / Пер. с перс. М. Эмами. – М.: Садра, 2015.
- Гафуров. – *Гафуров, Алим.* Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюроков: Словарь. – М.: Наука, 1987.
- Гудратов. – *Гудратов О.Г., Гудратов Н.О.* Мировые религии: Ислам / Пер. с азерб. – СПб.: ДИЛИЯ, 2008.
- Дози. – *Дози Р.* Насколько подлинно мусульманское предание // А.Е. Крымский. История мусульманства. – Изд. 3-е, перераб. и доп. в соотв. с замеч. автора. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2003. – С. 238–240.
- Дочери. – Дочери Пророка. – СПб.: ДИЛИЯ, 2010.
- Женщина. – Женщина в исламе / Ред.-сост. Гульнара Нуруллина. – М.: УММА, 2003.
- Заргаринежад. – *Заргаринежад, Голамхосейн.* Движение Имама Хусайна и восстание Кербелы / Пер. с перс. И.Р. Гибадуллина. М.: Садра, 2015.
- Значение. – Значение и смысл Корана. – М.: Сауримо, 2002. – Т. 1–4.
- Ибн Идрис. – *‘Абдаллах ‘Абд ал-‘Азиз б. Идрис.* Общество Медины в эпоху пророка Мухаммада / Пер. с араб. Г.З. Пумпян, С.Р. Усенивой. – М.: Садра, 2013.
- Ибн Касир. – Истории о пророках. От Адама до Мухаммада. Со слов Ибн Касира / Пер. с араб. – СПб.: ДИЛИЯ, 2007.
- Ибн Хаджар. – *Ибн Хаджар аль-‘Аскалани.* Булуг аль-марам. Достижение цели, в уяснении священных текстов, на которые опирается мусульманское право. – Кн. 4–6 / Пер. с араб. и comment. Э.Р. Кулиева. – М.: Умма, 2003.
- И.Х. – *Ибн Хишам.* Жизнеописание пророка Мухаммада, рассказанное со слов аль-Баккаи, со слов Ибн Исхака аль-Мутталиби (первая половина VIII века) / Пер. с араб. Н.А. Гайнуллина. – М.: УММА, 2002.
- Ибрагим. – *Ибрагим Т.К., Ефремова Н.В.* Путеводитель по Корану: Вера // Резван Е.А. Коран и его мир. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. – С. 485–535.
- Иностраницев. – *Иностраницев К.А.* Сасанидские этюды. – СПб., 1909.
- Ирвинг. – *Ирвинг В.* Жизнь Магомета / Пер. с англ. Л.П. Никифорова. – Изд. 4-е. – М.: Литфонд РСФСР, 1991. – Репринтное изд.
- Ислам. Энцикл. – Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991.

- Ислах. – *Ислах Абдель Салим Аль-Рифаи, Абдель Сабур Шахин*. Духовные матери мусульман. – Уфа: Исламский ин-т им. Марьям Султановой, 2001.
- Калби. – *Аль-Калби, Хишам ибн Мухаммед*. Книга об идолах (Китаб аль-аснам) / Пер. с араб., предисл. и примеч. В.В. Полосина // Памятники письменности Востока. – LXVIII. – М.: Наука, 1984.
- Карнаки, 2006. – *Ал-Карнаки, Ибн Мирзакарим*. Мусульманские имена: Словарь-справочник. – СПб.: ДИЛЯ, 2006.
- Карнаки, 2011. – *Ал-Карнаки, Ибн Мирзакарим*. Четыре праведных халифа. – СПб.: ДИЛЯ, 2011.
- Компани, 1997. – *Компани, Фазлуплах*. Имам Али / Пер. с фарси. – Изд. 1-е. – [Б.м.], 1997.
- Компани, 2011. – *Компани, Фазл Аллах*. ‘Али ибн Абу Талиб / Пер. с перс. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Исток, 2011.
- Коран, перевод Казимириского. – Коран Магомета, переведенный с арабского на французский переводчиком французского посольства в Персии Казимириским с примечаниями и жнеописанием Магомета / С французского перевёл Н. Николаев. – Третье изд. – М.: Изд. книгопродавца К. Шамова, 1876.
- Коран, перевод Крачковского. – Коран / Пер. и comment. И.Ю. Крачковского. – Изд. 2-е. – М.: Волокнор, 1990.
- Коран, перевод Кулиева. – Коран / Пер. смыслов Э.Р. Кулиева. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: УММА, 2003.
- Коран, перевод Османова. – Коран / Пер. с араб. и comment. М.-Н.О. Османова. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Ладомир, 1999.
- Коран, перевод Пороховой. – Коран / Пер. смыслов и comment. Валерии Пороховой; Гл. ред. д-р Мухаммад Саид Аль Рошд. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Дамаск; Москва: [Б.и.], 1996.
- Кривов. – *Кривов М.В.* Византия и арабы в раннем Средневековье. – СПб.: Алетейя, 2002.
- Крымский, 1903–1911. – *Крымский А.* История мусульманства. Самостоятельные очерки, обработки и дополнительные переводы из Дози и Гольдциэра. – Ч. I и II. – М., 1903–1911.
- Крымский, 2003а. – *Крымский А.Е.* История сонны // История мусульманства. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2003. – С. 221–237.
- Крымский, 2003б. – *Крымский А.Е.* Источники и пособия для изучения истории Мохаммеда // История мусульманства. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2003. – С. 144–163.
- Лундин. – *Лундин А.Г.* Южная Аравия в VI в. // Палестинский сборник. – В. 8 (71). – М.; Л., 1961. – С. 61–86.
- Mac‘уди. – *Ал-Мас‘уди, Абу-л-Хасан ‘Али ибн ал-Хусайн ибн ‘Али*. Золотые копи и россыпи самоцветов (История Аббасидской династии: 749–947 гг.) / Пер. с араб., предисл., примеч., comment. и указ. Д.В. Микульского. – М.: Наталис, 2002.
- Машанов. – *Машанов М.* Очерк быта арабов в эпоху Мухаммеда как введение к изучению ислама. – Ч. I. – Казань, 1885.

- Мец. – *Мец А.* Мусульманский Ренессанс / Пер. с нем., предисл., библиогр. и указ. Д.Е. Бертельса. – М.: В и М, 1996.
- Миршарифи. – *Сайид ‘Али Миришарифи.* Вестник милости / Пер. с перс., примеч. М. Махшулова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010.
- Можейко. – *Можейко И.В.* Тайны истории. Тайны Древнего мира; Тайны античного мира; Тайны Средневековья; Тайны Нового времени; Тайны Руси; Тайны морей и островов. – М.: АСТ: Астрель, 2011.
- Мубаракфури. – *Ал-Мубаракфури, Сафи ар-Рахман.* Мухаммад, да благословит его Аллах и приветствует / Пер. с араб. В.А. Нирша. – Изд. 2-е. – М.: Бадр, 2001.
- Мусави Лари. – *Сайид Муджтаба Мусави Лари.* Имамат. Верховная власть мусульманской общины. Лекции по мусульманской доктрина. Книга четвертая / Пер. с перс. Центра исламоведческих исследований «Иршад». – Баку: Иршад, 1996.
- Муслим. – *ас-Сахих Муслим* / Пер. с араб. С. Попова. – Казань: Академия познания, 2005.
- Мюллер. – *Мюллер А.* История ислама от основания до новейших времен / Пер. с нем. под ред. Н.А. Медникова. – Т. I–IV. – СПб., 1895.
- Навави. – *Ан-Навави* Сады праведных. Из слов Господина Посланников / Сост. Имам Мухий-ддин Абу Закария бин Шариф ан-Навави / Пер., примеч. и указ. Владимир (Абдулла) Михайлович Нирша. – М.: Бадр, 2001. – (Серия: «Основы ислама»).
- Насири. – *Насири, Мухаммад.* Аналитическая история раннего ислама / Пер. с фарси З. Джандосовой. – Тегеран: Культурное представство посольства ИРИ в РК (Алматы); Изд-во «Ал-Хода», 2011.
- Наср. – *Сейид Наср.* Мухаммед – Посланник Аллаха. – М.: Культурное представство при посольстве ИРИ в РФ, 2006.
- Наубахти. – *Ан-Наубахти, аль-Хасан ибн Муса.* Шиитские секты / Пер. с араб., иссл. и comment. С.М. Прозорова // Письменные памятники Востока. – Вып. XLIII. – М.: Наука, 1973.
- Нурмиев. – *Нурмиев И.* – Словарь исламских понятий и слов. – М.: Новый свет, 2012.
- Ньюби. – *Ньюби Г.Д.* Краткая энциклопедия ислама / Пер. с англ. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2007.
- Панова, – *Панова В.Ф., Вахтин Ю.Б.* Жизнь Мухаммеда. – М.: Политиздат, 1990.
- Пигуловская, 1958. – *Пигуловская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий Л.М.* История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века / Отв. ред. В.В. Струве. – Л.: Изд. ЛГУ, 1958.
- Пигуловская, 2000. – *Пигуловская Н.В.* Первоисточники истории кушито-химyarитских войн. (К истории торговли и дипломатии Византии на Востоке) // Пигуловская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – С. 340–360.
- Пиотровский. – *Пиотровский М.Б.* «Поход слона» на Мекку (Коран и историческая достоверность) // Ислам. Религия, общество, государство. – М.: Наука, 1984. – С. 28–35.
- Познание. – Познание шиизма / Пер. и сост. Айрата Баешева. – Изд. 2-е. – [Б.м.]: Культурно-просветительская организация «Нур», 2014.
- Прокопий. – *Прокопий Кесарийский.* Истории войн римлян с персами. – СПб., 1876.

- Путь. – Путь красноречия / Имам Али; пер. с араб., предисл. и коммент. Т. Черниенко; Фонд исследований исламской культуры. – М.: Вост. лит., 2007.
- Рыжов. – *Рыжов К.* Все монархи мира. Древний Восток: Энциклопедия. – М.: Вече, 2001.
- Смирнов. – *Смирнов Ф.А.* Зависимость мнимобожественных откровений Корана от обстоятельств жизни Мухаммеда // Православные богословы об исламе. – М.: Имперская традиция, 2006. – С. 247–458.
- Сүйүти, 1999. – *Ас-Сүйүти.* Причины ниспослания // Коран / Пер. с араб. и коммент. М.-Н.О. Османова. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Ладомир, 1999. – С. 799–909.
- Сүйүти, 2005. – *Ас Сүйүти, Джалал ад-Дин.* Совершенство в коранических науках. – Вып. 4: Учение о понимании смыслов Корана / Под общ. ред. Д.В. Фролова. – М.: Восток – Запад, 2005.
- Табатабаи. Коран. – *Табатабаи, Мухаммад Хусайн.* Коран в исламе / Пер. с перс., примеч. М. Махшулова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011.
- Табатабаи. Шиизм. – *Табатабаи, Мухаммед Хусейн.* Шиизм в исламе / Пер. с перс. Шафай Ф.А. – Кум (ИРИ): Всемирная ассамблея «Ахл-е бейт», [Б.г.].
- Тирмизи. – *Ат-Тирмизи, Абу 'Иса Мухаммад б. 'Иса.* Книга о благородных чертах Пророка Мухаммада, Посланника Аллаха. Аш-Шама'ил ал-Мухаммадийа / Пер. с араб. – СПб.: ДИЛЯ, 2007.
- Топбаш. – *Топбаш О.Н.* История пророков 4. Пророк Мухаммад Мустафа – 1 / Пер. с тур. А. Разоренова. – М.: Благотворительный фонд «Ихлас»; САД, 2006.
- Тусстари. – Тусстари, Мухаммад Таки. Решения и мудрость Али ибн Аби Талиба / Пер. с перс. М. Ибрагимовой. – М.: Исток, 2010.
- Уотт, 2006. – *Уотт У.М.* Мухаммад в Мекке / Пер. с англ. – СПб.: ДИЛЯ, 2006.
- Уотт, 2007. – *Уотт У.М.* Мухаммад в Медине / Пер. с англ. – СПб.: ДИЛЯ, 2007.
- Фатима. – Фатима, дочь Пророка. – СПб.: ДИЛЯ, 2010.
- Форвард. – *Форвард М.* Мухаммад: Краткая биография / Пер. с англ. А. Гарькавого. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. – (Грандиозный мир).
- Фролов, 1996. – *Фролов Д.В.* Два ранних текста о происхождении арабского письма // Восток-Oriens. 1996. № 4. – С. 108–119.
- Фролов, 2011. – *Фролов Д.В.* Комментарий к Корану. Тридцатый джуз'. – Т. I. Суры 78–87. – М.: Восточная книга, 2011.
- Хайламаз. – *Хайламаз Р.* Достопочтенная Хадиджа / Сокр. пер. с тур. Ф. Багирова. – 1-е изд. – М.: Новый свет, 2008. – Серия: «Жизнь сахабов».
- Хрестоматия. – Хрестоматия по истории Халифата / Сост. и пер. Л.И. Надирадзе. – М.: Изд. МГУ, 1968.
- Чистякова. – *Чистякова Т.А.* Арабский халифат. М.: Учпедгиз РСФСР, 1962.
- Шарафоддин. – *Имам Абдул-Хусейн Шарафоддин.* О руководстве имама Али. [Б.м.]: Всемирная ассоциация «Ахлебайт», 1998.
- Шариати – *Али Шариати.* Фатима – дочь Пророка («Фатима есть Фатима») / Пер. с перс. М. Ибрагимовой. – М.: Исток, 2010.
- Шарль. – *Шарль Р.* Мусульманское право / Пер. с фр. С.И. Волка. – М.: Изд. иностр. лит-ры, 1959.

- Шауки. – *Шауки, Абу Халил*. Атлас биографии Пророка. Земли, народы, вехи / Пер. с англ. – СПб.: ДИЛЯ, 2008.
- Шахрастани. – *Аш-Шахрастани, Абу-л-Фатх Мухаммед ибн Абд аль-Карим*. Книга о религиях и сектах. – Ч. I. Ислам / Пер. с араб., введ. и comment. С.М. Прозорова // Письменные памятники Востока. – Вып. LXXV. – М.: Наука, 1984.
- Эллерт. – *Эллерт Г. Мухаммед Пророк Аллаха* // Властители душ. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – С. 117–410. – Серия: «Исторические силуэты».
- Эриш. – *Эриши М. Жены Пророка. Матери всех правоверных* / Пер. с тур. Д. Кадырова. – 2-е изд. – М.: САД, 2009.
- Abbott. – *Abbott N. Aishah. The beloved of Mohammed*. – Chicago: The Univ. of Chicago Press. – 2-nd ed., 1944.
- Baladh. – (*Baladhuri*) *Kitab futuh al-buldan of al-Imam Abu-l-‘Abbas Ahmad ibn-Jabir al-Baladhuri* // By Philip Khuri Hitti. – Vol. I. – N.Y.: Colambia Univ., 1916. – (The origins of islamic state).
- EI. – *The Encyclopaedia of Islam: New edition*. – Vol. I–XII. – Leiden: Brill, 1986–2004.
- I.H. – (*Ibn Hisham*). *The life of Mohammad. A translation of Ishak's Sirat rasul Allah* with introd. and notes by A. Guillaume. – Oxford: Oxford Univ. press, 1955. – 17-th impression. – Karachi, Pakistan, 2004. – Mode of access: http://books.google/ about/The%20life%20of%20Muhammad.html?id=T1skAQAAIAAJ&redir_esc=y
- I.S. – *Ibn Saad*. Biographien Muhammeds, seiner Gefährten und der späteren Treger des Islams bis zum Jahre 230 der Flucht / Hrsg. von E. Sachau... – Bd. 1–9. – Leiden, 1904–1928.
- Lammens. – *Lammens H. Fatima et les filles de Mahomet: Notes critiques pour l'étude de la Sira*. – Rome, 1912. – (Scripta Pontificii Instituti Biblici).
- Lings. – *Lings M. Muhammad. His life based on the earliest sources*. – Mode of access: http://ia600503.us.archive.org/6/items/MartinLings-MuhammadHisLifeBasedOnEarliestSources/Lings_muhammad_lifeBased_on_earliest_sources.pdf
- Madelung. – *Madelung, Wilferd. The succession of Muhammad. A study of the early Caliphate*. – Cambridge: Cambridge Univ. press, 1997.
- Muir. – *Muir W. The Caliphate, its decline and fall*. – Edinburgh, 1924.
- Tab. – *The history of al-Tabari (Ta’rikh al-rusul wa’l-muluk)*: Annotated translation // Ed. Said Amir Arjomand. – Vol. IV – XXXVIII. – N.Y.: State Univ. of New York press. – Bibliotheca Persica // Ed. by Ehsan Yar-Shater. – Mode of access: http://books.google/about/Tar%C4%Abkh%20al%20rusul%20wa%20l%20muluk%20Abk.html?id=VA5Uke7lpHkC&redir_esc=y

Алиев Ариф Али-Гусейнович

Тайны семьи пророка Мухаммада

Монография

Оформление обложки И.А. Михеев, Е.В. Воробьевы

Компьютерная верстка Н.В. Афанасьева

Корректор М.П. Крыжановская

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953. П. 5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 27/XII – 2019 г. Формат 70x100/16

Бум. офсетная № 1. Печать офсетная

Усл. печ. л. 22,0 Уч.-изд. л. 13,75

Тираж 300 экз. (1 – 100 экз. – 1-й завод)

Заказ № 175

Институт научной информации

по общественным наукам РАН,

Нахимовский проспект, д. 51/21,

Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отдел маркетинга и распространения

информационных изданий

Тел. / Факс: (925) 517-36-91

E-mail: inion@bk.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН

ООО «Амирит»

410004, Саратовская обл., г. Саратов

ул. Чернышевского, д. 88, литера У